

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

БОГДАНОВА Елена Александровна

**ЛЕКСИКА СВАДЕБНОГО ОБРЯДА В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ:
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Г.Ф. Ковалев

Воронеж – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ СВАДЕБНОЙ ЛЕКСИКИ В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ	12
§1. Из истории изучения воронежских говоров	12
§2. Из истории изучения лексики русской свадьбы	20
§3. Этнолингвистический подход к изучению диалектной лексики	25
§4. Системная организация лексики говоров	30
§5. Тематико-идеографическая классификация свадебной лексики в воронежских говорах	40
ГЛАВА II. НАИМЕНОВАНИЯ ЭТАПОВ ПРОВЕДЕНИЯ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА	46
§1. Наименования заключения брака и проведения свадебного обряда	47
§2. Наименования досвадебных обрядовых действий	64
§3. Наименования ритуалов свадебного дня	102
§4. Наименования обрядов посвадебного периода	141
ГЛАВА III. НАИМЕНОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ СВАДЬБЫ	159
§1. Наименования лиц, вступающих в брак	161
§2. Наименования приближенных жениха и невесты	172
§3. Наименования сватов	185
§4. Наименования свадебных гостей	189
§5. Наименования чинов с частными обрядовыми функциями	193
ГЛАВА IV. НАИМЕНОВАНИЯ РИТУАЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ	202
§1. Наименования символических атрибутов невесты	203
§2. Наименования приданого невесты	209
§3. Наименования свадебных даров	217
§4. Наименования свадебной одежды и украшений	221
§5. Наименования обрядовой пищи	250
§6. Наименования прочих материальных атрибутов свадьбы	264
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	280
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	286
СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ	318

ВВЕДЕНИЕ

Изучение традиционной славянской культуры продолжается уже более полутора столетий. Как утверждал Ф.С. Капица, «до середины XIX века народную культуру считали чем-то низменным, грубым, нелепым, недостойным внимания образованных людей. Затем она становится объектом восторженного поклонения, и лишь с середины XIX века можно говорить о начале ее научного изучения» [Капица 2001: 193]. Все это время шла работа по сбору и изучению сохранившихся памятников прошлого, которая активно продолжается до сих пор. Особый интерес среди исследователей вызывает обрядовая сторона народной жизни как сфера, в которую максимально широко вовлечены и члены крестьянской общины, и предметы материальной культуры. Как верно отметил М.Я. Феноменов, «материальный быт этнографически можно рассматривать только параллельно с культом» [Цит. по: Капица 2001: 198]. Предметы и явления обыденной жизни, будучи вовлеченными в ритуальные действия, приобретают совершенно иной, символический, а зачастую и сакральный, смысл. Кроме того, обрядовые институты обладают высокой степенью консервативности, тем самым позволяя реконструировать исходные праформы культуры.

Развитие этнолингвистики как особой междисциплинарной науки, позволяющей проследить тесную взаимосвязь живого народного языка и традиционной культуры этноса, «языка и народного менталитета» [Толстой 1995: 27], обусловило обращение лингвистов к задаче реконструкции этнографических фактов, характера традиционной обрядности, с помощью исследования лексического слоя языка. Значительный вклад в изучение семейной обрядности внесли Д.М. Балашов, Т.А. Бернштам, П.С. Богословский, А.В. Гура, М. Забылин [1992; 2007], Д.К. Зеленин, Е.Г. Кагаров [1929], Ф.С. Капица, Ю.Г. Круглов [1999], А.А. Потебня, А.В. Терещенко [1999], Н.И. Толстой, К.В. Чистов и мн. др.

В нашем исследовании мы обратились к свадебному обряду, поскольку он охватывает практически все стороны жизни не только отдельного человека, но и нескольких родовых коллективов. Переход в другую половозрастную группу и приобретение нового социального статуса были возможны только через сакральный свадебный ритуал, в основе которого лежало общее мировоззренческое правило: рождение в новом статусе невозможно без уничтожения старого статуса [Ермакова 2005: 149]. Именно поэтому традиционный свадебный обряд характеризуется мощным терминологическим аппаратом, отражающим не только порядок и обязательные атрибуты проведения ритуала, но и в известной мере – систему ценностей народа.

Актуальность данной работы обусловлена отсутствием целостного системного описания лексики тематической группы «свадьба» в воронежских говорах (за исключением публикаций, посвященных говорам отдельных населенных пунктов), а также необходимостью сохранения обрядового терминологического аппарата как ценного материала для диалектологических, сравнительно-исторических и этнографических исследований. Кроме того, в силу специфики ритуала заключения брака понятийный аппарат свадебной обрядности имеет большое значение как средство сохранения и изучения ценностных и эстетических ориентиров диалектоносителей. Лексика свадебного обряда в говорах Воронежской области ранее не становилась объектом специального изучения, хотя в этнографическом и лингвокультурологическом аспектах свадебный обряд данного региона рассматривается в трудах В.Ф. Филатовой, посвященных обрядовой лексике говоров восточной части Воронежской области. Специфике проведения свадебного ритуала и его лексического обеспечения в отдельных населенных пунктах посвящены труды воронежских исследователей Н.И. Грибковой, О. Еньшиной, Е.В. Несветаева, Т.Ф. Пуховой, Г.Я. Сысоевой, Г.П. Христовой, а также раздел диссертационного сочинения Л.В. Недоступовой (см. список литературы). Кроме того, характеристика свадебной лексики отдельных

тематических групп (наименования обрядовой пищи и одежды) содержится в диссертационных сочинениях и отдельных публикациях воронежских ученых Т.В. Карасевой и М.В. Пановой (см. список литературы). Однако задача реконструкции целостного архетипического облика традиционной воронежской свадьбы остается актуальной.

Многие из элементов ритуала прошлого, потеряв магическое значение, дошли до наших дней в виде неких игр, традиционных действий, выполняемых участниками обряда привычно, без осмысления их происхождения и истинного значения. Д.К. Зеленин писал: «В истории обряда форма меняется, а функция при этом часто остаётся, хотя иногда и перетолковывается на новый лад» [Зеленин 1934: 4]. Поскольку язык – живая, динамичная система, отражающая процессы и явления внеязыковой реальности, значительные изменения происходят и в лексическом фонде обрядности. Забвение или переосмысление символического значения составных частей обряда приводит к тому, что соответствующие им лексические единицы исчезают из активного словарного запаса людей. Однако традиции сельской культуры куда более сильны, а язык – архаичен, чем в городской среде. Поэтому одним из основных источников сведений о традиционной народной культуре является живая речь диалектоносителей, отражающая, помимо прочего, локальную специфику проведения обряда. В задачу исследователей входит максимально возможное восстановление первоначального облика обряда, формирование четкого представления о наименованиях и функциях предметов, действий и лиц, принимающих участие в ритуале. В этой связи большую роль в их изучении играют областные словари, в которых обобщены данные региональных этнолингвистических исследований. За последние десятилетия в Центрально-Черноземном районе изданы «Словарь свадебной лексики Орловщины» (1998), «Звучащая хрестоматия. Южновеликорусские говоры Тамбовской области» (1999), четырехтомник «Материалы к хрестоматии курских говоров», каждая часть которого посвящена лексике отдельных тематических

групп (1996-1999), «Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура)» (2002). В Воронежской области ведется планомерная работа по изданию «Словаря воронежских говоров» (2004, 2007, 2019), а также создан «Словарь украинских говоров Воронежской области» (2008, 2012). Однако тематических диалектных словарей обрядовой лексики региона пока не существует, хотя накопленный обширный материал нуждается в систематизации и этнолингвистическом описании.

Целью исследования является комплексное описание лексики тематической группы «свадьба» воронежских говоров с учетом парадигматических и синтагматических отношений между лексемами и во взаимосвязи с другими подсистемами языка (литературным языком, обрядовой лексикой других диалектных систем). Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Создание многоступенчатой классификации лексики данной тематической группы в соответствии с системной организацией лексем и с учетом экстралингвистических факторов;
2. Всестороннее рассмотрение деривационного аспекта, выявление наиболее продуктивных принципов и способов номинации, характерных для обрядовой лексики исследуемого региона;
3. Сравнение собранного материала с лексикой аналогичных тематических групп других говоров, а также с подсистемой русского литературного языка для выявления общего и особенного в воронежском свадебном обряде и его терминологическом аппарате;
4. Выявление ареальных связей свадебной лексики Воронежской области с лексикой других регионов;
5. Выявление тенденций развития явлений материальной и духовной культуры Воронежского края, связанных со свадебным ритуалом, и соотнесенного с ними лексического аппарата говоров.

Объект исследования – лексика тематической группы «свадьба» в воронежских говорах. Мы намеренно исключили из круга рассматриваемых

материалов свадебный фольклор, поскольку, по точному замечанию А.В. Гуры, обрядовая терминология, в отличие от поэтических текстов, «коммуникативной функцией не обладает. Она не обусловлена конкретной обрядовой ситуацией и <...> имеет метаобрядовый статус, она лишь интерпретирует обряд, описывает его извне» [Гура 2011: 555]. Логика исследования предполагает всестороннее изучение словарного аппарата, описывающего воронежский свадебный ритуал в инвариантном виде, и только после этого становится возможным выяснение особенностей функционирования лексем в обрядовой поэзии, в т. ч. применительно к локальным ее разновидностям. При этом в число рассматриваемых лексем нами были включены не только собственно диалектные единицы, но и общерусские, поскольку вслед за Ф.П. Сороколетовым и Ф.П. Филиным мы полагаем, что при изучении диалектной лексики как системного образования «общенародные слова и диалектизмы должны вовлекаться в исследование на равных правах» [Сороколетов 1978: 84].

Предмет исследования – лексические значения единиц данной тематической группы и их системные отношения между собой и с единицами других подсистем языка, а также их необходимые взаимосвязи с экстралингвистическими явлениями.

В качестве **источников** материала по воронежским говорам использовались Картотека Словаря воронежских говоров (КСВГ), хранящаяся на кафедре славянской филологии Воронежского государственного университета и содержащая более 100 тыс. карточек, три вышедших тома «Словаря воронежских говоров» (СВГ), «Словарь украинских говоров Воронежской области» (СУГВО), собственные полевые записи автора, сделанные в 2007-2011 гг., а также данные этнографических исследований XIX – н. XX в. (см. список литературы). Кроме того, отдельные данные были получены из монографий, диссертационных исследований и других печатных источников, посвященных изучению лексики данного региона. Материалы для сравнения из других диалектных систем

извлекались путем сплошной выборки из общих диалектных словарей («Словарь русских народных говоров» (СРНГ), «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля) и тематических словарей свадебной лексики соответствующих регионов. Материалы по свадебной лексике в говорах украинского языка извлекались из «Словника весильної лексики українських східнословобожанських говірок» [Магрицька 2003]. Всего было проанализировано около 3 000 диалектных контекстов из порядка 200 русских и украинских сел Воронежской области, выявлены 732 лексемы и фразеологических словосочетания, относящиеся к тематической группе «свадьба». Основную массу информантов составляли жители населенных пунктов всех районов Воронежской области в возрасте от 40 до 90 лет, неграмотные, малограмотные, имеющие полное и неполное среднее, среднетехническое и в отдельных случаях – высшее образование. Сведения, получаемые от информантов различного возраста и уровня образования в пределах одного и того же населенного пункта, позволяют добиться высокой степени объективности при проведении этнолингвистического анализа.

Теоретической и методологической базой исследования стали труды Р.И. Аванесова, Л.И. Баранниковой, О.И. Блиновой, В.В. Виноградова, А.С. Герда, Н.П. Гринковой, А.В. Гуры, О.В. Загоровской, Д.К. Зеленина, Т.С. Коготковой, О.Д. Кузнецовой, Н.А. Лукьяновой, И.А. Оссовецкого, А.А. Потební, Ф.П. Сороколетова, Н.И. Толстого, О.Н. Трубачева, Ф.П. Филина и др.

Достоверность полученных сведений обеспечивается применением широкого круга **методов** исследования: метод полевых наблюдений, лексикографический анализ, комплексный анализ лексики, включающий элементы компонентного и этимологического анализа, сравнительно-сопоставительный, этнографический, метод ретроспективной реконструкции.

Научная новизна работы выражается в том, что впервые производится целостное системное описание лексики тематической группы «свадьба» воронежских говоров в этнолингвистическом аспекте. В научный оборот

вводится обширный комплекс лексических единиц, ранее не зафиксированный в специализированных диалектных словарях и других печатных источниках. Уточняется семантика целого класса лексем, выявляются классифицирующие мотивировочные признаки для данной тематической группы, лежащие в основе номинации слов с живой внутренней формой. Проведено сопоставление с другими подсистемами языка (с литературным языком, диалектной лексикой русскоязычных ареалов России и восточными говорами украинского языка). Необходимость подобного сравнения обусловлена особенностями демографического состояния, полиэтнической специфики и географического положения рассматриваемой территории.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно продолжает систематическую работу воронежских лингвистов по всестороннему изучению местных говоров как подсистемы языка. В научный оборот вводятся 64 лексические единицы, относящиеся к рассматриваемой тематической группе и ранее не отмеченные в научной литературе, проясняется и уточняется семантика и парадигматика ранее изученных лексических единиц.

Практическая значимость работы состоит в том, что на базе исследуемого материала будет создан словарь свадебной лексики русских говоров Воронежской области, данные исследования могут быть использованы в практике преподавания диалектологии в высшей школе, а также при изучении отдельных тем дисциплины «Русский язык» в средней школе, на занятиях по истории языка, этнографии и лингвокраеведению.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Тематическая группа «свадьба» в воронежских говорах является комплексным системно организованным образованием и представлена широким кругом лексем, отражающих самые различные аспекты обряда (семейно-родственный, социально-демографический, хозяйственно-бытовой, сакральный компоненты ритуала, его событийную сторону и переходный

характер) и приобретающих характер терминов. Лексико-семантические группы, входящие в состав данной тематической группы, находятся в отношениях пересечения и взаимопроникновения.

2. Количественные параметры репрезентантов и степень детализированности лексико-семантических групп обусловлены тесной взаимосвязью с экстралингвистическими факторами, в том числе с особенностями заселения рассматриваемого региона (в Воронежской области проживали выходцы из северных, центральных и южных губерний, бывшие носителями соответствующих говоров, а также представители инославянских (украинцы, поляки) и тюркоязычных народностей).

3. Лексика тематической группы «свадьба» отличается многообразием принципов и способов номинации. Наиболее продуктивным принципом номинации является функциональный, а способом – суффиксация. В связи с сакральным характером обряда активно используется такой специфический способ номинации, как метафоризация.

4. Воронежские говоры демонстрируют высокую словообразовательную активность при освоении лексических единиц, принадлежащих другим подсистемам языка (в частности, другим диалектам, а также литературному языку). В тематическую группу «свадьба» включается и заимствованная лексика из других языков (украинская, тюркская и др.).

5. Общность словоупотребления и принципов номинации органично вписывает воронежский свадебный обряд в архетип южнорусской свадьбы и шире – в восточнославянскую обрядовую парадигму.

6. Процессы, протекающие в словарном составе тематической группы «свадьба» воронежских говоров, находятся в тесной связи с изменениями, происходящими в структуре и облике традиционного свадебного ритуала исследуемого региона. Вытеснение одних реалий другими, редукция обязательных этапов и числа участников обряда, выход из употребления предметов материальной культуры приводят к переходу

значительной части свадебной диалектной лексики в пассивный словарный запас, забвению и, как следствие, постепенному вытеснению ее эквивалентными по значению единицами литературного языка. Утрата или изменение сакральных явлений и связанных с ними терминов является хронотопным показателем, что особенно ярко проявляется в лексике свадьбы как важного переходного обряда семейно-бытового цикла.

Апробация работы: основные положения диссертации обсуждались на ежегодных научных сессиях Воронежского государственного университета (2009-2016 гг.), на научных конференциях в Воронежском государственном университете (Воронеж, 2008, 2012, 2013), Воронежском государственном педагогическом университете (Воронеж, 2008), на IV Международном конгрессе исследователей русского языка (Москва, 2010), IX Конгрессе антропологов и этнографов России (Петрозаводск, 2011), межрегиональной конференции «Лингвистический, социальный, историко-культурный, дидактический контексты функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации» (Волгоград, 2013), международной конференции «Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы» (Казань, 2018). Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в 14 научных публикациях, в том числе 3 в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ СВАДЕБНОЙ ЛЕКСИКИ В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

§1. Из истории изучения воронежских говоров

Воронежская область представляет собой своеобразную в историко-этнографическом и лингвистическом отношении территорию. Она располагается на русско-украинском пограничье и отличается дисперсным расположением русских и украинских поселений, однако внутри данных этносов также наблюдается этнографическое разнообразие, вызванное тем, что «состав населения пополнялся переселенцами из разных мест» [Чижикова 1988: 6]. Многообразие локальных вариантов традиционно-бытовой культуры и народных говоров объясняется смешанным характером населения региона, сформировавшимся в ходе длительного процесса освоения южнорусских земель.

Славянские поселения на рассматриваемой территории отмечаются археологами и историками, начиная с середины I тыс. н. э. Поселения борщевской культуры на верхнем и среднем Дону существовали уже в VIII-X вв., однако их этническая принадлежность по-разному определяется исследователями. По различным данным, донские славяне могли принадлежать к племенам вятичей, северян или радимичей, однако А.Н. Москаленко пришла к выводу, что их культуру нельзя безоговорочно отождествить с культурой лишь одного из этих племенных союзов [Чижикова 1988: 15]. Этого же мнения придерживалась и Н.П. Гринкова, утверждавшая, что славяне Подонья тесно взаимодействовали «с северокавказскими племенами, с предками хазар и другими близкими к ним и примыкавшими с востока народами» [Гринкова 1947: 24]. Это подтверждает тот факт, что к югу от славянских поселений располагались

городища салто-маяцкой культуры, к носителям которой принадлежали аланы Северного Кавказа.

Приблизительно в конце X в. в связи с угрозой постоянных набегов кочевников эти районы были оставлены и на долгое время лишены оседлого населения; восточнославянские племена переместились на север, в более спокойные регионы Рязанского княжества, и разместились в бассейне Оки, а южные земли в XIII-XVI вв. в связи с татарскими набегами стали известны как «Дикое поле» [Гринкова 1947: 27]. Однако, по утверждению историка н. XIX в. М.И. Славинского, земли эти не были совершенно заброшены: «... Хотя и неизвестно, когда и кем Воронеж и страна его, татарами опустошенные, опять восстановлены, ибо, о городе Воронеже до 1567 года нигде не упоминается, можно, однакож, думать, что как тот, так и другая не всегда оставались пусты: от лютой варваров скрывшийся народ в непроходимых воронежских лесах, не видя более своих злодеев, возвращался на прежние места и мало-помалу старался поправлять разоренные свои жилища, особливо в странах, лежащих на северо-запад между реками Доном и Воронежем, которые от набегов татарских самою природою несколько были защищены» [Славинский 2014: 13]. Вплоть до н. XVI в. северная часть Воронежского края входила в состав Рязанского княжества, а христиане, проживавшие по течением Дона и Хопра, были подведомственны Рязанской епархии. Затем воронежские земли вошли в Московское государство. На южных окраинах региона была установлена регулярная сторожевая служба, в XVI в. велось активное строительство городов, в том числе был основан Воронеж (1586 г.), а к середине XVII века был воздвигнут мощный комплекс укреплений значительной протяженности, известный как Белгородская засечная черта [Загоровский 1969]. Всего было построено более 20 городов, в том числе Коротояк, Острогожск, Урыв, Ольшанск, Костенск, Орлов, Усмань. Некоторые из них сохранили статус города, но большинство впоследствии утратили оборонительное значение и превратились в селения, а

некоторые исчезли совсем [Загоровский 1969: 72-74, 175-189]. Эти процессы сделали возможным появление оседлого населения в Воронежском регионе и ускорили процесс вторичной колонизации данной местности. По сведениям Е.А. Болховитинова, вслед за строительством укрепленных пограничных городов «начали поселяться переведенцы также по разнымъ и внутреннимъ мѣстам Воронежской Губерніи» [Болховитинов 1800: 15]. Об этом сообщает и М.И. Славинский: «Места, находящиеся по правую сторону Дона, начали, кажется, населяться не прежде XVI столетия и еще более в конце оногo, когда для защиты от набегов крымских татар построен город и крепость Валуйки и, может быть, Бирюч <...>. Что же касается до селений и городов, лежащих на юг от реки Воронеж, большая часть оных обязана своим основанием XVII, а некоторые построены и в XVIII столетии» [Славинский 2014: 13].

Н.П. Гринкова, исследовавшая историю заселения и этнографическое своеобразие воронежских земель, вслед за Д.К. Зелениным [Зеленин 1913] считала вполне вероятным возвращение сюда из Рязани потомков первых поселенцев («степняков») наряду с новыми мигрантами, активно осваивавшими эти места [Гринкова 1947]. Среди переселенцев преобладали выходцы из сопредельных Воронежскому краю регионов (Курской, Орловской губерний), но были и те, кто переводился из более отдаленных сел и городов Тамбовской, Тульской, Черниговской губерний [Чижикова 1988: 20]. Переселение русских и малороссиян на свободные воронежские земли происходило зачастую в приказном порядке, в соответствии с императорскими указами. Так, при Петре I «на пустопорожные места по рекам Икорцу, Битюку и Айдару» была переведена часть жителей Воронежа, Ельца и Коротояка, а в 1696 г. по линии от Тамбова, Козлова и Коротояка до Донских станиц были расселены выходцы из украинских городов [Славинский 2014: 13-14]. Переселению украинцев-«черкасов» в данный регион способствовали правительственные льготы и привилегии, такие как

освобождение от податей, право беспошлинного винокурения и торговли [Вейнберг 1886: 29]. Помимо этого, некоторые воронежские села, например Новый Курлак, заселялись крестьянами из Польши, которых переселяли сюда после усмирения бунтов. Всего к концу XIX в. «в Воронежской губернии насчитывалось уже более 4000 поляков, в основном военных и ссыльных» [Kowalow 2017: 134-135].

Население Воронежского края было неоднородным не только в этническом, но и в сословном отношении. С началом вторичной колонизации сюда устремились беглые крестьяне и служилые люди, куда входили «дети боярские» и «приборные чины», набравшиеся на государеву службу из числа вольных людей низшего сословия. Низшие слои служилых людей получили название однодворцев, поскольку «занимали промежуточное положение между дворянами и крестьянами: они получали от государства земельные участки <...>, некоторые из них имели у себя одного или нескольких крепостных, но большинство совсем не имело крестьян и жило всего-навсего одним двором» [Цит. по: Чижикова 1988: 18]. Другую часть населения составляли помещичьи и государственные крестьяне, переселенные сюда из разных губерний, а также войсковые обыватели из казачьих полков, ликвидированных в связи с утратой регионом оборонительного значения. С 1724 г. низшие служилые люди были причислены к государственным крестьянам, однако в официальных документах и в среде самих жителей продолжали именоваться однодворцами. По сравнению с другими социальными группами в культуре и быте однодворцев сохранилось больше традиционных этнографических черт, восходящих к глубокой древности [Гринкова 1947: 34].

Особенности формирования населения Воронежского края и своеобразие его культурно-бытового уклада вызывали живой интерес многих исследователей, начиная с XIX в. Первым краеведческим трудом Черноземья считается работа ученого, общественного деятеля и просветителя

Е.А. Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из истории, архивских записок и сказаний» [Болховитинов 1800].

Другим значительным краеведческим трудом стала работа Н.И. Второва «О заселении Воронежской губернии» [Второв 1861], где наряду с собственно историческими и этнографическими сведениями касательно жилища, одежды и других особенностей быта местных жителей приводятся сведения о диалектах региона, в частности, выделены такие группы носителей говоров, как талагаи (щекуны) и цуканы. Это исследование положило начало комплексному изучению воронежских говоров. Помимо этого Н.И. Второву принадлежит этнографический альбом, содержащий изображения и сведения о народном костюме различных поселений Воронежской губернии (всего более 30).

Дальнейшее этнографическое изучение быта и культуры губернии нашло отражение в трудах П.В. Малыхина «Город Нижнедевицк и его уезд» (1861), Г.Г. Ткачева «Этнографические очерки Богучарского уезда» (1867), А.В. Селиванова «Этнографические очерки Воронежской губернии : Народные приметы и поверья» (1886). В 1892 г. А.И. Соболевский опубликовал «Очерки русской диалектологии», где отметил разнообразие говоров Воронежской губернии и связал его с особенностями заселения. Специализированное лингвистическое исследование русских и украинских говоров рассматриваемого региона было предпринято К. Филатовым; его результаты были опубликованы в 1898 г. в «Русском филологическом вестнике» под названием «Очерк народных говоров Воронежской губернии» [Филатов 1898] и стали ценным источником фактических материалов по диалектам южной и юго-восточной части области, а также записей фольклора.

В.И. Даль обратил внимание на воронежские говоры в обзоре «О наречиях русского языка», выделяя их в составе рязанского (южного, или

среднерусского) наречия. Были зафиксированы диалектные особенности фонетического (аканье, [ɣ] фрикативный, мягкое окончание глаголов в форме 3 л., ъ неслоговое на конце слова вместо л и др.) и морфологического (особенности склонения некоторых существительных, отсутствие среднего рода) порядка, однако каких-либо лексических диалектизмов ученый не отметил. В целом В.И. Даль обратил внимание на «сильное влияние малорусского наречия по всей губернии», которое закономерно связывал с особенностями заселения региона [Даль 1852: 50].

В начале XX века появились этнографические и диалектологические исследования, посвященные отдельным населенным пунктам Воронежской губернии. В 1906 г. в «Памятной книжке Воронежской губернии» были опубликованы материалы Ф.И. Поликарпова о селе Истобном Нижнедевицкого уезда [Поликарпов 1906], а также труд А.М. Путинцева «О говоре в местности «Хворостань» Воронежской губернии» [Путинцев 1906]. В 1911-1912 гг. в журнале «Филологические записки» публикуется обобщающий лексикографический труд Ф.И. Поликарпова «Нижнедевицкий словарь», охватывающий лексику разных областей народного хозяйства, быта и традиций [Поликарпов 1911-1912]. Большой интерес для исследователей воронежских говоров представляет труд Д.К. Зеленина «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации», где содержится диалектологический материал из различных однодворческих сел воронежской губернии, дополненный этнографическими сведениями [Зеленин 1913: 74-117]. Также интерес для диалектологов и этнографов представляют материалы, собранные В.И. Тростянским [Тростянский 1916].

В годы революции этнографическое изучение Воронежской губернии несколько замедлилось и проводилось «отдельными любителями этнографии», и лишь с 1925-27 гг. «работа начинает приобретать планомерный, систематический характер» [Поликарпов 1927: 3]. Возросший

интерес к наблюдению над жизнью деревни был обусловлен стремлением сохранить уходящие явления старого быта, находящиеся под угрозой исчезновения в связи с перестройкой быта в государстве. Первым населенным пунктом в губернии, «быт которого был обследован более или менее подробно и научно-планово», стало село Сторожевое [Поликарпов 1927: 6]. Затем в течение 1925-1927 гг. территории бывших Задонского, Землянского, Коротоякского и Нижнедевицкого уездов были обследованы участниками экспедиции Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) во главе с Я. Марром. В сборе материалов для Музея этнографии народов СССР участвовали Н.П. Гринкова, Е.Э. Бломквист, а также другие видные ученые, впоследствии опубликовавшие результаты своих исследований в научных статьях. В 1926 г. вышел в свет монографический очерк И.П. Тарадина «Воронежская деревня. Слобода Ровеньки» [Тарадин 1926], а в 1928 г. – его же обширный историко-этнографический труд «Золотое дно: Экономика, история, культура и быт волости Центральночерноземной области» [Тарадин 1928].

В 1936 и 1939 гг. были осуществлены повторные этнографические экспедиции в различные части области, в ходе которых были изучены этнографические особенности и народные говоры севера и запада области как территорий, характеризующихся наиболее ранним временем заселения (конец XVII века против XVIII века для прочих частей Воронежской губернии) [Гринкова 1947: 7]. Значительный вклад в изучение диалектов региона внесла Н.П. Гринкова, изучавшая особенности говоров трех уездов – Задонского, Землянского и Коротоякского, а также диалектные черты языка памятников письменности XVII в. Итогом исследований стала вышедшая в 1947 г. монография «Воронежские диалекты», где автор подробно рассматривает историю заселения и этнографический состав населения региона, приводит характеристику письменных источников и на основе комплексного анализа бытовой диалектной лексики отдельных тематических

групп приходит к выводу о наличии общности между воронежским, поволжским и балканским этнографическим и языковым материалом.

Послевоенные годы были отмечены возрождением интереса к диалектологии и, как следствие, проведением новых полевых исследований. В.И. Собинникова, ставшая основательницей воронежского лингвокраеведения, подчеркивала значимость подобной работы для комплексного изучения воронежских говоров и традиционной культуры [Собинникова 1958]. По ее инициативе с 1946 года был начат сбор лексики воронежских говоров, который продолжается и в настоящее время. В период с 1966 по 1980 гг. в ходе ряда экспедиций под руководством Л.Н. Чижиковой были изучены 14 сел Воронежской области и несколько населенных пунктов, ныне относящихся к соседним регионам.

За время изучения несколькими поколениями исследователей воронежские говоры рассматривались в различных аспектах: морфологическом (Р.Ф. Титова, В.В. Титовская), словообразовательном (И.С. Торопцев, Г.Ф. Ковалёв), синтаксическом (В.И. Собинникова, З.Д. Попова), стилистическом [Кретьева 1969, Свиридова 2001], с точки зрения системной организации [Херольянц 1966а, Кретьева 1972, Лыжова 1973]. В центре внимания ученых оказывались современное состояние воронежских говоров [Давыдова 1994], лексика воронежских памятников письменности (Т.В. Жарких, Н.К. Соколова, З.Д. Попова, [Хитрова 1972, 1974]) и произведений местных писателей [Курносова 2009], а также язык фольклора и живые говоры в сопоставительном аспекте (А.И. Чижик-Полейко (1964), И.К. Зайцева (1966, 1967, 1972 и др.)). Предпринимались также специализированные исследования по истории изучения воронежских говоров [Дьякова 1994; Дьякова, Черенкова 2001]. Исследованию в различных аспектах подвергались отдельные говоры [Кривова 1985, Титовская 1949, Торопцев 1958, 1958а, 1959, Листрова 1953, Херольянц 1966, Шестакова 1967, Швецова 1998, Несветаев 2009, Недоступова 2013] и группы

говоров [Жуковская 1954, Собинникова 1953, 1958, 1961, Филатова 1995], а также лексика различных тематических групп: географические термины [Дьякова 1973], наименования пищи [Карасева 2003, 2004, 2005 и др.], одежды [Панова 2002, 2004, 2005, 2006 и др.], посуды и утвари [Гончарова 2012], ихтиологическая лексика [Куйдина 2012], лексика растительного мира [Смирнова 2002], номинации человека [Литвинова 2011], местная ономастика [Ковалев 2014, 2017] и др. Особенности украинских диалектов Воронежской области нашли отражение в работах М.Т. Авдеевой [2002, 2008, 2012 и др.], Е.Ф. Акаткиной [2008], Т.Е. Ворониной [1970]. Связь лексики воронежских говоров с польским языком стала объектом изучения в работах Г.Ф. Ковалева [Kowalow 2017 и др.].

§2. Из истории изучения лексики русской свадьбы

Особый интерес представляет для нас лексика обрядовой сферы в связи со своеобразием ее семантического наполнения. По сравнению с другими традиционными русскими обрядами свадебный ритуал относительно молод, но и он претерпевал значительные изменения в ходе исторического развития. Впервые преобразования коснулись русской свадьбы еще в глубокой древности, под влиянием христианизации Руси. Так, из текста «Повести временных лет» следует, что среди языческих славянских племен обычным было похищение девушек как форма заключения брака: *«Поляне... брачный обычай имяху: не хожаше зять по невесту, но приводяху вечерь, а завтра приношаху по ней что вдадуче. А древяне живяху звериньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядаху вся нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девиця. И радимичи и вятичи и северь одинъ обычай имяху... браци не бываху въ них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовьская песни, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены... Си же творяху*

обычая кривичи и прочие погани, не введуще закона божия, но творяще сами себе законъ» [ПВЛ I: 15]. Более поздним, возможно, был обычай мирной купли девушки у ее отца, который с принятием христианства стал восприниматься как более социально приемлемый [Нидерле 2001: 204]. Однако с распространением новой религии старые верования не забылись, так как глубоко укоренились в повседневном быте и сознании людей. Органичное слияние двух традиций нашло отражение в ритуальном комплексе, существующем и в наши дни, особенно в сельской среде. Мифологические корни славянской обрядности, в том числе свадебной, в разное время стали предметом пристального изучения Д.К. Зеленина, Н.Ф. Сумцова, В.Ф. Филатовой. С течением времени свадебные обряды испытывали влияние иноземных обычаев, привнесенных русскими правителями (в основном в XVIII веке), а также прижившихся в различных областях в результате многочисленных межэтнических контактов (как инославянских, так и с представителями тюркских, финно-угорских и других народностей). Вопросам сходства и различия свадебных ритуалов русских и других народностей посвящены работы Ю.В. Бромлей, Е. Волгиной, А.В. Гуры, Н.В. Денисовой, М. Максима, А.А. Плотниковой, Н.Ф. Сумцова, Е.С. Узеновой, Т.Ф. Федяновича, К.В. Чистова и др. (см. список литературы). Изучение традиционного свадебного ритуала проводилось и на базе других славянских языков и культур: украинской [Борисенко 1988, Українці 1991, Шевченко 1996, Магрицька 2003], белорусской [Касцюкавец 1994, Федароўскі 1991], польской [Ogrodowska 2001, Szymanderska 2008, Schramm 1958], болгарской [Меракова 1995, Николова 2000, Узенёва 2010] и др.

Исследования русского свадебного ритуала и его лексического обеспечения, в том числе диалектного, систематически ведутся уже около ста лет. За это время были созданы труды, посвященные как русской свадебной обрядности в целом ([Богословский 1927], [Гусева 1989], [Еркочева 1998], [Жирнова 1980], [Зорин 2004], [Кагаров 1929], [Тимофеева 2004], [Гура 2011], [Матлин 2011], сборники Р.А. Масленниковой [1992], А.В. Копыловой

[Русские обычаи 2003], К.В. Чистова и Т.А.Бернштам [Русский народный свадебный обряд 1978] и др.), так и ритуалам отдельных регионов и населенных пунктов ([Агапитова 1995], [Алиференко 1996, 2006], [Балашов 1985], [Григорьева 2008], [Денисова 2000], [Еньшина 2009], [Ермакова 2005], [Земцов 1989], [Кузнецова 2011], [Ларина 1990], [Никифорова 1997], [Семенова 2009], [Таратынова 2008], [Цветкова 2004], [Чижикова 1989], [Шевченко 2010], [Щетинина 2009], [Юмсунова 2001] и др.). Указанные работы содержат ценный этнографический и лингвистический материал по изучению русского свадебного обряда. Среди собственно лингвистических исследований выделяются две обширные группы:

1) работы, объектом которых являются язык и поэтика свадебного фольклора. Н.Э. Шишкова (2000) обращается к лексике русской свадебной обрядовой песни, уделяя особое внимание количественному аспекту, а также подробно останавливаясь на лексике отдельных тематических групп (орнитонимы, соматизмы, названия одежды, обуви и украшений). Ю.А. Крашенинникова (2011) исследует народную терминологию в русских свадебных приговорах, особое внимание обращая на символику цвета. Темой диссертационного исследования Е.И. Алиференко (1996) стало поэтическое своеобразие свадебной лирики Саратовского Поволжья. К обрядовой поэзии обращается А.Б. Григорьева, рассматривая ее на материале свадебного ритуала Среднего Притоболья (2008), а также Л.А. Сергушина, посвятившая фольклору свадебного обряда отдельный выпуск многотомной «Антологии фольклора Брянской области» [Антология 2009]. Функционированию поэтических жанров в контексте свадебного обряда Лузского района Кировской области посвящена монография Е.А. Шевченко (2010). Собственно воронежская свадебная песня стала предметом диссертационного исследования О.И. Чариной (1997). Т.Ф. Пуховой и Г.Я. Сысоевой составлен сборник «Свадебные песни Верхнемамонского района Воронежской

области» [Свадебные песни 1999], содержащий статьи по проблемам изучения обрядового фольклора и 56 ранее не опубликованных свадебных песен;

2) труды, посвященные терминологическому аппарату региональных вариантов свадьбы. В эту группу входят монографические и диссертационные исследования, в которых лексика свадебного обряда различных областей подвергается изучению в различных аспектах. Объектом исследования Н.Ю. Таратыновой (2008) стали системные отношения в лексике свадебного обряда псковских говоров с учетом этнографических и лингвогеографических (ареальных) данных. О.В. Никифорова (1997), рассматривая диалектную свадебную лексику Нижегородской области, ставит своей целью «комплексный лингвоэтнографический, лингвогеографический и ономаσιологический анализ свадебной лексики» [Никифорова 1997: 4]. Исследователь приводит характеристику принципов номинации единиц данной тематической группы, выявляет типичные мотивировочные признаки и словообразовательные модели, а также проводит работу по картографированию свадебной лексики нижегородского региона. В указанных аспектах свадебную лексику Сибири рассматривали Р. Агапитова и Л. Ладик (1995), Л.В. Демина (2005, 2011), в говорах Южного Урала – О.Р. Семенова (2009), Кубани – О.С. Финько (2011, 2015), Рязанской области – А. Щетинина (2009). Н.А. Колкова исследовала вопросы функционирования фразеологизмов в контексте свадебной обрядности (2010). Диссертационное исследование Т.Е. Гревцовой (2016) посвящено терминологии русского свадебного хлеба на восточнославянском фоне.

Особый интерес для нас представляют исследования, посвященные лексике свадебного ритуала южнорусской диалектной зоны, поскольку традиционная народная культура и диалектные подсистемы языка Воронежской области имеют немало общего с языком и культурой соседних регионов. Терминологию курского свадебного обряда в этнолингвистическом аспекте исследовала Л.И. Ларина, которая проанализировала обрядовую

лексику в тесной взаимосвязи с экстралингвистическим планом обряда, провела обширную работу по систематизации лингвистического материала и интерпретации семантики и символики обрядовой лексики [Ларина 1990]. М.В. Костромичёва рассматривала лексику орловского свадебного обряда в этнолингвистическом и лексикографическом аспектах (1997, 1998, 2005). Итогом ее исследований стали «Словарь свадебной лексики Орловщины» (1998) и лингвокраеведческое учебное пособие «Свадебный обряд Орловского края» (2005), где приводится структура свадебного обряда и на основе материалов диалектологических экспедиций дается описание многообразных лексических и фразеологических единиц, входящих в данную тематическую группу. Свадебному обряду Липецкой области посвящены особый раздел в учебном пособии В.Г. Головина и др. «Говоры Липецкой области. Пособие по краеведению» (1987), а также публикация Н.В. Денисовой «Свадебный обряд Липецкого региона в восточнославянском этнолингвистическом контексте» (2000). История и традиции свадебного обряда Белгородской области изложены в статье С.В. Сухановой «Свадебный обряд: традиции и инновации (по материалам Губкинского района Белгородской области)» (2004). Проблемы взаимодействия русской и украинской обрядности приграничных районов и его отражения в лексике свадебного ритуала привлекали внимание Н.Ф. Сумцова (1881), Л.Н. Чижиковой (1988, 1989), В.Т. Шевченко (1996), Н.В. Ермаковой (2005) и других ученых.

Исследованию специфики обрядовой лексики в целом и ее функционирования в воронежских говорах посвящены работы Т.Ф. Филатовой [1991, 1995, 1997, 1998, 2010 и др.]. Воронежскими учеными (Т.Ф. Пухова, Г.Я. Сысоева, Г.П. Христова, Е.В. Цветкова, А.Д. Черенкова и др.) были изучены отдельные компоненты свадебного обряда, однако комплексного специального изучения свадебной терминологии в воронежских говорах ранее не проводилось.

§3. Этнолингвистический подход к изучению диалектной лексики

Развитие лингвистики на современном этапе характеризуется доминированием антропоцентризма как методологического основания для исследований. Данный принцип предполагает изучение языка в тесной взаимосвязи с культурой, ментальностью, практической и духовной деятельностью человека, поскольку «нельзя познать язык, <...> не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 2002: 7]. Проблема соотношения языка и культуры не теряет актуальности для исследователей начиная с XVIII в., когда И.Г. Гердер в «Трактате о происхождении языка» (1770) высказал мысль о нераздельной генетической связи языка с культурой, благодаря чему язык становится базовым феноменом человека наряду с обществом и национальным духом [Гердер 1977: 233]. Эту идею поддержал В. фон Гумбольдт, который указывал на свойство языка влиять на формирование народной культуры, психологии и творчества и полагал изучение языка наиболее плодотворным путем к разгадке тайны человека и характера народов [Гумбольдт 1984].

Эти вопросы позже получили развитие в работах немецких ученых Л. Вайсгербера, И. Трира, Э. Кассирера и других представителей «неогумбольдтианства». В 70-е гг. XIX века проблема изучения языка и культуры стала одной из центральных в работах представителей мифологической школы (братья Гримм, А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня и др.). Австрийская школа «Слова и вещи» показала роль культурологического подхода в лексикологии и этимологии. В отечественной лингвистике проблемам взаимоотношений языка и культуры уделяли внимание такие ученые, как А.А. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, Д.К. Зеленин, А.А. Потебня, И.И. Срезневский, Н.И. Толстой, А.А. Шахматов и др.

Возникновение самого термина «этнолингвистика» и формирование данного направления как подхода к языку сквозь призму народной культуры относится к 30-40-м гг. XX в. и связано с именами американских исследователей Ф. Боаса, Э. Сепира и Б. Уорфа, которые пришли к выводу, что язык является не просто инструментом общения, но и служит «руководством к восприятию социальной действительности» [Цит. по: Звегинцев 1965: 233]. Э. Сепиру, в частности, принадлежит мысль о возможности постановки речи как творческой деятельности в один ряд с такими явлениями, как религия, верования, обычаи и искусство [Цит. по: Толстой 1995: 28]. Особое внимание ученый уделял лексической системе языка, утверждая, что словарь как набор символов всегда отражает культурный фон общества [Сепир 1993: 276], а значит, существует прямая зависимость богатства словаря от древности культурных комплексов. Кроме того, исследователь пришел к выводу, что процессы развития языка и культуры протекают с разной скоростью (для культуры она выше), поэтому языковые формы адекватнее отражают прошлое культуры, чем ее современное состояние [Цит. по: Хроленко 2005: 7]. На эту особенность указывал и А.А. Шахматов, который считал данные современных говоров «отправными точками» для исследования истории языка, «прочным и надежным материалом для заключений о составе языка в более отдаленные эпохи и о процессах, по которым шло его изменение» [Шахматов 1916: 3]. Это положение отвечает принципам сравнительно-исторического языкознания, объектом которого является язык в аспекте его развития во времени. Неравномерность развития отдельных систем (как языковых, так и культурных) обеспечивает лингвистическому диалектному ландшафту значительную историческую информативность [Толстой 1995: 30], а само понятие диалекта расширяется и подразумевает уже не только собственно лингвистическую территориальную единицу, но и представляет собой этнографическую и культурологическую категорию.

Н.И. Толстой указывал на генетическое родство русской диалектологии и этнолингвистики, выражающееся в пересечении задач этих дисциплин: «Этнографические исследования содержали сведения о словах и выражениях, употребляемых в той или иной местности, а диалектные словари обращались к обширному этнографическому материалу для объяснения лексики» [Толстой 1995: 27]. В начале XX в. этнография и диалектология разделились и развивались обособленно, однако во второй половине столетия вновь сблизились в связи с формированием структурной семиотики (В.В. Иванов, В.Н. Топоров), занимающейся реконструкцией культурных праформ с опорой на языковые данные. Возникла необходимость выработки нового подхода, предусматривающего наиболее полную «дескрипцию различных форм культуры, систематизацию всего доступного фольклорного, этнографического, лингвистического материала» [Филатова 2010: 9]. Этнолингвистика, таким образом, является интердисциплинарной областью знания, изучающей «взаимодействие лингвистических, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка» [Хроленко 2005: 23]. Ее основной предмет – «язык как средство общения и одна из важнейших форм этнической (племенной, народной, национальной) культуры, как средство ее определения и поэтического выражения» [Толстой 1983: 182]. При этом, по мнению В.Н. Телия, следует различать собственно этнолингвистический анализ, направленный на «исторически реконструктивный план обнаружения культурных смыслов в языковых единицах», и лингвокультурологический, который «выявляет способность знаков отображать современное культурное самосознание народа <...> как основу его ментальности» [Цит. по: Хроленко 2005: 25].

Единство народного языка (в частности, говоров) и народной культуры, в том числе и материальной, является одним из базовых положений этнолингвистики. Как отметил Г.О. Винокур, «всякий языковед <...> непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой

принадлежит избранный им язык» [Винокур 1959: 211]. О.Н. Трубачев подчеркивал важность «данных языкознания, лексикологии, этимологии для подлинного понимания культуры, в том числе и в современную эпоху, изобилующую письменными источниками» [Трубачев 2003: 170]. Исходя из этого, наиболее информативным признается комплексное изучение явлений языка и культуры, когда «этнографические показания дополняют и завершают лингвистические и, наоборот, лингвистические показания дают часто прочную базу этнографическим разысканиям» [Толстой 1997: 231]. Особенно актуален такой подход при изучении лексики, поскольку для правильного истолкования семантики лексем исследователь должен постоянно обращаться к экстралингвистическому материалу. Это касается и лексикографической работы, поскольку диалектные словари выступают в роли «источников этнокультурной информации, отражают своеобразие жизни, быта народа <...>, специфику мировосприятия диалектоносителей» [Брысина, Супрун 2017: 23].

Особенности изучения обрядовой лексики связаны со специфическим характером ритуальной терминологии. Как отмечал Н.И. Толстой, «культурный термин (в т.ч. названия обрядов, праздников, обрядовых предметов, действующих лиц, ритуальных действий...) обычно входит в ряд междиалектных синонимов, образующих определенную систему не только лингвистического, но и экстралингвистического – культурного (мифологического, ритуального и т. п.) порядка» [Толстой 1995: 22]. Попадая в сакральный контекст обрядового комплекса, наименования предметов и явлений приобретают дополнительные символические и аксиологические компоненты значения. Поскольку ритуал как часть традиционной культуры является средством фиксации, сохранения и трансляции многовекового опыта народа, его коллективной памяти и фундаментальных ценностей, изучение обрядовой терминологии позволяет реконструировать культурные праформы и приблизиться к пониманию картины мира носителей диалекта.

В настоящее время наблюдается постепенное разрушение обрядовых традиций, вызванное объективными причинами экстралингвистического характера и приводящее к трансформации свадебного ритуала и редукции его компонентов (проведение ограниченного числа ритуалов, сокращение количества и функций свадебных чинов, использование меньшего числа ритуальных предметов). Параллельно с этим многие диалектологи (Б.А. Ларин, В.М. Жирмунский, Н.П. Гринкова, П.С. Кузнецов, Ф.П. Филин, И.А. Оссовецкий, Т.С. Коготкова, О.И. Блинова и др.) выделяли постепенную утрату диалектных особенностей под воздействием литературного языка как основную тенденцию развития говоров, причем большую роль в этом процессе играет специфическая устная форма их существования. Несмотря на то что диалекты в целом сохраняют устойчивую позицию и «являются для большинства русского населения нормальным и единственным средством коммуникации» [Дьякова 1994: 39], словарный состав говоров неизбежно подвергается изменениям под влиянием языковых и внеязыковых факторов. Значительная часть номинативной лексики, в частности обрядовая терминология, постепенно вытесняется в пассивный словарный запас. В этих условиях особую ценность для лингвистов, этнографов, историков и культурологов приобретают материалы, полученные методом полевых исследований, поскольку, как отмечал А.С. Герд, «без тщательно собранных полевых материалов нет и не может быть достоверных исторических реконструкций и гипотез» [Герд 1995: 14]. Это в полной мере справедливо для исследования обрядового комплекса, поскольку словесное обеспечение ритуала находится в тесной взаимосвязи с его акциональным и предметным кодом, в наименованиях обрядовых атрибутов закрепляется функция обряда, инструмент воздействия или само действие [Филатова 2010: 135]. Как отмечает Т.В. Леонтьева, «выявление этнокультурных смыслов, свойственных таким словам, невозможно без привлечения <...> этнографических, культурно-исторических данных об обычае использования

соответствующих предметов в быту или ритуале» [Леонтьева 2014: 58]. Таким образом, основной задачей при исследовании свадебной лексики является максимально полное этнолингвистическое описание той или иной лексемы, которое включало бы в себя и анализ семантического наполнения слова, и описание соответствующей ему реалии. Значительную роль в этом играет анализ принципов и способов номинации термина, выявление мотивировочных признаков, поскольку большинство диалектных лексем обладает прозрачной внутренней формой.

§4. Системная организация лексики говоров

Понятие системности является одним из фундаментальных в лингвистике. Системно-структурное направление ориентировано на изучение различного рода семантических отношений словесных единиц в диалектных системах и анализ семантики слов через их системные связи [Загоровская 1990: 5]. Данный подход успешно применяется при изучении лексического уровня языка и основан на рассмотрении словарного состава как комплекса взаимообусловленных элементов, связанных между собой различными типами взаимоотношений. Системная организация равно присуща лексике литературного языка и народных говоров, и исследовать диалектную лексику в этом аспекте «значит исследовать состав и отношения элементов внутри тематических и лексико-семантических групп, <...> вопросы варьирования, оппозиции, проявляющиеся в отношениях синонимии, омонимии, в различной сфере употребительности» [Сороколетов 1978: 15]. Системная организация лексики предполагает выделение словесных группировок различного уровня в соответствии с объективным членением лексического состава языка на группы [Щур 1974: 214]. Исследованием парадигматических отношений в лексике занимались О.И. Блинова [1972, 1974], К.И. Демидова, О.В. Загоровская, Ю.Н. Караулов, Т.С. Коготкова

[1966], О.Н. Мораховская [1984], Е.А. Нефедова [1980, 2008], И.А. Оссовецкий, Т.А. Пецкая [1996], Ф.П. Сороколетов, Н.И. Толстой, Ф.П. Филин и др. Для обозначения основных структурных единиц системной организации лексики языка различными исследователями применяются такие термины, как тематическая группа (ТГ), лексико-семантическое поле (ЛСП), лексико-семантическая группа (ЛСГ), лексико-фразеологическое поле, ассоциативная группировка и др.

Под тематической группой вслед за Ф.П. Филиным мы понимаем «объединение слов, основывающееся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений» [Филин 1982: 231]. Как справедливо отмечает П.Н. Денисов, в качестве тематических групп можно рассматривать ситуативные ряды слов, подразумевающие место, время, обстоятельства, участников и отношения между ними [Денисов 1980: 128]. С этой точки зрения правомерным является отнесение лексики воронежских говоров, обслуживающей различные аспекты проведения свадебного обряда и сопутствующих ритуалов, к тематической группе «свадьба». Помимо общности темы или типовой ситуации, характерными чертами ТГ являются внеязыковая обусловленность взаимоотношений между элементами, многообразие связей между единицами внутри группы, наличие большого числа компонентов и сложная структурная организация, предполагающая дробление словарного массива на более мелкие группировки (ЛСП, ЛСГ, подгруппы). Комплексное исследование лексики конкретных тематических групп – одно из приоритетных направлений в современной диалектологии. На преимущества тематического подхода к изучению лексики народных говоров неоднократно указывали Н.А. Лукьянова (1973), Ф.П. Сороколетов (1987), Л.И. Баранникова (1991), А.С. Герд (2001) и др. По мнению О.И. Блиновой, рассмотрение лексики в тематическом аспекте «позволяет установить связь между словами и обозначаемыми ими реалиями, иначе – выяснить объем значения слова» [Блинова 1973: 8].

В составе той или иной тематической группы выделяются группы слов, объединенных собственно лингвистическими признаками, отличающиеся большей общностью составляющих их элементов, – лексико-семантические поля. На основании изученных нами теоретических работ П.Н. Денисова [1980], Ю.Н. Караулова [1972, 1976], З.Д. Поповой и И.А. Стернина [2009], В.М. Солнцева [1971], Г.С. Щура [1974], А.А. Уфимцевой [1968], а также коллективной монографии «Полевые структуры в системе языка» под ред. З.Д. Поповой [2009] мы рассматриваем ЛСП как систему лексем, объединенных по семантическому принципу на основе общего инвариантного значения и находящихся между собой в различных парадигматических отношениях. Характерными признаками ЛСП являются упорядоченность и иерархичность элементов [Куренкова 2006: 176], относительная автономность, незамкнутость границ, предполагающая взаимодействие с другими полями, а также асимметричность строения, отражающая национально-культурную специфику номинативных процессов. В составе ТГ «свадьба» воронежских говоров выделяются три наиболее крупных ЛСП, соответствующие трем ключевым сторонам самого ритуала: наименования этапов проведения обряда (процессуальный аспект), наименования свадебных чинов (агентивный аспект) и наименования ритуальных предметов (предметный аспект). Подобная классификация ЛСП была осуществлена для свадебной лексики псковских говоров Н.Ю. Таратыновой [2008].

В пределах каждого из этих полей анализируемый диалектный материал дробится на ряд лексико-семантических групп в зависимости от специфического набора дифференциальных сем, а также в соответствии с логикой организации самого свадебного ритуала как системного образования. Компонентами ЛСП являются лексемы одной части речи, «в которых помимо общих грамматических сем имеется как минимум еще одна общая сема – категориально-лексическая (архисема, классема)» [Кузнецова

1980: 50]. Набор дифференциальных сем, уточняющих категориальную, является специфичным для каждой ЛСГ. Подробно ЛСГ, входящие в состав указанных ключевых полей, рассмотрены в главах 2-4 нашего диссертационного исследования.

При изучении парадигматических отношений диалектных лексем в составе той или иной ЛСГ необходимо учитывать тот факт, что исследователю приходится иметь дело не только с единицами одного говора, но и с лексемами, функционирующими в различных говорах рассматриваемого региона. В связи с этим неоднократно поднимался вопрос о возможности анализа отношений, в частности, синонимических, между словами, непосредственно не взаимодействующими в реальной языковой действительности [Баранникова 1963; Оссовецкий 1961, 1982; Коготкова 1979 и др.]. Однако после выхода в 1962 г. книги «Вопросы теории лингвистической географии» под ред. Р.И. Аванесова и введения им понятия *диалектный язык* в рамках системно-структурного подхода стало возможным рассмотрение отдельных говоров как естественных микросистем, объединяемых исследователями в конструктивную макросистему диалектного языка. Ф.П. Филин полагал данное понятие абстракцией, поскольку средством коммуникации на локальном уровне являются «частные диалектные системы» [Филин 1981: 41]. Однако исследователи нередко отмечали открытость лексических систем отдельных говоров. Так, О.И. Блинова подчеркивала, что «в речевом сознании носителей диалекта содержится большое количество лексических единиц других систем» [Блинова 1973: 151]. Исходя из этого, нами были выделены следующие типы парадигматических отношений, характерные для свадебной лексики воронежских говоров:

1. *Отношения вариантности.* Вариантность понимается как соотнесенность нескольких единиц плана выражения с одной единицей плана содержания, причем основными критериями тождества слова являются

семантическая идентичность и тождество корневой морфемы [Головина 1991: 11]. Проблема вариантности тесно взаимосвязана с проблемой тождества слова и на материале литературного языка решается в трудах О.С. Ахмановой (1957), В.В. Виноградова (1948), Ф.П. Филина (1948) и др. Применительно к русским народным говорам вопрос о вариантности разрабатывали Л.И. Баранникова (1971), О.И. Блинова (1972, 1973), Э.Д. Головина (1991), К.И. Демидова (1976), В.А. Козырев (1986), О.Д. Кузнецова (1984, 1994) и др., однако к настоящему времени он не решен до конца, что отражается в различных способах подачи соответствующих лексем в диалектных словарях. В общем случае вариантами можно считать лексемы, характеризующиеся общностью значения и различающиеся звуковым и/или морфемным составом, не нарушающим лексико-семантическую структуру слова [Демидова 1976: 41]. По определению К.С. Горбачевича, варианты – «регулярно воспроизводимые видоизменения одного и того же слова, сохраняющие тождество морфолого-словообразовательной структуры, лексического и грамматического значения и различающиеся либо с фонетической стороны (произношением звуков, составом фонем, местом ударения или комбинацией этих признаков), либо формообразовательными аффиксами» [Горбачевич 1978: 17]. Повышенная вариантность лексики народных говоров связывается с исключительно устной формой их функционирования и, как следствие, с широтой диалектной нормы и нежесткостью границ современных диалектных образований, их значительной проницаемостью и открытостью [Загоровская 1990: 77].

Дискуссионным остается вопрос о вариантности лексем, принадлежащих системам литературного языка и говоров. Так, Э.Д. Головина полагала, что диалектные слова нельзя рассматривать как варианты общерусских [Головина 1991: 6], поскольку их функционирование в каждой из систем неравноправно. Н.А. Лукьянова, напротив, указывала на

важность фактора свободного взаимопонимания между носителями говоров и литературного языка, обусловленного сохранением семантического тождества лексики [Лукьянова 1983: 22]. Кроме того, различия в сфере бытования вариантов отмечаются и в рамках одной диалектной системы – например, их функционирование может быть неравноценным в речи различных поколений диалектоносителей [Демидова 1976: 71]. В нашем исследовании мы опираемся на компромиссную позицию К.И. Демидовой, которая выделяет вариантность трех уровней: между лексемами диалекта и литературного языка; между единицами различных диалектов; в пределах одной диалектной системы, причем «в отдельных говорах вариантность проявляется менее ярко, чем при сравнении нескольких диалектных систем, входящих в одну макросистему» [Демидова 1976: 43]. Ф.П. Филин предлагал разграничивать внутрисистемные и межсистемные соотношения слов и использовать для них понятия «вариант» и «параллель» соответственно, однако мы полагаем данное разделение избыточным и используем термин «вариант» применительно к макросистеме воронежских говоров, равно как и к микросистемам говоров отдельных населенных пунктов.

В составе тематической группы «свадьба» воронежских говоров нами были отмечены следующие виды формальных вариантов:

1) акцентологические: **сгóвор** и **сговóр** ‘окончательное соглашение о свадьбе’: *Зуавóр, д’ави́шник, да ахм’óлки по́сльзуавóра* (СР. КРЧ. Гриб.). *На зуóвьри фс’о ри’ша́т’, патóм наза́т нь варóтишь* (КЛДЗ. Кашир.); **при́даное** и **прида́ное** ‘имущество невесты, передаваемое вместе с ней жениху’: *Пр’и́данѣѣ мн’э ма́ма уатóв’ила* (МДВЖ. Семил.). *Ну ја ньприм’э́р, ну чо́ ф прида́нѣѣ, ничовó. По́жжэ́ ста́ли шыфон’э́ры фс’а́кија пькупáт’* (РЕП. Реп.); **шушпа́н** и **шу́шпан** ‘праздничная самотканая верхняя одежда, бывшая частью приданого и свадебных даров’: *Во́н-он шушпа́н виси́т’, так у-н’óм ја за́муш выхадíль* (Роговатое Шатал. Белгород. обл.). *Шу́шпнра́н’шь ад’авáли на-пра́зникъм к-аб’э́дни* (М. СМВ. Верхнехав.);

2) фонетические: **басловля́ть** – **бласловля́ть** ‘благословлять’: *Пато́м нив’э́сту бьславл’а́жут’* адно́й ико́нъј (ПЧЛ. Бобр.). *Бласлави́ли нас папа́ша с мамáшъј* (ББК. Н.-Усм.); **сва́дьба** – **сва́йба** – **сва́льба** ‘торжество по случаю вступления в брак’: *В-вьскр’эс’э’н’ъ свá’д’бу иура́т’ бу́дут* (ДВД. Лиск.). *Собира́ють вичьори́ну пирид свá’йбою* (ЛКВ. Подгор.). *А то як угро́хаютъ свá’льбу* (ПЛС. Бог.); **глядíшки** – **глядéшки** ‘показ невесты родне жениха; смотрины’: *Паи́ла на гл’ад’э́шки* (РСТ. Эрт., Б.МТР. Эрт.). *За́фтръ н’ав’э́стины гл’адíшки* (ПСК. Повор.); **гулю́чие** – **гуля́чие** ‘родственники, участники свадьбы’: *Гул’у́чиъ астава́лис’ у́жыньт’* (Б. ВРК. Рам.). *По́сли аб’э́дъ гул’а́чиъ иду́т’ к нивэ́’сти* (ШСТ. Бобр.); **уте́рка** – **ути́рка** ‘вышитое полотенце для лица и рук, используемое в свадебном обряде’: *Да и ут’э́рк над’э́лъьш* (Б. ВРК. Рам.). *За́муш выхадíли сутíркъми* (СЛД. Остр.); **фата́** – **хвата́** ‘род покрывала на голове невесты’: *Нив’э́сть бы́ла ад’э́тъ фато́ј* (ФДР. Семил.). *Хвата́, пла́т’ја бы́ла на-мн’э́* (БВ. Кашир.);

2. *Отношения синонимии.* Применительно к литературному языку под синонимами понимаются «члены тематической группы, которые а) принадлежат к одной и той же части речи и б) настолько близки по значению, что их правильное употребление в речи требует точного знания различающих их семантических оттенков и стилистических свойств» [Ахманова 1966: 396]. Однако в говорах отмечается значительно большее, чем в литературном языке, количество лексических дублетов – «синонимов, совершенно не различающихся ни оттенками значения, ни стилистическим характером» [Херольянц, Кретьова 1966а: 149]. Это обстоятельство позволило некоторым исследователям относить лексемы с нулевой семантической оппозицией, различающиеся лишь планом выражения, к лексическим вариантам [Демидова 1976: 71]. С этой позицией не соглашалась Е.А. Нефедова, полагавшая, что «многообразие мотивировочных признаков <...> приводит к возникновению синонимических названий» [Нефедова 1980: 109]. Мы также считаем целесообразным рассмотрение таких лексем

как синонимов, поскольку в основу подобных наименований в говорах положены различные принципы номинации, следовательно, в каждой из лексем синонимического ряда актуализируются собственные фрагменты картины мира, присущие данному языковому коллективу.

Как уже было отмечено, квалификация диалектных лексических единиц как синонимов затрудняется тем, что в речи носителей отдельного говора, как правило, бытует лишь одна лексема соответствующего значения, в то время как отношения синонимии предполагают равноправие функционирования членов синонимического ряда. Поэтому «решение вопроса о возможности анализа синонимов, принадлежащих разным говорам, зависит от того, признается ли право на существование термина “диалектный язык”» [Раков 1988: 9]. На макроуровне диалектного языка можно считать синонимами лексемы, функционирующие в различных говорах исследуемого региона, например, **выть** – **голосить** ‘причитать, плакать невесте во время свадьбы’: *П’э́р’ят сва́д’б’ѣ н’ав’э́сть н’чина́ль **выт***’ (АЛСДР. Тал.). *И ана́ бу́дит их **у́ласи́т**’ начина́ют* (БРД. Аннин.). Как отмечает О.В. Загоровская, «члены межсистемных языковых соответствий синонимического характера не являются полностью тождественными внутрисистемным синонимам», так как в конкретной речевой действительности чаще всего не сталкиваются [Загоровская 1990: 94]. Случаи использования нескольких лексем для обозначения одного и того же явления в пределах одного говора немногочисленны, при этом информанты часто отмечают одну из пары лексем как устаревшую или присущую говорам, отличным от родного: **лады** – **запо́и** ‘соглашение о свадьбе, помолвка’: *Сп’э́рва́ **лады** справл’а́ют*’, *ну т’ап’э́р’ **запо́и** н’зыва́ют*’ (ГРМ. Хохол.). Подобные факты в литературе определяются как «территориальные синонимы, понятные всем носителям диалекта, хотя и различающиеся по своей частотности в разных местностях» [Радченко, Закуткина 2004: 39]. Кроме того, в речи диалектоносителей могут одновременно функционировать

лексемы литературного языка и говора, например, **сва́дьба – весе́лье**: *Как таб'э назва́т'ть, ну и сва́д'бь – вис'э'л'жь* (ДРК. Лиск.). В этих случаях мы вслед за Ф.П. Филиным и его последователями считаем более уместным говорить не о синонимии в чистом виде, а о семантическом параллелизме: «Подобной лексике не присуща синонимия, даже если их семантика сопоставима, так как они используются различными языковыми коллективами» [Лукьянова 1983: 39]. По данным В.Н. Кретовой и Р.В. Херольянц (1966), функционирование в говорах синонимической оппозиции, куда входят литературное и диалектное слово, характеризуется возрастной дифференциацией: представители старшего поколения продолжают употреблять диалектные лексемы, в то время как молодежь тяготеет к использованию слов литературного языка.

Отдельно следует отметить наличие в воронежской свадебной лексике словообразовательных синонимов, характеризующихся общностью лексического значения и корневой морфемы и различающихся морфемным составом. Некоторые исследователи трактуют данные группы лексем как словообразовательные варианты [Ахманова 1957 и др.], однако против такого «расширительного» понимания вариантности возражали казанские дериватологи, указывая на несоответствие понятия «словообразовательный вариант» самой сути процесса словообразования (обзор основных работ, посвященных данной проблеме, приведен в [Николаев 2007]). Нам представляется убедительной позиция Н.С. Валгиной, которая выделяет в качестве ключевого признака морфологическое тождество слова и призывает с опорой на принципы современной лексикографии квалифицировать лексемы с различными словообразовательными аффиксами как самостоятельные единицы [Валгина 2003: 29-31]. С учетом вышесказанного, в составе различных ЛСГ тематической группы «свадьба» нами были зафиксированы ряды словообразовательных синонимов: **весе́лье – веселу́ха** ‘свадьба’: *На в'ас'э'л'жь зва́ли, ја н'э пашла́* (ШСТ. Бобр.). *Ана́ на в'ьс'алу́ху*

зав'от' (Б. ПРВ. Верхнехав.); **вечеринка** – **вечерушка** – **вечерня** 'девичник': *Зафтръ ви'нчат', а сиводнь вьчи'ринку справл'ајут* (ТРС. Лиск.). *Падрушки нъ вичарушки пирох шибыпл'ут'* (ЗЛЖ. Лиск.). *Называют' в'ачэрн'у к н'ав'эсти* (Б. ВРК. Рам.); **гулянье** – **гульба** 'свадебное торжество': *Гул'ан'ја была в'ас'олаја учарас'* (ДВЦ. Семил.). *Ох гул'ба' нашъ рьзв'ас'олајь!* (РГЧ. Н-Усм.); **изряжать** – **обряжать** – **обнаряжать** 'наряжать': *Н'ав'эсту падрууи изр'ажали* (КРШ. Бобр.). *Пасл'а винчан'ји абр'ажajúт'* ф-кист'ули, ф какошник (ГРМ. Хохол.). *Дочк'у ана абнър'ажаль хърашо* (ПРЛ. Семил.); **молодка** – **молодейка** – **молодичка** – **молодица** – **молодуха** 'новобрачная': *Ја тауда малоткај была, уот са-свад'бы н'а вышьл* (ИСТ. Реп.). *Молодыца сьдила в шоуковом платти* (РЕП. Реп.). *Мьлад'эјкј буд'ят' фс'а жызн'я прахъм пайд'от'* (ГРЖ. Рам.). *Ну, маладүхъ, вид'ом мужъ* (КРШ. Бобр.). *Тап'эр' посл'ь свад'бы ана маладичкъ* (СЛД. Остр.); **дары** – **даренья** 'свадебные подарки молодым': *Дары бауатыи были у них* (ЗАТОН Вороб.). *Дар'э'н'ја тады скромнѣь были* (АРТ. Аннин.) и др.

3. *Отношения полисемии.* Рассмотрение явления полисемии возможно только на макроуровне диалектного языка, поскольку в разных говорах за основу для семантической деривации берутся различные компоненты значения производящего слова. В воронежских говорах в отношении полисемии вступает ограниченное число лексем: **бесѣда** 1. 'Свадьба': *Бис'эды были, кауда хл'эбушък уработ'ли* (КЗЛ. Бутур.). 2. 'Свадебные гости': *Друшки сад'аць з бис'эдѣ, з част'ами* (БРД. Аннин.); **венѣц** 1. 'Обряд венчания в церкви': *Привоз'ут' ат в'анца, нар'ажajúт'* у-какошник (КЛП. Бутур.). 2. 'Головной убор невесты для венчания в церкви': *Зъ въскавој вин'эц на дѣ платит' двацѣт' рубл'эј* (ДНК. Кашир.); **каравай** 1. 'Обрядовый свадебный хлеб': *Къравáj-тъ сват'ѣ п'акла* (СТ. НКЛС. Хохол.). 2. 'Обряд вручения подарков молодым (проводился во время разрезания свадебного каравая)': *Мьладых будут' дарит', къравáj*

называ́ица (МДВЖ. Семил.). Важно разграничивать явления полисемии и омонимии, вызванной значительной семантической деривацией слова. Основаниями для квалификации лексем как омонимов являются их соотнесенность с разными реалиями и невозможность установить синхронные семантические связи между ними [Лукьянова 1983: 34], тогда как взаимная обусловленность значений позволяет говорить только о полисемии [Козырев 1986: 69]. Следовательно, указанные лексем можно назвать полисемантическими. Новые значения образуются преимущественно путем метафоризации или метонимического переноса (действие > участники, предмет > действие с использованием данного предмета). Существование многозначных лексем доказывает открытость и взаимную проницаемость отдельных ЛСГ и полей, входящих в исследуемую тематическую группу.

Таким образом, лексика тематической группы «свадьба» в воронежских говорах представляет собой сложное системное образование, отличающееся иерархичностью структуры и многообразными связями между элементами. Поскольку системно-структурная организация свадебной лексики обусловлена спецификой самого ритуала как комплексного образования, при изучении диалектных лексем ТГ «свадьба» как культурных терминов необходимо обращаться к этнографическому материалу и анализировать его отражение в лексике говоров.

§5. Тематико-идеографическая классификация свадебной лексики в воронежских говорах

В качестве одной из основных задач этнолингвистических исследований выделяется «реконструкция языковой картины мира в связи с культурной и этнической самобытностью её носителей» [Березович 2004: 3]. Актуальность данной проблемы очевидна в свете общей тенденции к антропоцентризму в современной лингвистике. Картина мира определяется

как «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин 2002: 6]. В результате непосредственного познания действительности человеком формируется когнитивная (концептуальная) картина мира, которая включает в себя сумму знаний этноса или конкретного индивида об окружающем мире [Попова, Стернин 2002: 7]. Ее формой выражения служит опосредованная языковая картина мира (ЯКМ) «в виде семантических полей, классов и отношений между ними» [Герд 2005: 57]. Языковая картина мира определяется как «совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка, на определенном этапе развития народа» [Попова, Стернин 2002: 8; см. также Небольсина 2007]. Бесспорным представляется утверждение об этнической обусловленности картины мира, следовательно, через ЯКМ осуществляется фиксация и трансляция национального способа видения мира [Корнилов 2003: 32]. Исследователи придерживаются мнения, что основным источником информации о ментальности народа является лексико-фразеологический состав языка.

Территориальное варьирование картины мира этноса отражается в системе языка посредством лексики народных говоров. В связи с этим вводится понятие картины мира диалекта (ДКМ) как присущего данному диалекту «определенного устройства системы понятий, отражающего специфические пути освоения окружающего мира коллективом носителей данного диалекта» [Закуткина 2001: 25]. Как отмечает Е.В. Брысина, носители литературного языка и диалекта «не только по-разному пользуются языком, но и по-разному реализуют в языке свои представления об окружающем мире»: в языковых образах отражаются «элементы материальной и духовной культуры народа, менталитет, особенности этнического сознания, которые и определяют этнокультурную специфику языковой картины мира носителей диалекта» [Брысина 2012: 53]. Обращение

к ДКМ в последнее время является актуальным в лингвистике, связанные с ней вопросы поднимали Е.Л. Березович [2004, 2007], Е.В. Брысина [2012, 2012а, 2014], Т.И. Вендина [1998], К.И. Демидова [2003, 2007, 2015], Н.А. Лукьянова [1983] и др. ДКМ отличается от общеязыковой своим естественным характером, поскольку она складывается в замкнутом диалектном коллективе, но служит «своего рода субстратом для картины мира общеупотребительного языка» [Радченко, Закуткина 2004: 27]. В соответствии с этим, ДКМ можно рассматривать как национально- и культурно-специфичное представление членов языкового коллектива об объективной реальности, отраженное в языке через лексическую систему говора. Лингвокультурологическое исследование ДКМ помогает «раскрыть существенные особенности мировидения диалектоносителей» [Демидова 2015: 49], выявить их ценностные ориентации и установки [Демидова, Злыдённая 2006], что является существенным аспектом антропоцентрического подхода в языкознании.

Особый интерес представляет изучение лексики семейно-бытовой обрядности, в частности свадебной, поскольку в ней актуализируются представления народа о семейной жизни, родовых и семейных отношениях, институте брака и его роли в общественной и индивидуальной жизни человека, отражаются базовые этические и эстетические категории, а также ценностные установки членов языкового коллектива.

Поскольку лексемы реализуют свои семантические возможности не изолированно, а в сложной системе взаимоотношений, актуальной задачей становится изучение проблемы тематической классификации лексики [Новоселова 1972: 61], которая иллюстрирует богатство лексического обеспечения соответствующего фрагмента диалектной картины мира и позволяет установить принципы отбора слов в состав лексических объединений. Реализация ЯКМ осуществляется, в частности, через способы номинации [Кубрякова 1986: 27]. Выбор мотивировочных признаков,

лежащих в основе процессов вторичной номинации, индивидуален для каждого говора или группы говоров, поэтому можно утверждать, что «вторичные наименования могут дать представление о системе ценностей, которая сформирована в рамках определенной языковой картины мира» [Скороходова 2006: 99]. Во многих случаях обнаруживается взаимосвязь процессов номинации обрядовых реалий с экстралингвистическими факторами. Например, принятая в ритуале иерархия свадебных чинов фиксируется терминами с прозрачной внутренней формой: **дружо́к** ‘главный распорядитель на свадьбе, свидетель со стороны жениха’ и **полдружо́к** ‘помощник дружки на свадьбе’: *Дружо́к пьлдружо́к и сва́шкь разд’ава́жь и в’аду́т’ их спат’* (В. МАМОН Верхнемамон.), **любéзная** и **подлюбéзная** – ‘подруги невесты’: *Л’уб’э́знѣ и надл’уб’э́знѣ шјут’ жыниху́ партки́* (НЖ. ИКР. Лиск.) и др.

Интерес представляет такой показатель, как объем ЛСП – количество лексем, использующихся для номинации того или иного его фрагмента. А.С. Герд отмечал, что «обилие синонимов и производных, обозначающих одно понятие в одном ареале, свидетельствует об устойчивости и важности реалии в жизни и, тем самым, может служить дополнительным источником оценки отношения говорящих к тому или иному объекту» [Герд 1995: 65]. Этой же точки зрения придерживался и Ю.Д. Апресян: «Место той или иной подсистемы в иерархии прямо зависит от обслуживающего ее числа лексем» [Апресян 1995: 42]. Значительную часть лексики говоров составляют слова с ярко выраженными эмоционально-оценочными семами, что обеспечивает их активное функционирование в речи диалектоносителей, поскольку «большое влияние на устойчивость слова в диалекте оказывают его <...> эмоциональная окраска и прозрачность этимологии» [Баранникова 1967: 98].

Чтобы обеспечить точность и логичность тематической классификации, в ее основе должны лежать логические взаимосвязи лексических единиц, отражающие взаимоотношения, в которых находятся

предметы и явления в действительности. С опорой на системную организацию лексики и с учетом логико-понятийной структуры свадебного обряда тематико-идеографическую классификацию воронежской свадебной лексики можно представить в виде схемы, приведенной на рис. 1. Данная схема носит условный характер и может быть использована при проведении полевых исследований свадебной лексики в различных регионах с целью сравнения репрезентации соответствующих фрагментов ЯКМ в лексике. Состав и объем компонентов может варьироваться в зависимости от локальных условий и конкретных задач исследования.

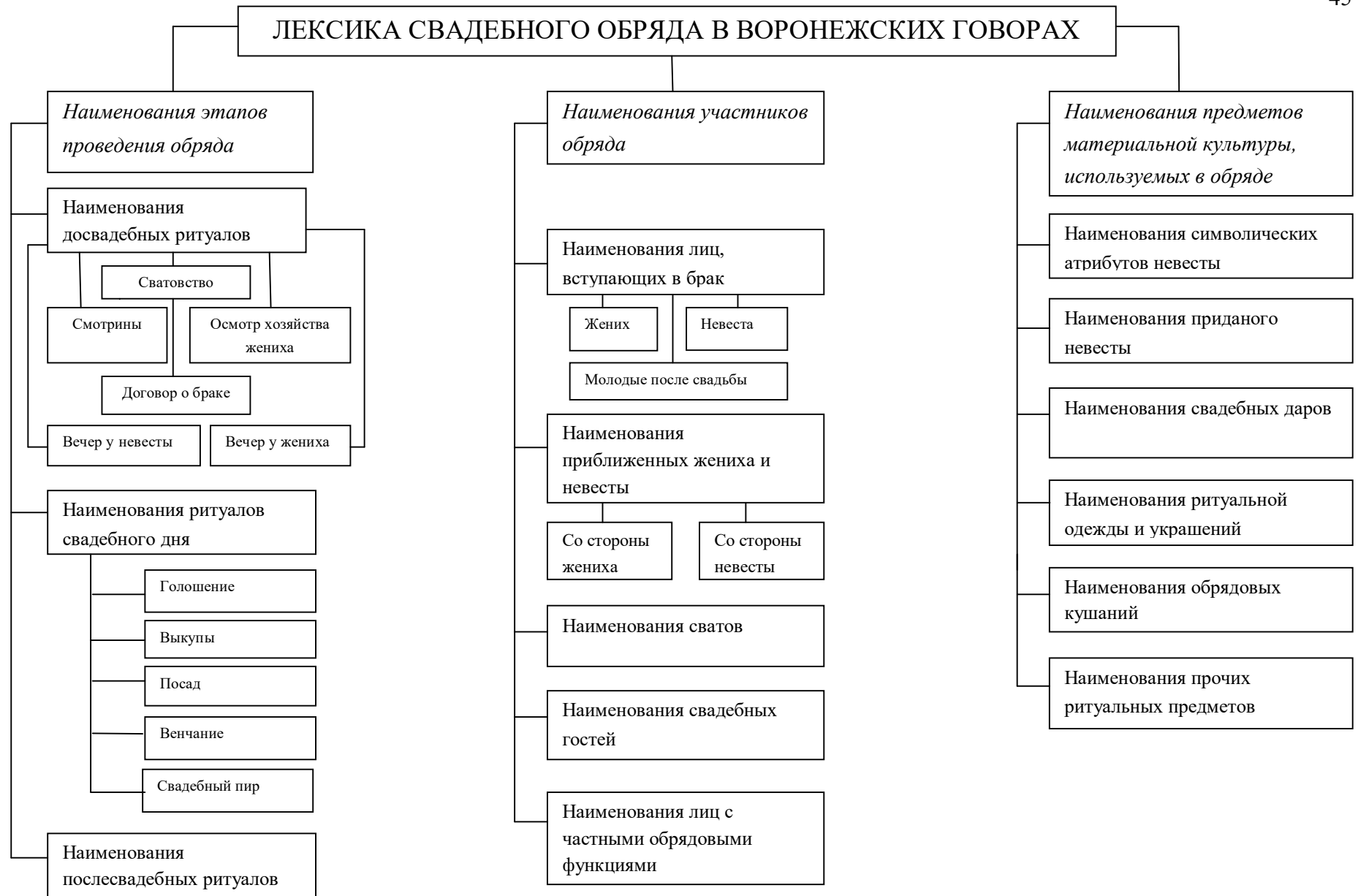

Рис. 1. Тематико-идеографическая классификация лексики свадебного обряда в воронежских говорах

ГЛАВА II. НАИМЕНОВАНИЯ ЭТАПОВ ПРОВЕДЕНИЯ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

Традиционный свадебный обряд представлял собой комплексное действие, которое помимо смыслового и процессуального ядра – венчания – включало в себя целый ряд ритуальных мероприятий до и после него. Несмотря на разнообразие локальных вариантов свадьбы, свадебный церемониал «создавался в известных исторических условиях и питался определенной средой при своем формировании» [Богословский 1927: 3], и его последующая дифференциация явилась лишь следствием культурно-бытовых влияний, которым он подвергался в ходе исторического развития. Поэтому мы считаем возможным рассмотрение инвариантной композиции воронежского свадебного обряда как подвида русской и – шире – славянской свадьбы. В большинстве работ, посвященных свадебной обрядности, говорят о трех основных периодах проведения ритуала: досвадебном (начиная со сватовства и заканчивая утром свадебного дня), собственно свадебном (сюда включают все ритуалы дня свадьбы/венчания до первой брачной ночи включительно) и посвадебном (по разным меркам продолжающемся от недели до всего первого года брака). Т.А. Бернштам возражает против такого вычленения этапов свадебного ритуала, полагая последний этап, «строго говоря, уже послесвадебным и по содержанию аналогичным послепраздничной гульбе (т. н. «отданье» праздника)» [Бернштам 2000: 137]. Однако мы все же считаем необходимым включение послесвадебных ритуалов в состав единого обрядового комплекса, поскольку важные смысловые и структурные элементы ритуала, возникающие на предыдущих этапах, находят свое развитие именно в посвадебный период, а именно на второй день свадьбы (проверка благочестия невесты, испытания молодой и т. п.). Поэтому, придерживаясь общепринятой в этнографии традиции, мы отмечаем в свадебном обряде Воронежской области, как и других регионов, трехчастную композицию со следующими основными этапами:

- 1) мероприятия досвадебного периода (с момента сватовства до утра свадебного дня);
- 2) мероприятия свадебного дня (до первой брачной ночи включительно);
- 3) послесвадебные мероприятия. Сюда входят частные ритуалы, совершавшиеся непосредственно после свадьбы (на второй и третий день), а также некоторые обряды, отправляемые в течение первого года брака [Маслова 1984: 8].

Определенные ритуальные действия могли быть опущены или произведены в порядке, установленном узколокальной традицией, но в целом композиция обряда была инвариантной для всего региона и – шире – для всей территории страны, что придает соответствующим лексемам терминологический характер.

В качестве объединяющих для лексико-семантического поля «Наименования этапов свадебного обряда» выделяются категориальные семы ‘часть свадебного обряда’, ‘ритуальное действие’. В роли дифференциальных сем выступают компоненты ‘место в структуре свадебного обряда’ и ‘характер обрядовых действий’. Рассмотрим состав и взаимоотношения лексем в отдельных ЛСГ, образующих данное поле.

§1. Наименования заключения брака и проведения свадебного обряда

Лексема **сва́дьба** в значении ‘заключение брака, сопровождающееся проведением комплекса обрядовых мероприятий’ является общеславянской и встречается практически во всех языках славянской группы: рус. *свадьба*, белор. *свадзьба* (витеб., минск., гомел. *свадзьба*, брест. (редко) *свадьба*, *свадзьба*, *швадзьба*), укр. харьков., луган. *свадьба*, болг. *свадба*, чеш. *svatba*, серб.-хорв. *свадба* (*svadba*), словен. *svatba*, словац. *svadba* (*svad'ba*, *svadzba*), н.-луж. *swadzba*, *swajzba* [СД IV: 545-546]. Слово *свадьба* широко используется во всех русских народных говорах. Словарь В.И. Даля

предлагает такое определение и этимологию данной лексемы: «Сва́дьба (от *сва́дить, сводíть* – ‘сближать, знакомить, мирить’; *сводить* и *сватать* общего корня) – обручение, совершение брака, женитьба и замужество, повѣнчанье, со всѣми брачными обрядами и пирушками» [Даль 4: 148]. П.Я. Черных возводит происхождение термина *свадьба* к слову *сват*, которое, в свою очередь, является производным от древней основы «*seue-, *sue-» – ‘свой’. Исходя из этого, *сватать* – ‘делать своей, присваивать’, *свадьба* – ‘присвоение’ [Черных 1999, т. 2, с. 143]. Такая этимология отвечает идее свадьбы как полного разрыва связей невесты с собственным родовым коллективом и перехода в род жениха, в котором она становится «своей». На противопоставлении «своего – чужого» и мотиве последовательного перехода от одного из этих состояний к другому строятся многие обрядовые действия [СД IV: 546]. В воронежских говорах лексема **сва́дьба** распространена повсеместно и характеризуется формальным и семантическим тождеством с соответствующей лексемой литературного языка: *Сва́т’бу сыура́ли, ну и вот живу́ нас’а́т бо́лэ уадо́ф тут* (ИСТ. Реп.). *По’сл’э сва́д’бы и живу́т и д’ару́ццэ и ухóд’ут. Сича́с д’у’жэ ухóд’ут’* (Р. ЖРВ. Верхнемамон.). *Ра́н’ша сва́д’бы н’а так иура́ли как ны́нча Пар’а́дак стрóуий был* (МСТ. Остр.). *Ды сва́д’ба э́ть адна́ кля́та* (ПСК. Повор.). Помимо этого, в воронежских говорах с украинской основой представлены лексемы:

1) **сва́йба**: *Собирають вичьорину пирид сва́йбою* (ЛКВ. Подгор.). *А про нівесту казали – молодичка наша, а після сва́йби – молодиця наша* (ЛКВ. Подгор.). *Сначала запоїни, а тоде вже сва́йба* (УРЫВ Остр.). *У подруги на май сва́йба* (ППВ. Россош.; Реп.) [СУГВО-2: 193]. Данная лексема зафиксирована в СРНГ с пометой ‘юго-вост.’, в качестве ареала распространения указаны кубанские, донские, курские, красноярские, верхнеленские, иркутские и воронежские говоры: *У них свайбу гуляли, почесть, цєю (целую) няделю.* Ворон. [СРНГ-36: 204]. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» помимо русских говоров (воронежские говоры отмечены наряду с курскими, кубанскими

и донскими) зафиксировано распространение данной лексемы в украинских говорах (луганские, полтавские), а также в чешских (ц.-морав. *svajba*);

2) **сва́льба**: *Кажуть, шо дощ на сва́льбу ни к сльозам, а к багатству* (ПРВ. Калач.). *А то як угрохають сва́льбу* (ПЛС. Бог.). *Сва́льбу гуляли в столові* (БЧК. Петропавл.). *Будиш, онучьок, на свальба́х грати* (МРЧ. Ольх., ГРН. Вороб., С. МЛВ. Петропавл., СТ. КРШ. Петропавл.). [СУГВО-2: 193]. Данная лексема также распространена в русских говорах: вологодских, костромских, владимирских, кировских, вятских, пермских, кубанских, уральских и др. [СРНГ-36: 208-209] и в диалектах украинского языка (сумских, луганских, волынских (редко), ивано-франковских, закарпатских) [СД-IV: 546; Магрицька 2003: 131].

Наиболее распространенным диалектным обозначением заключения брака в воронежских говорах является лексема **бесе́да**: *Тада́ б'ас'э́дъ сва́д'бъ называ́льс'* (МСЛ. Врн.). *Бис'э́дъ вис'о́лчъ была́* (КЗЛ. Бутур.). *Гру́снѣ н'ав'э́сть на б'ас'э́дъ была́* (ШСТ. Бобр.). В словаре В.И. Даля *беседа* – ‘собрание, общество, кружокъ, сходъ или съѣзд для бесѣдованія; праздничныя вечернія собранія у крестьянь’ [Даль 1: 86], конкретное значение ‘свадьба, свадебное гулянье’ не зафиксировано. В «Словаре русских народных говоров» *беседа* – 1) ‘вечернее собрание молодежи в доме с работой или только для увеселения; посиделки’ (твер., калуж., яросл., иван., костром., влад., новг., ленингр., волог., олон., арх., енис.); 2) пирушка (в качестве ареала распространения наряду с воронежскими говорами указаны орловские, калужские, брянские и московские). В значении ‘свадьба; участники свадьбы’ лексема употребляется в пермских, уральских, свердловских и кубанских говорах; кроме того, в уральских говорах отмечено значение ‘вечеринка перед свадьбой’, в архангельских – ‘вечер с увеселениями, проводимый подругами невесты в ее доме за шитьем приданого’ [СРНГ-2: 262]. М. Фасмер возводит эту лексему к сочетанию *bez-+ *seda – ‘сидение снаружи’ – и указывает на ее диалектное значение ‘собрание, пиршество’ [Фасмер-1: 160]. Данная лексическая единица

приведена в диалектных словарях сопредельных областей в значении ‘свадебное торжество’: *У наших сас’э дѣ сивó днь бис’э дь* (Лив. Орл.). *Харошья на другой день биседь была, а усиво гуляли три дня* [СКГ-1: 82].

Традиционной для воронежских говоров является и общеславянская лексема **весѣлье**, зафиксированная в «Словаре русского языка XI-XVII вв.» со значением ‘свадьба’ [СРЯ 2: 112] и отмеченная в памятниках письменности XVII в. В народной культуре под весельем понимается ритуализированное выражение положительных эмоций, сопровождаемое смехом, песнями, плясками, играми и т. п. Оно обладает мощным апотропейным действием и в этом качестве сопровождает большинство семейных обрядов, в частности свадебных. Неслучайно в ряде славянских языков корень *-весел-* содержится в словах, обозначающих свадьбу: украинское *весілля*, белорусское *вяселле*, польское *wesele*, словацкое *veselie*, чешское *veselka* [СД-1: 346]. В словаре В.И. Даля лексема *веселье* приведена в значении ‘свадьба и празднество свадебное’ с пометами *стар.* и *южн.* [Даль 1: 188]. Она широко распространена в воронежских говорах: *Как таб’э назв’ат’-ть, ну и св’ад’бь – вис’э’л’ь* (ПЛН. Нижнедев., ДРК. Лиск.). *На в’ас’э’л’ь зв’али, ја н’э пашла* (ШСТ. Бобр.) – и имеет семантические параллели в курских, орловских говорах: *З’афтра з д’э’фк’ми на вис’э’л’ь ид’ом* (Урицк. Орл) [Костромичева 1997]. *Кадь м’ладыи с церкви приедуть, н’щинають виселье, пир у дома жыниха* [СКГ-2: 45]. В СРНГ лексема отмечена в значении ‘свадьба’ как свойственная куйбышевским, смоленским, псковским, среднеуральским, вологодским и архангельским говорам [СРНГ-4: 181]; её основа служит производящей для прилагательного *весельный* – ‘свадебный’ [Там же: 182]. В украинских говорах Воронежской области употребляется лексема **весілля**, свойственная украинскому литературному языку: *Вчора ми були на весілли* (ППВ. Россош.) [СУГВО-1: 53]. Нами было выявлено локальное суффиксальное образование **веселу́ха**: *Ана́ на в’с’алу́хузав’от’* (Б. ПРВ. Верхнехав., РМН. Аннин.), отличающееся использованием словообразовательного форманта *-ух-*.

Яркие экспрессивно-оценочные семы, отражающие восприятие свадьбы как веселого, радостного праздника, актуализируются и в лексемном ряде **гульба́**: *Р'э ткъ пид на гул'б'э то́лка* (Н.СЛС. Семил., ЯРКИ Новохоп.). *Ох гул'ба́ нашь рьзв'ас'о́лацъ!* (РГЧ. Н-Усм.). *На гул'бу́ мин'э зва́ли* (РПН.Врн.). *У них ны́нча гул'ба́* (С. ЛПГ. Нижнедев.). *Гул'бу́ пайд'омүлид'э́т'* (ОРЛ. Тал., МДВЖ. Семил.). *Чича́с уш тако́й гул'бы* н'эт, бьс сва́д'бы (НКЛ. Терн.); **гулюшки** – ‘праздничное, свадебное застолье’: *Гул'у́шки бы́ли вис'о́лыми* (СР. КРЧ. Гриб.); **гулянье**: *Гул'а́н'я* была в'ас'о́лаца учара́с' (ДВЦ. Семил.). Ср. в русских говорах *гулюшка* (об. мн.) – ‘гулянье, кутёж, попойка’ (кур., куйбыш., олон.); ‘развлечение, гулянье, веселье (пск., смол., урал.)’; *гулянье* – ‘свадьба’ (пенз.) [СРНГ-7: 221]. Указанные номинативы явно мотивированы общеславянским словосочетанием **гулять свадьбу** в значении «справлять свадьбу», зафиксированным в воронежских и других русских говорах: *Бувала на сва́д'бу гул'а́ли, до́луь этъ бы́ло, а то ш'ас пирип'ју́ць и фс'о́* (Р. БЛВ. Павл.). *Сва́д'бу в аб'э́х двара́х гул'а́ют'* (СР. КРЧ. Гриб., ДНС. Верхнемамон.). *Я винча́ць ни хачу́ гул'а́т' сва́д'бу ни бу́ду* (Дмитр. Орл.) [Костромичева 1998]. Ср. бел. *згуля́ць вясэ́лле*– ‘сыграть свальбу’, укр. *гуля́ти сва́д(ї,л')бу* – ‘святкувати весілля’ [Магрицька 2003: 43]. А.А. Потеня и А.И. Соболевский считают исходным значением слова *гулять* ‘пить’ (ср. сербохорв. *гу́лити* – «пьянствовать»), что мотивирует диалектное значение ‘пировать, праздновать’, но истоки его остаются неясными [Фасмер-1: 473-474]. Семантика ‘пьянствовать, проводить время в попойках’ зафиксирована и В.И. Далем [Даль 1: 418]. В русских говорах *гуля́ть* – ‘веселиться, употребляя спиртное’: *Пра́зники и пра́зники гуля́ть ньда́ела* [Маслов 2006: 40]; ‘быть, проводить время в гостях, ходить, ездить в гости’ (владимирские, вологодские, орловские, пермские говоры) – в этом же значении лексема отмечена в «Словаре Академии Российской» с пометкой «просто нар.»; ‘ходить на беседу, на вечеринку’ (вологод., яросл.) [СРНГ-7: 224]; *гульба́* – ‘празднество’: *Гульба́ в разга́ри* [Маслов 2006: 40]; ‘пирушка,

сборище, веселье' (уральские, вологодские, архенгельские, олонечские говоры) [СРНГ-7: 217].

В воронежских говорах также зафиксированы существительные со значением 'свадьба, брак', мотивированные общерусским глаголом *жениться* и не отмеченные в рассмотренных диалектных словарях: **жéна**: *Тадá жéнь была́, а ражжэнь н'э́ былъ* (НЖ. ИКР. Лиск.); **жы́нй тво́**: *Н'эт, ж жы́нй тво́м ани́ малча́т'* (ВСЛ. Гриб.). Данные лексемы образованы по аналогии с общерусской лексемой *женитьба*, однако в качестве средств номинации выступают аффиксы, более продуктивные в говорах, чем в литературном языке. Смысловый вектор в этом случае традиционно направлен в сторону молодого человека, «приобретающего, обзаводящегося женой», что отражает идею перехода невесты в родовой коллектив жениха (ср. в русских говорах *поима́ть (ноя́ть) жену* – 'сосватать, жениться' [Даль 3: 241]). Семантика приобретения также отражена в глагольных лексемах **ожени́ть, оба́бить** (кого-л.) – 'женить': *Мы ти³б'э́ тут ажэ́ним* (ЛОМЫ Вороб.). *Шата́жуца дъ-трицати́ л'эт, а-пато́м јаво́ сафс'э́м н'э-ажэ́ниш* (ПР. ХАВА Верхнехав.). *Ми тебе́ скоро́ оже́нимо* (ЛОМЫ Вороб.) [СУГВО-2: 59]. *Папрóбу ажэ́ни́ нашьва́ ма́льва* (ПР. ХАВА Верхнехав.). *Ажани́л сы́нь* (СЛД. Остр.). *Старуха, чай пора́ малого́ оба́бить?* (Ворон., Кубан., Пенз.). [СРНГ-21: 339]. *Сы́на парá-бы аба́бит', уж барада́ прабива́йць, да фс'о жэны́ н'эт* (ВРН.). Лексема *ожени́ть* представлена во многих словарях: *ожени́ть* – 'женить, или дать жену, обрачить, обвинчать, справить свадьбу' [Даль 2: 679], в том числе и современных (с пометами *устар.*, *обл.*). В воронежских говорах функционируют и возвратные формы рассматриваемых глаголов: **оба́биться, ожени́ться** – 'жениться': *Ива́н-ть?* *Аба́билс'ь в'осно́й* (ХЛБР. Аннин.). *Он дажно́ аба́билс'а* (ПТН. Хохол.). *Мий старший брат ожини́вся* (ППВ. Россош. Повсеместно). Лексема отмечена в «Словаре русских народных говоров» как присущая воронежским, курским, калужским, казанским, костромским, пермским, петербургским и тверским говорам [СРНГ-21: 339].

Среди синтаксически связанных конструкций семантику приобретения реализуют сочетания **взять (кого?) в жены**: *Он вз'ал јѣјо в жѣны, каудá јѣј б'ылъ двáцэт' л'эт* (ЩЧ. Эрт.) и **ухватить дѣвку** в значении 'выгодно жениться и (или) взять в жены хорошую, достойную женщину': *Ох и харóшују д'эфку он ухват'ил* (ББК. Н.-Усм.). Однако в воронежских говорах отмечен локализм **взять (на кого?) з'ятя**, где вектор приобретения направлен в противоположную сторону: *Ан'и хат'ат вз'ат' на н'ѣјо з'ат'а* (МЧТ. Бобр.). Это сочетание является аналитическим эквивалентом глагола *призят'ить* – 'взять зятя в дом' (вост., сев.) [Даль 3: 429]. В рязанских говорах зафиксировано синонимичное сочетание *взять в зятья* – 'принять в дом зятя или мужа': *К ней зять пришел, в зятья она взяла* [СРНГ-12: 51]. Женитьба с уходом в дом невесты обозначается в воронежских говорах посредством аналитических сочетаний **во двѣр в'йти** *В'ишъл ва двѣр'эт' ну врѣдѣ жан'илсц к јѣј ушѣл жыт'* (Б. ВРК. Рам.); **в'йти на жѣнщину** *в'йти в з'ятя В'ишъл на жѣнщину, у з'ат'ја назывáјць* (СЛД. Остр.); в говорах с украинской основой отмечаются аналогичные конструкции **п'ити, пристáть у зят'и** – 'женившись, уйти жить в дом жены': *Батьков'и стидно, шо син у зят'и п'ишов: хата своя є, а в чюжу п'ишов* (БЧК. Петропавл.) [СУГВО-2: 108]. *Вин до когось у Бичку пристáв у зят'и* (СТТЛ. Бог.) [СУГВО-2: 150]. Словосочетания тождественной семантики встречаются и в других регионах. Так, в русских говорах *быть в зятьях* – 'жить в доме жены' (ряз.), *выйд'ить (уйт'ить, взойт'ить, выход'ить, ид'ить, поступат'ь, заход'ить...)* в зятья, в зят'и – 'женившись, перейти в дом жены': *Если хочешь ид'ти в зят'и, посмотри в люльку, не ворош'ится ли там подарек* (Смол. 1914). *Он с одной женой жил, в зятья к ней заход'ил. Мой сын женился, в зятья взошел, да не пондравилось* (ряз.) [СРНГ-12: 51]. В брянских говорах *прийти в зят'и* – 'прийти на жительство в дом жены после женитьбы': *Антон Колобок, его зовут Приходька, пришел в зят'и с Дядьковичем* [СРНГ-31: 232-233]. В говорах рязанской Мещеры *войт'ить (ит'ить) в зятья* – 'женившись, перейти жить в дом жены': *Брат жыв'ѣт са свякрѣв'ѣу х зятья'а вайѣл*

[Ванюшечкин 1987: 149]. В других русских говорах отмечены конструкции аналогичной семантики с существительным *прима́к* – *пойти (прийти) в примаки́, жить примако́м*: *Я суда в примаки пришол* (киров.). *Ихний парень к нам в примаки пошёл* (костром, новосиб.). *У Людмилы Павловны мужик примаком живёт* (свердл.) [СРНГ-31: 285]. В воронежском регионе словосочетания с данным существительным отмечаются в говорах с украинской основой: *у при́йми іти (піти), у при́ймах жить* – ‘идти (пойти) на жительство к жене’: *Ото ж у при́йми иде – ото приймака́ми звали* (ГРМ. Кант.). *У його ж хати ни було, так він пішов у при́йми* (СТТЛ. Бог.). *У при́ймах жить пагано: ти ж там ни хазяїн* (ЗМС. Петропавл.) [СУГВО-2: 146]. В рассмотренных сочетаниях в роли главного слова выступают глаголы перемещения в пространстве, в роли зависимого компонента – общеславянский термин родства *зять* либо номинатив *прима́к* – ‘зять, принятый в дом тестем, призяченный’ [Даль 3: 438]. Лексема обладает прозрачной внутренней формой и мотивирована широко распространенным в говорах глаголом *прима́ть* – ‘брать, получать, принимать (из рук в руки, в свое распоряжение)’ [СРНГ-31: 288]. В значении ‘пускать к себе в дом’ употребляется в средне- и южнорусских говорах, в том числе воронежских [Там же: 289]. В русских говорах *прима́к, прима́ка, прийма́к* – ‘муж, принятый в дом жены’ (кур., брян., краснодар., волог., арх., костром., пск., Азерб. ССР, Латв. ССР, Эст. ССР, Приангарье, Бурят., Киргиз.). [СРНГ-31: 232; 285].

О невесте в таком случае говорится, что она **во дворка́х**: *Доч была въ-дварка́х* (НКЛС. Вороб.). Ср. в донских говорах *водво́рка* – ‘девушка, выданная замуж и оставшаяся жить в доме родителей (выданная замуж, но не на сторону, «за двор», а оставшаяся дома)’ [СРНГ-4: 334]; в псковских говорах *дво́рница* – ‘хозяйка дома’ [Даль 1: 435], в архангельских и пермских говорах *дво́рник* – ‘муж, принятый в семью жены, живущий в доме жены’ [СРНГ-7: 299]. В говорах Липецкой области *водво́рник* – ‘муж, живущий в

доме жены': *Тах-та, Миш, увадво́рникам быть. Кошку-та и то на Вы будишь называть* (Измалковский р-н Лип. обл.) [Головин и др. 1987: 24].

Поскольку в сельской общине традиционно господствуют патриархальные модели построения семьи и ведения хозяйства, мужчина при вступлении в брак становится полноправным членом общества и хозяином собственного «двора». Обладание двором являлось индикатором хозяйственной самостоятельности человека, что «для традиционной культуры в значительной степени служит фундаментом морали: отсюда столь негативное осмысление отсутствия двора или "неприкрепленного" к нему положения человека» [Березович 2004: 19]. Муж, переходящий на жительство в дом жены, не оправдывал социальных ожиданий и воспринимался членами общины как не завершивший инициацию. В новой семье такой человек не пользовался уважением и не имел никаких прав, а потому подобный сценарий повсеместно оценивался диалектоносителями как нежелательный: *Быва́л в зятья́ вѣйтить за грех щита́ли А щас фсе́ пирьяша́льсь* [Маслов 2006: 29]. *Прима́к он для еѣ был, его и не любили (Костром. Приангарье, Киргиз., Бурят.). Когда некуда жонку вести, так сам пойдешь в примаки. Прима́кой идти – самый большой позор (Пск.)* [СРНГ-31: 285]. Неслучайно *прима́ком*, *прийма́ком* в различных говорах называли, помимо зятя, приемного сына в семье (калужские, тверские, архангельские диалекты и говоры республики Карелия) или вновь принятого на работу, еще бесправного члена артели (Забайкалье) [Там же]. Кроме вышеперечисленных, в воронежских говорах также употребляется лексема *валéт*. *У них вал'э́т зь хаз'а́ина* (ШСТ. Бобр.), которая является результатом метафорического переноса с названия *валет* – ‘младшая из фигур в игральных картах; холопъ, холуй, хамъ’ [Даль 1: 163]. Название карты было заимствовано из французского языка, где *valet* – ‘слуга’ [Фасмер-1: 269]; таким образом, в говорах подчеркивается подчиненное положение такого мужа в семье жены. По данным словарей, *валетом* в ивановских говорах называли ухажера, не демонстрирующего намерения жениться: *Якшаться с каким-то валетом*. В тверских и псковских говорах

данная лексема употребляется в значении ‘лакей’ и снабжена пометой «пренебреж.» [СРНГ-4: 26].

По отношению к женщине в значении ‘вступить в брак’ в воронежских говорах широко употребляется общерусская конструкция **вЫйти за́ муж** *Ну напри́м’э́р вот как ја выхаді́ла за́муш от у м’эн’а́ сва́дба была́ л’э́тѣм* (ИСТ. Реп.). *Ја выхаді́ль за́муш мин’э́ въсимна́цѣтѣ́ уо́т-тѣ́ был* (СТ. ЧИГЛА Аннин.). *За́муш ра́нь вЫшль* (ТРС. Лиск.). *Зимо́ј за́муш выхаді́ль, сид’мо́вь* (ХЛБР. Аннин.). Ср. аналогичную конструкцию *прийти заму́ж* в псковских говорах: *Заму́ж пришла и штанов не было* [СРНГ-31: 233]. Лексема **за́ муж** также функционирует как субстантив женского рода в значении ‘замужество, замужнее состояние’: *Ка́к ани кѣржа́ют’ э́нти п’ја́ныц, во́т-ана кака́јѣ сича́с за́муш* (РСТ. Эрт.). В словаре В.И. Даля отмечены лексемы среднего рода *заму́жье, заму́жество*, а также женского рода *заму́жба* [Даль 1: 623]. В СРНГ отмечено лишь наречие *заму́ж*, а также номинативы *заму́жво* (тобол.) и *заму́женье* (новг., орл. с пометой «фольк.») [СРНГ-10: 261]. Уже отмеченный выше смысловый вектор перехода девушки из одного родового коллектива в другой отражен в словосочетании **разда́ть доче́ре ѝ** – ‘выдать замуж’: *Дѣчир’э́ј фс’э́х рѣздала́* (ГРЖ. Рам.).

Примечательно своеобразие функционирования лексемы **оба́биться** в значении ‘выйти замуж’: применительно к женщине данная лексема в различных говорах может приобретать и нейтральную, и отрицательную коннотацию:

1. *Маја́ д’эфкѣ́ оба́бильс’а* (ДВД. Лиск.). *Мат’ с ати́о́м ни пускajúт’, хѣт’ ја́ оба́бус’* (ДВД. Лиск, ПТН. Хохол.) – нейтральная коннотация (ср. в говорах *обабиться* – ‘выйти из девичьего состояния, стать бабой’: *Ана́ и за́муш выхаді́ль што́ бы́ оба́бицѣ́* (ГДВ. Семил.); ‘стать женщиной, женою’ [СРНГ 21: 339]);

2. *Абалб’э́силс’, с јэ́тих по́раба́бильс’* (КПН. Лиск.) – отрицательная коннотация (*обалбе́ситься* – стать невежей, неучем).

Особое место занимает аналитическое наименование **рогачи́ связать**– ‘поженить детей’, отличающееся явным метафорическим характером и содержащее сему ‘породниться’, обусловленную культурной семантикой рогача как символа домашнего хозяйства в целом: *Давáј рьгачи́ св’áжъм* (ХРН. Бобр.). Как видно из приведенного примера, акцент в восприятии свадьбы делается не только на создание новой семьи, но и, в первую очередь, на объединение двух родовых коллективов. Ср. в курском свадебном обряде сваха «трогала комень печи, связывала рогачи, потом спрашивала о продажной телке» [Русские 1989: 174]. Помимо этого, в значении ‘выйти замуж’ в говорах зафиксировано словосочетание **завязáть гóлову** *Зав’зáт’ уóльвус мьлоды́х уодóв* (РОССОШЬ Россош.) – которое является результатом метонимического переноса и связано с ритуальной семантикой смены прически как маркера изменения социального и половозрастного статуса женщины.

Центральным событием свадьбы в традиционной сельской культуре являлось церковное венчание как единственный способ заключения законного и нерушимого брака, что называлось **венча́ться** *Тады́ б’эз в’аницу́ м’эн’á мат’ н’э давáја и в’анча́цца д’э́н’эх н’эт, н’э на штъ ды мат’ пашлá и урит’*: *а ја б’эз в’аницу́ на дам* (ШСТ. Бобр.). *У-чатв’э́рх у́жын был а у-п’áтницу на́ да в’ан’ча́ца* (БДВ. Лиск.). Однако общественные события складывались так, что росло значение гражданской регистрации брака в органах ЗАГС. В говорах такой способ заключения брака имеет несколько наименований:

1) **записа́ться** *Записа́лися вот Пэ́тя с-Та́ней / я встричя́ла с-хлэ́бъм с-со́л’ю* (Новохоперский р-н) [Воронежская молвь 2008: 79]. *Записа́лис’ мы с-ним, да и жив’о́м паш’áс* (АРТ. Аннин.). *Ф-сил’сав’э́т мьладь́ја хадíли запи́ сывьць* (ОРЛ. Тал.);

2) **расписа́ться** *Тан’э́р’ паиду́т’ рьспíи шу́цут’ та́х-тъ* (ГРМ. Хохол.). *Расписа́лис’*. *В-вэ́скр’эс’э́н’ь свá’дбу иу́ра́т’ бу́дут* (ДВД. Лиск.). *Јэ́сли ри’б’о́нък ньради́цць таудá распíи сывь́жутць* (ЧРТ. Семил.) *Давно́ рьсписа́лис’*. *Рьсписа́ць н’адóлуа, ва́жна как жыт’ бу́дут’* (ПР. ХАВА

Верхнехав.) (ср. в костромских говорах *распи́ска* – ‘регистрация брака в загсе’ [СРНГ-34: 167]). При этом глагол *расписать(ся)*, по данным словаря, имеет в некоторых говорах противоположное значение – ‘разойтись, расторгнуть брак’ (ленингр.; липецк., ворон., 1928) [СРНГ-34: 167], о чем свидетельствует наличие в словообразовательной структуре лексемы приставки *рас-* со значением разделения, аннулирования. Несмотря на то что в качестве ареала распространения указана и Воронежская область, полевые материалы на современном этапе не подтверждают функционирования данной лексемы в воронежских говорах для обозначения расторжения брака;

3) *писа́ться* – ‘регистрировать брак’: *Ани́ в-захс паши́ли писа́тць* (ПР. ХАВА Н-Усм.). *Вздú малиписа́ца зна́чит в-васкр’ас’э́н’ю был запо́ј, а у пан’ад’э́л’ник н’ал’з’а писа́ца* (В. ИКР. Бобр.). *Када́, гавари́т, дú маит’ писа́ца? Ну на-то́т д’эн’* (В. ИКР. Бобр.). *Мълады́жь писа́ць паши́ли* (Шаталовка Белгород. обл.). В СРНГ лексема отмечена как воронежская, а также известная в архангельских говорах [СРНГ-27: 46]. Социальный статус мужа и жены обозначается лексемой **пи́саные** – ‘состоящие в зарегистрированном браке’, в противоположность сожителству (**непи́саные**): *Жыву́ т’и-фс’о́ нипи́саныи* (В. ТШН. Тал.);

4) *загистры́ровать(ся)* – официально заключить брак. *И э́нти н’а заустры́рвалис’* (РСТ. Эрт.). *Пака́ их-та́м зьустры́ру́ют’* (ХРН. Бобр.). *Ну пришо́л он, паши́ли р’эу’астры́рваца, зар’эу’астры́рвалис’* (В. ИКР. Бобр.). После церемонии муж и жена приобретают новый социальный статус – **загистры́ рованный** ‘состоящий в официальном (зарегистрированном) браке’: *Мы́ с’јим заустры́рваны* (КЧТ. Хохол.).

Характерно, что диалектоносители осуждают сожителство без заключения брака, которое в говорах называлось **наро́чный брак** *А-ш’а́с како́ј-то бра́к пашо́л наро́шны́ј, да, гражда́нскиј. Јэ́ то ны́нчэ ты е́ни́м, а за́втра бу́дэши до́ма у па́ны с ма́м’я. А мы вот р’ашы́ли – зна́чит, бу́дэм жы́т’, и фс’о по-пут’у. Зар’эу́истры́рвалис’, појэ́хали перв’энча́лис’а до сва́д’бы. Вот, појэ́хали, п’э́рв’энча́лис’, ус’о́ как поло́жъно гаспо́т’ дал и фс’о́*

харашо́. А јэ́то ну што́ шас: хва́т'-мат', хл'оп-ст'оп (КР. ЛОГ Кашир.). Венчание нередко воспринималось как обязательный элемент даже при условии заключения брака в органах ЗАГС: *Роди́т'ьли вин'ча́лис'. Роска́звали, он'э́ друк-дру́шку на-зна́ли. А ш'ас чо́ вин'ча́т', но вси-рѣвно́ ји́з'дијут. Р'э́ткъ-тъ у на́с вин'ча́јут. Вот давно́-уш напро́т' свáт'ба бы́ла, вин'ча́лис'* (ХЛБР. Аннин.). В представлении диалектоносителей брак заключается один раз на всю жизнь, поэтому его расторжение также подвергается порицанию: *А т'ап'э́р' падни́ла хвост и ушла́. А ф стърин'э́ пѣд'ару́ ццъ и ма́тѣри нь пажáльццъ, а сичáс ѿна как жы́вут, рѣвна́пра́ ви́ѣ. Ф старину́ э́тѣвь нь былó нь рѣзвaди́лис'. А сичáс зьльуистрíрујэццъ, а жыт' н'а хóчь* (Р. ЖРВ. Верхнемамон.). Действие по расторжению брака в говорах обозначается глаголом **разжени́ться**, представляющим собой диалектный антоним к литературному *жениться*: *Сас'э́ди **разжжани́лис'а*** (ХРН. Бобр.). Литературной лексеме 'развод' соответствует в говорах субстантив **разжéна**: *Тада́ жэ́нь бы́ла а **разжжэ́нь** н'э́ былъ* (НЖ. ИКР. Лиск.). В других русских говорах лексема *разжéна* отмечена только как наименование лица – 'разведенная женщина' (брян.) [СРНГ-33: 340], а также в качестве существительного общего рода, обозначающего человека, находящегося в разведенном состоянии (от глагола *разжéнивать*, *разжени́ть* – 'развести, отлучить от жены, уничтожить') [Даль 4: 27]. Для обозначения социального статуса бывших супругов в русских говорах функционируют существительные, образованные от той же основы: мужского рода – *разжéнец* (смол., пск., сев.-зап., новосиб.), *разжени́тик* (томск.), общего рода – *разжени́ха* (новосиб.), *разжéнка* (новосиб.), *разжéнь* (иван.), а также номинативы pluralia tantum – *разжéницы* (кемер.), *разжéны*, *разжéня* (нижегор., ср. урал., новосиб.) [СРНГ-33: 340-341]. От общерусского глагола *развести(сь)* в говорах образованы лексемы *развóдка* (смол., зап., южн. сиб., брян., азерб., киргиз.) [СРНГ-33: 292], *разведéнка*, *разведéнец* [Даль 4: 16].

Как показывает материал, в целом на современном этапе повторный брак не осуждается, однако его статус по сравнению с первым оказывается

ниже. Об этом косвенно свидетельствуют воронежские локализмы, служащие для обозначения мужа дочери в первом и втором браке. Так, первый муж дочери в говорах именуется **ро́дный зять**: *Ана́ вы́шла зъ дру́о́вь, а ја фс'о ро́днавь з'а́ть* л'убл'у (МЧТ. Бобр.), а второй – **неро́дный зять, неро́дный муж** (СТ. ТД. Аннин.) [Несветаев 2008: 164]. В данных наименованиях эксплицируется значимость и нерасторжимость принадлежности к роду независимо от жизненных обстоятельств. Помимо этого, в говорах зафиксирован номинатив **второ́же́нец** – ‘мужчина, женатый второй раз’, который в контекстном употреблении также обладает негативными коннотациями: *Вот жэ́нитца фтаро́й ра́ фтара́жэ́ ниц' йиму́ вулаза́/ ды ты фтара́жэ́ ниц* (Новохоперский р-н) [Воронежская молвь 2008: 77].

В значении ‘справлять свадьбу, проводить обряд’ в воронежских говорах используются лексемы **гуля́ть**: *Гул'а́ли сва́д'бу в'э́сила п'э́ли плисáли* (ПЧЛ. Бобр.). *Во́сьм' д'о́н быва́ль гул'а́жут'* (БОРОВОЕ Врн.), **справля́ть**: *Гул'бу́ спра́вили* (Б. ВРК. Рам.), **состро́ить**: *Гул'бу́ харо́шу ана́ састро́иль* (СТ. НКЛС. Хохол.), а также повсеместно употребляемый в диалектах общерусский глагол **игра́ть (сыгра́ть)**: *В'э́сила сва́д'бу иу́ра́ли по́сль винча́нцъ, а да э́тва нив'э́сть уаласи́т' далжна́* (КЛП. Бутур.). *Сасва́тъли с висны́, а сва́д'бу то́лкь о́син'ју сыу́ра́ли* (ЗЛЖ. Лиск.). Ср. в орловских говорах: *Мы абыгра́ли нь сравни́т', а у э́тих сафс'э́м н'а то на сва́р'бь* (Мцен. Орл.) [Костромичева 1998]. По всей вероятности, такое наименование связано с традиционным представлением о свадьбе как о драматическом действе, участники которого выполняют строго установленные обычаем функции (играют роли). Здесь ясно видны отголоски древних магических представлений: перевоплощение участников обряда наряду с шумным весельем (у М. Фасмера находим: *играть* – от праслав. *jьgra, *jьgrati, родственно латыш. aīkstītiēs ‘кричать, шуметь’ [Фасмер-2: 116]) выполняло апотропейную функцию, то есть было призвано отпугивать или вводить в заблуждение злые силы. Кроме того, в данном наименовании нашло отражение присутствие в обрядовом комплексе многочисленных

словесно-музыкальных фольклорных элементов. В словаре В.И. Даля *игра́ть* – ‘шутить, тѣшиться, веселиться, забавляться, проводить время потѣхой; издавать и извлекать музыкальные звуки; представлять что, изображать на театрѣ’ [Даль 4: 2-3]. В архангельских, новосибирских, рязанских говорах *играть* – ‘гулять, веселиться, проводить время в развлечениях’, в архангельских, олонецких, ленинградских, вятских, вологодских, ярославских говорах – ‘танцевать, плясать’ [СРНГ-12: 68]. Сам процесс игры, то есть громкого воспроизведения звуков, увеселения и т. п. активности, в славянской культуре являлся сакрализированным и маркировал переходные моменты личной и общественной жизни (от календарных вех до таких событий, как рождение ребенка, вступление в брак или смерть) [СД II: 381]. Употребление наименования *играть свадьбу* в значении ‘совершать свадебный обряд’ зафиксировано в текстах летописей, относящихся к XIII в. [СРЯ 6: 82].

Как показывают полевые исследования, диалектоносители уделяют большое внимание соблюдению всех предусмотренных традицией свадебных ритуалов, в то время как проведение свадьбы без положенных обрядов не одобряется: *Ни стúку ни үр’úку пиривизлы́ як сúку (о тихой свадьбе)* (НЖ. БЫК Бутур.). В значении ‘соблюдать обычай’ в ряде воронежских говоров зафиксировано устойчивое сочетание **игра́ть по обыкнове́нию**: *Сва́дбу иура́ли пь-абыкнав’э́нију* (Н. ЖВТ. Рам.). При оценке правильности и полноты проведения обряда в говорах реализуется аксиологическая оппозиция ‘хорошо – плохо’: богатая, сыгранная с размахом свадьба имеет в говорах названия **си́льная**: *Сва́дбы си́льны́ь бы́ли* (СТ. НКЛС. Хохол.); **гулю́щая**: *Быва́йь сва́дбы үул’у́шии́йь* (ТРС. Лиск.). Второй член оппозиции представлен экспрессивным локальным номинативом **куря́чая сва́дба** – ‘маленькая, небогатая’: *Б’э́дньйь ани́ бы́лиць сыура́ли кур’а́чу сва́дбу* (АРТ. Аннин.). Скоропалительное, иногда тайное, заключение брака без соблюдения положенного порядка обрядовых действий в воронежских говорах обозначается глаголом **сверте́ть**: *На тој нид’э́ль уш и сва́дбу*

свирт'эли (ЗЛЖ. Лиск). Семантика кругового, вращательного движения в целом характерна для свадебной символики [СД I: 247], однако в данном случае очевидна отрицательная коннотация, подчеркивающая неуместную, по мнению диалектоносителей, быстроту в организации обряда. Ср. у Даля: «Свертѣть дѣло – сладить и кончить кой-какъ. *Свертѣли свадебку, нечего сказать!*» [Даль 4: 150].

Интересна мотивировка бытующего в воронежских говорах терминологического сочетания **пойти замуж самокруткой**: *Втарáја доч съмакру́ткѣ́ зáмушш нашла́, м'ан'э́ нь спра́сила* (АЛСДР. Н.-Усм.). Этимология лексемы **самокру́тка** восходит к глаголу **окру́ти́ть** в значении ‘обвенчать, поженить’: *Акру́тили Ива́нь с Марѳѣ́* (СР. ИКР. Лиск.), причем первая корневая морфема *-сам-* содержит отрицательную оценку, указывая на общественно порицаемое самочиние при решении важного жизненного вопроса. В.И. Даль приводит номинатив *самокрутка* со следующим толкованием: ‘*Самокрутка* – отъ окручать, рядить невѣсту въ бабѣй убор (твр., пенз.): вышедшая замужъ украдкой, безъ воли отца-матери, краденой свадьбой; дѣлають это и завѣдомо, по бѣдности, избѣгая свадебныхъ расходовъ’ [Даль 4: 136]. Как видим, здесь помимо самовольной свадьбы в качестве денотата выступает заведомо тайный брак. Однако полевой материал, собранный в воронежском регионе, подтверждает употребление лексемы лишь в одном значении. Ср. в тамбовских говорах *жениться самокруткой* – ‘тайно, без родительского благословения’: *Вапице́-та ра́ньшы биз ради́тільскава блага́славе́ня бы́ла нильзя. Но магли́ жыни́ца и самакру́ткой То́ исть са́ми паришы́ли и та́йна* (Уваровский р-н) [Пискунова 2002: 70]. Диалектными словарями зафиксированы наречные конструкции, тождественные по семантике и образованные по сходным моделям: *выйти замуж самоходкой* – ‘без согласия родителей, по своей воле’: *В те поры все сватались, ноне самоходкой уходят* (вологод.). *Выходила замуж самоходкой, взяла корзинку и к снохе пошодши* (новг., арх., ленингр., яросл., тул., новосиб., новг.) [СРНГ-36: 110]; *самоходом* (урал., яросл., вост. Прибайкалье)

[СРНГ-36: 111]. Ср. в русских говорах *самохóдка* – ‘самовольная свадьба, на которую не было получено согласия родителей; тайный брак’ (арх., волог., новг., яросл.), а также ‘девушка, тайно вышедшая замуж’ (орл., калуж., новг., яросл., волог., арх.) [СРНГ-36: 110]. В слободе Ендовище Землянского уезда (ныне – Семилукский район) на самостоятельный «выборъ женихомъ невѣсты, а такъ же невѣстою жениха, смотреть съ предубеждениемъ <...> называя съ укоромъ новобрачныхъ **самохотками**» [Федоровъ 1903: 266].

Другим распространенным средством номинации для обозначения брака без согласия родителей служат глаголы движения. Так, в воронежских говорах зафиксированы синтаксически связанные конструкции **жени́ться убéгом**: *Ради́ тѣли прóтиф так уб’э́ум жени́лис’* (ТРН. Семил.), **ухóдом уйтí**: *Из-дóму анá ушла́ ухóдъм* (СЛД. Остр.). В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» приводится фонетический вариант *свадьба убёгом*, неизвестный в воронежских говорах. Подобный обычай, вероятнее всего, восходит к древней форме заключения брака, известной как *мнимое похищение*, и обозначен аналогичными по этимологии терминами в других славянских языках: сербохорв. *uskakanje*, *добегвање*, болг. *беганье* [СД I: 245]. Данный термин встречается также в словаре В.И. Даля: «Во избежание расходов, а иногда огласки, бедные крестьяне или девки сомнительного поведения справляют свадьбу убегом: венчают без приданого, без обрядов, иногда только после бывает малое угощение». [Даль 3: 249]. Однако если у Даля основной мотивировкой такого брака является нехватка средств на проведение полноценного обряда (реже – нечестивое поведение невесты), то в говоре на первый план выходит несогласие родителей. В Словаре русских народных говоров *свадьба бéгом, убéгом* – ‘свадьба без согласия родителей’, словосочетание приведено как характерное для новосибирских говоров (ср. в архангельских говорах – *свадьба уходом*, в русских говорах Киргизии – *беглая свадьба*) [СРНГ-36: 201]. В тамбовских *говорах жениться убёгом* – ‘тайно, без согласия родителей’ [Пискунова 2002: 71].

Как показывает материал, одобрение семьи в сознании диалектоносителей имеет большее значение, нежели материальное обеспечение ритуала. Это доказывается более разветвленной лексемной структурой ЛСГ «самовольная свадьба», а также наличием второго, позитивно окрашенного члена оппозиции, реализованного сочетанием **венча́ть с добро́м** *Винча́ли з дабро́м, радны́и дабра́ жала́ли* (НЖ. ВДГ. Семил.). В СРНГ отмечено тождественное по значению словосочетание *свадьба добром*, бытующее в новосибирских говорах [СРНГ-36: 201].

Таким образом, мы видим, что ядро ЛСГ «заключение брака» составляют глаголы, маркирующие изменение социального и половозрастного статуса задействованных субъектов. Нами выделены следующие дифференциальные семы: ‘гендер’ (*жсена, женитьба, жынитво, оженить(ся), обабить(ся), замуж, выйти замуж*), ‘церковный/светский брак’ (*венчаться, (рас)писаться, загистрироваться*), ‘характер действия’ (*свадьба, веселье, гульба, гулянье*), ‘брак с/без согласия родителей’ (*свадьба самокруткой, убогом, уходом*), ‘с соблюдением или без соблюдения положенного хода ритуала’ (*по обыкновению, курячая свадьба*). Представление о пространственном и социальном перемещении лиц, вступающих в брак, как о сути свадебного ритуала, обуславливает доминирование в структуре ЛСГ глаголов движения и словосочетаний с ними, а также глаголов с семантикой приобретения.

§2. Наименования досвадебных обрядовых действий

Свадьба имела ключевое значение как переходное событие, декларировавшее начало взрослой, самостоятельной жизни. Это сближает заключение брака с обрядами инициации, в которых «устанавливается условная граница между возрастами» [Байбурин 1993: 62]. Об этом свидетельствует бытующее в воронежских говорах словосочетание **ходи́ть ма́лым** – ‘быть неженатым, парнем’: *Два го́да ходи́л ма́лым* (Н.СЛС. Семил.).

Несмотря на то, что четких границ оптимального периода для вступления в брак не установлено, в сознании носителей говоров старшего поколения, как правило, существовало представление о верхнем возрастном пределе, выход за который автоматически переводит человека (особенно женщину) в разряд порицаемых, не выполнивших вовремя свое предназначение. Собранный полевой материал показывает, что приемлемый возраст замужества для девушек составлял 16-20 лет: *Ja výшла záмуш ю́знъ в два́цят' адíн уот, фс'о ни хат'э́ль ну вы́шь* (БРД. Аннин.) *Зáмуш тады́ мьлады́х аддава́ли* (СТ. ЧИГЛА Аннин.). *Ja jашш'о́ малада́ п'атна́ццат' л'эт мн'э то́лка бы́ла. А ткну́лас', а м'эн'а́ н'э в'анча́ют', малада́. Приписа́ли два́ уо́дь в с'эл'сав'э́ти тады́ м'эн'э́ н'эр'в'анча́ли* (ШСТ. Бобр.). Указаний на наступление точного возраста женитьбы для молодых людей довольно мало: *Д'э́вк у-на́с аддавали с п'атна́ццати́ уадо́ф, а риб'а́т ни ра́нцъ двацати́* (ГРМ. Хохол.). Чаще всего в отношении парней отмечается лишь общая готовность ко вступлению в брак: *Жэму́ вр'э́м'а наста́яльс' жани́ца* (МДВ. Рам.). В середине XIX в. в Богучарском уезде женили юношей, начиная с 19 лет: *Родители собираются женить своего сына – а это бывает, когда ему минетъ 19 лѣтъ* [Ткачев 1867: 186]. Верхний предел оптимального брачного возраста находился в районе 30 лет: *Шата́јуца дъ-три́цати́ л'эт, а-патом́ јаво́ сафс'э́м н'э-ажэ́ниш* (ПР. ХАВА Верхнехав.). Превышение принятого в коллективе брачного возраста считалось отклонением от нормы (особенно для девушек), в связи с чем в воронежских говорах достаточно широко представлены наименования со значением 'женщина, не бывшая в браке, старая дева'. Номинативный ряд включает следующие лексемы:

1) **барко́вка**: *Ну жани́лси – уз'а́л д'э́фку-барко́фку, два́цят' два́ уо́дь* (НЖ. ВДГ. Семил.). Данная лексема представляет собой локализм, образованный от глагола *баркова́ть* – 'браковать; брезговать чем-либо', известного, помимо воронежских, в московских и калужских говорах [СРНГ-2: 117]. Таким образом, барковка – «негодная» девушка, которой пренебрегли потенциальные женихи. В «Словаре русских народных говоров» данная

лексема отмечена как воронежская (записана в с. Хворостань в 1905 г.), в других диалектных словарях не зафиксирована;

2) **векову́ха**: *Аста́льс' адна́ викаву́хъ* (РОССОШЬ Россосш.). *Викаву́хъ аста́льс'* (ЧГР. Борисогл., НЖ. БЫК Бутур.). *Б'э́днѣ так в'ькаву́хѣ и аста́ницъ* (ТРМ. Рам., Н. УСМ. Н.-Усм.). *У Попóвых дв'э за́муш в'ишли а адна́ викаву́хъ* (ЗАТОН Вороб.). *У нас остались одні вікову́хи* (ЛОМЫ Вороб.). *Ты ул'ади́ н'а вр'э́дничѣ, а то в'ькаву́хѣ аста́н'ьшс'ь* (В. ТРВ. Нижнедев.). *Јаво́ уб'и́ли а ана́ ни зъ каво́ н'ь паи́ла, да-та́к и аста́льс' в'ькаву́хѣ* (НЖ. ИКР. Лиск., ОРЛ. Тал., ПР. ХАВА Верхнехав.). Лексема является дериватом глагола *векова́ть* – ‘пребывать век свой или вечно где, пребыть все тем же, в одном положении’ [Даль 1: 339]. Ср. *завекова́ть* – ‘не выйти замуж; засидеться в девках’: *В'и́шли за́муш зъ наво́ так лиж-бы н'ь зъв'ькава́т'* (Б.МТР. Эрт.). Данное словообразовательное гнездо в русских говорах представлено единицами *вековой* – ‘до века относящийся, вечный, длящийся всю жизнь’, *векованье* – ‘долгое пребывание где-либо, все в одном месте, в одном положении или состоянии’ [Даль 1: 339], *вековечный* – ‘существующий длительное время, древний, пожизненный’ [СРНГ-4: 101]. В значении ‘старая дева, обойденная женихами девица’ лексема функционирует во многих говорах южной и центральной диалектных зон: курских, орловских, рязанских, ярославских, владимирских, смоленских, тверских и др. [СРНГ-4: 102]. В ряде воронежских говоров зафиксирован фонетический вариант **векоу́ха**: *Суди́т'а, па́рни, нас, чо мы викау́хи* (МЧТ. Бобр.). *Тада́ мно́га викау́х на с'алу́ бы́ла* (Н. ЧИГЛА Тал., ОСТР. Остр., Н.СЛС. Семил.), характерный для севернорусских говоров (архангельских, новгородских и др.) [СРНГ-4: 102];

3) **векову́шка** (БРЗ. Аннин., I НКЛС. Вороб.). Лексема распространена в южнорусских говорах (орловских, курских), а также встречается в вологодских, владимирских, пермских и вятских диалектах [СРНГ-4: 102];

4) **веку́ха**: *В'аку́хѣ ты и аста́н'ьшс'ь* (Н.СЛД. Реп., СЛД. Остр., БОБРОВ Бобр., ПЧЛ. Бобр., С. МЛВ. Петропавл., ХОХОЛ. Хохол.). В русских говорах распространен вариант *веку́ша* [СРНГ-4: 104], лексемы с формантом *-ух-* в словарях не зафиксированы;

5) **вековéчка**: *А што засид'э́лују викав'э́чкѣ заву́т'* (ШШВ. Бобр.). Лексема, по всей видимости, является локализмом, в рассматриваемых нами источниках не отмечена;

6) **вéкша** (ТД. Панин.). В значении 'одинокая женщина, никогда не бывшая замужем' данный номинатив отмечается лишь в смоленских говорах [СРНГ-4: 105];

7) **засидéлая**: *А што засид'э́лују викав'э́чкѣ заву́т'* (ШШВ. Бобр.). В «Словаре русских народных говоров» *засиделая девушка* – 'долго не выходящая замуж'. Лексема распространена в орловских и рязанских говорах [СРНГ-11: 31] и образована от глагола **засидéться** – 'долго сидеть неподвижно, не меняя положения тела', также известного в рязанских говорах [Там же], развившего в данном случае сему 'задержаться в одном состоянии'. Устойчивое сочетание *засидеться в девках* отмечено у В.И. Даля [Даль 1: 652]. Кроме того, известен глагол *засади́ть* 'запереть, заключить', который в онежских говорах приобретает значение 'не выдавать замуж' [СРНГ-11: 18];

8) метафорические наименования **мона́шка**, **черни́чка**: *Јэсли никто́ ни б'ар'о́, то э́тьманá шкѣ па-на́ шьму, ил' чирни́чкѣ* (ШШВ. Бобр.).

Традиционным временем проведения свадеб была осень, строго по окончании сельскохозяйственных работ: *Б'ас'э́ду атьу́рали о́сьнју* (ТРС. Лиск.). *Бис'э́ды бь́ли кауда́ хл'э́бушѣк урабо́тъли* (Р. ГВЗ. Рам.). *Сва́д'бы у-во́с'эн' бува́ли* (СЛД. Остр.). *Вот на дн'а́х маладѣ́жкѣ адна́. Он и ана́ сп'ашы́ли. Тут бура́к и а́уаро́ды, а ани́ устрáивѣ́ют' уул'бу́* (Р. ЖРВ. Верхнемамон.). Помимо сельскохозяйственного, большое влияние на проведение свадеб оказывал церковный календарь: *А ф пост тады́ н'а разр'аша́ли ни сва́д'бы, ничаво́, ни божэ́ мој ничаво́, пост* (ШСТ. Бобр.). *Ф пасты́ сва́д'бы ни иу́рали, иу́рали на кра́снују уо́рку, апасл'а́ па́ски* (ГРМ. Хохол.).

А на Покрову, кажуть, зареве дівка як корова. Са́ме вре́мя свальби гулять (ПРВ. Калач.) [СУГВО-2: 192]. По данным исследований, русский церковно-брачный календарь сформировался ко второй половине XVIII века и налагал запрет на свадьбы в период четырех главных постов, в навечерия двенадцатых праздников, кануны храмовых праздников и дней памяти местночтимых святынь [Бернштам 2000: 135]. Продолжительные отношения между юношами и девушками без договора о свадьбе считались предосудительными, поэтому длительный период ухаживания мог вызвать недовольство будущей невесты: *Ко́ли н'э прид'о́ш с'эво́дн'а сва́тъць, н'а вы́йду за т'эб'а́ за́муц нада́жэ́ль мн'э ждат' тиб'а́* (КРС. Пан.).

Перед началом проведения свадебного обрядового комплекса необходимо было совершить выбор будущих супругов, зависевший от различных причин [Костромичева 2005: 5]. В зависимости от мотивировки выбора находятся его наименования:

1) **братъ по убо́ру** – руководствоваться собственными чувствами при выборе супруга(-и): *И жаниха́ то́жа б'ару́т на убо́ру* (ШСТ. Бобр.). В русских говорах сватать *по ндраву* – руководствуясь взаимной симпатией будущих жениха и невесты [Костромичева 2005: 5]. Однако такой выбор считался ненадежным: *Аще кто хочет по нраву выбирать, то век женатому не бывать, а надо спроситься у добрых людей (с лубочн. карт.)* [Даль 1984: т. 1, с. 284];

2) **братъ по двору́, по поро́де, по приро́де** – выбирать спутницу жизни, исходя из репутации и/или благосостояния ее семьи: *Тада́ бра́ли на двару́, јэсли сим'ја́ харо́шдъ, мо́жнъ жыни́ца* (ПРЛ. Семил.). *Он ф сво́јом сил'э́ был и вот фс'о сило́ знали, счас вот какáь-тъ поро́да. Выбирáли так по приро́дъ, какáь приро́да хоро́шја* (ХЛБР. Аннин.). То же встречаем в украинских воронежских говорах: *На приро́ду дивля́ця, коли женя́ця* (ППВ. Рос.) [СУГВО-2: 149]. Это наиболее распространенный и древний способ выбора невесты, закрепленный в многочисленных пословицах и поговорках: *Жену выбирай не глазами, а ушами* (т. е. по доброй славе) *Первую дочь по*

семье бери, вторую по сестре. Выбирай корову по рогам, а девку по родам (по родителям) [Даль 1984: т. 1, с. 284]. То же встречаем в других русских говорах – орловских: *Ты знаиш как раньшы жынились? Брали девьк на знати, сматрели какая матъ иё, атец. Етъ какая симья у нивесты, как аб йих гъварять. И аддавали на знати* [Костромичева 2005: 5]; тамбовских – *сватать по вазжэ: А тады была принята сватать на вазжэ, фсю радню прасеють, штоп им ровня была. А то и за карявава аддадутъ, ежли радня дастойна* (с. Нижняя Нечаевка Гавр. р-н Тамбов. обл.) [Пискунова 2002: 163]. Выбор подходящей невесты осуществлялся старшими родственниками жениха, часто без его ведома [Христова 2012: 120]: *Радитили выбирали жын'ахóф* (СТ. ЧИГЛА Аннин.). *Да свáд'би жанíх н'а-знáл свáју н'авíсту. Дéушку мафó жанíлиц он был красíвај, а ба́нкъ была́ дурн'у́шица. Прив'али́ их у цэ́рку, р'аб'áта сид'áт' ад'д'э́лнь, а н'авíсту завóдут'. Как пэв'аду́т', кака́ја паудóбнѣ, а он: «Хóд'-бы ка мн'э, хóд'-бы ка мн'э», – а јијэ ваз'му́т' да мíмь прав'аду́т'. А тады́ ба́ушку завóдут', а он тады: «Гóспѣди хóд'-бы н'ь ка мн'э», – а јијэ к н'аму́. А тады́ дал'óкъ д'авáцца, вѣишь н'а пры́уньи, вот и пражы́ли скок уáдóф* (В. ИКР. Бобр.). При этом разбиралась вся родословая невесты, оценивалась ее **порóда** – 'родня': *Их парóдь кр'э́пкѣ* (КУВШ. Подгор., БРЗ. Остр., ИВН. Рам.). *Вс'а парóдь ни́пу́тнѣ* (ЧГР. Борисогл.). *Фс'а íхнiја парóдь знáтнѣя была́* (ТРС. Лиск., ГРМ. Хохол.). *Стараются найти дѣвушку здоровую, трудолюбивую, послушную, и притомъ дочь хорошихъ, честныхъ родителей; послѣднее качество въ невѣстѣ нужно потому, что у хорошихъ родителей, предполагается, не будетъ дочь лѣнтяйка и т. п.* (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 185]. Большое внимание при выборе будущей спутницы жизни уделялось ее хозяйским качествам, домовитости, способностям к рукоделию: *Сматр'эли штоп нив'эсть рабóчѣ* была́, рабóтът' л'убíль (ТД. Пан.). *Прив'ол мáтър'у, мат' м'ьн'э паул'ад'эла* *Ја с наст'эли устáла касá у мин'э была́ фрóмнѣя, патóм фстáла паздарóвалас'а, умылас'а, тада́ палóф н'э-быль, в'эничьк вз'алá, палы́ падм'алá, анá паул'ад'эла* (ИСТ. Реп.).

П'э́р'ят сва́ д'бѣ́ж жані́х сват'јо́ ф пѣ́сыла́л љн'ав'э́ ст'ь. Пасмо́ тр'ят – ат'э́ц с ма́т'ьр'ју хѣ́рашо́ жы́вут, рабо́чиѣ́, ну и прихади́ли и аддава́ли их (СТ. ЧИГЛА Аннин.). В некоторых говорах выбор невесты по характеру и способностям также назывался **смотре́ть по приро́де**: *Невесту смотре́ли по природе́ – рабочая девушка или нет* (Павловский р-н) [Горяинова 2012: 172]. Для обозначения подходящей кандидатуры (как жениха, так и невесты) употреблялась оценочная лексема **хоро́ший**, которой характеризовались и внешность, и благосостояние человека: *Харо́шиѣ́ у-Ма́ни жані́х краси́выѣ́* (СВТ. Калач.). *Нѣ-харо́шѣ́м чилав'э́к'ь зѣ́махну́льс'. Он харо́шѣ́, у ниво́ хаз'а́ствѣ́ спра́внѣ́ѣ* (Н.ЖВТ. Рам.). *Харо́шуѣ́ д'э́фку прасва́тъли у-Бѣлды́р'о́фку* (ДВЦ. Семил.). Кроме того, нами отмечено прилагательное **хо́рый** в значении 'очень хороший': *Жані́х-тѣ́ был хо́рый* (КРШ. Бобр.).

Немаловажным при выборе подходящей партии был и территориальный критерий: наиболее социально приемлемым считалось выдавать дочерей за односельчан или жителей соседних населенных пунктов: *Пришо́л па́рин с-а́рмиѣ́, и мы с-ним пазнако́милис'. А ма́т' мн'э́ ѡ́варит: «Нас'т', ја слы́шьла во́ң Во́луны хат'а́т тиб'э́ засва́тывьт'. А ты иди́, ни-атка́ зыва́ѣса. Ты тут бли́ска, и мы бли́ска, а то ѡ́д'э́ж-тѣ́ ты ат нас дал'о́ка».* *Ну чо́-жѣ́, и ја паслу́шьла И вз'ала́ и вы́шла за́муш* (БРД. Аннин). *Быва́ль ис чужо́ва сила, Курла́к вот нидал'о́кѣ́ был, и вот Ива́нѣ́фкѣ́ тож нидал'о́кѣ́, э́тѣ́ ш'ита́льс' как н'э́туѣ́ тут жы́ниха́* (ХЛБР. Аннин.). Иллюстрирует эти представления поговорка **хоть за вора́ да для двора́**, зафиксированная в Семилукском районе: *Д'э́уки, выдава́т' ваз-бу́дим у свѣ́ѣ́ дир'э́уни хуч за вара́ ды дли двара́, бу́ дит'а увадну́ панó ву вла́зит* (Н.СЛС. Семил.).

В некоторых селах зафиксирован обычай родителям юноши посещать девичьи посиделки с целью присмотреть сыну хорошую невесту: *Нѣ сид'э́лкѣ́х жи́нихо́в ат'э́ц н'ав'э́сту какѣ́ право́рн'ѣ́ѣ выбира́л* (I НКЛС. Вороб.). Для обозначения процесса выбора невесты в говорах широко используется лексема **обгада́ть (кем?)** – 'выбрать, наметить': *Ани абуада́ли ја́му н'ав'э́ста́ѣ* (АРХ. Хохол.). В говорах Алексеевского района

Белгородской области, исторически относившегося к рассматриваемому региону, отмечаем фонетический вариант **обада́ть**, отличающийся грамматической сочетаемостью (при глаголе существительное стоит не в творительном, а в винительном падеже): *Абада́ли јаму́ нав'э́сту* (Подсередное Алекс. р-на Белгород. обл.). В рязанских, московских говорах *ога́ дывать* – ‘предполагать, рассчитывать; загадывать, предполагать на будущее’ [СРНГ-22: 301], в то время как лексема *обгада́ть* зафиксирована лишь в значении ‘обсудить’ в вологодских говорах [СРНГ-22: 13]. По сообщениям информантов, решение о заключении брака зачастую принималось родителями без учета мнения самих молодых людей: *Пр'ишла́ јаво́ с'а́стра.* *Пр'ишо́л јаво́ ат'э́ц кр'о́снај:* «Ну как ты, Натáл'ја, сау́ласна за на́шьвѣ С'иру'э́ја пáјт'и́т' зáмуи?» Мне уж бýль двáццѣт' ад'и́н уот. Мат' у́варит': «А ч'аво́ вы у н'э́ј спра́шыва́йт'ь? Ја хаз'áјкѣ. Вы́јд'а за н'аво́ зáмуи». Ну и пастáв'ил'и чéт'в'ирт' сýмауóнк'и, расп'и́л'и и засвáт'ли (МДВЖ. Семил.). Однако молодые люди могли предварительно договариваться между собой, и лишь затем сообщать родственникам о своем решении, чтобы начать комплекс обрядовых действий: *Как зáмуи, свáт'ли, приходíли свáт'цѣ* Ну мы дьу́ворилис' сначáль с ним, он сво́йм рóцтв'ьникѣм сказа́л, ја сво́йм (ХЛБР. Аннин.). Также зафиксировано единичное употребление лексемы **трості́ть** – ‘подбирать пару для женитьбы’: *Ба́рин трас'тíл д'э́вк и риб'áт* (Н.СЛС. Семил.). Из контекста очевидно, что на момент записи слово уже воспринимается как устаревшее. Полагаем, данный локализм можно считать семантическим дериватом глагола **трості́ть** – ‘вить, свивать, сдваивать <веревку>’ [Даль 4: 446], обладающего семантикой соединения. В волгоградских говорах зафиксирован фонетический вариант *страсті́ть* – ‘1. Соединять при прядении несколько ниток пряжи в одну. *Пряди́ пакá в адну́ ниткупатóм страсті́ть бу́дим штоп патóлицы было́* 2. Развести горячую воду холодной и наоборот. *Во́ду страсті́, а то дю́жа гаря́чия*’ [Маслов-2006: 134].

Первым собственно обрядовым эпизодом было **сватовство** – ‘обрядовые действия, совершаемые женихом или его доверенными лицами с целью получения согласия родителей девушки на предлагаемый брак’. Очевидно, производящим для наименования данного этапа и в литературном, и в диалектном языке является глагол **св́атать** – ‘1. (сов. посватать и сосватать) кому, за кого. Предлагать кого-л. в мужья или в жены. 2. (сов. посватать). Просить согласия на брак с собой (у женщины или у ее родных)’ [МАС-4: 38]. В русских говорах ‘св́атать дѣвку, невѣсту, сиб. сваиить, улаживать свадьбу, предлагать жениха, просить кому въ жены: или просить себе въ жены, предлагать самого себя’ [Даль 4: 147]. В воронежских говорах активно функционируют префиксальные производные от рассматриваемого глагола: **сосв́атать(ся)**: *Вот такой закон был: зна́чьт, пришл́и вот за м’эн’э, пришл́и сасв́атълис’а, пришл́а там јау́о мат’, кр’о́снѣј ат’э’ц, ну вы́пили нь-стакáну, ну фс’о́ мол, фс’о́-уж дау́варі́лис’* (В. ИКР. Бобр.); **усв́атать**: *М’эн’а́ рáньусв́атъли.* Пандра́вилъс’ сваму́ жь́ниху́ пришл́и усв́атът’ м’эн’э́ на друу́ој д’эн’-жъ (ПСК. Повор.); **засв́атать**: *Ја слы́шъла во́н Во́луны хат’áт тиб’э́ засв́атывът’* (БРД. Аннин.); **просв́атать**: *Просв́атала до́ч’-то? А лады́-то коуда́?* (НЖ. КТХ. Н.-Усм.). Разнообразие префиксов характерно для словообразовательных синонимов, бытующих в русских говорах. Так, в словаре Даля отмечены лексемы *засватать, насватать, просватать, сосватать* [Даль 4: 147]. Также широко распространен возвратный глагол **(по)св́ататься**: *Ну пришо́л св́атацъ, ну с ма́т’ър’ју и с’астрóју: «Пад’э́ш замуи?» – «Пајду́»* (ИСТ. Реп.). *Ну патóм св’акрóв’а пауаварила, мол, мы пријэ́дим ч’э’р’ыз нид’э́л’ку св́атаца, пријэ́хъли тут и пасв́аталис’* (Там же). *Прихо́дут св́аты, два или три чълав’э́къ Бу́ дэм за д’э́уку св́атъциъ. Мы их зна́јьм, ани́ нас зна́јут’.* *Јэ́сли у насјэс’ сау́ла’с’јэ, та св́а’д’бу иура́јэм* (Р. ЖРВ. Верхнемамон.). В литературном языке *св́ататься* – ‘просить у женщины (или её родных) согласия на брак с собой, сватать за себя’ [МАС-4: 38]. В русских говорах помимо семы ‘сватать за себя лично’ глагол приобретает сему ‘сватать ... через другихъ, засылая сватовъ;

предлагать руку свою, звать за себя замужь' [Даль 4: 147]. В сибирских говорах глагол функционирует не только применительно к мужчинам, но и к женщинам: '*св́ататься* – предлагать кого-либо в мужья или жены' [СРНГ-36: 217]. В украинских воронежских говорах функционирует семантически тождественный глагол **в́ысватать**: *В́ысватав собі н́в́есту десь в Бичку. Тут, бачиш, п́идходящої ни найшлося* (СТТЛ. Бог.) [СУГВО-1: 61].

Действие по глаголу в воронежских говорах носит название **сватовство́**, совпадающее в плане выражения и в плане содержания с лексемой литературного языка: *Сначáль св́тафствó, а патóм рукаб́итѹ* (ПЧЛ. Бобр.). Ср. у Даля *сватовствó* – 'предложение дѣвицѣ, а болѣе родителямъ ея, отдать ее замужь за такого-то' [Даль 4: 147]. В воронежских говорах известны также диалектные словообразовательные синонимы **св́атанье** *Св́атан'ѹ* – *да пришли́ јагó мат', ба́пка и св́атѹцѹ. Ані уавар'áт: «Мы пришли́ св́атѹца дад́ит'ь вы свају́ дóчэр'у за на́шэу́ сýна?» – «Аддад́им ради бóуь, б'ар́ит'ь-б'ар́ит'ь, с-ра́дѣст'ју пр'ам, изб́йт' жо»* (ИСТ. Реп.), **сват́и́нки** [Недоступова 2013: 190]. Ср. функционирующие в других русских говорах суффиксальные образования: в смоленских – *св́атованье*, в нижегородских, ивановских и уральских – *сватн́я* [СРНГ-36: 218]. Также используется аналитическая конструкция **подосл́ать св́атов** *Бы́ли ра́ншь кулачки́, ну и он ка-мн'э́ там п́дашо́л Он п́дашо́л, п́рѣлажы́л: «Мы св́атат'при'јэ́дѣм». Он св́атѣф п́дасла́л* (ТРС. Лиск.). Ср. у Даля: «Сватанье или сватовство начинается негласнымъ семейнымъ совѣтомъ <...> тамъ посылка свахъ или сватовъ» [Даль 4: 147]. В воронежских говорах устойчивое сочетание **засыла́ть сватóв** отмечалось в н. XX в.: *Родители жєниха засылаютъ къ ней сватовъ* [Поликарпов 1908: 26].

Помимо глаголов с корнем *-сват-* в воронежских говорах для обозначения сватовства употребляется глагол **б́ит'ся** *Он ка мн'э́ б́илси, а ја јэ́во́ нь хат'э́ль* (Р.БЛВ. Реп.). В ленинградских и пензенских говорах *бит'ся* – 'прилагая чрезвычайные усилия, пытаться что-то сделать', в архангельских и онежских – 'заботиться, хлопотать' [СРНГ-2: 302]. У Даля *бит'ся* –

‘силиться, домогаться’ [Даль 1: 90]. По всей видимости, употребление глагола с семантикой ‘совершение действия с приложением значительных усилий’ указывает на наличие особых препятствий для заключения брака (несогласие невесты, ее родителей или другие факторы). Ср. в говорах рязанской Мещеры *набива́ться* – устар. ‘договариваться о согласии на брак родителей жениха’ в случае, если дочь долго не удается выдать замуж: *Ра́ньшы, х стырину́, ано́ вить как: де́хка засиди́ццы хаді́ли ныбива́ццы, цао́ атэ́ц с ма́тирью́ у жыниха́ ска́жут* [Ванюшечкин 1987: 240]. В отдельных местностях употребляется глагол **удружи́ться** – ‘посвататься’: *А-о́н ап’а́т’ ка-мн’э́ удружы́лс’ь* (РСТ. Эрт.), который семантически связан с диалектным номинативом **дру́жка** – ‘подружка, невеста, жена’, отмеченным в воронежских и смоленских говорах [СРНГ-8: 217].

Интересно обрядовое функционирование глагола **обрёхивать** – ‘сватать’: *А-ту́ т двэ́ ба́пки пришли́ абр’о́хивѣт’ мин’а́, ну сва́тьт’, а ја – ну ни-пайдú в Бѣасло́ўку* (Богословка Красненский р-н Белгород. обл.; информант родом из Острогжского р-на Ворон. обл.). В диалектных словарях зафиксирована лексема *обреха́ть* в значениях ‘оболгать, опорочить’, распространенная в вологодских, псковских говорах, а также в тульских, смоленских и курских в значении ‘обругать’ [СРНГ-22: 205]. Употребление в указанном значении для рассматриваемой лексемы словарями не отмечено. Возможно возведение семантики данного слова к расхожим представлениям о нечестности свах, расхваливающих достоинства потенциальных женихов и невест, отраженным в пословицах: «На свашенькиных речах хоть садись да катись» [Даль 1984: т. 1, с. 286], «Сваха лукавая, змея семиглавая» [Даль 1984: т. 2, с. 216] и т. п., однако сам глагол в контексте ритуала лишен негативной коннотации.

Среди наименований сватовства в воронежских говорах выделяются фразеосочетания, образованные путем семантической деривации. Так, результатом метонимического переноса ‘действие с предметом’ > ‘частный ритуал, содержащий действие’ является словосочетание **идти́ с блю́дами**: *Ну*

пришли́ свáтаца на с'э́рчэ кабы́ль, з-бл'у́ дами с-самауо́нъм, блинцы́, у нас бл'у́ дь тада́ бывáль Ну и вот тоби́ свáтџуць (ИСТ. Реп.). Блюдо в качестве ритуального предмета широко используется во многих регионах, ср., напр., обычай *би́ться блюда́* мив день свадьбы в Курской области [Ларина 1990: 5]. В орловских говорах *блю́дницы* – ‘сговор, обручение, когда сваты приезжают с угощением’ [СРНГ-3: 33].

Одним из обязательных элементов любого ритуала было вкушение пищи. Большое значение в свадебном обрядовом комплексе имели действия с хлебом. В деревнях, населенных выходцами из Украины, существовал обычай родителям будущих жениха и невесты разрезать хлеб в ознаменование успешного завершения сватовства: *Становля нас, спрашываит нас: – «Ты согласна?» – «Согласна». Соглашались, як диты наши. Тогда говорили: «Розрижай хлип ржаний, розризой хлип, давай кусочком»* (ШПШ. Ольх.) [Пухова и др. 2012: 158]. Подобный обычай лежит в основе наименования *хлѣб рѣзать* – ‘свататься’: *Пашли хл'э́п р'э́зџт' ат'эц с ма́т'ьр'ју* (НЖ. БЫК Бутур.) [Карасева 2004: 173]. Г.М. Веселовский отмечал, что в Острогожском уезде возврат принесенного хлеба означал решительный отказ сватам [Веселовский 1867: 130]. С обрядовой пищей связан и воронежский локализм *сыгра́ть три́е сту* обозначающий проведение сватовства: *Три́џ сту́ снача́ль сыра́џут'* (ГРЖ. Рам.). Формально номинатив *три́е ста* является результатом стяжения словосочетания *три ества*, употребляемого для собирательного наименования трех ритуальных блюд, непременно присутствующих на свадебном столе: «*Три́е ства*» – *так и называлась. Три́е ства* – *три яды: щи, каша, лапша* (МЧТ. Бобр.) [Золототрубова 2009: 110]. С точки зрения семантики лексема *три́е ста* – ‘сватовство’ представляет собой результат метонимического переноса ‘ритуальное блюдо > обряд, где подается это кушанье’.

Для сватовства в дом невесты приходили сам жених и/или его ближайшие родственники, выступавшие в чине **сватов** (родители, крестная мать и/или отец), реже – посторонние лица: *Сватать ходять въ разныхъ*

мѣстностяхъ различныя лица: или самъ отецъ съ постороннимъ человекомъ, большею частію съ сосѣдомъ; или старшій, женатый братъ жениха съ посторонними людьми; или же родные не ходятъ, а два **свата** (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 186]. *Начинальс' так: жыніх са свайэ радн'ој прид'от сватацъ Называицъ сватът'. Ид'от кр'осна, мат'с-ац'ом и жыніх, болшы никаво. И иду'т сватат' нив'эсту с хл'эбѣм, с сол'ју, с выпифкѣј, и придут к нив'эсти в дом и дауаваривајуцъ (Остр.). Ну пријэхала мат' јэуо, с'эстра, на лашад'ах, на лашад'ах аб'азат'эл'на, тада машын н'э-была (ИСТ. Реп.). Пап'и'рву' или сватацца к нив'эсти, к н'эј ф хату или ат'эц и мат' жаниха, јиво т'отки (ГРМ. Хохол.).* Иногда родители отказывались от участия в процессе: *Три сына жанила ни-хаділа сватът', сами акама'рут'* (МДВЖ. Семил.). Однако подобное поведение было скорее исключением, что подтверждается особенностями употребления глагола **окома'рить**: помимо семантики 'сладить дело' (напр. *Мы фс'о акама'рили* (НЖ. ГРВ. Хохол.)) лексема обладает значением 'завлечь, соблазнить': *Болша таки'х акама'рит' нив'эсту* (МДВЖ. Семил.), где сильны негативные коннотации. Ср. **окоря'чить** – 'соблазнить': *Он јајо акар'а'ча, и ана' прапад'э. А уш-ту'т акар'а'чила Мит'у'ху с'уда' пиръшла' жыт'* (ШСТ. Бобр.). В калужских говорах **окаря'чить** – 'сесть верхом, оседлать', в переносном значении – 'одерживать верх над кем-либо, побеждать, одолевать кого-либо' [СРНГ-23: 111].

Ключевой особенностью данного обрядового этапа был его неофициальный характер, сватовство часто происходило в засекреченной обстановке, чтобы избежать огласки и позора в случае отказа. Сваты обычно приходили в дом, когда стемнеет, двигаясь окольными путями, откуда, по всей видимости, пошло выражение *сваха ходит собачьей тропой* [Даль 1984: т. 1, с. 286]. По прибытии они крестились на образа в красном углу и на **ма'тицу, ма'тку** – главную несущую балку крыши: *Три христ'очка д'элаши нат-абраз'ом, три на ма'тицу'у* (СЛД. Остр.). В литературном языке **ма'тица** – 'балка, поддерживающая потолок (в деревянных постройках)' [МАС-2: 237].

Лексема образована от слова «мать» [Фасмер-2: 581] и метафорически связана с ним в смысловом отношении. В соответствии с древними представлениями, матица в избе имела сакральный смысл, скрепляя и поддерживая крышу, подобно тому, как мать скрепляет семью, «держит в своих руках все хозяйственно-бытовые вопросы» [Масленникова 1992: 21]. Поэтому сваты обычно **садились** или **становились под матицу, под матку**: *У нас в дир'эвнь, када или сватацъ станаવીлис' над ма́тицу* дл'а ш'а́ст'а (КСТ. Хохол.). *Сад'а́цъ над ма́тицуштоп засва́тът'* (БРТ. Терн.). *Сад'а́цъ над ма́тку, спра́шывѣжут пра нив'э́сту* (БРД. Аннин.). Элементы апотропейной магии, сохранившиеся с древнейших времен, предписывали иносказательное обозначение цели визита. Этой задаче отвечал обычай **перейти ма́тицу** или **заходи́ть за ма́тку** – хозяева сразу понимали, зачем пришли гости: *Ма́тицу на́да пири́тї, када́ сваты́ захо́дут'* (КЧГ. Нижнедев.). *Јэсли захо́дут' за ма́тку, зна́чит' сваты́* (ПСК. Повор.). В некоторых селах присутствует более развернутое предписание **зайти́ за второ́ю ма́тку** – когда сваха приходит сватать невесту, она должна пойти за вторую матицу избы: *Мин'э на́да зайти́ за фтару́у ма́тку, уавари́т сва́ха* (БОБРОВ Бобров.). В тамбовских говорах *се́сть под ма́тицу* – ‘сватать’: *Сваты заходятъ в дом к хазяв́ам и с прибаутками сядяца над матицу на скамейку. И хазяин уш смекаить, што пришли сваты* (Морш. Тамб.). Приглашение от хозяев перейти матицу фактически означало предварительное согласие на брак, а отсутствие такового – вежливый отказ [Костромичева 2005: 6]. В начале XX в. в Воронежской губернии отмечался обычай троекратного сватовства даже в случае согласия родителей девушки: *Сватанье бываетъ до трехъ разъ, на третий ладятъ, рѣшаютъ вопросы практическаго характера (о приданомъ)* (Перлевка Землянского уезда, ныне – Семилукский р-н) [Поликарпов 1908: 26], но в микротекстах послевоенных лет упоминаний об этом уже не встречается.

Элементы охранительной магии прослеживаются в общеславянском обычае иносказательно говорить о предмете договора, бытующем и в

воронежских селах: *Гута́рит' начина́ли изда́л'о́ка, уава́ри́ли, што пришлі́-мал жыва́тінку купі́т', і́л'а ја́рка нам д'у́ жа панра́вила́са, пака́зъли тава́р и риша́ли* (ГРМ. Хохол.). Обычно использовались устоявшиеся формулировки, например, «*На товар нележалый есть купец неженатый*», «*Отдай за куницу красную девицу*» [Даль 1984: т. 1, с. 217] и др.: «*Наши голубочек полятал, вашу голубочку увядал, пришли узнать – не будете ли продавать*»; «*У вас телочка есть, мы хотим поглядеть, к нашему двору привести*»; «*Цветочек лазоревый – он нам нужен*» (Павловский р-н) [Горяинова 2012: 172]; «*У вас кажеца тут есть телочка така продажня, у нас бычок, мы их хочим спарувать*» (ШПШ. Ольх.) [Пухова и др. 2012: 158]; «*Мы слышали, что у вас есть товар продажный. Правда ли это?*» (Нов. Курлак Аннин.) [Христова 2012: 121]; «*Пускайте на квартиру*»; или: «*Наши собаки нашли слідъ лисичій; ми за ними гнались, та й прійшли у вашъ двіръ на крильце*». – «*Лисиця та схована*». – «*Ну, підозвольте її пошукать*». – «*Просимо покорно*» (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 185]. В отдельных говорах эта ритуальная формулировка метонимизировалась в наименовании обряда сватовства **това́р закупа́ть** *Жэ́ дут' тава́р закупа́ют'* (НКЛС. Н.-Усм.).

Кроме того, в воронежских говорах употребляются словосочетания **жени́ть по ша́пке сва́тать за ша́пку** обозначающие особый способ проведения сватовства, когда вместо жениха сваты приносят его шапку, также называемую в говорах **малаха́й**: *Мин'э́ вот' жани́ли на ша́пкь* (ПСК. Повор.). *Принислі́ јэ́ј м'лаха́й и сасва́тъли* (ХРН. Бобр.). *А-быва́ль сва́тълис' за ша́пку. А ана́ ни'-зна́јът жьниха́, а ид'э́т за-ні́м* (ТРС. Лиск.). *Сва́д'бь была́ па-ша́пк'ь. Ја ујэ́хъл в-рабо́ту, а-ат'э́ц нашо́л на́в'э́сту* (БДВ. Лиск.). Этот обычай, помимо утилитарного смысла (когда по какой-либо причине жених не может принимать участие в ритуале), воплощает древнюю магическую традицию замещения действующего лица принадлежащим ему предметом. Этот обычай распространен и в других регионах: *Дядя какой-та надел шапку яво, тут была и пришли сватать за шапку* (Орл.) [Костромичева 2005: 7]. *Мы сваво за рукавицу сватали* (Пичаев. Тамб.) [Пискунова 2002: 162].

По окончании сватовства устраивались **выпиву́шки** или **пропиву́шки** – застолье, на котором молодые люди зачастую впервые видели друг друга: *Нъ выпиву́шкѣх ја јајо увида́л* (Н. ОЛШ. Нижнедев.). *Тада́ сва́дбу д’э́лѣют, снача́ль пра́пиву́шки этъ вот как засва́тѣют’, нам’э́тът ка́да́ сва́дба, чер’ас-ско́л’къ вр’э́м’а* (ИСТ. Реп.). Лексема **пропиву́шка** в значении ‘день, предшествующий свадьбе, помолвка’ зафиксирована в Нижнедевицком районе Воронежской губернии ещё в 1893 г. [СРНГ-31: 206]. Застолье сопровождалось песнями: *Засва́тѣют’ д’э́вк; зд’э́лѣют’ запóйчик стала́ на два́ на-три́ съзаву́т, на-пѣсн’а́к начну́т* (ДНС. Верхнемамон.). В Таловском районе зафиксирован магический ритуал **заметáть следы́** жениха: «после сватовства, какой бы исход оно ни имело, девушка "заметаёт следы" сватавшегося жениха (метет к дому) для привлечения других женихов: *Вот приходя́ жаних сваты́тцѣ // худой он ай харошый / фс’о равно // нивестъ сляды́ яво к-дому зъмя́тая веникъм и пригавар’выя // пѣ-твamu следу пайдут ка-мне сто жѣнихов //* (Н. ЧИГЛА Тал.) [Филатова 2010: 186].

После сватовства обычно следовал показ невесты жениховой родне, демонстрация ее внешности, способностей. В литературном языке функционирует лексема **смотре́ны** ‘в старинном русском свадебном обряде: знакомство жениха и его родственников с невестой’ [МАС-4: 159], представляющая собой суффиксальный дериват от глагола *смотре́ть* – ‘осматривать, рассматривать кого-л., что-л. с целью ознакомления’ [Там же]. Аналогичный номинатив функционирует и в воронежских диалектах: *Сма́трины́/ смóтруют прихóдют ран’шы мы/ быва́л’ дифч’о́нки пд’о́кны паду́ля дывѣли зимóй ес’ли сва́д’бѣ/ пад’о́кными ста́йм* (Новохоперский р-н) [Воронежская молвь 2008: 80]. В говорах также используются семантически тождественные лексемы, образованные тем же способом, однако в качестве производящего выступает глагол *глядéть*, который в значении ‘пристально, со вниманием рассматривать кого-, что-л., осматривать, рассматривать’ в литературном языке имеет просторечный характер [МАС-1: 318]. Ряд продуктивных формантов, используемых для деривации, в диалектном

языке существенно шире, чем в литературном. Так, в воронежских говорах зафиксированы лексемы **гляді́ны**, **глядéшки**, **гляді́шки** *Пајдú за́фтръ нъ ул'аді́ны* (ПРЛ. Семил.). *Пашла́ на ул'ад'э́шки* (РСТ. Эрт., Б.МТР. Эрт.). *За́фтръ н'ав'э́стины ул'аді́шки* (ПСК. Повор.). В СРНГ лексема *гляді́ны* отмечена для олонечских и костромских говоров, *глядéшки* – тамбовских, *гя́данки*, *гя́дэ́нкц* *гядушка* (удар.?) – курских [СРНГ-6: 226, 228, 230-231]. Ср. в курских говорах *згя́дины* – ‘первое гласное свиданье жениха с невестой’ [Даль 1: 697], в орловских говорах *гядины*, *гяденки*, *погляд*, *поглядки* и др. – ‘смотрины’ [Костромичева 1998, 2005], в псковских говорах *глядéнье* – ‘смотрины невесты’ [СРНГ-6: 228]. Также известна лексема *огляді́ны*, которая может быть мотивирована либо непроизводным глаголом *глядеть*, либо производным от него *оглядывать* – ‘детально обследовать возможные неждостатки; осматривать все до мелочей’ [СРНГ-22: 321-322]. На смотринах невеста обычно демонстрировала свои лучшие наряды, стремилась показать себя рукодельницей и хорошей хозяйкой: *Ана́ пирау́и выно́сит' уаст'а́м или што ум'э́йт, рушники́ сваі́* (ЩЧ. Эрт.).

Не меньшее значение имел осмотр хозяйства жениха родственниками невесты, который имел целью оценку благосостояния и рачительности будущего мужа. Данный этап был последним, когда семья девушки могла отказаться от предлагаемого союза. В воронежских говорах для его обозначения используются номинативно-глагольные сочетания **дворá глядéть**: *Учара́с' хаді́ли двара́ ул'ад'э́т' к жаниху́* (Б.ВРК. Рам.), **смотре́ть кочергу́** (Верхнемамон.) [Сысоева 1999: 5]. Словосочетание *дворá смотре́ть глядéть* – ‘смотреть имущество жениха, гостить у жениха перед самой свадьбой’ – известно в калужских, курских, брянских и других говорах [СРНГ-7: 294]. В курских говорах *двор обгя́дáть* – ‘осматривать женихово подворье’ [Ермакова 2005: 44]. В русских говорах известны тождественные по семантике словосочетания *смотре́ть место*, *смотре́ть двор* [Масленникова 1992: 40]. В липецких говорах в указанном значении функционирует отглагольный номинатив *дворогля́дье*, однако отмечается,

что ритуал носил утилитарный характер в рамках общей подготовки к свадьбе: «После сватовства родные невесты идут к жениху осматривать дом, двор, измеряют двери, окна, чтобы купить занавески, дорожки и т. п.» [Головин и др. 1987]. В Елецком районе Липецкой области обычай *двора́ гляде́ть* состоял в визите матери и крёстной невесты в дом жениха, чтобы «посмотреть, как живет женихова родня, а заодно обмерить окна, лавки. Потом по этим меркам шьют занавески» [Комаричева 2008: 94]. Наименование *смотреть кочергу* происходит от обычая при визите в дом жениха осматривать печь как главный реальный и символический элемент домашнего хозяйства [Сысоева 1999: 5]. Символика печи эксплицируется и в сходных терминах других диалектов: например, в тамбовских говорах *загне́тку ломáть* – ‘осматривать хозяйство. Шуточное действие, совершаемое подружками невесты в доме жениха после сватовства’ [Пискунова 2002: 74].

В украинских воронежских говорах для обозначения этого ритуала используется отглагольный номинатив *огля́дины* – ‘смотрины у жениха, осмотр жилья и хозяйства жениха’: *Мати з батьком пої́хала на оуля́дини* (ЛОМЫ Вороб.). *Іван пошов на огля́дини* (КРН. Остр., СТТЛ. Бог.) [СУГВО-2: 54]. Ср. в курских украинских говорах номинативы с синонимичным префиксом *разглядыны, разглядчина* [Филонович 2012: 134]. Тожественные по форме и семантике лексемы характерны для свадебного обряда Украины. Напр., в луганских говорах *огля́дини, розгля́дини* – ‘обряд розвідування’ [Магрицька 2003: 97, 127]. Данный номинатив формально тождественным существительному *оглядины* – ‘смотрины невесты’, поскольку эти наименования мотивированы одним и тем же признаком – характером совершаемых действий. Дифференциальной семой является место проведения ритуала (дом невесты или жениха).

В случае если обе стороны оставались довольны, заключался окончательный договор о дне свадьбы, сопровождавшийся общей молитвой и застольем. Данный ритуал является обязательным компонентом свадебной обрядности всего рассматриваемого региона и одним из ключевых

досвадебных этапов, поскольку после него решение о браке уже не могло быть отменено. Важность действия в структуре обряда обусловила количество и разнообразие элементов соответствующего лексемного ряда:

1) **бесéда**: *Эт јэуó радн'á да маја радн'á бис'э́дъвълиц садíлис' и паку́шьли И патóм јавó [жениха] вывóд'ут' к н'эј, фс'á б'ас'э́да вíдит'* (НЖ. КРЧ. Гриб.). Как уже отмечалось ранее, в русских говорах данная лексема широко распространена для обозначения сборища людей, в том числе применительно к свадебному обряду; в значении 'предсвадебная вечеринка' слово известно в уральских диалектах, 'договор между родителями жениха и невесты о свадьбе, сговор' – в свердловских [СРНГ-2: 262];

2) **большие лады́, лады́, лады́шки** – 'застолье у родных невесты, куда приходят родственники жениха; члены двух семей обмениваются подарками': *Чьрьс н'ад'э́лу бу́дут бал'шы́йь лады́* (ББК. Н.-Усм.). *Патóм лады́ сабира́јут'* (ББК. Н.-Усм.). *Позафчора́ на лады́ стóл'къ уóст'оф сјэ́халас'* (ДНК. Кашир.). *У нíх лады́ уж-бы́ли* (Н. КТХ. Н.-Усм.). *Ја нам'э́ дни у Ма́н'ки нь-лада́х п'э́с'ни иура́ль* (ЗЛЖ. Лиск.). *Сва́таць при́эжжа́јут, засва́тајуць. Јэ́сли ат'э́ц е-ма́т'ьр'ју атдава́јут, то пр'а́мь с лада́ми: ла́д'ут, апасл'э́јшэ тавó – зуó вьр* (ВРН.). *Вчэ́рас' бы́ли лады́шки у Па́ниных* (ББК. Н.-Усм.). Отмечается, что происходил этот ритуал преимущественно в воскресенье: *Уну́чкь маја́ за́муш выхо́дь, в-васкрис'э́н'ју лады́ бу́дут'* (В.ТРВ. Нижнедев.). *Ф ту вьскрис'э́н'ју у-нíх бы́ли лады́* (БОРОВОЕ Врн.). По утверждению М. Фасмера, фиксирующего значение 'помолвка, благословение, которое жених и невеста получают от своих родителей', надежной этимологии данного существительного не выявлено; исследователь полагает возможным родство с гот. *lētan* – 'пускать' [Фасмер-2: 447]. В русских говорах распространен полисемантический глагол *ла́дить* – '1. Договариваться, улаживать. 2. Покупая или продавая что-либо, договариваться о цене. 3. Договариваться о свадьбе, сватать кого-либо'. В значении 'сватать' лексема употребляется в тверских, тульских, орловских, воронежских и калужских говорах [СРНГ-16: 231]: *Прихадíли ла́дит'*

ради́т'ьли, свáт'ьць (КРС. ЛОГ Кашир.). *Давайт'ь ла́дит'*, *дъуавáривъць* (СР. КРЧ. Рам.). *Радн'á н'э аддају́т н'ав'э́сту; ла́дища* (ПСК. (ряз.ст.) Повор.)

В литературном языке глагол *сла́дить* – ‘прийти к какому-либо соглашению, поладить’ – имеет просторечный оттенок [МАС-4: 130]. Наряду с воронежскими, в ареал распространения лексемы **лады́** входят калужские, брянские, смоленские, орловские, тульские, московские, тверские и рязанские говоры; в псковских и смоленских говорах употребляется существительное *лад* [СРНГ-16: 226], в новгородских, курских, брянских и орловских – *ла́дины*. В украинских воронежских говорах распространена семантически тождественная лексема **ла́дини (ладіни)**: *У сусідів сьогодні ла́дини* (РЕП. Реп.). *Маладу паладили і запили, у Пилипа ладіни* (ДЛ. ПЛБ. Остр.). [СУГВО-1: 193]. Примечательно использование лексемы **лады́** в воронежских говорах в различных значениях. В одних говорах эта лексема семантически тождественна лексеме **запо́и** и воспринимается диалектоносителями как синонимичная ей, но более архаичная: *Сп'э́рва лады́ справл'а́јут', ну т'ап'э́р' запо́и нъзва́јут'. Вот ані ла́дут', дъуавáрива́јутъ за м'э́сиц а то за н'ад'э́лу* (ГРМ. Хохол., КЛП. Бутур.). Это подтверждается тем, что употребление лексемы *лады* отмечено в воронежских говорах ещё в середине XIX века [СРНГ-16: 226]. В других населенных пунктах информанты указывали на различные значения указанных лексемам: *лады* – окончательное заключение договора о свадьбе, этап обряда, следующий после *запо́я* – предварительного соглашения о свадьбе: *Запо́ј, лады́, а патом сва́д'бъ* (МЛШ. Ворон.). Таким образом, *лады* выступали в роли маркера положительного результата просватанья;

3) **догово́р, сгово́р**: *Път свáт'бу пайдут'ь ат жынихá друшкі на дъуаво́р* (Н.СЛС. Семил.); *В ту вьскр'ьс'э́ниць, нькану́нь зуаво́р* (ДНС. Верхнемамон., Н.ЖВТ. Рам.). *При́дут', пъуавар'áт', прихóд'ут' т'ап'э́р' јэ́ти, катóръя́ ад жанихá, сабира́јут' радн'у́. Приво́д'ут' малады́х, дава́јут' им паллі́тръ и р'у́мку Он нълива́јэ и фс'э́х уашишáјэ. Када́ ані папо́чвали та паши́лі, быва́јт уармо́шкъ, быва́јт п'э́сни пдју́т Тада́ уш сва́д'бъ, нид'э́ли*

чьр'эс дв'э́ (Р. ЖРВ. Верхнемамон.). Лексемы обладают прозрачной внутренней формой, мотивированы глаголом *говорить* через посредство диалектных глаголов *договорить* 'условиться съ кѣмъ, порядить, кого въ работу, сторговаться' [Даль 1: 462] и *сговорить* (невесту) – 'в свадебном обряде – договориться с родителями невесты о их согласии выдать дочь замуж, заключить сговор' [СРНГ-37: 24]. У В.И. Даля *сговаривать*, *сговорить* – 'помолвить, дать слово обручить, благословить на бракъ' [Даль 4: 167]. Оба существительных обладают префиксами с семантикой результата процесса, обозначенного корневой морфемой. В СРНГ лексема *сговóр* отмечена как употребительная в воронежских, костромских и курских говорах. В источнике содержится описание сговора в Воронежской губернии на начало XX в.: *Через месяц сговор бывает под день свадьбы. Приезжает жених со своей родней к невесте – сговор тут начинается. Накладают на стол мясу, блинцы <...> сажают невестину родню всю. Женихова родня дожидается, хотя стаканы подносят им, гаркают их. Женихова родня пляшет, играет. Тады женихову родню сажают за стол.* (Аннин. Ворон., 1915) [СРНГ-37: 25]. О древности обычая сговора и соответствующего термина свидетельствует его упоминание в источниках XVI века, в частности в «Домострое»: «Как бывает сговор, приедет жених со своими родственниками к тестю во двор в нарядной одежде, а с ним должен быть отец или брат старший, наперед жениха идет один, а все остальные – после» [Домострой, гл. 67]. При этом исследователи указывают, что употребление данной лексемы хронологически предшествовало распространению существительного **про́пой** в указанном значении: *Жених с родными приходит в дом невесты, она им дарит полотенца и угощает жениха орехами, потом ужинают, пляшут. Сейчас эти обычаи настолько устарели, что почти не различают что сговор, что пропой* (Зап. Ворон., Жуковская, 1948) [СРНГ-37: 25]. Упоминание о синонимичности наименований *сговор*, *рукобитье*, *пропой*, *запой* содержится в словаре Даля [Даль 4: 167]. Ф.И. Поликарпов отмечал, что *сговор* и *запой* изначально были разными

етапами досвадебного обрядового комплексу, рознесенні в часі, однак, за його даними, вже в початку ХХ в. вони часто сливалися воедино за економічними міркуваннями, «благодаря вздорожанню сьїстныхъ припасовъ» [Поликарпов 1908: 27]. Цьому відповідає визначення СРНГ: сговор – ‘часть свадебного обряда, следующая за пропоем’ [СРНГ-37: 25]. Назви, мотивовані дієсл. формою мовлення, відомі і в сучасній українській мові: *зго́вор, зговóрини, змо́ви, змові́ни, змовле́ння* [Магрицька 2003: 60-61];

4) **запо́й**: *Вьіп'ют' спачáла запо́й* (КРЧ. Рам.). *Атсид'э́ла запо́й – чі́риз м'э́с'ьцэ свáд'ба* (ТД. Панин.). *Запо́й в субóту зд'э́льли* (ПСК. Повор.). *Он свáт'ьф п'ьдаслáл патóм зд'э́льли запо́й, приви́злі сьмафóн* (ТРС. Лиск.). *Пасвáт'ьют', запо́й зд'э́л'ьют', п'ьуул'áют' в-абóжих дварáх Запо́й п'ьуул'áют', ну а тады́ уш и свáд'б'ь в-абóжих дварáх* (СТ. ЧИГЛА Аннин.). *Засвáт'ьют' д'э́фку; зд'э́л'ьют' запо́йчик сталá нá-два, нá-три сьзаву́т', на-п'ьсн'áк начну́т'* (ДНС. Верхнемамон.). *Запо́й у-Нáс'ки был фчарá* (ОРЛ. Тал.). *У Куз'мин'ьх с'ауóдн'а запо́й был* (ББК. Н.-Усм.). *Пир'ьт свáд'б'ь запо́й бывáть, кадá н'ав'э́сту пр'ьпивáют'* (В. ТРВ. Нижнедев.). *Эт'ь јэст' доу́в'ьр, запо́й н'ьзывáтьцэ, патóм нив'э́ст' к свáд'б'ь уатóвицэ* (БРТ. Терн.). *Запо́й иурáли мин'э́ за-стóл н'ь сажáли* (СТ. ХВРС. Лиск.). *Запо́й сьб'ару́т' чьлав'э́к д'э́с'ьт' какі́х, сáмих рóдных какі́и рóдныи*(СЛД. Остр.). *На запо́й бычк'á зар'э́з'ьли* (В. КРЧ. Гриб.). *Тóлкó шкóлу кóнчила фчарá пропíли запо́й был* (ШШВ. Бобр.). *И запо́й уж-бы́л* (Б. ПРВ. Верхнехав.). Лексема широко розповсюджена в російських говорах, в частині саратовських, тульських, орловських, курських, тамбовських, калужських, владимирських, ярославських, казанських, пермських і мн. др. [СРНГ-10: 336]. Формально і семантично тотожествена лексема *запо́й* використовується в українських селах Вороніжської області: *У по́други був запо́й* (ЛСВ. Павл.). *Та це ж вже діло йде до запо́ю* (СТТЛ. Бог.). [СУГВО-1: 137]. В деяких районах Вороніжської області проводилися два запою – **малый**, або **маленький** (носивший попередній характер і не передбачавший присутствия

молодых) и **большой** (окончательный, обычно через неделю после малого, с участием жениха и невесты) [Христова 2012: 120; Горяинова 2012: 172]: *Лэст' мал'н'киј запóј, бал'шóј запóј* (СР. КРЧ. Гриб.). *Д'элаитсамáлин'киј запóј, жанихá и н'ав'эсты радн'á, чилав'эк п'ат'* (Р. БЛВ. Павл.). *Патóм запóй бал'шóй фс'у радн'у сабир'дут* (БРД. Аннин.). В качестве производящего слова выступает глагол **запивáть (запíть)** – ‘отмечать помолвку, сговор угощением, выпивкой’ [СРНГ-10: 317]: *Рóцтв'ьнники б'арут' вóтку и идут к нав'эс'т'ь запивáт', этъ дэуавóр каудá свáдбъ б'удьт* (Б. СМВ. Эрт.). *Д'эфку прасвáталц зáfтра запивáт' б'удут* (ДВД. Лиск.). *Пабауáтий лучэ'ь запивáют'* (I НКЛС. Вороб.). *А у-н'эј падру'уу зьпивáли за харóшьва* (КРШ. Бобр.). *Пашилí в-дом зьпивáт'* (Б. ВРК. Рам.). *Вот чириз м'эс'ьц б'удит запóј. Таудá ужэ јэ дит радн'á, брáт'ь, с'óстръ сáмь'ь бли'ски'ь јэ дут запивáт'. Ис јујó стараны́ и с'эт'ь уул'áјут* (Аннин. р-н). *Друуóј в'эч'ьр патшóл изапíли м'ан'э* (РСТ. Эрт.). *Мы нам'эс' Н'у'рку запíт' хат'эли* (ЗЛЖ. Лиск.). *Мы за-т'эб'á запíли и запóј изд'э'льли* (ДНС. Верхнемамон.). Нами отмечено употребление глагола **запивать** по отношению не только к невесте, но и к жениху: *Патóм зап'ју т жынихá и нив'э'сту* (СТ. ТД. Аннин.). В некоторых говорах лексема употребляется также в значении ‘отмечать застольем сватовство’: *Пьдаи'ль карó ву зьхажу' ф хáту, а там мин'э ушзьпивáют'* (Р. ГВЗ. Рам.). *П'э'рв-на'п'эрва н'ав'э'сту идут' запивáт'* (Н. СЛД. Реп.). В русских говорах известны другие суффиксальные производные от данного глагола, семантически тождественные лексеме **запой**: *запивáнье* (яросл., свердл.), *запíвки* (вят., пск., волог.), *запóины* (смол., кур., орл.), *запóинки* (омск.), *запóйка* (нижегор.) [СРНГ-10: 317, 336];

5) **пропóй**: *Пранóй* был как свадьба, вся радня придетъ, и зритили были – хто из саседей (ДБР. Лиск.) [Христова 2006: 48]. *Там был этъ как јэво пранóј, пръпивáли ми'н'á. Там пьсид'э'ли, у мáт'ьри, там у си'б'á дóмъ а жи'ни'х приходит со св'э'ј родн'óј. Пó были там, уул'áли, назнáчили на какóј д'эн' свáдбъ* (ХЛБР. Аннин.). В словаре под. ред. А.П. Евгеньевой

существительное *пропой* – ‘завершение выпивкой обряда сватанья невесты’ – снабжено пометой «устар.» [МАС-3: 512]. Лексема зафиксирована в омских, орловских говорах и образована от глагола **пропива́ть** – ‘завершать сватовство выпивкой, засто́льем’ (ср. *пропивать невесту, девуку*), распространенного в уральских, вятских, новосибирских, томских, вологодских, ярославских, костромских, псковских, смоленских, пензенских диалектах [СРНГ-32: 205-206, 209-210]: *Ну прихаділи мат', ат'эц и прапива́ли* (ШСТ. Бобр.). *А как был запо́ј, так и фс'о, м'эн'э прапива́ли* (БРТ. Терн.). У Даля *пропить дочь* – ‘запить; обрядъ просватанья, пропой, происходит послѣ рукобитья, въ домѣ жениха, безъ невѣсты; тутъ же рядятся о кладкѣ, деньгахъ на столѣ. Иногда ихъ два: малый пропой, у отца невѣсты, съ угощеньемъ сватовъ; большой, тамъ же, потчиванье на сговорѣ, сватомъ’ [Даль 3: 520]. Лексемный ряд существительных, мотивированных глаголом *пропивать (пропить)*, в воронежских говорах также включает в себя номинативы **пропíв**, **пропіву́шка(и)**, **пропíтье**, **пропíвки**, отмеченные в СРНГ [СРНГ-32: 205, 206, 207]: *Запо́ј как пасва́тали, приход'ут' го́сти ат жэниха́, вып'ит' бутылку-дв'э и тауда́ пр'піву́шки сво́д'ут' жэниха́ и н'эв'эсту* (КРС. ЛП. Реп.). Ф. Поликарпов описывает ритуал **пропіву́шки** в с. Истобное Нижнедевицкого уезда (ныне – Репьевский район), в ходе которого жених наливает вино в стакан невесты, которая затем подносит его суженому в знак согласия на брак. Ритуальное взаимное подношение питья осуществляется трижды, причем молодые должны назвать имена друг друга в ответ на вопросы свахи «Кому несешь?» и «От кого принимаешь?» [Поликарпов 1906: 11];

6) **помо́ловка** – ‘помолвка’: *Далжна́ быт' памо́льфкъ* (ХРН. Бобр.). Данная лексема представляет собой фонетический вариант существительного *помо́ловка*, в литературном языке имеющего значение ‘обряд объявления кого-либо женихом и невестой’ [МАС-3: 283]. Тожественная формально и семантически лексема известна в костромских говорах [СРНГ-29: 222];

7) **охмёлки:** *Зуаво́р, д'ави́шник, да ахм'о́лки по́слъ зуаво́ра* (СР. КРЧ. Гриб.). В орловских говорах *охмёлки* – ‘свадебный обычай, вечеринка для стариковъ и старухъ, послѣ рукобитья (сватанья)’ [Даль 2: 800]. В курских говорах семантически тождественная лексема имеет форму *охмеля́нье*, в псковских и тверских – *охмёлье* [СРНГ-25: 39]. Существительные мотивированы глаголом *охмеля́ть, охмелі́ть* – ‘1. Сдѣлать хмельнымъ или напоить допьяна; 2. Опохмелить, дать выпить на прошлый хмель’ [Даль 2: 800]. Ср. у Ф.И. Поликарпова упоминание о том, что после сговора идут «опохмѣляться к невѣстѣ» (Перлевка Земл.) [Поликарпов 1908: 27];

8) **рукобѣтье:** *Сначáль свѣтафствѣо́, а потѣм рукабѣ́тцѣ* (ПЧЛ. Бобр.). Данный номинатив является производным от аналитического наименования обычая *бить по рукам* в знак соглашения или успешного окончания какого-либо дела. В русских говорах отивированные им существительные широко распространены (особенно на севере) и отличаются многообразием словообразовательных аффиксов: в московских и ярославских говорах – *рукобитки*, в павлодарских – *рукобѣ́тчина*, в бурятских – *рукобѣ́ты*, в донских – *рукобѣ́ть*, в олонечских – *рукобѣ́тьице* и *рукобѣ́тьище* [СРНГ-35: 248-249]. Собственно лексема *рукобѣ́тье* известна в архангельских, вологодских, новосибирских, пензенских и брянских говорах. Ср. в смоленских говорах *бить лады́* – ‘заключать договор, условие при купле или продаже чего-либо’ [СРНГ-16: 227]. У Даля *пробить дѣвку* – ‘пропить, просватать, за(об)ручить; отъ обычая бить при этомъ по рукамъ. Отець прѣбилъ дѣвку, а братъ прѣпилъ’ [Даль 3: 484]. Как правило, рукобѣтье проводилось за три дня или за неделю до свадьбы и сопровождалось застольем, а иногда и смотреньем невесты [СРНГ-35: 249];

9) **сшивáлки.** Современные опросы диалектоносителей уже не фиксируют употребление данной лексемы, однако, по сведениям Ф. Поликарпова, в начале XX в. номинатив использовался для обозначения досвадебного обряда с участием жениха и невесты, тождественного пропою («пропивушкам»). В качестве мотивирующего выступает глагол *сшивáть*,

приобретающий в говорах метафорический характер: «По мѣстному толкованію отъ – "сшивать", соединять судьбу жениха и невесты. Раньше, можетъ быть, ихъ буквально сшивали (ниткой, напр.), поэтому символическое значеніе» [Поликарпов 1906: 10]. Данное наименование отражает представление о ритуальном соединении как продуцирующем магическом действии, характерном для свадебного обрядового комплекса. Так, широко распространены обычая связывания, соединения рук молодых на разных этапах обряда: *А тоди вяжем, ну там хрѣсных, хресный батька, матэ там, сэстра, брат можэ, с их вяжут платочкамы или рушнякамы вяжутъ справа налево* (ШПШ. Ольх.) [Пухова и др. 2012: 128]. *Надѣ, штоп ф-первый ден' свад'бы мѣлая пара вес' ден' прѣхадилы рядѣм, за-руки, штоп меж-ними никто нь-прашол* (г. Бутурлиновка) [Филатова 2010: 187]. Обертывание рук, помимо соединительного значения, выполняло обережную функцию: по народным представлениям восточных славян, касание друг друга голой рукой сулило молодым бедность [Маслова 1984: 39].

Следует также отметить употребление в некоторых воронежских селах наименований **зару́чѣни** и **могары́ч**, **могори́ч** – ‘сватовство’, свойственных украинскому языку: *Зару́чѣни – це вже як сватаюця* (ГРМ. Кант.) [СУГВО-1: 138]. В севернорусских говорах употребляется сходное в словообразовательном отношении существительное *запоруки* – ‘обрядовый сговор родителей невесты со сватами и женихом о свадьбе’ [Балашов 1985: 368], в орловских говорах отмечено существительное *зарученье*: «На зарученьи радители невесты дают сагласие на свадьбу» [Костромичева 1998: 23]. Лексема **могарыч** отмечается в украинских воронежских говорах с середины XIX века: *Чрезъ нѣсколько дней отецъ невесты извѣщаетъ, что онъ готовъ тогда-то сделать сговоръ, что называется **пить могарычъ*** (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 185]. *На **могори́ч** приходе батько, мати, хрѣ́сні, староста* [СУГВО-2: 262]. Ср. в современном украинском свадебном обряде *могори́ч* – ‘обряд выпивання горілки на знак остаточної згоди батьків дівчини на шлюб’ [Магрицька 2003: 88]. В русских говорах *магары́ч* – ‘взятка,

подарок' (ворон., волог., новг., перм., тобол.); в брянских говорах *магарычевать* – 'угощаться, пить водку, празднуя какое-нибудь радостное семейное событие, напр. сватовство' [СРНГ-17: 289].

Во время договора обсуждалось не только время проведения свадьбы, но также количество гостей, размер приданого и величина **кляжи** или **клядки** – особой разновидности свадебных расходов, своеобразного денежного и/или материального выкупа за невесту от родных жениха: *Клятку платили, д'энуи давали* (ДВЦ. Семил.). *Жаніх фсудá с кляткѣ приэжжэл* (Р. ГВЗ. Рам.). *Ja замуш выхаділа жаніх дајот мн'э клятку сапóшки, шу́бу д'эс'ьт' рубл'эј.* (В. ТРВ. Нижнедев.). *Ат'эц ды мат' жанихá клятку давали, рубл'оф двацѣт' или там трицѣт'.* Как жаніцѣ, так ат'эц прѣдајо ав'эц и набирáја клятку (Н.ИКР. Лиск.). *Срóтств'ьники јавó бал'шују клятку вн'аслі* (ШШВ. Бобр.). *Кляжь-ть у мин'э бафáтьѣ была* (КРЧ. Рам.). В русских говорах *клядка* – 'обусловленная сумма денег, которую жених выплачивает родителям невесты; подарки жениха (деньги на приданое и свадебные расходы, вещи)'. Помимо воронежских, лексема *кладка* употребляется в донских, тамбовских, саратовских, тульских, рязанских, московских, владимирских, казанских, нижегородских и многих других говорах [СРНГ-13: 256], *клажа* – в тульских [СРНГ-13: 264]. В томских говорах известна семантически тождественная им лексема *кладь* [Там же]. В ряде русских областных диалектов лексема *кладка* употребляется для наименования приданого невесты [СРНГ-13: 257]. Процесс договора о свадебных расходах в воронежских говорах назывался **выговáривать** (~ кля́дку, ~ за невесту), **говори́ть кля́жу выговáривать на поса́д**: *Ра́н'шь нив'эсты вы́говáривѣли кля́тку* (ДВД. Лиск.). *Кля́жу у́варі́ли* (КРЧ. Рам.). *Нь-паса́т вы́говáривѣли шу́бейку и ши́ибл'эты* (Н. СДВ. Новохоп.). *Мы вы́увѣрили за нив'эсту шу́бу аддирáль хáту* (ШСТ. Бобр.) *Сва́ты дьу́варі́лис', бо́уу пьмáли́лис', што он бу́дь из ад'эжды пькупáт', а-паст'эл'сваја́ была́ Бывáль у́варі́ли, сва́ты кля́тку кладу́т* (ТРС. Лиск.). Ср. в мордовских говорах *укля́дываться* – 'договориться о расходах на

свадьбу' [СРНГ-47: 66]. В калужских и новосибирских говорах *выговáривать* – 'договариваться о плате за невету, калыме, свадебных подарках' [СРНГ-5: 266]. Указанным глаголом мотивированы такие наименования предсвадебных подарков для невесты, как **вѣговор, выговóрное**: *Как прасвáтѣют' так и вѣгѣвьр н'ав'э'с'ти прин'асѣт'* (ББК. Н-Усм.). *А вѣгѣвьр-та стóит јáјэ* (РГЧ. Н.-Усм., РПН.Врн.). *Этѣ выгáвóрнѣѣ бѣль ф стѣрину, выгáвáривѣли* (ДНС. Россош.). Лексема *выговóрное* зафиксирована СРНГ как употребительная в Воронежской области (Бобровский район) [СРНГ-5: 266]. Существительное *вѣговор* широко употребляется в русских говорах для обозначения договора о взаимных подарках жениха и невесты (ряз.), продуктах к свадебному столу (смол.), выкупа за невесту (калуж., орл.), а также приданого невесты (новосиб.). [Там же]. Исследователями отмечается, что семья невесты могла запросить нарочито высокую кладку, если жених не нравился [Алиференко 2006: 5]. Обычай требовать выкуп за невесту носит общеобязательный характер, что находит отражение в пословице *Денежки на стол, и девушку за стол* [Даль 1984: т. 2, с. 216], и восходит к языческому периоду: «Имеются и древние известия о покупке женщин в Польше и в России, а также многочисленные пережитки этого обычая и упоминания о нем в позднейшее время. Для обозначения подарка, который отец получал за дочь, в славянском языке имеется индоевропейский термин *veno*» [Нидерле 2001: 205]. А.В. Гура отмечал, что покупка невесты как «взаимный обмен между родами» – один из древних способов заключения брака, который упоминается в источниках X в. [Гура 2011: 23]. С ним связано и аналитическое наименование **покупáть неvéсту** – 'договариваться о сумме денег, которую жених должен заплатить родителям невесты, его подарках (деньгах на приданое, свадебных расходах' (Аннин. Ворон. 1964) [СРНГ-29: 23] (подробнее о ритуале см. §3).

По окончании застолья и с момента заключения договора невеста переходит в статус **пропитóй (запитóй)** и начинает готовиться к свадьбе: *Ужэ маладáја запитáја* (НЖ. БЫК Бутур.). Решающая роль данного ритуала

в досвадебной обрядности находит отражение в многочисленных поговорках: *Пропитая дочь – не своя, чужая. Пропита – продана! Просватанная, что проданная. Обрученная, что подаренная* [Даль 1984: т. 2, 215]. Свадьба окончательно становилась решенным делом независимо от предполагаемого срока проведения. Иллюстрацией этого служит зафиксированное в говорах аналитическое наименование *у гóд запита́я* – ‘девушка, засватанная на год (свадьба будет сыграна через год)’: *Да ана́ што у-уóт запита́жь* (У. МРВ. Реп.). Часто девушке до самой свадьбы было запрещено выходить на улицу, даже для того чтобы сходить в церковь: *Дѣвка, послѣ сговора, на улицу, ниже въ церковь, не ходитъ* [Даль 4: 167]. Она также полностью отстранялась от всех хозяйственных забот семьи, становилась гостьей в своем доме [Зорин 2004: 65]. В русских воронежских селах не зафиксировано отдельного наименования для периода подготовки к свадьбе, в то время как в украинских селах бытовала лексема **сва́дьбиця**: *У нас сва́дьбиця, нима дажи времени поїсти* (ДЛ. ПЛБ. Остр., БЧК. Петропавл.) [СУГВО-2: 193].

Процесс подготовки даров жениху и его родне в воронежских говорах назывался **справля́ть дары́**: *Тада́ и ты справл’а́й дары́* (Н-ЖВТ. Рам.) или **гото́вить дары́**: *Тада́ н’в’э ст’та уа́то в’а дары́, шjó т’, вышива́жь рушники́, јаму́ руба́хи* (ДНС. Верхнемамон.). *Я п’уа́то вила адніх даро́ф дв’ана́цът’ руба́х* *Када́ в н’ад’элу, када́ бо́лшиъ на́дъ п’уа́то вит’ дары́ жаниху́, што́ бь был убра́ным* (Б. ВРК. Рам.). По сообщениям информантов, дары в основном состояли из предметов одежды: *Дары́ шы́лиц руба́хи там св’о́кру, ју́нку св’акро́ви, или плато́к харо́шъј* (ШШВ. Бобр.). *Ма́т’эри дари́ли руба́ху раши́ыт’ју, ко́хту, ју́нку э́та св’акро́уја называ́лас’, ну а св’акро́уја адда́рива́ють зна́чит’, шош на пла́т’јь мн’э пало́ш, јэи’о́ там чауо́-т’ь* (ИСТ. Реп.). *У п’а́тницу с в’э́чиру жанихо́ва радна́ шла к н’ав’э́сти за дара́ми Па ра́знаму дари́ли ну жаниху́ абиза́ти́на руба́ху, св’акро́ви плато́к ал ко́хту, а св’о́кару па́ра́знаму, чауо́ бы́ла* (МСТ. Остр.). Обычай взаимного обмена подарками, иногда сопровождавшегося застольем, в говорах получил название **дари́ться**: *Сва́д’бь была́ т’ьк с’мауо́н пи́лиц а дари́лис’ – квас*

д'э́льли (КРШ. Бобр.). По свидетельствам информантов, свидания жениха и невесты разрешались, однако носили целомудренный характер: *Жыні́х јэ́јо н'ь-касáлсь. Он јэ́јо ъбува́ја, ъди'ва́ја* (ТРС. Лиск.).

В обязанности невесты входило не только одаривание будущих родственников, но и изготовление свадебного костюма для жениха. В воронежских говорах известно аналитическое наименование **обшива́ть жениха́** – ‘готовить белье и одежду в подарок жениху’: *Жыниха́ апишыва́јут'* (В. ТШН. Тал.). В «Словаре русских народных говоров» с пометой «Аннин. Ворон.» зафиксировано наименование частного обрядового действия **ме́рить во́рот** – ‘снимать мерку с жениха, чтобы сшить ему венчальную рубаху’: *Нынче ворот мерить к жениху поедем, он нас покатае на лошади* [СРНГ-18: 118]. С течением времени ритуал претерпел некоторые формальные изменения (в частности, шитье одежды сменилось покупкой), однако остался обязательным: *Иму́ вот как ја́ нив'э́сть шэ́т' руба́х шыль Пóлньј у́зъл сабира́ли. Јэ́сли кури́л и кис'э́т, тау́да-ш н'э́-быль партаба́шницѣф. Он ужэ́ кури́л, мој д'э́т. Шы́ли кис'э́т, су́мьчку таку́у вышыва́ли* (БРД. Аннин.). *Была́ палу́ тарка и фс'о́ на в'э́с калхо́с. Ну пасва́талис', бо́уу памали́лис', дауавари́лис'. Ну чэ́р'ьс шэ́т' н'ад'э́л' ја́ начала́ уато́вица, палат'э́нцъ вышыва́т', сјэ́здила у Варо́ньш, купи́ла паст'э́лнају прина́дл'э́жнаст', жэ́ниху́ ка́ст'у́м э́та-та ш'а́с н'э́ пакупáјут, вот, н'э́в'э́ста жэ́ниху́, а тада́ н'э́в'э́ста купи́ла жэ́ниху́ ка́ст'у́м руба́шку, бр'у́ки Ну фс'о́ абмундирава́нјэ* (ИСТ. Реп.).

Помимо этого невеста должна была **класть** себе **прида́ное**, также включавшее одежду и предметы домашнего обихода: *Ана́ и сунду́к наклад'о́т', и ус'о́. А то и ничаво́ н'а кла́ли прида́нъвь* (СЛД. Остр.). Как правило, в подготовке приданого ей помогали мать и подруги: *Пр'и́данъйь мн'е ма́ма уато́вила. Жы́л'и б'е́днь* (МДВЖ. Семил.) *Ну, как уато́вил'ис'?* *Ма́мъ там ко́йкак'и́й д'ар'у́шки събрала́ паст'э́лку кой-каку́йу събрала́ мн'э: паду́шычк'и, два ад'а́јала. Н'икак'их про́с'т'ин н'э́ былъ, н'ич'аво́ н'э́ былъ. Мы жы́л'и с' н'им р'а́дъм. П'ир'ин'асл'и́ фс'о́, сыура́л'и сва́д'бу* (МДВЖ. Семил.). *За́муш выхад'или з' дар'у́шкьми У каво́ суконн'ьѣ ис*

шэрсти д'ар'ушки изношьныйь тр'апки рвали на такйь л'энтъчки и шывáli. У мајэј мамајки н'ь дир'ушкитъ н'ь адној н'ь було. Ана зънимáль взајмы, а патом нъткала и ъдалá (СТ. ЧИГЛА Аннин.). [Девичника] н'э былъ. Вот ско́лка нас д'и'фчо́нкъ былъ... Мы фс'э за́н'ьты бы́ли, мы сид'э́ли кружэва́ в'э'зали, мы сид'э́ли, вышивáli. На́дь былъ с'э'мна́цът'-вас'э'мна́цът' палат'э́нцъф аб'азáт'ьл'на вы́шйт'. Аб'азáт'ьл'на кáждѣ н'эв'э'с'т'ь. Э́тъ вы пр'эцтáф'т'ь, ско́лка мы сид'э́литъ. И кружавá на́дь, и на падзór на́дь Ну э́тъ вот... падзór вот такóйь вот из мат'э́рицъ шы́лас', а тут кружавá. А-ту́т пакрыва́льс' јэсли прóстын' вы́шыта. Пакрыва́л н'э былъ таудá, јэсли была́ вазмóжнъст'у кавó, ис клачкóф шы́ли ад'э́јала. Ну уш мý-тъ за́муш ста́ли выхадит', што́ у м'эн'а бы́ла? Т'у́львыјь занав'э́ски пакрыва́ла, э́нтъ ја сама́ (БРД. Аннин.). А што́рки вы́биты́ь бы́ли там, дифчо́нки вы́билили У мин'á и карóткы́ь были, и вы́биты́ь, там узóр такóј красíвыјь, и патшто́рники назывáюцъ бы́ли нъ-п'лави́ну окна, фс'э в зубцáх машы́нкы́ь вы́бивáli (ХЛБР. Аннин.).

Накануне свадьбы (реже за два дня) проводились ритуалы с участием приданого невесты – его выкуп, перевозка в дом жениха, демонстрация жителям села, – а также ритуалы с венчальной рубахой жениха.

Обряд выкупа приданого состоял в том, что женщины из числа родни жениха (а иногда и он сам) приезжали в дом невесты за **узлóm (выкупáть узел)**. Данный ритуал проходил в игровой форме, часто с элементами комического: *Ну пришли́ за узлóm жы́ниху. А шути́ли тада́ на свáдбу. Двојурнъя сй́стра́ ўворит дава́ј два платкá мн'э одина́квых, в оди́н хорóшцъ полóжим, а в друуóј плохóј, и вот какóј они́ ку́нут. И вот, купи́ли плохóј, и сми́јалис' фс'э над ни́ми (ХЛБР. Аннин.).* Данный компонент значения эксплицирован в глагольном сочетании **обы́грывать сунду́к** – ‘часть свадебного обряда; сундук с вещами невесты передают жениху за выкуп’: *Ра́н'ьшь аб'ы́урывъли сунду́к (I НКЛС. Вороб.),* не зафиксированном диалектными словарями. Наименование *выкупать узел* встречается в алтайских говорах [СРНГ-47: 20].

Ритуал перевозки имущества невесты в дом жениха в ряде говоров известен под названием **везти постель (приезжать за постелью)**. *Пријижјајут када за пост'эл'ју, ет' называјца. Пр'ам пот сва'д'бу. Вот за'втра сва'д'ба, а но'н'чь ви'чир'ьм приј'эхли ко мн'э за э'тим* (ХЛБР. Аннин.). Указанное словосочетание отмечено в СРНГ как употребительное в Аннинском районе [СРНГ-30: 221]. Данное наименование является метонимическим, поскольку под постелью понимается всё имущество невесты: *Снача'ль нас'т'эл' визу'т ф-п'атнищю. Нив'э'стинь радн'а пријижжа'ит к жыниху, абмир'ајут, патом нас'т'эл' приво'з'ят, нас'т'эл'н'ь'е прина'дл'э'жн'ь'с'ти, на о'кн'ь, на дв'э'ри, шторы, ну там занав'э'ски, и дл'а жыниха бр'у'кц'и рубашки нив'э'сть, так пал'ожын'ь бы'ль* (ХЛБР. Аннин.). В зависимости от принятого в конкретном говоре наименования приданого (см. гл. 4, §2) наименование ритуала его перемещения приобретает различный вид – **везти худобу перевозить сундук**: *Жани'х'ј'э'д'э да нив'э'сты Э'та ка'да сва'д'ба нь'чин'ај'ь'ц'ь, и пр'ам'ь худ'обу ат нив'э'сты в'азу'т'. Сунду'к нас'т'эл'у* (Р. ЖРВ. Верхнемамон.). *Јаша'к у нас был, на иша'ку на э'т'ьм'н'эр'э'вази'ли мају' б'а'ц'т'ву ус'у, сунду'к* (ИСТ. Реп.) с сохранением общего принципа глагольно-номинативных словосочетаний с глаголом перемещения в функции главного слова. Как правило, в перевозке приданого чаще участвовали лица со стороны невесты, чем жениха [СД III: 278], они же убрали дом, то есть украшали его, раскладывали постель, развешивали полотенца, занавески и другие предметы, изготовленные невестой, и готовили жилище к приезду молодых: *Ну вот э'т'ь приј'эхли, по'ул'али и пови'зли с'уда' пост'эл'. Тут убра'ли фс'о, на о'кн'ь пови'сили и ко'јку убра'ли. Привози'ли э'т'ь вот ро'д'на моја'. Ни' ја, ја тут н'ь бы'ла до сва'д'бы. Э'т'ь фс'о ро'д'на моја' привози'ла и убра'ли тут* (ХЛБР. Аннин.). Родственники жениха встречали процессию и иногда уже на месте выплачивали за приданое выкуп, как, например, это описано в пгт. Таловая: *Фсё э'та из дома нявесты взяли на двух лаша'д'ях. Лошади едут', гарманист сидит' на сунду'те, а па'д'руги иду'т' разнаряжн'ыйи*

следам, пляшут и песни играют. Падвязли к жаниху, йих фстрявают жаних, радители и родныйи: братья, сёстры, плименнити и плименницы. <...> Давали выпить, долга разгаварьвали. Патом с жаниха и радителиф прасили выкуп – деньги. Давали рубл'й сорок-пятьдесят, хто как. Жаниху аддавали ключ ат сундука, занасили фсё в дом [Недоступова 2013: 192-193]. Предсвадебный обычай выкупа и перевозки имущества невесты в дом жениха известен во многих регионах. Так, он является частью традиционной донской свадьбы [Земцов 1989: 25-26], известен в населенных пунктах Иркутской, Казанской, Свердловской, Ульяновской областей [СРНГ-30: 222]. В СРНГ приведены с пометой «Дон.» наименования *выкупать постель* и *продавать постель* – ‘платить (брать) выкуп за приданое невесты, которое привозят в дом жениха’ [СРНГ 30: 221]. В орловских говорах известны семантически тождественные наименования *сундук покупать (продавать)* – ‘платить (просить) выкуп за приданое невесты’ [СРНГ-42: 244].

Помимо приданого, объектом ритуальных действий вечером накануне свадьбы становилась рубаха, которую шили подруги невесты жениху для венчания. В воронежских говорах существовал обычай **выкупáть рубá ху ё хать (идти) за рубá хой** – ‘выкупать подвенечный наряд жениха у подруг невесты (которые этот наряд шили)’: *Под венчанье рубаху выкупали. Вечером ехали за рубахой* (Аннин. Ворон.). Противоположное действие носило название **идти с рубá хой ходит с рубá хой** – ‘продавать жениху подвенечный наряд накануне венчания’; **ходить в рубá хах** – ‘подруги невесты надевают на себя рубаху, приготовленную ими для жениха и идут к нему эту рубаху "продавать"’: *Рубахи мужичьи оденем и идем к жениху. Там их встревают, угощают* (Аннин. Ворон.) [СРНГ-35: 215].

Последним значительным моментом досвадебного ритуального комплекса является вечер накануне свадьбы. В это время в домах жениха и невесты проходили собрания молодежи, цели и характер которых определялись спецификой обрядовых ролей юноши и девушки. У невесты проводился переходный обряд прощания с девичеством и вольной жизнью,

для чего собирались ее незамужние подруги. В воронежских говорах номинация этого действия происходила по двум признакам:

1. По времени проведения (вечером накануне венчания). Данная подгруппа объединяет суффиксальные производные от существительного *вечер*:

- **вечері́на** – ‘вечернее собрание подруг невесты в её доме накануне свадьбы; девичиник (Нишнедев. Ворон.)’. Лексема также отмечена в орловских, курских, новгородских, вологодских, рязанских и других говорах [СРНГ-4: 210]; как элемент традиционной свадебной обрядности вечерина широко известна в селах Тверской области [Петров 2014: 41];

- **вечері́нка(и)**: *Дъуъварі́лис'ь вичирі́нки д'э́лт'* (ХРН Бобр.). *У На́с'ки Кадрі́хи вичарі́нки над'ом пъл'аді́м* (ДВД. Лиск.). *За́фтръ ви́нча́т', а сиво́дн'ь въчи́ринку справл'а́ют. Мълада́јь уур'у́мдъь, ууну́ тѹъ сидит* (ТРС. Лиск.). *За́фтръ ви́нча́т', а ны́н'ышний в'э́чър в'ъчи́ринкѹ* (ТРС. Лиск.). Эта же лексема зафиксирована исследователями в других регионах: *Ны́нча у них вичиринки* (ВШЛ Лип.). *У нас вечеринка бывает – невеста собирает подруг* (с. Талица Елецкого р-на Липецкой обл.) [Комаричева 2008: 95]. **Вичиринкѹ** – гулянкѹ наканунѹ свадьбы в дом'ѹ невесты (Орл.); **Вечеринка** была важная, погоди было много (Обоян. Кур.), в тамбовских, тверских и др. диалектах [СРНГ-4: 212]. В донских казачьих говорах лексема *вечеринка* употребляется для наименования и девичника, и прощального вечера у жениха (мальчишника) [Кудряшова, Брысина 2012: 106];

- **вечері́ны** (мн.): *Када́ сасва́тълц то у н'ав'э́сти в'ъчи́рини събира́ют'* (ЗЛЖ. Лиск.). *За́втръ винча́т', а с'эуо́дн'ь д'э́вушки събира́јуць у нив'э́сти нѹ вичирі́ны* (НЖ. БЫК Бутур.). В донских говорах *вечерины* – ‘вечеринка в день свадьбы для родителей жениха и невесты’ [Кудряшова, Брысина 2012: 106];

- **вече́рня**: *Называ́т' в'ачэ́рн'у к н'ав'э́сти* (Б. ВРК. Рам.). В значении ‘вечернее угощение в свадебном обряде’ лексема известна в смоленских говорах [СРНГ-4: 215];

• **вечеру́шка**: *Падру́шки нъ вичару́шки пирóх шиы́плут'* (ЗЛЖ. Лиск.). В словаре В.И. Даля встречаем эту лексему с указанием ее территориальной принадлежности: «*Вечеру́ха вечеру́шка южн.* Названія вечернихъ сходбищъ, собраний, пировъ. *Вечері́ны, вечорки, вечеру́ха* канун сватъбы у невѣсты, девичникъ, плач» [Даль 1: 192]. Таким образом, суффиксальное образование с помощью форманта *-ух-, -ушк-* типично для Воронежской области как пограничной с Украиной территории, в отличие от говоров, где используются существительные с формантами *-ин-, -к-*, у Даля снабженные пометой «сев.». В СРНГ в качестве ареала распространения лексемы **вечеруха** указаны орловские, брянские, рязанские, смоленские, калужские говоры. Лексема **вечерушка** отмечена словарем как воронежская, но лишь относительно семантики 'вечеринка, беседа, посиделки' [СРНГ-4: 217].

2. По составу участников (обычно в этом обряде принимали участие только молодые девушки, лица мужского пола не допускались). В этой подгруппе доминирует литературная лексема **деви́чник** – 'в русском народном свадебном обряде: прощальная вечеринка с подругами в доме невесты накануне свадьбы' [МАС-1: 375]: *Пат сва́д'бу нычина́йць д'ави́шник* Пьд-д'ави́шник д'эвки нър'ажáјутць у жынихó вы рубáхи (ЯРКИ Новохоп.). *Зáтръ ус'э падру́и нъ д'ави́шник придúт' пръщáць с н'ав'эстѣ* (КЛП. Бутур.). *На д'ави́шник сабира́лис' в до́м'ь н'ав'эсты* (СТ. КУРЛАК Аннин.). *Жани́х прид'от нъ д'ави́шник, а ја јаму́ – иди́* (ЧРТ. Семил.). *Мноу́ь наро́ду бы́ль нъ д'ави́шнику?* (ЗАТОН Вороб.). *На д'ави́шник'ъ ус'э д'эфки бы́ли* (У. МРВ. Реп.). Примыкает к ней лексема **молоде́чник**, мотивирующим признаком которой является возраст участниц: *Мълад'э́шник – јэть у д'эфки п'эрът сва́д'бѣ збира́јутць јијэ падру́и* (ДВЦ. Семил.).

Девичник был не только собранием молодых незамужних девушек, но и временем, когда проводились последние предсвадебные ритуалы – невесте в последний раз плели косу, готовили ее свадебный убор (наряд): *А в'эчьрѣм д'ави́шник э́ть адні́ д'эфки плáшут', н'ав'эсту убирáјут'* (I НКЛС. Вороб.).

Здесь же изготавливались **плётенки** (см. гл. 4, §6) – разновидность лент для повивания молодой: *Брали клубок и плели плётенки – либа падрушка лутшая, либо ат жениха. Плетенки мать клала над пирог, а кагда навивать, мать кресная ей заплетё* (СЛВ. Лиск.) [Христова 2006: 49]. Обычай *дёргать плётенки* зафиксирован исследователями в Белгородской области [Дорохова 2014]. Доверенные лица жениха или сваты выкупали постель для молодых и рубашку невесты: *Д’авишник пат свáдбу събирáлис’. Паст’эл’у прьдава́јут’, рубáху прьдава́јут’* (В.ТРВ. Нижнедев.). Также проводился выкуп невестиной косы, которую продавал младший брат или сестра девушки [Горяинова 2012: 172]; этот ритуал является характерной частью русской свадебной обрядности [Масленникова 1992: 43]. Невеста на девичнике должна была оплакивать свою «волюшку»; в селе Новый Курлак Аннинского района записан обычай покрывать невесте голову черным платком [Христова 2012: 123], известный также в Тверской области [Заострожная 2014: 56]. В отдельных селах зафиксировано многократное проведение девичника как сбора девушек для помощи невесте в подготовке к свадьбе: *Д’авишникъф мно́уь у нив’э́сти* (МДВЖ. Семил.). *На д’авишники сабирáли д’э́вкъ д’э́уки намауáли н’ав’э́сти* (КЛП. Бутур.). Кроме того, собрание молодежи в доме невесты было местом проведения ритуала **свóды**, когда жених должен был узнать невесту, стоявшую в ряду подруг с закрытым лицом. Затем молодых величали и, заставив взяться за руки, демонстрировали пару всем собравшимся [Горяинова 2012; Христова 2012; Чижикова 1989]. О древности данного обряда свидетельствует его общеславянское распространение: в частности, у белорусов он известен под названием *злучэння* [Русские 1989: 175].

Молодежный вечер перед свадьбой устраивался и в доме жениха, где собирались его холостые друзья. В воронежских говорах номинация этого мероприятия шла только по составу участников (молодые люди мужского пола). В основном использовалась лексема **мальчи́шник**, формально и семантически тождественная литературной: *У н’ав’э́сты д’авишник*, у

жаниха́ – мал'чѝшник друшко́ф сабра́т (СЛД. Остр.). Данный номинатив широко известен в других южнорусских говорах: *У Ко́лки анады́с' был мал'чѝшник* (с. Роговатое Шаталовск. р-на Белгород. обл.). *Мальчишник-ть будьши дельть?* (Орл.). *Мальчишник у жаниха збирајут* (Кур.). Повсеместно распространена диалектная лексема **молодѣчник** – ‘в свадебных обрядах – вечер перед свадьбой в доме жениха, мальчишник’, отмеченная словарем как бытующая в воронежских говорах ещё в 1905 г. [СРНГ-18: 223]: *Прихадѝ ка мн'э нѣ мѣлад'эшник* (КРС. ЛП. Реп.). Ср. в донских говорах молодецкий вечер – ‘вечер у жениха накануне свадьбы’ [Кудряшова, Брысина 2012: 107].

Примечательно, что мероприятия у жениха и невесты, хотя и сходные по времени проведения, имели разное значение. Девичник был временем прощания девушки с прежней беззаботной жизнью в родительском доме, поэтому часто носил печальный характер: *Нѣ д'авѝшникъ-ть пла́кльѣ ја ус'у' вр'э'му, нѣ хат'э'льс'а к чужьѝм итѝт'* (НЖ. ИКР. Лиск.). Обрядовые плачи, исполняемые невестой и ее подругами на девичнике (*Нѣ д'авѝшникъх пѣју'т' асо́быи п'э'с'ни* (ББК. Н-Усм.)), роднят это мероприятие с ритуальными действиями похоронного обряда, что отвечает идее свадьбы как перехода из одного состояния в другое. Мальчишник же, по сути, представлял собой инициацию жениха, знаменовал его переход от «мальчишки», «парня» в состояние взрослого мужчины, главы семьи. В связи с этим молодые люди на мальчишнике веселились и поздравляли жениха с новым статусом. С течением времени это различие сглаживалось, и оба предсвадебных вечера приобретали характер веселого, беззаботного праздника. Об этом свидетельствует бытование лексем **вѣчер**, **молодѣчник** с семантикой ‘совместное гулянье парней и девушек перед свадьбой’ [СУГВО-1: 54]: *Этъ сабра́ниѣ д'авча́т и парн'э́ј п'э'рът сва́дбѣѣ, п'ју'т', иура́јут'* (КРС. ЛП. Реп.). *Девичника у нас не було. Бул вѣчер, бул. Молодѣжи, девчата, хлопцы, ну, гармония, боян там. И играли, потанцуете...* (ШПШ. Ольх.) [Пухова и др. 2012: 158]. Ср. в уральских, пермских говорах *вѣчер* – ‘предсвадебная вечеринка’ [СРНГ-4: 210].

По данным исследователей, в украинских селах, где были сильны украинские обрядовые традиции, девичники были преимущественно веселыми [Русские 1989: 179]. В говорах этих населенных пунктов **вечор**, **вечорі́на** (**вечері́ни**, **вечорі́ни**) – ‘гулянье молодежи накануне свадьбы’: *Собирають **вечорі́ну** пирид свайбою. Оце на **вечорі́ну** собирають молодьож* (ЛКВ. Подгор.). *В назначіний день у нівести були **вечорі́ни** – гуляла молодьож* (ГРМ. Кант.). *Я завтра піду на **вечорі́ни*** (ЛОМЫ Вороб., НЖ. БЫК Бутур.). Наименования предсвадебных вечеринок не содержат указаний на гендерную принадлежность участников: **са́ло** – ‘вечеринка перед свадьбой’: *Са́ло збира́ли* (ПТР. Павл.) [СУГВО-2: 192]; **підвесі́лки** (устар.) – ‘вечеринка молодежи, друзей жениха и невесты, накануне свадьбы’: *Мине і на **підвесі́лки** ни забули пригласить* (БЧК. Петропавл., СТТЛ. Бог.) [СУГВО-2: 97]. *Передъ днемъ свадьбы бываетъ **підвісілокъ**; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его называютъ **вечерницами** и **вечеринкою*** [Ткачев 1867: 195]. Первый номинатив образован способом метонимического переноса ‘обрядовая пища’ > ‘частное ритуальное действие’, в то время как второй представляет собой формальный дериват от украинского существительного *весі́лля*, имеющий в качестве мотивировочного признака положение в структуре обряда («под свадьбой», т. е. непосредственно перед ней). Ср., напр., в архангельских говорах *подсва́дебье* – ‘девичник’, ‘празднество в доме родителей жениха накануне свадьбы’ [СРНГ-28: 172].

Также в украинских селах Воронежской области накануне свадьбы было принято **позыва́ть** – ‘приглашать гостей’: *На свайбу ходили **позыва́ть** хтось з родства* (ЛКВ. Подгор.). [СУГВО-2: 121]; ср. в курских говорах **зая́ва** – приглашение на свадьбу: *С’ау́дни зая́ва ва-фс’у’ идот’ у Ва́ли* (Спасское Медвенского р-на Кур. обл.). Данный ритуал характерен для украинской и молдавской свадебной обрядности, где назывался *запросини* и проводился невестой и несколькими ее дру́жками «За день до весі́лля неречена з двома дру́жками ходила по селу і запрошувала на весі́лля» [Кожолянко 2010: 162]. В русских воронежских говорах использовалось

аналитическое наименование этого обычая – **ходи́ть с дворо́м Хаді́ли з-дваро́м** *приглаша́т' сас'э́д'ьј на-сва́д'бу, а сас'э́ди уаш'а́јут' б'эс'э́ду* (У. МРВ. Реп.). Приглашать гостей посылался дружка жениха или специальный свадебный чин – **посы́льный сват**. *Сват насы́л'ныј уас'т'э́ј на сва́д'бу зав'о́т* (Р. ТРС. Остр.).

§3. Наименования ритуалов свадебного дня

День венчания был центральным этапом свадебного обряда и занимал один день, поэтому на сравнительно небольшом промежутке времени было сосредоточено множество важных ритуальных действий различной семантики. Традиционно бо́льшая роль в обрядности этого дня отводилась невесте, все досвадебные ритуалы проводились в её доме. Поскольку это был день перехода невесты из одного мира в другой, включавшего момент «смерти» ее как девушки и «рождения» в новом статусе, обрядовые мероприятия свадебного дня делятся на два комплекса с диаметрально противоположной семантикой и характером проведения: печальное время сборов невесты и прощания с родительским домом и радостный послесвадебный пир, которым все приветствуют рождение новой женщины, «молодки».

Начиналось утро свадебного дня с **голошения** – обрядовых причитаний невесты, которая вставала на заре, зачастую раньше всех в доме: *И ана́ бу́дит их у́ласі́т' начина́јьт* (БРД. Аннин.). Для наименования данного действия в воронежских говорах используются глаголы с семантикой ‘громко плакать, причитать’:

1) **вопи́ть** – ‘плакать с причитаниями; причитать на свадьбе или по покойнику’ [СРНГ-5: 96]. Помимо воронежских, ареал распротранения данной лексемы включает рязанские, тульские, пензенские, калужские, владимирские, ярославские, смоленские, самарские, симбирские и олонечские

говору. «Словарь Академии Российской» фиксирует эту лексему с пометой «в прост. и обл.» [Там же];

2) **выть**: *П'э́р'ят сва́д'бѣ́ н'ав'э́сть нѣчина́ль **выт'*** (АЛСДР. Тал.).

Лексема характерна для севернорусских говоров, в частности пермских, и входит в состав диалектных словосочетаний, называющих частные свадебные действия: *выть зóрю, выть петухов, выть плачи* – ‘плакать, причитать (о невесте)’ [СРНГ-6: 43-44]. Примечательно, что с. Александровка, где зафиксирована данная лексема, находится на территории вторичного заселения. Его жители были выходцами из с. Новая Чигла Аннинского района, заселявшегося в середине XVIII в. крестьянами юга Московской губернии, что объясняет наличие севернорусских элементов в говоре данного населенного пункта;

3) **голосить**: *А тр'э́тиѣ́ ку́шан'ју нѣчина́ѣ ууаиши'а́т', н'ав'э́сти нѣчина́ѣ у́гласи́т'* (ЯРКИ Новохоп.). *Нив'э́сть уало́с'а* (ДНС. Верхнемамон.). *Тады́ за́муш выхадíли вали́каѣ́ уо́р'ь, си́л'нь у́гласи́ли* (КЧТ. Хохол.). *Нив'э́сть уало́с'а, падво́ды́ јэ́дут' зь н'ав'э́стѣ́* (ПРЛ. Семил.). *Н'ав'э́сть уало́с'а, праи́'а́ѣ́тца с ма́т'р'ју* (КРС.ЛП. Реп.). *А н'ав'э́сть прѣвади́ла фс'эх и зьу́гласи́ль* (РСТ. Эрт.). Лексема распространена в русских говорах повсеместно и употребляется как относительно свадебного, так и похоронного обряда (в значении ‘оплакивать покойного’) [СРНГ-6: 326-327]: *Ку́ла на Ко́ли ап'а́т' зьу́гласи́ла* (РОССОШЬ Россош.);

4) **обгола́ шивать**: *Да-сва́д'би нив'э́сть абу́ала́шивѣ́ѣ́ дав'и́чьствѣ́* (ШСТ. Бобр.). *Н'эв'э́ста ус'эх радных пирит сва́дбај пабу́ало́с'а* (Р.БЛВ. Павл.). Данный глагол известен в донских и новосибирских говорах [СРНГ-22: 16] и употребляется также в контексте похоронного ритуала: *Абгала́шивѣ́ль адна́ ба́бушкѣ́* (ПСК. Остр.). Словообразование здесь идет по той же схеме, что и для литературной лексемы *оплакивать*, однако в качестве производящей основы используется диалектный глагол *голосить*, отличающийся большей экспрессивностью, нежели общеславянский синоним *плакать* с первоначальным значением ‘бить себя в грудь’ (ср. лат.

plango, planxi – ‘бить (себя) в грудь, громко сетовать’, лит. plakti ‘колотить, сбивать’ [Фасмер-3: 272], который в современном русском языке нейтрален с точки зрения экспрессивности;

5) **причита́ть**: *Мат’ хр’о́снаја причита́ја* (СЛД. Остр.). *Тут уш нив’э́ста пакричит’, напричита́јим’* чуто́к *Лишио́ падру́шки уато́вили нар’а́т жаниху́; причита́ли то́жа* (ГРМ. Хохол.). Примечательно, что в качестве активного субъекта наряду с невестой указываются крёстная мать и подруги, что роднит ритуал с плачем по покойнику;

6) **у́хать**: *Ja у́хала пла́кала ја, та́ко во́та вот и ув’азли́* (БРД. Аннин.).

Своеобразие данной лексико-семантической подгруппы состоит в том, что ее единицы одновременно входят в ЛСГ, описывающую прощание с покойным в похоронном обряде (ср., напр., контекст *Абула́шывель адна́ ба́бушкь* (ПСК. Остр.) в описании похоронного ритуала). Особенности словоупотребления подчеркивают символическую связь свадьбы и похорон как обрядов перехода, предполагающих полное разрушение прежней социальной роли индивида и вступление в качественно иное состояние.

Плача и причитая, невеста должна была попрощаться со своими родителями и подругами, которые в этот момент исполняли особые песни, в частности, «Кукушечку», «Козу»: *Ну а када́ мин’а́ увади́ли изна́шва до́ма и п’э́ли ста́рьје ба́бушки куку́шку маладо́ј. Ох, куку́шка ряб́га. Така́ја ана, гру́снаја така́ја п’э́с’н’ь. И ја само́ па-с’аб’э́ мин’а́, закрича́ль ох, у́хла И вс’ауда́ вот э́тъ вызыва́јт у́хан’је. Э́та п’э́с’н’а пр’ам, у́хан’је. Ja у́хала пла́кала ја, та́ко во́та вот и ув’азли́* (БРД. Аннин.). *П’э́рвыј д’эн’ сва́д’бы, сажáјт н’эв’э́сту за стол, ну и тада́ мы сади́мси и аб’у́рывајим јэ́ куку́шэчку Сва́д’эбнаја п’э́с’н’а* (ИСТ. Реп.). *Пр’важáли н’ав’э́сту казо́й, ана́ ухади́ль израднóвь до́мь и јэ́ту п’э́с’ну п’э́ли* (КР. ЛОГ Кашир.). В с. Новый Курлак Аннинского района невесту, если она была сиротой, утром водили на кладбище, где девушка и исполняла положенные причитания [Христова 2012: 126]. Экспрессивности ритуального плача

традиционно уделялось большое внимание: считалось, что если невеста не плачет до свадьбы (на девичнике и утром в день свадьбы), то ей придется много плакать в замужестве. Подобные представления находят отражение в русских поговорках: *Не плачет за столом, наплачется за столбом. Не навоеешься за столом, так нареवेशься за столбом* и т. п. [Даль 1984: т. 2, с. 218]. Свадебные голошения как полуимпровизированные плачи по девичеству известны также в белорусской обрядности и в некоторых южнославянских областях, в частности в Македонии [СД-I: 514].

После голошения наступало время непосредственных сборов девушки к венцу. Поскольку невеста являлась объектом перехода, ее роль в этих ритуальных действиях была пассивной, действия производились свадебными чинами – в различных населенных пунктах это могли быть сваха, подруги невесты и другие специально приглашенные лица: *У субо́ту хаді́ли на фс'аму́ с'алу́ сабира́ли дэ́вак н'ав'э́стиных падру́х и вали́ к н'э́ у до́м Ані́ сабира́ли н'ав'э́сту к в'анцу́* (МСТ. Остр.). Лексемный ряд со значением 'одевать невесту к венцу' представлен глаголами с корнем *-ряд-* (*-ряж-*): **изряжа́ть, наряжа́ть, обряжа́ть, обряди́ть, обнаряди́ть, обнаряжа́ть** *Н'ав'э́сту падру́ги изр'ажáли* (КРШ. Бобр.). *Нар'ажáјут' н'эв'э́сту и в'эзу́т' к в'эни́цу* (ФДР. Семил.). *Пасл'а́ винча́нји абр'ажáјут' ф-кист'у́ ли ф како́шник из би́сьрь ко́льтъвъ, а св'э́рху плато́к шо́лквыј* (ГРМ. Хохол.). Глагол *наряди́ть* в литературном языке имеет значение 'нарядно, красиво одеть' [МАС-2: 391]. В этом случае мы наблюдаем формальное и семантическое тождество соответствующих лексем литературного и диалектного языка, в то время как глагол *обряди́ть* с тем же значением современными словарями трактуется как устаревший и просторечный [МАС-2: 566]. Лексема *обряжа́ть* с семантикой 'одевать, наряжать (обычно в новую или праздничную одежду)' широко распространена в русских говорах: курских, рязанских, нижегородских, симбирских, псковских, тверских, новгородских, архангельских, вятских, костромских и др. В сочетаниях *обряжать невесту, жениха, молодую* глагол встречается в московских,

псковских, смоленских, пензенских и ленинградских диалектах [СРНГ-22: 224]. Кроме того, указанная лексема входит в состав словосочетаний, обозначающих ритуальные действия другого переходного обряда – похоронного: *обряжать покойника, умершего* – ‘омывать и одевать тело покойного перед погребением’ (в псковских, смоленских, архенгельских, владимирских, тобольских и западнобрянских говорах) [СРНГ-22: 224]. Префиксальное образование **изряжа́ть** словарями РЛЯ не зафиксировано. Что касается производного глагола **обнаряжа́ть, обнаряди́ть**, то русских говорах он употребляется в значении ‘одевать, наряжать, украшать’ [СРНГ-22: 142]: *Хварбо́тъм абнар’а́д’ут’*. *До́чк’у ана́ абнър’ажáль хърашо́* (ПРЛ. Семил.). При этом действие, обозначенное данным глаголом, может быть направлено не только на лицо, но и на неодушевленный предмет: *Сту́льчки абнар’а́д’ут’ тв’ата́ми* (МДВ. Рам.). Семантика исследованных производных глаголов соотносится со значением производящего корня *-ряд-*, восходящего к праславянскому периоду. От него произошли др.-русск. *рядь*, ст.-слав. *ръдъ*; русск. *ряд*, укр. *ряд*, болг. *ред* «ряд, порядок, строка», сербохорв. *рѣд* «ряд», словенск. *rêd* (род. п. -а) «порядок, ряд, ярус», чешск. *řád* «порядок, класс (бот.); строй», словацк. *rád*, польск. *rząd* (род. п. *rzędu*) «ряд», в.-луж. *rjad*, н.-луж. *řed* «ряд, порядок» [Фасмер-3: 536]. Таким образом, *нарядить, обрядить* и т. п. – ‘привести в порядок’.

Помимо этого, в воронежских говорах активно употребляется глагол **убира́ть** – ‘наряжать, одевать (невесту)’. *Ф п’э’рвьј д’эн’ убира́јут’ нив’эсту дви́на́ццѣт’ шв’эј* (СТД. Аннин.). *Как за́муш выхадíт’, так убира́јут’ н’ав’эсту* (СЛД. Остр.). *Кóсы заплили́ мин’а́ убира́јут’* (БЛГ. Подгор.). *Када́ винча́ли вс’о́ на-м’эн’э́ убира́ли* (Б. ВРК. Рам.). *М’эн’э́ убира́јут’* и *у-цэ́ркву* (ДНС. Верхнемамон.). *Н’ав’эсту убира́јут’ так заул’ад’э́н’јь* (ШСТ. Бобр.). *Сва́ха маладу́ју убира́ла* (Н. СЛС. Семил.). *Уб’ару́т нив’эсту, пасо́д’ут’, и то́къ ш’ас эти фаты́* (СТ. ТОЙДА Аннин.). *Убира́ли јэјэ́ асо́ба на но́уи каты́, как батíнкѣ ани́ ис ко́жи и зава́зак на них н’эт. Пад них сукóнныи чулки́ б’элыи Кóхта бы́ла чо́раја, а ју́пка кра́снаја. На уо́лаву б’элу́*

накрывáлу (МСТ. Остр.). *Молоду убирали* *всігда в світлиці* (КЛБ. Лиск.) [СУГВО-2: 195]. В отличие от рассмотренных ранее лексем, зафиксирована и возвратная форма глагола – **убира́ться** *Пад в'ан'эц убирáицца с-ыуóльчки* (ПСК. (моск. ст.) Повор.). *К свáд'бь убирáлис'а красівъ* (СТ. НКЛС. Хохол.). В русских говорах одно из значений глагола *убира́ть* – ‘одевать, наряжать надлежащим образом’, лексема снабжена пометами «устар. и простореч.» применительно к воронежским говорам, а также отмечена в архангельских, мордовских, донских и рязанских говорах. Также в словаре приводится глагольное сочетание **убира́ть (убра́ть) неvé сту** – ‘одевать невесту к венцу’, зафиксированное в говорах Нижнедевицкого уезда в 1893 г. и встречающееся также в орловских, калужских, ростовских, донских говорах [СРНГ-46: 122].

Ограниченным распространением в воронежских говорах характеризуются лексемы **опрáвлять** – ‘одевать, наряжать’: *П'эрит свáдб'ь н'р'ажáли нив'эсту, аправл'áли иjó падру́шки* (РОССОШЬ Россосш.), **обра́зить** – ‘одеть, украсить’: *Невесту абрáзили под венец* (Ворон.). Глагол **обра́зить(ся)** имеет более широкую семантику ‘прибрать, искупать, привести в порядок (в соответствие образу)’ и употребляется не только применительно к лицам, но и к украшению жилища и т. п. *Ф-п'рáзник абрáжыв'ьютц'ь ус'э* (Н.СЛС. Семил.). *Абрáс' сиб'э, ш'ас л'у ди прі́дуті* (Н.СЛС. Семил.). *На́дъ хот' н'амно́уь абрáзит' хáту* (Б.МТР. Эрт.). В качестве ареала распространения данной лексемы наряду с воронежскими указываются курские и донские говоры [СРНГ-22: 191]. Сема ‘украшать, наряжать’ присутствует и у глагола **обрисóвывать**, который, однако, не зафиксирован применительно к невесте: *А на свáд'бу лóшат' л'энт'ьми абрисóвыв'ьли* (У. МРВ. Реп.).

Значимым элементом предсвадебной обрядности в доме невесты был **посáд** (лексема отмечена в воронежских, рязанских, смоленских, донских говорах [СРНГ-30: 133]). Этот ритуал представляет собой реликт, восходящий к общеславянской традиции нецерковного брака, наиболее распространенной у украинцев, белорусов, а также в Польше и на юге России [СД IV: 183].

Л. Нидерле отмечал древность данного термина, который использовался для обозначения заключения брака ещё в X веке [Нидерле 2001: 505]. Суть его заключалась в том, что невесту в сопровождении подруг сажали на особое место за столом (чаще всего в красном углу под иконами), после чего подруги начинали исполнять особые песни, получившие в воронежских говорах название **посадные песни** *Маладужу сажajúт' на-паса́т* (ПСКВ. Остр.). *Нь паса́дъ уш д'эфки урajúт'* (У.МРВ. Реп.) *Када́ начинáициъ сва́д'бъ, н'ав'э́сть падрúх събирѣ́ и сажáи́т' их за-сто́л круу́ом стала́ и начинáи́т' урáт' збо́рнай д'эн' (н'э́сн'ь)* (СЛД. Остр.). *Тады́ д'э́вкъ сабира́ют' и урajúт' паса́днэ́и н'э́сни* (СЛД. Остр.). В это время проводились ритуалы с волосами невесты, маркирующие смену её статуса, – расплетение косы, расчесывание волос: *Сажajúт' её за стол на посад, расплетajúт' косу, косу расчешúт', заплетajúт' ей на две косы, повивajúт'.* (Ворон.) [СРНГ-30: 133]. *Нь-паса́т пасо́дуют' и ко́су распл'ата́ют'* (СЛД. Остр.). *Как за́муш выхадíт', так убирajúт' н'ав'э́сту на-паса́т* (СЛД. Остр.). *Сажajúт' нь-паса́т, јэ́тъ д'эфки ко́су рьспл'ата́ют' и у-цэ́ркѣ́ в'азу́т'* (ДВЦ. Семил.). Расплетение косы на посаде распространено у всех восточных славян, при этом в Белоруссии и в некоторых украинских областях невесте резали косу ножом и прижигали волосы [СД IV: 184]. Иногда тут же происходило прощание девушки с родителями и получение благословения на брак: *По́сли начинáли паса́т Адивáют' јэ́јэ́, чэ́шут', праши́'ajúц'а. Мат' с ати́ом н'ав'э́сту бла҃гаславл'ajúт'. Их с жанихо́м па адд'э́л'насти у цэ́ркву в'азли́* (МСТ. Остр.). В отдельных районах в ритуале принимал участие и жених, которого также сажали за стол рядом с невестой и благословляли на брак: *Сажajúт' д'э́вкъ н'ав'э́сту, жаниха́ – јэ́то паса́т Н'ав'э́сть ньчинá́йт' уаласи́т', ма́мушкь ма́ја, и пато́м к в'аницу́* (КРС. ЛП. Реп.). *Поддрузжій беретъ одинь конецъ какого-нибудь платка въ правую руку, другой конецъ даетъ невѣстѣ и говоритъ три раза: «Старосте, пане підстаросте, благословіть молоду княгиню за стіль завести». Старосты, тоже три раза, отвѣчаютъ: «Богъ благословитъ и ми благословляемъ».*

*Поддружи́й веде́тъ невѣсту за сто́ль (на поса́дь), гдѣ́ она и сади́тся. Таки́м же обра́зом и съ таки́ми же слова́ми дру́жко заводи́тъ и мо́лодаго за сто́ль (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 203]. Иногда посадный ритуал предполагал наличие угощений, к которым, однако, невеста не притрагивалась: *Накрыва́ли стол. П'э́рит н'ав'э́ста́ју ста́вили паса́дну́ю ча́шку; ча́шка была́ пуста́, а св'э́рху́жэ́́ накрыва́ли пала́т'э́нци́. Н'ав'э́ста па́том забира́от' к жаниху́ удо́м ча́шку д'в'э́ ло́шки и ико́ну* (МСТ. Остр.). Ср. в новгородских говорах *поса́д* – ‘свадебный стол перед венчанием, за которым никто ничего не ест’ [СРНГ-30: 133]. Обычай после венчания включать посадные предметы в имущество невесты, вероятнее всего, привел к метонимическому переносу наименования **поса́д** на приданое в целом: *Себе постилалку соткала ай на поса́д девкам? – Настюхе дерюжки на поса́д* (Аннин. Ворон.) [СРНГ-30: 133]. Сама обстановка обряда, предполагающая пассивную роль невесты, которую одевают и причесывают другие свадебные чины, непринятие ею пищи, расположение в углу под иконами и т. п., сигнализирует о переходном состоянии невесты, которая находится как бы в междумирье; отсюда наблюдаемое сходство ритуальных действий с элементами похоронной обрядности, получающее свое развитие в движении свадебного поезда.*

Рассматриваемая лексема мотивирована глаголом *посади́ть* и далее *сажа́ть*, в первом значении – ‘помогать, предлагать или заставлять сесть’ [МАС-4: 13]. Архисемой для всех значений указанного мотивирующего глагола является сема ‘занимать место’. Отсюда в русских говорах *поса́дом* называют не сам обряд, а непосредственно почетное место, куда сажают молодых или невесту: в донских диалектах так называют красный угол, в рязанских – место в переднем углу комнаты, в смоленских – место на повозке жениха в свадебном поезде, в тульских говорах – почетное место за столом [СРНГ-30: 133]. В украинской свадебной обрядности *поса́д*, *поса́да*, *поса́дка* – ‘почесне місце для молодих за весільним столом’ [Магрицька 2003: 117]. У других славянских народов посадный ритуал также происходил

в сакрализованном месте дома: в центре избы (бел., укр., пол.), под пересечением потолочных балок, напротив печи или в клетушке [СД IV: 183]. Кроме того, характерным элементом пространственной организации посада является круговое размещение участников и троекратный круговой обход места: *Нь-пасат сажали дэвкъ крууом пасажэют', п'эсни шраэют'* (СЛД. Остр.). *На посад сажают, когда убирают девку к венцу, её три раза обводят кругом стола, серед стола сажают, а тут каравай стоит* (Ворон.) [СРНГ-30: 133]. Круговое движение символизирует заключение брака (ср. обведение молодых вокруг аналоя во время церковного венчания) и реализуется во многих славянских ритуалах: «У белорусов дружка (дружок) обводит жениха по солнцу вокруг дежи (брест.); у украинцев дружка обводит жениха вокруг дежи перед отправлением за невестой (чернигов.). Невеста обходит вокруг стола и садится за него рядом с женихом (бел. полес); молодых обводят вокруг стола и сажают на посад (брест., гроднен., ровен., полтав., покут., винниц.); у македонцев при домашнем венчании молодых обводят вокруг бочонка с вином (битол., призрен.)» [СД V: 185]. Как отмечает В.Ф. Филатова, повторяющимся действием многих магических обрядов является «опоясывание, очерчивание, опахивание, оползание, обхождение, обведение вокруг некоего сакрального центра, то есть замыкание магического круга, который одновременно защищает, оберегает, как крест, и указывает на полноту, завершённость, исчерпанность совершаемого» [Филатова 2008: 128]. Использование свадебного хлеба роднит воронежский посадный ритуал с украинским, где каравай принято делить во время посада [Филатова 2010: 185].

С приездом жениха повсеместно производился ритуал, когда подругам и родственникам невесты (реже – свахе) выплачивался **выкуп** 'реальная или символическая плата, взимаемая при совершении ритуальных действий, а также сам акт оплачивания' [СД-I: 475]: *А тут на у'лицы мнѡръ л'уд'эј, ани зькрывајут' ѡкнѣ и тр'эбујут' выкуп* (ЗЛЖ. Лиск.). *Нявѣсту выкупа'ли Садыца дѣти ма'лантии за стол гваря: «Бяз выкупа ни аддади'м». Йим*

начинают давать деньги кто сколько (ТАЛОВАЯ Тал.) [Недоступова 2013: 194]. Данный ритуал характерен для славянского свадебного обряда вследствие преобладания мотива купли-продажи на всех этапах его проведения. Функциями выкупа в семейной обрядности являются закрепление смены социального статуса, а также «улаживание взаимоотношений с опасными людьми и персонажами» [СД-I: 475], представителями «чужих» (антагонистической группировки), в случае свадебного обряда – с членами рода одного из супругов. Объектом купли-продажи чаще всего становилась сама невеста – **невесту выкупать (покупать): Н'ав'эсту выкупут'** и **выво'дут' јијэ** (СЛД. Остр.). **Нив'эсту покупат'**, тут нас'адут с рогочамц д'иних-т'ь б'ол'ши х'оцца в'з'ат'. Уш ск'ол'к'ь там шу'му б'ыл'ь ск'ол'к'ь шу'му но продаду'т (ХЛБР. Аннин.). **А нив'эсту ра'н'шь выкупа'ли** (ШШВ. Бобр. НЖ. БЫК Бутур.). **Анасл'а н'ав'эсту выкупа'јут'** как в'аст'и в-сэ'ркву (ГРМ. Хохол.). **Дру'шки выкупа'јут'** н'ав'эсту (КЛП. Бутур.), а также различные ритуальные предметы. Так, продавался главный атрибут девичества – коса или лента из девичьей прически: **К'о су пр'ьдава'т'** и **тады' аб'ьурывь'јут' н'э'снц пај'ут'** (ДНС. Верхнемамон.); свадебная постель: **Жани'х при'ажж'ја к н'ав'эст'ь и выкупа'јут' наст'э'л'** (БЛГ. Подгор., ПСК. Повор.), приданое и т. п. Помимо этого, на свадебном пиру происходил символический **выкуп репья** – украшенного лентами, бусами кустика колючки. Только после этого жених имел право сесть за стол к невесте: **Анасл'а вы'куп'ь р'ан'ја д'ав'ичник разаш'олси** (У. МРВ. Реп.). **Жани'ха пас'адут', стал'э'шник п'ьдыма'јут', зака'тывь'јут', тада'-уш аб'э'д'ьт'** (ОРЛ. Н.-Усм.). Первая лавка в избе, куда садился жених, а позже спали молодые, в говорах носила название **к'оник** **Жани'х с'а'д'а на-к'оник** (с. Никольское Усманского р-на Лип. обл., до 1954 г. – Ворон. обл.). **В-ст'ьрину' зим'ой м'ялады' и сп'али н'к'о'ники** (ПАНИНО Пан.).

Выкуп невесты и ритуальных предметов широко распространен в русском свадебном обряде, а также в ритуалах других славянских народов. Выкупали невесту жениховы дружки, а в роли продавцов чаще всего

выступали мальчики-родственники невесты (брат или племянник): *Около невесты становится мальчикъ, большею частію братъ невесты, и не пускаетъ жениха. Женихъ даетъ мальчику нѣсколько копѣекъ, послѣ чего мальчикъ уходитъ* [Ткачев 1867: 203; см. также Агапитова, Ладик 1995: 12; Ермакова 2005: 60; Маслова 1984: 48; Христова 2012: 127 и др.], а также ее подруги [Горяинова 2012: 172], которые угрожали друзьям рогаками: *А какъ жь, платили д'э'н'уи, какъ жь И прихóд'ятъ зъ ни'в'э'стѣ, то'жъ плóтут. А с ни'в'э'стѣ с роуачáми тада' стдáли, мál'н'киѣ там ри'би'тíшки, охрáнъ н'ь пускајут к неј, плотí. Мál'н'ькиѣ пропу'ст'ят, им д'э'н'уи даду'т а нáм, јэсли кто тут с роуачáми, тада' наливајут по одној, када' выкупајут* (ХЛБР. Аннин.); Н.Ю. Таратынова (2008) обращает внимание на трансформацию восприятия ритуала выкупа его участниками. Если ранее он выступал как средство символической «борьбы» родных невесты с «чужими», враждебными силами, олицетворением которых выступали родственники жениха, то в настоящее время прохождение шуточно-игровых испытаний воспринимается как доказательство силы любви молодого.

Заключительным досвадебным действием в доме невесты было получение благословения на брак от ее родителей. Для этого молодых ставили на **шубу** (мех является древним символом достатка и процветания), девушка просила у родителей прощения и прощалась с ними: *Посли пакупки нивесты ијо радители блъгъславляють' мълáдых, жаних и нивеста стаят' на-шубъ, штоп быт' багатыми* (Третьяки Борисогл.) [Филатова 2010: 188]. *У нас э'тъ д'э'льли, када' блъслав'áли. Шу' буст'алили пад ноуи. И вот доч' прасíль у радíтильф праи'э'ниѣ. «Спасíбъ таб'э, радíмѣја мáмушкъ за твој вьзвъл, за мајó ражд'э'ниѣ, зъ тваи' м'укъ». И мат' запла'ча, и ана' запла'ча Тут причíтывѣјиш вроди сь сл'аз'ми. Ну и пъцалу'јиш, а ана': «Праишиáју ја фс'о таб'э, дóчушкъ, прас'тí и ты мин'э»* (МДВЖ. Семил.). Ритуал благословения повторялся после венчания в доме жениха родителями обоих молодых.

После совершения всех положенных ритуалов процессия с участниками свадьбы направлялась в церковь для венчания. При выходе из дома невеста не должна была касаться притолоки, чтобы «не вернуться домой»: *Када выводют' к-вянцу, за-притылачку ни-цапляйся* (Танцyrей Борисогл.) [Филатова 2010: 187]. Такая же примета предписывала невесте перешагивать порог, вместо того чтобы наступать на него [Христова 2012: 128].

В русских говорах вереница повозок, используемая для перемещения участников свадьбы, получила название **пóезд**. *Поезд собрался и едут к молодой повивать* (Ворон.). *Жених в своем поезде едет с поезжанами* (твер., костром., ряз., калуж., нижегор., перм. и др.) [СРНГ-28: 278]. В исследуемом регионе лексема употребляется повсеместно. Это же наименование в северных говорах переносится на всех свадебных гостей, а в калужских – на сватов [СРНГ-28: 278]. Как отмечают исследователи, специальные термины, обозначающие поезд и собирательно его участников, присущи прежде всего восточным славянам: рус. *поезд*, бел. *поязд*, укр. *поїзд*, витеб. *поезда*, житомир. *посаг*, словац. *řisa* [СД IV: 106]. Ср. в украинских воронежских говорах: *Раньше* (во время свадьбы) *пóїзд наряжали і возили до церкви, каталися* (ЛКВ. Подгор.). *На другой день приїжжав пóїзд од жиниха: тройка коней, коней лентами убирали і роблиними цвітами* (ГРМ. Кант.) [СУГВО-2: 122]. Свадебный поезд традиционно насчитывал несколько повозок, запряженных лошадьми (зимой для этого использовались сани): *Приї́хали на-ло́шади, забра́ли и пав'азлі́, ну хто́, муш. Са свата́ми аб'азáт'эл'на. Да ско́л'к'э лашад'э́ј бы́ла. Эта в'эт' ш'а́с свáт'ба, ш'ас машы́на прај'эхаль гд'э́-та и ус'о́, а тада́ на д'эс'ати́ лашад'э́ј бы́ль* (ИСТ. Реп.). *Сва́д'бъ на-шэсти́ или д'ьс'ати́ лъшад'а́х, три гармо́ни* (ГРС. Лиск.). В украинских воронежских селах получено много сообщений о том, что лошадей украшали лентами, бубенцами, цветами: *На другой день приїжжав пóїзд од жиниха: тройка коней, коней лентами убирали і роблиними цвітами* (ГРМ. Кант.). *Коней наряжають, убира́ють у красне, чіпляють дзвонки. Це вже знають, шо свайба іде* (ЛКВ. Подгор.). *На свальбу був поїзд. Коні*

уряжені (СТТЛ. Бог.). [СУГВО-2: 122, 241, 247]. *Молодаго изъ дома отправляютъ съ поѣздомъ, который составляютъ двѣ или три повозки, или столько же саней, запряженные большою частію тройками, съ бубенчиками и колокольчиками* [Ткачев 1867: 200]. Все поезжане в украинских воронежских селах носили красные ленты [СД IV: 108]. *Въ день свадьбы, какъ у жениха, такъ и у бояръ, на шапкѣ пришита красная ленточка – квітка* [Ткачев 1867: 201].

Когда поезд отправлялся из дома жениха за невестой, это сопровождалось ритуальным обходом и обсыпанием повозок, описанным в Воронежской губернии в сер. XIX в.: *Когда поѣзжане усядутся на своихъ мѣстахъ, тогда вокруг повозки, въ которой сидитъ молодой, ходитъ дружка, а за нимъ мать молодаго – въ вывернутомъ на изнанку тулупѣ и съ малахаемъ на головѣ; она носитъ в полѣ тулуна овесъ, орѣхи, хмѣльѣ и проч. (у богатыхъ же мелкія деньги: денежки, полушки) и осыпаетъ этимъ своего сына; за матерью ходитъ поддружій и погоняетъ ее вилами или дубиною. Потомъ мать беретъ правою рукою, обернутою полой тулуна, за поводъ лошадь и выводитъ ее изъ двора (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 201].* В некоторых селах отмечается обычай класть при въезде во двор невесты зажженную солому в качестве препятствия: *Соломи кладутъ та ждуть жи поїзд; підпалюють, коні станóвляця – бояця ж іти* (ГРМ. Кант.) [СУГВО-2: 101]. В качестве оберега под ноги молодым постилали полотенца, чтобы до свадьбы они не ступали по земле: *Тр'ан'ошкѣ была́ по́слѣтѣ́, пасаді́ли и навизлі́* (БРД. Аннин.). После того как невеста занимала свое место на подводе, «*молодому даютъ въ руки плеть, и дружка обводитъ его три раза вокруг повозокъ, при чемъ молодой бьетъ, по три раза, плетью лошадей, сундукъ, подушки и молодую; потомъ садится къ молодой, дружка выводитъ лошадей за ворота*» [Ткачев 1867: 212]. *Пајѣхъли уцѣркву, дру́шкѣ с-кнутóм вакру́х навóски абѣуáјь* (БДВ. Лиск.). Троекратный обход места или объекта является одним из древних магических охранительных ритуалов, свойственных большинству славянских народов: дружка <...> трижды с

иконой обходил поезд (вологод., Саратов., рязан., ю.-башкир.) против солнца (нижегород.), нашептывая заговоры (вологод.), крестообразно бил плеткой по земле перед поездом (новгород.) и благословлял его участников (петербург., костром.). У белорусов мать невесты трижды обходила поезд и сыпала жито за шиворот жениху и другим участникам поезда (мин., брест.). В восточной Моравии участники свадебного поезда перед отъездом трижды обходили вокруг дома, а иногда вокруг невесты [СД-IV: 109]. Кнут в руках дружки выступал в роли оберега [Масленникова 1992: 66], а издаваемое им громкое щелканье, также традиционно выполнявшее апотропейную функцию, в современной свадебной обрядности сменилось сигналами машин. Свидетельствовал об апотропейной и карпогонической семантике данных обрядовых действий и Г.М. Веселовский: «Дружко беретъ въ руки шесть и, грозно потрясая имъ, обѣгаетъ 3 раза весь поѣздъ; за нимъ следуетъ мать молодого, осыпаящая всѣхъ овсомъ, орѣхами и мелкими деньгами. Вѣроятно, шестомъ дружко старается утратить и отогнать отъ поѣзда всякую вражью силу, а мать в образѣ овса предрѣкаетъ изобиліе всѣмъ, а особенно молодымъ, а деньгами предсказываетъ будущее довольство молодой четы» (Острогожский уезд) [Веселовский 1867: 134]. К венцу жениха и невесту везли в разных повозках, а сама процессия отличалась особым порядком. На первой подводе обычно ехали дружка (боярин) и подружье, поэтому в говорах она называлась **боярской подводой** *Пир'э дн'эжъ падвóдъ бѣярскаѣ, бѣярин јэ дит* (Н.ЖВТ. Рам.). Далее следовала подвода жениха, где он помещался с крестной матерью, далее следовали остальные участники поезда. Правили лошадьми специальные чины – **повóзники**, или **кúчеры** (Н. КУРЛАК Аннин.) [Христова 2012: 127]. В с. Истобное Нижнедевицкого уезда в н. XX в. фиксировался проезд в первой телеге жениха *«со свахой и дружкомъ, за ними невѣста съ своей свахой и полудружьемъ, сзади, стоя въ телѣгѣ, ѣдутъ дѣвки с пѣніемъ пѣсенъ, притаптываютъ ногами и махаютъ платками»* [Поликарпов 1906: 14]. Дружко возглавлял поезд у белорусов (витеб., полес), *старший*

шафер – у украинцев Волыни, старший дружка (*starszy druzba, marszalek, stanowniczy*) или несколько дружек – у поляков, старший сват (*stary svat, starejsi*) – у словаков [СД-IV: 108]. В с. Перлевка Землянского уезда в начале XX века было зафиксировано наличие двух поездов – женихова и невестина, которые прибывали к церкви порознь. Невестин поезд отличался составом участников и порядком следования: «*Впереди съ пѣснями ѣдутъ дѣвушки, сзади плетется на клячѣ (это называется кислаго везуть) невѣста*» [Поликарпов 1908: 28]. Выражение **кѣслога везут** представляет собой воронежский локализм, употребительный для обозначения медленной езды [СРНГ-13: 235]. Кроме того, в словаре Даля отмечены свадебные чины *кислый* – ‘свадебный чинь, затычка, кто при поѣздѣ хозяина везеть хмѣльное, для потчиванья поѣзжань и встрѣчныхъ’ и *кислая* – ‘подневѣстная, родъ посаженной, въ др. мѣстах сваха, ѣдущая съ невѣстою въ церковь’ [Даль 2: 111]. Можно предположить связь между этими лексемами и указанным выше словосочетанием (напр., повозка с кислым, очевидно, двигалась медленно, с остановками для угощения встречных), однако в современных воронежских говорах прямого указания на это не зафиксировано.

Передвижение в реальном пространстве приобретает в контексте ритуала особый смысл, поскольку наделяется многими дополнительными значениями, среди которых «наиболее функциональным является переход в новый статус» [Байбурин 1993: 76]. Путь от дома невесты к дому жениха, проделываемый свадебным поездом, оказывается мифологизированным и связывается с мотивом преодоления границ между мирами живых и мертвых; в этом случае наблюдаются семантические параллели между свадебной и похоронной процессиями [Там же: 113]. Сакральный статус свадебного поезда налагал ограничения на действия лиц, не участвующих в обряде. Например, в Памятной книжке Воронежской губернии на 1870-71 гг. содержалось следующее предписание: *Перейти свадѣбный поѣздъ, значитъ желать новобрачнымъ несчастія; а должно стоять у дороги и кланяться*

всѣмъ поѣзжанамъ (с. Верхотишанка, ныне – Верхняя Тишанка Таловского р-на) [А. фон Кремер 1871: 278].

Венчание совершалось после обедни и зачастую предварялось особым молебном: *Вѣнчаютъ молодыхъ обыкновенно послѣ обѣдни. Иногда передъ вѣнчаніемъ молодые слушаютъ заказной молебенъ съ акафистомъ* [Ткачев 1867: 200]. Этот молебен в говорах получил название **запóй**: *А п'э́р'эд в'анча́н'ьм запóј п'э́ли* (АРТ. Аннин.). Лексема омонимична номинативу *запой*, обозначающему досвадебный обрядовый этап, однако, очевидно, образована от глагола 'запевать' < 'петь'. Как показывают результаты прошлых исследований и современный полевой материал, венчание в воронежских селах не сопровождалось другими ритуальными действиями: *При вѣнчаньи какихъ-нибудь особенныхъ обрядовъ не соблюдается* [Поликарпов 1906: 14]. Это может быть объяснено особым сакральным статусом церковного обряда, а также социальными причинами. Так, Л. Нидерле со ссылкой на предписания польских, чешских и русских епископов отмечает, что «простой народ не только в XII-XIV веках считал церковные обряды чем-то предназначенным для князей и бояр, но и в XVI-XVII веках, а местами еще и теперь» [Нидерле 2001: 206], а в XX в. в связи с особенностями государственной идеологии венчание долгое время находилось под запретом, хотя местами совершалось тайно. В говорах помимо литературной лексемы **венча́ние** – 'совершение церковного обряда бракосочетания' [МАС-1: 149] активно используется существительное **венéц** – 'разг. венчание, бракосочетание': *Рубáхи сати́нъвъѣ дари́ли над вин'э́ц* (Н.ЖВТ. Рам.). *Н'ав'э́ста и жани́х бувáль надв'ан'э́ц хадíли* (В. ТРВ. Нижнедев.). *Ладíшки снача́ль а патóм уш к в'анцу́* (ББК. Новоусм.). *Приво́з'ут' ат в'анца́, нар'ажáют' у како́шник* (КЛП. Бутур.). Данный термин образовался в результате метонимического переноса с названия главного церковного атрибута бракосочетания, которым был **венéц** – 'корона, возлагаемая на вступающих в брак при церковном обряде венчания' [МАС-1: 148]. Номинатив *венец* в значении 'венчание' распространен в северных

говорах (архангельских, олонечских, вятских), а также в уральских диалектах [СРНГ-4: 112]. У Даля *вѣнецъ* – ‘возлагаемый во время бракосочетания, вѣнчанья, на голову жениха и невесты, брачный знакъ, в видѣ короны; самое бракосочетание, свадьба’ [Даль 1: 339]; *вѣнчать, повѣнчать, обвѣнчать, свѣнчать* – ‘совершить надъ кѣмъ таинство брака’ [Там же: 340]. Дружка жениха и подруга невесты должны были держать венцы над головами вступающих в брак: *Прин’аслі́ нам винсы́, а подру́уъ д’э́ржъ́ яво́ в ва́рушки, хо́льт был д’у́ жъ лу́ тьј* (ГРМ. Хохол.). *Винцы́ диржа́ли нѣдугълаво́ј* (ШШВ. Бобр.). *Пѣстѣнави́ли ф цѣ́рки на́с ви́нцы на́на́с над’э́ли Поп спра́сил на́с как ты, нѣ-наси́л’нѣ́ јьјо́ би́р’о́ш* (ТРС. Лиск.). *Вѣнчаютъ обыкновенно не одну пару молодыхъ, а нѣско́лько, и если не достае́тъ вѣнцо́въ, то на головы полагаю́тъ иконы. Во время вѣнчанія, вѣнцы́ держатъ: надъ женихомъ – старші́й бояринъ, надъ невесто́ю – старшая дружка* [Ткачев 1867: 200]. В воронежских говорах также бытовало аналитическое наименование **венѣц шафря́тъ**: *Дружо́к с подру́шкѣ́ в’ан’э́ц шаф’ар’а́т’* (ПСК. Повор.). Для обозначения обрядового действия в целом помимо общеупотребительного глагола **венча́тъ** в воронежских говорах употреблялся термин **обводи́тъ**, связанный с ритуальным обведением молодых вокруг аналоя во время обряда: *Тиб’а́ ста́нут абвади́т’, а мин’а́ ла́днѣ́м кади́т’* (ПРЛ. Семил.). Если жених и невеста происходили из разных сел и принадлежали к разным приходам, для венчания требовалась **выводна́я** – ‘документ, который дает поп девушке, когда она выходит замуж в другой приход’: *Б’ѣс вывадно́ј ни³в’э́сты мѣлады́х ви́нча́т’ ни³бу́ дит’* (ТРС. Лиск.).

После завершения обряда священник и свадебные гости перемещались в **карау́лку** – ‘небольшое помещение при церкви, где происходило небольшое угощение’: *Р’а́дам с цѣ́рквѣ́у карау́лкастаја́ла, там ани́ и жда́ли да слу́жбы Патом́ их ба́тѣушка винча́л патом сидят’ у-караул’ѣ́* (БДВ. Лиск.). *Ани́ ждут’ в-карау́лкѣ́, ажыда́лоу́ка* (АНШ. Лиск., Н.-ВРН.). *Послѣ вѣнчанья всѣ́ заходятъ въ «караулку» – сторожку при церкви. Сюда же приходятъ и духовные, которых родня жениха угощаетъ. Когда батюшка*

закусить, къ нему подводятъ молодыхъ, которыхъ онъ благословляетъ крестомъ и желаетъ им счастливой жизни [Поликарпов 1906: 14]. Параллельно с этим в некоторых русских воронежских селах было принято совершать смену прически и головного убора невесты (в других местах это делалось в доме жениха на свадебном пиру): *В цѣркви свѣхъ убирáиштъ в какóшникъ старíнскіѹ нар'áт-ть* (БЛГ. Подгор.). *Невѣсту, во врѣмя вѣнчанія, покрываютъ кисейнымъ покрываломъ. Когда же надѣваютъ на нее вѣнецъ, то дѣвичью повязку снимаютъ, и она остается съ распущенною косою. Послѣ вѣнчанія тутъ же въ церкви, заплѣтаютъ ей двѣ косы и надѣваютъ на нее кокошникъ* [А. фон Кремер, 1871]. *Невѣсту въ другой комнатѣ «повиваютъ» обѣ свахи: заплетаютъ волосы «на двѣ косы», «повязываютъ» невѣстѣ бабій «шлыкъ» и платокъ, надѣваютъ ожерелья, манисты, ленты, серьги и пр.* [Поликарпов 1906: 14]. Ритуалы, связанные с волосами, имели большое значение. Начиная с древнейших времен распущенные (и просто непокрытые) женские волосы считались орудием соблазна, поэтому замужние женщины не имели права носить косу и выходить из дому без особого головного убора. Характер свадьбы как переходного обряда проявлялся и в трансформации прически невесты: до свадьбы она носила одну косу с лентой – **кра́сотою**, которая была символом девичьей вольницы: *Кра́снѣѹ кра́сѣты д'э́фки н'аму́жнѣѹ насѣли* (Кур., Врн.). После свадьбы молодой делали сложную женскую прическу из двух кос, уложенных вокруг головы, которая являлась атрибутом ее нового статуса. Венчание как переходный момент из одного состояния в другое сопровождался распусканием волос невесте, в частности при сажании её на посад: *П'ър'ѣт в'энцѣмрѣспл'ѣта́јут' н'ав'э́ст'ѣ ко́су* (НЖ. БЫК Бутур.). *Нѣ-пасáт пасѣ́дут' и ко́су распл'ѣта́јут'* (СЛД. Остр.). *У м'яладо́ѹ ко́сы разв'э́нчаны* (Н. ОЛШ. Нижнедев.). Ритуал сооружения прически замужней женщины в говорах носил название **покрѣ́ть молодѹю**: *Подходятъ женицины къ молодой, снимаютъ съ ея головы платокъ, расплетаютъ косу; не смотря на все ея сопротивленіе, надѣваютъ на нее очипокъ, по немъ*

повязывают платокъ, три раза цѣлуютъ ее и три раза надъ головой ея то опускаютъ, то поднимаютъ серпанокъ – и наконецъ совѣмъ кладутъ его на голову. Это называется **покрыть молодую** (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 206] (также известно в донских говорах [СРНГ-18: 226-227]). Среди однословных наименований наиболее распространено существительное **повивáнье**: *Нь-повивáн'ју мáмь плáкълá кадá падрууи маи́ какóшник да дýмку ньд'авáли нь-мин'э* (НЖ. ИКР. Лиск.). **Пъвивáн'жь** в'элáс' ус'эми падруу́ми (Шаталовка Шатал. р-на Белгород. обл.), а также глаголы **увивáть**: *Н'ав'эст'ь увивáют' вьласы́* (РПН. Н.-Усм.), **повивáть**: *Тадá н'ав'эсту навивáют'* (Н.-ВРН.) *За сталóм јэјэ начинáли навивáт', ум'эста аднóј пл'али́ д'в'э касы́. Касу́ заварáчивали вакру́ хуалавы́, а д'эфки п'эли п'эс'ни. Н'ав'эс'ти на уóлаву адивáли шлык нав'áска такáја, а пасв'эрху платóк* (МСТ. Остр.). *Все от жениха к невесте повивать едут* (Ворон.). **Пави́ли** јијэ на-дв'э касы́ (СЛД. Остр.). *Мъладу́ју на свáд'б'ь навивáют'* падрууи. *Па абы́чају н'эв'эсты далжны́ плáкат', кадá јих навивáют'* (У. МРВ. Реп.), **повира́ть**: *Мъладу́ју стáли навира́т' л'энтъми* (У. МРВ. Реп.), **обвя́зывать** – сняв фату, «нарядили, как бабы ходили» (Р. БЛВ. Павл.) [Горяинова 2012: 173]. Как видим, перечисленные глаголы объединяет сема 'вязать, обматывать'. В ЛЯ лексема *уви́ть* относится к разговорному стилю и обозначает 'обмотать, обвязать кругом, со всех сторон' [МАС-4: 452], что отвечает характеру действий, производимых с волосами невесты. Лексема *повивáть* широко распространена в южнорусских говорах: воронежских кубанских, курских, орловских, донских, смоленских, брянских, а также встречается в псковских диалектах [СРНГ-25: 242]. Глагол также обладает семантикой связывания, скручивания, наматывания (ср. в карельских говорах *повивать* – 'вышивать', в смоленских – 'плести, изготавливать плетением' и т. д.) [СРНГ-25: 242-243]. Отсюда его связь с родильной обрядностью, где *повиту́ха повивáльная ба́бка* – 'женщина, занимающаяся оказанием помощи при родах' (устар.) [МАС-3: 159], *свивáлень* – 'пояс, которым обвивают младенца поверх пеленок, свивальник' (Ворон.) [СРНГ-25: 242, СРНГ-36:

274]. Ср. сибирский обычай утром свадебного дня надевать на невесту *крестильный пояс* [Агапитова, Ладик 1995: 12]. В европейской традиции (в частности, славянской) пояс был магическим предметом, символически «закрепляющим» пришествие человека в мир [Толстой 1995: 109]. Повивание невесты в этом смысле тоже является символическим действием, подтверждающим ее ритуальное «рождение» в новом роду и социальном статусе. Кроме того, в данном наименовании реализуется семантика кругового движения, также носившего сакрализованный характер. В русских говорах широко распространены синонимичные рассматриваемой лексемы с корнем *-круч-*: *окруча́ть*, *окру́чивать* – ‘в свадебном обряде – заплетать новобрачной волосы в две косы, надевать на нее женский головной убор вместо девичьего’ [СРНГ-23: 169].

По окончании всех ритуалов совершался **крёстный ход**: *Ба́т’ушка мо́жуть в’эсти́ кр’о́сныј хот из-до́мь* (РСТ. Эрт.). Новобрачные могли предпринять некоторые магические действия, направленные на скрепление союза, – троекратный объезд вокруг церкви, целование замка: *М’лады́јь нь л’шад’ах-ть катáлис’, вакру́х цэ́рквять три разá аб’јажжэ́ли, абы́чй такóј был, штоб м’лады́м ш’а́с’т’јь было́* (СТ. ЧИГЛА Аннин.). *Молодые клали на-папир’т’ три наклона, ц’лавали цы́рковный замок, штоп сил’на скрис’тит’ свой брак* (НЖ. МАМОН Вехнемамон.) [Филатова 2010: 188].

Свадебный поезд после венчания продолжал свое движение по селу, но молодые уже ехали в одной подводе: впереди ехали дружка и полудружка, на второй подводе – родственники мужчины, на третьей – молодые со свахой, а далее следовали остальные гости, в основном молодежь [Поликарпов 1908: 28]. Здесь уже распространен был обычай преграждать путь свадебному поезду с целью получения выкупа. Данный ритуал воспроизводит символическое жертвоприношение первому встречному, широко распространенное в мировой культурной традиции и связанное с магическим восприятием его как путника из иного мира [Байбурин 1993: 114]. В украинских воронежских говорах известны его однословные

наименования **перепина́ть, перестрива́ть, перестри́ть** – ‘перегораживать, преграждать; встречать, встретить в пути, выйти наперерез’: *Свальба як іде, а їй дорогу чім-небудь **пирипина́ють**, щоб чярку піднесли* (СТТЛ. Бог., БЧК. Петропавл.). *Свальбу **пиристрі́ли** двоє мужиків, **пирипнули** дорогу вирьовкою, прийшлося дружці напувати їх водкою* (ЛСВ. Павл.). *А як уже обратно ідуть, уже з нівестю, туді уже починають **пиристрива́ть**: пиригорожують же дорогу або соломи кладуть...* (ГРМ. Кант. Повсеместно) [СУГВО-2: 87, 88]. В говорах с русской основой используются аналитические наименования **клин морозить**: *Наш атéц пашóл **клин марóзит** на свáд’бу* (ГДВ. Семил.); *залóмы дéлать Залóми’ики залóмы д’э́лцют, не пуска́ют жынихá* (ПРЛ. Семил.), где актуализируется семантика прерывания движения (*морозить, заломать*). Ср. в новосибирских и томских говорах *зала́мывать воро́та* – ‘свадебный обычай; преграждать вход в дом невесты, требуя выкуп’ [Гура 2011: 190].

В зависимости от положения свадебного пира в структуре обряда (см. ниже) после свадьбы молодые приезжали в дом невесты или жениха. Независимо от локации осуществлялся ритуал встречи молодых от венца и благословения на брак. В воронежских говорах ритуал встречи назывался **встревáть, встречáть** – ‘встречать невесту (молодых)’. *Приво́з’ут’ н’ав’э́сту, јајó радíт’ьли **фстр’авáјут*** (КЛП. Бутур.). *М’эн’э́ в’дóм’ь му́жа хлэ́бáми **фстр’эвáли*** (ДВЦ. Семил.). *Цэ́л’ныј уот м’ялadyх **фстр’авáјут*** (В. ТШН. Тал.). *Св’акрóф’ **фтср’авáјь** јих* (НЖ. БЫК Бутур.). *Абязáт’эл’на нáда притíт’ в нóуи паклáн’аца мáтри, пр’ам па-настајáшьму, паклáн’аца, на кал’э́нки Ну и анá тут **фстр’ачáја** т’аб’á, абнимáја, снахá буш мајá, ја мол жал’э́т’ т’эб’á бу́ дуи то и с’о. Ну лáнь, пааб’э́ даим ту́ тaи прихóдим туды́ дамóј, к нам* (В. ИКР. Бобр.). Лексема распространена в южнорусских говорах: курских, тамбовских, орловских, брянских, ростовских, кубанских и др. [СРНГ-5: 215]. В обряде органично сплелись языческие и христианские элементы: помимо икон Спаса и Богородицы в обряде использовались ритуальные хлеб и соль, а также предметы с карпогонической символикой –

шуба (или шкура) и зерно, которым осыпали молодых: *Ф хату у жыниху маладых в'али на халста́м как в дом зайтит', кла́ли ав'э́чу шку́рку штоб жы́ли харашо́, бау́та* (ГРМ. Хохол.). *Када вядут' к-жаниху, **встренут'**, расстилают' шубу в-вратах мехъм вверх. С'вякров' гьварит': с'тилю шубу, штоп не-была шума, шуба лахмать, штоп жыли багата. Атец держыт' икону блыгъславения* (Н. ЧИГЛА Тал.). *Пос'ль вян'чяния мьладый едут в-дом жыниха. Радитъли жыниха выходю́т **фстречят'** их с-хлебъм-сол'ю в-руках и в-вывирнутых мехъм вверх шубах. Мьладая спрашывает': батюшкъ и матушкъ, ат'чево вы махнаты. Аттаво махнаты, штоп вы жыли багатъ* (с. Костино-Отделец Терн.) [Филатова 2010: 188]. *Мьлады́х-тъ хл'э́бъм **фстр'ачали**. Вот а радитъли с ико́нѣ-тъ ста́яли, блъу́слав'али јих. Вот блъу́слав'ат', а уо́с'ти патом ну јэ́тъ, з'арно́м ил' пшано́м асыпа́јут'* (СТ. ЧИГЛА Аннин.). В некоторых местах, кроме зерна, новобрачных осыпали мелкими монетами и конфетами: *Маладых **фстречают** радитили: мат' с-ыконой, а у-фхода в-дом с-хлебам-сол'ю атец. Так радитили благаславляю́т' маладых. Посли маладыи иду́т' в-дом. Их асыпаю́т' хмельм, штоп жизн' была л'охкой, ден'гами, штоп багатый, канфетами, штобы слаткай* (Тихвинка Гриб.). *Радитъли жыниха **встречают'** маладых. Атец паднося хлел-с-сол'ю, мат' икону. Невеста и жаних сначяла далжны пьмалитцъ, патом пьцэлават' икону, хлел, мат' и-атца. Их праводю́т' в-дом, асыпаю́т' цвятами и канфетами* (КЗЛ. Терн.) [Филатова 2010: 188]. В ЛЯ благословить, благословлять – '1. Перекрестить кого-л., произнося слова молитвы, напутствия, пожелания; 2. Выразить свое одобрение, доброжелательно направить на что-л.' [МАС-1: 95]. Воронежские говоры отличаются разнообразием фонетических вариантов данного термина:

- **абаславлять:** *Абъславл'а́јут'* радит'ъли ико́нѣ (ЗЛЖ. Лиск.). *Сначаль мьлады́х абъслав'ат'* мат' и ат'э́ц (ШСТ. Бобр.). *Абъславл'али нив'э́сту, анá нау́а јей кла́н'ьлас'* (Н.СЛС. Семил.);

- **баслови́ть**: *Бъслав'ат* быва́лиъ мьлады́х (СТД. Аннин.). *Бъслави́ли ат'эц смат'ьр'ју* (ХРН. Бобр.);

- **баславля́ть**: *Бъславл'ајут'* н'ав'эсту; *ат'эц б'эр'э ико́ну мат'* *хл'эп* (Р. ГВЗ. Рам.) *Пато́м нив'эсту* *бъславл'ајут'* *адно́ј ико́нѣ* (ПЧЛ. Бобр.). Лексема зафиксирована в московских, калужских, курских, тульских говорах, а также в томских и кемеровских – с пометой «устар.» [СРНГ-2: 134];

- **басновя́ть**: *Баснав'ат'* мьлады́х (б/м). В рассмотренных нами диалектных словарях данная лексема не отмечена;

- **блаславля́ть**: *Ат'эц дь мат'* *блъславл'ајут'* н'ав'эсту з жьнихо́м (В. ТРВ. Нижнедев.). *Када́ блъславл'ајут'*, *како́ шник ад'авајут'* (ПЧЛ. Бобр., ББК. Н-Усм., ПРЛ. Семил., КРЧ. Рам.). *Мат' и ат'эц блъславл'ајут'* *јијэ ико́нѣ и кавр'эу́ѣ хл'эбъ* (ЯРКИ Новохоп.). Данный фонетический вариант распространен шире и наряду с воронежскими представлен в архангельских, вятских, псковских, казанских, тамбовских, рязанских, свердловских, кемеровских, тульских и томских говорах [СРНГ-3: 16];

- **благословля́ть**: *Ради́тили ап'ат'* *праши'алис'а*, *прас'ти́*, *до́чка ид'о́ш* *у чужо́ј дом*. *По́сли малады́х на ло́шади в'азу́т к на́му у дом а д'эфки п'эли*: «*На двар'э-та дош', дош', си́лин палива́ја, да кто́ там гул'аја, Ива́нушка ра́дужца, а Ма́р'ја пла́чит*». *Малады́х завади́ли у ха́ту там их блауаславл'а́ли с ико́нају*. *Пато́м их в'али́ у нав'этку* (МСТ. Остр.).

Прозрачной внутренней формой обладает лексема **образова́ние** – ‘благословение жениха и невесты иконой, образом’: *П'эрът сва́дбѣѣ иура́ли в-абръзава́ниѣ* (ХРН. Бобр.), отличающаяся широким ареалом распространения: олонечские, архангельские, брянские, вологодские, тульские, калужские, курские, московские, новгородские говоры [СРНГ-22: 192]. В качестве производящего слова выступает глагол *образова́ть* – ‘в свадебных обрядах: благословлять жениха и невесту иконой, образом’, функционирующий, помимо воронежских, в говорах Курской, Орловской, Тульской, Казанской, Московской, Владимирской, Тверской, Новгородской и Вологодской областей. Лексема приведена в «Словаре Академии Российской» с пометой

«устаревшее» [Там же: 192]. Данный глагол мотивирован общерусской лексемой **образ** – ‘икона’: *Мълады́х сажáют’ фс’ады пѣд-ѣбразá. А јэ сли хто умр’э, то б’арут’ абразá дамо́й* (Студѣнки Усманск. р-на Лип. обл.). *С-обръзъм св’окър стаит’* (СЛД. Остр.). Образа использовались во всех семейных обрядах, в частности похоронных: *Пакó йник л’эжáл пѣд-абразáми* (СТ. НЖ. ВДГ. Семил.). *Када́ умира́ја чилав’эк хáту убирáют’, абразá накрывáют’, зьркалá закрывáют’* (СЛД. Остр.). В свою очередь, в соответствии с функциональным назначением в рамках свадебного обряда образ, которым благословляли молодых, назывался в воронежских говорах **басловѣнье**: *Пѣкупáют фс’э бѣслав’э н’ја дл’а нив’эсти и жанихá* (Р. ГВЗ. Рам.). *Энтѣй икóнѣй н’ав’эсту кр’эсти́ли, энта баслав’э н’јѣ зав’о́ць* (РСТ. Эрт.).

Традиционно при благословении молодые выслушивали наставление (**нака́з**) от родителей. Обычай этот зафиксирован в Богучарском уезде во второй половине XIX в.: *Отець невѣсты беретъ икону, а мать хлѣбъ; потом они садятся на лавку, а молодые имъ кланяются въ ноги, – два раза вставая, а в третій лежатъ, пока отецъ не скажетъ ... наставленіе [почитать Бога, родителей, старших и друг друга и т.д.]* [Ткачев 1867: 211], но актуален и по сей день: *Зашли́, выхóд’а ат’э́ц и мат’ ма́й и ста́ја над на́ми так, мы нака́зъвајэм реу́стра́цьју свају́. Ат’э́ц тады́у́варит’, так, ја свају́ до́чку сдава́ју т’эп’э́р’ таб’э́ на́руки, јаму́ та́жтѣ вот, он уаварит’, штоп ты ја́о н’ь абижа́л, штоп ты ја́о н’ь бил, штоп ты... ну нака́з д’э́лал. И уаварит’ б’эр’ау́и жану́ как тѣ́лу свају́, а ты чти му́жа сва́о, как цѣ́ркава кр’астá, вот э́тѣ нам ната́цьѣ абóим с ним, ну т’ап’э́р’ д’э́ти, ат’э́ц уаварит’, т’ап’э́р’ ја свају́ до́чѣру с сваи́х рук упуска́ју, т’ап’э́р’ хош дал’о́къ хош в’азі́ ји́јэ, што хош д’э́лѣ, фс’о, эт вот ја тады́ јауо, жанá, фс’о* (В. ИКР. Бобр.). Т.Ф. Филатова приводит происходящий тут же копулятивный обряд, связанный с замком и ключом как символами крепости, нерушимости союза: *При-встречь мѣлады́х кладут пѣт-парох замок, замок зѣмыкают’,*

кагда жаних и невеста пиришагнут' чириз-няво, а ключ брасают' ф-калодис' (п. Костино-Отделец Терн.) [Филатова 2010: 188].

Следующий крупный этап свадебного обряда – **пир** с участием семей молодоженов, их родственников, гостей и прочих чинов. В словаре В.И. Даля пир определяется как ‘многолюдное угощение, большой званый обѣдъ, ужинъ, иногда съ музыкой, пляской и съ другими потѣхами’ [Даль 3: 113], что происходит от глагола *пить* [Фасмер-3: 264]. В говорах понятие «свадебный пир» достаточно широко и может включать в себя, помимо собственно ритуального застолья, целый ряд обрядовых действий: посад невесты, перемену ее прически и головного убора, выкуп места за свадебным столом у брата невесты, ритуалы сведения молодых, дележ и раздачу гостям свадебного хлеба (каравая), одаривание молодых, величание, исполнение свадебных песен и другие элементы, вплоть до «бодрствования во время первой брачной ночи и празднования ее завершения» [СД IV: 547]. В узком смысле пир понимается как основное свадебное гулянье после венчания и часто называется **сва́дьбой**. *Ну а тады́ уш и сва́д’бъ в-абѣјих двара́х* (СТ. ЧИГЛА Аннин.). Совпадение названия свадебного пира и свадьбы в целом характерно для многих славянских языков, особенно южнославянских: н.-луж. *wjasele*, серб. (*сватовско*) *веселье*, макед. *веселба*; босн. *пир*, хорв., словен. *pir*; пол. *uczta weselna* и т.д. [СД IV: 547]. То же наблюдаем и в русских говорах, например в курских *веселье* – ‘гулянье в доме жениха после венчания’: *Кадъ мѣладыи с церкви приедутъ, нѣцинають виселье, пир у доми жыниха* [СКГ-2: 45].

Л.В. Недоступова отмечает, что в пгт Таловая гулянье «раньше занимало 4 дня: вначале 2 дня у невесты, затем 2 дня у жениха, а в пятидесятых годах [XX в.] и позднее стали гулять всего 2 дня» [Недоступова 2013: 194]. Информанты из различных населенных пунктов называют срок от трех дней до недели: *Ра́н’шъ сва́д’ба была́ тр’и дн’ја́, стр’а́па’и до́ма замо́чк’и ма́л’эн’к’ија́, разуу́лныја́ был’и, а ш’ас сва́д’ба, сва́д’ба, Варо́н’эш, кафэ́, пајэ́хъл’и в два, а в во́с’ьм до́ма аттовкл’и́с там* (ЛМВ. Рам.). *Гул’а́ли*

надóлу, по-три дн'а уул'али. Тада в'эс'ал'эј б'ылъ как ш'ас, а тада л'уд'эј скóл'къ (ИСТ. Реп.). Свáд'бъ была харóшѣ, уул'али свáд'бу. Скрíпкъ была нарóду б'ылц мнóга б'ыло. Пъ-три дн'а уул'али, вадíли друу γ друуу (ХЛБР. Аннин.). Свáд'ба ды скóл'къ, ды как об'ычнъ три дн'а. П'эрв'ыј д'эн' пријижжáјут' выручáјут' н'эв'э'сту. Выручат н'эв'э'сту, а патóм на фторóј д'эн' ужэ за н'эв'э'стој пријижжáјут'. А патóма и тр'этиј д'эн'. Тáкто в'эс'алó, харашó (КР. ЛОГ Кашир.). Рáн'шэ уул'али нид'эл'ьми. О свáт'бу у-на'с харашó атмичáјут, ну в'исиль. Ја кауда выхадíлъ три дн'а прáзднавали (БРД. Аннин.). Свáд'бу на нид'эл'ь иурали. Свáд'бы у нас на сил'э тóжэ б'ыли рáзныѣ, б'ьуáтыѣ и б'эдныѣ, а фсиуда вис'óлыѣ, γармóн' иурáѣ, фс'э пáјут', пл'áшут', д'эт'ь ризв'áцѣ, фс'э рáдујуцѣ. Хто три дн'а уул'ал, хто дóл'шь (СТ. ЧИГЛА Аннин.). Вóс'ьм' д'óн б'ывáльуул'áјут' (БОРОВОЕ Врн.).

Во многих работах фиксируется, что свадебные застолья с участием гостей проводятся сперва в доме невесты, потом у жениха, причем последний имеет большее ритуальное значение. Локальная привязка свадебного пира и сопутствующих обрядов к дому жениха или невесты является дифференцирующим фактором для русской и украинской свадебной традиции. В русских селах ритуальные действия в доме невесты (выкуп, благословение, осыпание) предшествуют выезду молодых к венчанию, а последующие ритуалы осуществляются в доме жениха, куда собираются все свадебные гости. В украинской традиции принято совершение положенных обрядов уже после венчания, когда молодых отвозят по своим домам, и уже после этого жених со свадебным поездом отправляется за невестой [Чижикова 1988: 245].

В XIX в. отмеченные различия в структуре свадьбы уже имели региональную локализацию; в районах русско-украинского пограничья, в частности, в Воронежском крае, фиксировались оба порядка свадебных действий, причем они могли сосуществовать не только в разных населенных пунктах, но и в пределах одного села. Л.Н. Чижикова объясняет это явление «активными процессами культурных взаимовлияний в районах

чересполосного русско-украинского расселения» [Чижилова 1989: 182]. Так, в этнографических исследованиях XIX – нач. XX в. встречаем следующие описания: *Утромъ молодые порознь идутъ въ церковь; или женихъ заѣзжаетъ за невѣстой, вмѣстѣ кланяются въ ноги родителямъ невѣсты, а потомъ идутъ въ церковь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодые сходятся въ церкви во время заутрени, послѣ которой ходятъ, вмѣстѣ, къ жениховымъ и невѣстинымъ родителямъ кланяться въ ноги. ... Послѣ вѣнчанія новобрачные, старшая дружка и бояринъ идутъ, или ѣдутъ, въ домъ жениха и тамъ обѣдаютъ. ... Послѣ обѣда молодая отправляется домой... Черезъ нѣсколько времени молодого изъ дома отправляютъ съ поѣздомъ (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 200]. [После венчания] проводивши домой невѣсту и оставивши ее одну, всѣ отправляются на обѣдъ къ жениху; потомъ возвращаются (женихъ также ѣдетъ) въ домъ невѣсты, гдѣ опять пьютъ и закусываютъ. Оба обѣда сопровождаются пѣснями и пляской молодежи. Въ заключеніе молодые (въ разныхъ телѣгахъ) отправляются «домой» въ сопровожденіи гостей, кромѣ дѣвиць; скоро затѣмъ, безъ всякаго «гулянья» всѣ расходятся по домамъ» (Истобное Нижнедевицкого уезда) [Поликарпов 1906: 14-15]. Позднейшие полевые исследования показывают, что независимо от положения венчания в структуре ритуалов свадебного дня застолье сначала устраивается в доме невесты, затем (иногда на другой день) – у жениха: *Сначаль свѣдбѣ спирва атуул'ајут' у нив'э стѣ и у жыниха, так и уул'али, а-ш'ас адну вѣткхл'э ш'ут' (СТ. ЧИГЛА Аннин.). У нас уул'али: сп'арва придут к-нив'э стѣ. Приходѣт к-нив'э стѣ, выкупајут нив'э стѣ, а патѣм, н'аху ш' уул'ајут, пл'ашут, фс'о такѣжѣ, и фс'э иду т к жыниху (БРД. Аннин.). Сначаль у нив'э стѣ уул'ајут', а на друуѣ д'эн' р'ан'шы у жыниха уул'али, н'ад'эл'у хѣд'ут' друх друуу уул'ајут' (МДВЖ. Семил.). После их ап'ат' поразн' в'азли на свайм дам'ам Падрууи с н'ав'э стѣју. Жаних патѣм јѣхал за н'ѣју (МСТ. Остр.). А за фтра јѣдим к жыниху абѣдѣт' (ЛД. Остр.).* Справлять свадьбу полностью в доме невесты могли под давлением каких-либо обстоятельств, это было достаточно редкое*

явление, о чем свидетельствует наличие в говорах специального наименования **дэвкой гулять** ‘играть свадьбу в доме невесты’: *Бываја, д’эфкѹ свад’бу гул’ајут* (Никольское Усманского р-на Лип. обл., до 1954 г. – Ворон. обл.), в то время как в отношении пира в доме жениха такие наименования отсутствуют.

Вирилокальный брак широко распространен у восточных славян [Байбурин 1993: 115], и застолье у жениха повсеместно выполняет функцию завершения перехода молодой в новый родовой коллектив. В соответствии с этим некоторые информанты отмечают, что родственники невесты не присутствовали на пиру в доме жениха, или, во всяком случае, не сидели за одним столом с его семьей: *А мају радн’у ни сажали за стал’и адн’и жъних’ва радн’а сид’эли гул’али, а маја радн’а уд’эј-ть у сас’э д’ф там пад’уарм’ошку пл’ашут ил’ чо. А пат’ом јэ дим к жъних’у мају радн’у саж’ут, а јав’о радн’а то жъ у сас’э диј уд’эј-ть пл’ашут* (БРД. Аннин.).

Лексемный ряд наименований свадебного застолья в воронежских говорах довольно широк, поскольку мотивировка в разных говорах происходила от различных производящих основ в зависимости от мотивировочного признака, лежащего в основе термина, однако большинство выявленных лексем имеет прозрачную внутреннюю форму. Нами были выделены следующие принципы номинации:

- по характеру застолья: **бес’еда** – ‘свадебное застолье с песнями’: *Када свад’бу гул’ајут* – *б’ас’э д’ь сича’с в’э ч’ьр* (ПРЛ. Семил.); **гулюшки** – ‘праздничное, свадебное застолье’: *Гул’у шкибыли вис’олыи* (СР.КРЧ. Гриб.); **обжир’а ловка** – ‘обильный обед на свадьбе, богатый стол’: *Утр’ьм к жъних’у на-абжыра’л’фку најд’ом* (ПЛТ. Реп.); **толстый ужин** – ‘застолье первого дня свадьбы, празднуется в доме у невесты’: *Толстыј у жын ф свад’бу у н’ав’э сти, а пат’ом у жыних’а гулајут’ дн’а три* (Н.СЛС. Семил.); **красный обед** *Кра’сный аб’эт у-жаниха’, пад’ор’утиць пат’ом фс’э* (Н.ЖВТ. Рам.).

Наименования свадебного пира с компонентом «красный» распространены в северной и центральной частях России [СД IV: 547], в донских говорах

красный обед – ‘парадный обед’, в московских говорах – ‘обряд, сопровождающий или завершающий свадьбу’, однако характер ритуальных действий не раскрывается [СРНГ-22: 25-26]; само существительное *обе́д* имеет старославянское происхождение [Фасмер-3: 98]. Закрепление данного фразеосочетания в воронежском говоре объясняется, по всей видимости, особенностями заселения региона;

- по времени проведения: **вѣ чер** – ‘гулянье, праздничный пир в доме жениха в день свадьбы’: *Када́ сва́дбу гул’ајут’ – б’ас’э́дъ сича́ с в’э́ чьр* (ПРЛ. Семил.). В СРНГ лексема и её производные зафиксированы лишь в значении ‘предсвадебная вечеринка’ [СРНГ-4: 210-212], однако в южнорусских диалектных словарях содержатся указания на проведение вечера непосредственно после венчания: *Пъвинщалися у церкви, патом усе паижжани едутъ г жыниху на **вечир**. Там гуляютъ, висияццъ. Днем буваитъ винщания, а вечирьм гульба у жыниха – вичирины* [СКГ-2: 54, 56]; *обе́д* – ‘праздничное, свадебное застолье’: *Ну сабира́эца пр’ам **аб’э́т**. Ну пријэ́дут’ за н’ав’э́стју, пааб’э́дјут’ у н’ав’э́стэ, тада́ и свјі́ рóдни правóдут’ јэјэ́* (ИСТ. Реп.); **ужин** – в говоре пгт Таловая ‘заключительный элемент первого дня свадьбы, сопровождающийся многолюдным вечерним застольем и весельем в доме жениха’ [Недоступова 2013: 196], в Рамонском районе – ‘застолье вечером перед свадьбой’ (Б. ВРК. Рам.). В ЛЯ ужин – ‘вечерняя еда, последняя еда перед сном’ [МАС-4: 474], в говорах известно бытовое значение ‘самый столъ, яства, блюда, ъда, пища, коею ужинають’ [Даль 4: 490], обрядовые контексты отсутствуют. М. Фасмер приводит первоначальное значение ужин – ‘еда в полдень’, от преславянского *jigъ*, откуда в польских диалектах *juzupa* ‘полдник’, словен. *južina* ‘обед’, болг. *ужина южина* [Фасмер-4: 152]. В архангельских говорах *ужин* – ‘предсвадебный вечерний прием гостей с угощением’, в ярославских говорах *малый ужин* – ‘первое угощение в доме жениха, на котором присутствуют самые близкие из родных невесты’ [СРНГ-46: 337]. Вечерняя трапеза, обозначаемая лексемой *ужин*, является элементом многих обрядов семейного цикла, например,

похоронного: *Ўжын в'э чьрэм, каўда нь схаро́нът* (трапеза подается, когда покойник ещё в доме и родственники собираются около него дежурить) (Н.ЖВТ. Рам.);

- по положению в структуре обряда: **начі́н** (делать) – ‘в свадебном обряде угощение родителей жениха в доме невесты, предшествующее отъезду в дом жениха’: *В'э чьр, најэ́дут с уасті́нцами, начі́н д'э́лҷут. Там их сустр'э́нут, попо́тчујут* (Аннин. Ворон.) [СРНГ-20: 287];

- по месту проведения – **кня́жицкой обе́д** «На свадебных торжествах обязательен княжицкой обед из 9 кушаний в доме жениха» (с. Московское) [Путинцев 1927: 40]. Наименование мотивировано названием первого свадебного чина – *князь* – и указывает на организатора застолья;

- по обрядовым действиям, которые сопровождаются застольем: **дарово́й обе́д** – ‘обед у жениха, где одариваются родственники’: *Д'раво́ј аб'э́т-ть харо́ш был у Д'омки* (Алексеевский р-н Белгород. обл.); **повива́льный обе́д** – ‘угощение по поводу надевания головного убора на невесту’: *Приступаю́т сваики повива́ть невесту, несут кокошник, подзотылень. Тут и обе́д повива́льный* (Аннин. Ворон.) [СРНГ-22: 26]. *Аб'э́т навива́льныј уш аташо́л* (Шаталовка Шатал. р-на Белгород. обл.). Сходное наименование *крутильный стол* зафиксировано в северных говорах [СРНГ-15: 326]. Повивание, окручение является характерным элементом переходной семейной обрядности (крестильной, свадебной, похоронной) как индикатор смены статуса лица. Поэтому тождественное в плане выражения аналитическое наименование *повивальный обед* может относиться и к другим семейно-бытовым обрядам: так, в говорах Курской области оно обозначает сбор гостей в первое воскресенье после крестин [СРНГ-22: 26].

В начале свадебного пира молодых с почестями сажают на почетное место во главе стола или в красном углу избы. В воронежских говорах это действие носило название **заводи́ть за сто́л** – ‘сажать молодых за стол после того, как дружка обведет их вокруг’: *Друшкі́ заво́д'ут их за сто́л* (БРД. Аннин.). *Когда прі́хавшіе гости войдутъ въ хату, то молодыхъ, с такими*

же обрядами, какъ и прежде, *заводятъ за столъ*, подаютъ имъ ужинъ [Ткачев 1867: 212]. *Жын'аха́ и н'ав'э́сту то́жъ пьсади́ли зао́пчи́ стол* (II Васильевка Верхнехав.). Примечателен характерный для этого ритуала круговой обход стола, который в народных представлениях носил табуированный характер и в бытовых ситуациях запрещался [СД-II: 177]. Также известен термин **свести́ молоды́х** – ‘посадить их вместе за свадебный стол’ (ср. ритуал сводов в досвадебной обрядности): *Он'э́ собира́јуца, при́эжа́ют тудá, мо́ја рóднá там собира́јуца, и он'э́ тудá И уул'áют вми́сть, вс'э́ уул'áјьм. Нас сви́ду́т молоды́х, вот сиди́м за столóм а он'э́ тады́ там уул'áјут, пьздравл'áјут* (ХЛБР. Аннин.).

Организация крестьянской избы предполагала нахождение почетного места под иконами в красном углу, который в русских воронежских говорах носил названия **вы́шка** – ‘высокое, почетное место за свадебным столом’: *В вы́шк'ь сажа́ют' св'экрóф'. Пасóд'ут' в вы́шку на са́мыѣ вы́со́кѣ м'э́сть у бажни́цы* (Б. ВРК. Рам.), **большо́е ме́сто** *Въ большомъ мѣстѣ* *подъ святыми сидитъ женихъ со свахой* [Поликарпов 1908: 28]. В русских говорах *вы́шка* – ‘мезонинъ, мансардъ, горенка, теремъ, свѣтелка подъ кровлей, рубка, чердачокъ’; *вы́шки* (pl. tantum) – ‘высшее, первое мѣсто, почетное’ (кур.) [Даль 1: 323]. В курских, орловских, тульских говорах *вы́шки* – ‘почетное место в доме, передний угол’ [СРНГ-6: 62]. Данное наименование отражает народно-мифологические представления о верхе как локусе, соотнесенном с добрым началом, избранностью, главенством. Именно поэтому в свадебном обряде в «верхней» части стола размещались молодые и их родители. Также есть сведения о том, что на почетное место напротив молодых сажали крестных их родителей: *Жыни́х и нив'э́ста сид'э́ли супроті́ф кр'óсных сва́јих* (ГРМ. Хохол.).

В украинских воронежских селах использовалась лексема **по́куть**: *На по́куті сажали молодих* (ЛСВ. Павл.). [СУГВО-2: 123]. У Даля *по́куть* – ‘передній уголь, куть въ избѣ’, *поку́тье* – почетное, первое мѣсто за столомъ и на пиру’ с территориальными пометами «южн., зап.» [Даль 3: 256],

М. Фасмер определяет *пóкут* как ‘убежище, приют’ [Фасмер-3: 306] и возводит его к общеславянскому *кут* – ‘угол, тупик’ [Фасмер-2: 432].

Свадебный пир носил разгульный характер, он предполагал всеобщее угощение, танцы и песни, поэтому воспринимался как яркое, радостное событие: *Сва́д’ба харо́шаја была́, уул’а́ли, пл’аса́ли и драли́с’, иура́ли уармо́шки и ус’о́ на с’в’э́ть д’э́льли, уул’а́ли в’о́пи’эм в’э́с’эль, п’э́сни п’э́ли* (ИСТ. Реп.). *Сва́д’бы бы́ли харо́шья́, и иура́ли, и п’э́ли Бы́ль чэ́снъ спако́жнъ, нь-драли́с’* (Р. ЖРВ. Верхнемамон.). *Ра́н’шы сва́д’бы-ть в’э́с’эль справл’а́ли, уул’а́ли фс’эм с’ало́м. А ш’ас сва́д’ьп-ть пачти́ н’эт, мьлад’о́и-ть фс’а пьужэ́хль ад’ни́ стъри́ки аста́лис’* (СТ. ЧИГЛА Аннин.). *На сва́д’б’ь фс’э́ми н’ь-пл’аса́ли. Адна́ прака́жъ ньприм’э́р, выбива́яши и-апкру́жышс’ь, и-при́къски ка́жши* (СТ. НКЛС. Хохол.). *На свади́би всі гости́ скака́ли* (ДРК. Реп.). *На свайби́ так скака́ли всі, шо никто́ и минути́ ни сидів* (КЛБ. Лиск.) (от **скака́ть** – ‘плясать’) [СУГВО-2: 200]. Глагол **пляса́ть** имеет старославянское происхождение и множество эквивалентов в славянских языках: чеш. *plesati* «веселиться, ликовать, торжествовать», польск. *pląsać*, и т.п.; в др.-лит. *plėnšti* «плясать, ликовать», родственное глаголу *pląšti* «шуметь, шелестеть, шуршать» [Фасмер-3: 291]. Та же звуковая семантика реализуется в глаголе **гуде́ть** (укр. **гудіти**) – ‘играть на гусях, шуметь’ (ср. чеш. *hudu*, *housti*, верхнелужицк. *hudźić*, болгар. *гьдувам* «играю») [Фасмер-1: 470]: *Кърава́ј устрáивъли, нър’ажáлис’ в сми’шнѣ́йъ каст’у́мы и уудѣ́ли* (Н.-Мосоловка Усманского р-на Лип. обл.). Информанты выделяют хоровое исполнение песен как неотъемлемую часть праздника, причем в репертуар включались старинные песни, известные всем участникам: *П’э́с’ни пажу́т Фс’э́ старі́нныји, быва́ль, п’э́с’ни п’э́ли* «Скака́л каза́к чир’э́-дали́ну, чир’э́с ман’чжу́рскији краја́, / Скака́л он са́дикам зило́ным, блиста́л кал’э́чка на рук’э́ / Кал’цо́ каза́чка пада́ри́ла ка́да каза́к шол ва́пахо́т...» *Ој, шој-ть уш и забы́ла слава́, фс’у́ знала мы старі́нныји ни́с’ни п’э́ли* (БРД. Аннин.). *П’э́ли, старі́нныјь п’э́сни фс’а́каји: «У саду́ са́дэ́с’эн’ки / Да салав’э́ј појо́т’ / Да м’эн’а́ малады́с’эн’к’э́ј / Го́р’а при́дајо́т / Да што́ ја у бата́и син’ки / Дъ мьль-*

үүл'ала-оој / Да гул'ала ја ма'ло-јла / Ва'с'эмнаацат' л'эт / Вьс'эмна'цат' л'эт / Пал'убила на'рна / Да што ў дир'э'ўн'э н'эт / С'эла ў-тача'ночку / И бы'стрь памча'ль / Крича'ла крича'ла / Ми'льј падажди'» (ИСТ. Реп.). Ра'н'шы-ты [свадьбы] харашо' правади'ли п'э'с'ни п'э'ли «Пазараста'ли ст'ошки-даро'шки, үд'э прахад'или ми'лава но'шки». Јијо' ф-хор'ь п'э'ли (ХЛБР. Аннин.). В качестве общего наименования свадебных песен в воронежских говорах используется звукоподражательное существительное **туталёли**: *На сва'д'бы тутал'о'ли п'э'ли* (ШСТ. Бобр.). Ср. в курских говорах **алилёшные песни** – 'песни, исполняемые в честь жениха и невесты' [СКГ-1: 44]. В говоре пгт Таловая используется термин **голосовые песни**: *Пэ'сни фся'тийи игра'ли «Ка'тинка-Катю'ша», «Ис-пад До'на, До'на, До'на ре'чинка тичёт...», «Как ве'чир вичаре'я», «Мы Чинга'рской мост праи'шли», «Па До'ну гуля'я», галасав'ия пэ'сни: ади'н запява'д а други'я паття'гвали* [Недоступова 2013: 195].

В воронежских говорах, как и повсеместно в России, распространена лексема **игра'ть** – 'петь песни' [СРНГ-12: 68] и производный от нее глагол **обы'грывать**: *Ја три үод'ь жыла' на Украи'нь, ја и п'э'сни зн'ју хохла'цки'ь. Сын вот посл'эдни' жыни'лс'ь, а пошли' сва'т'ьт', ја там п'э'сни заиу'ра'ль хохла'цки'ь* (ХЛБР. Аннин.). *Быва'ль на сва'д'б'ьх так заиу'ра'ит' п'э'с'ни, што в-уша'х зьзв'ани'т'* (Б.МТР. Эрт.). *Бы'ли уш так'и'ји кото'ры'ь засто'л'ны'ь, вот по сир'э'бр'ьным волна'м называ'я'ца, на золотом писо'чки үд'ь ја с-ми'лым үул'ала хран'ат слидо'чки Эт'ь стар'инна'я пи'сн'а, ја јијо' иу'ра'ју. Эт'ь коро'бочка, јијо' давно' иу'ра'јут, «Гди эти лу'нны'ја но'чи». И ја үора'зда пи'с'ни-ть иу'рат'». «Гди эти лу'нны'ја но'чи / Гд'э эт'ь п'эл солов'э'ј, / Гд'э эти ка'ри'э'э очи / Кто их ласка'јт тин'э'р'». Вот эт'ь пи'сн'а д'у'ж'ь хоро'ш'ја* (ХЛБР. Аннин.). *Абыу'ра'јут' п'э'сни А мы п'э'сн'у абыу'р'ьвали. Патом абыу'ра'ли* (Б. ВРК. Рам.). *Прив'азли' јих, ста'ли абыу'риват' п'э'сни* (Алексеевка Алексеевск. р-на Белгородской обл.). *Абыу'рив'јут д'э'фки патом* (СТ. ХВРС. Лиск.). В отдельных селах зафиксирована лексема **ора'ть** (песни), отличающаяся ярко выраженной экспрессивной окраской: *Каүда' ја у үасо'шк'ю' была', үул'ала на сва'д'б'э, сабрали'с'ь, нас никуды' ни-пуска'јут и*

зауаласіли іхніји рѳтств'энники ўс'э. Да чош'эть случіл'с', на́да п'э́сни *ара́т'*, а-ані́ зауаласіли (ИСТ. Реп.). Глагол *обы́грывать* функционирует в смоленских, рязанских и новосибирских говорах в значении 'петь песни' [СРНГ-22: 283], специфическое обрядовое значение 'величать свадебных гостей, пѳть величальныя пѳсни, собирая за это деньги' отмечено В.И. Далем как свойственное воронежским и курским говорам [Даль 2: 657]. Данная лексема входит в состав аналитических конструкций *обы́грывать* (кого?) **молоды́х, неvéсту, жениха́, поезжа́нию** и т. п. – 'величать, прославлять в песнях, веселить'. *Тады́ начинáют'* м'лады́х *абы́урыв'ят'* (С. НКЛС. Хохол.). *Д'э́фки абы́урыв'ют'* м'лады́х (ОРЛ. Н.-Усм.). *Нас абы́урыв'ели. Бо́ль абы́урыв'ют'* их (Б. ВРК. Рам.). *Ни'в'э́сту абы́урыв'ют,* а тада́ ж'ниха́ (РПН. Н.-Усм.). *Жани́х'в абы́урыв'ют'*, *иура́ют'* п'э́сни на-сва́д'б'ь. *Стано́в'ат'* ба́н'чки и д'э́н'уи *кладу́т'* каво́ *абы́урыв'ют'* (ШСТ. Бобр.). *А жаниха́ абы́урыв'ют'* сваи́ срѳтствинники (ГРМ. Хохол.). *Этих абы́урыв'ют'* – *јэ́тују* па́жажжа́нију, а *јэ́нти* *јад'а́* (БОРОВОЕ Врн.). *Ка́жн'в'ь ч'лав'э́ка абыура́ют'* (Б. ВРК. Рам.). *Ани́ п'э́сни иура́ют'*, *абы́урыв'ют'* жаниха́ и *на'в'э́сту* (Р. ГВЗ. Рам.). В СРНГ отмечен широкий географический ареал употребления данных словосочетаний: напр., в Рязанской области отмечается обрядовое действие *обыгрывать свадебных гостей*, в калужских, тамбовских, терских, смоленских и псковских говорах зафиксировано фразеосочетание *обыгрывать дружек*, в донских говорах – *обыгрывать невесту* [СРНГ-22: 283]. Отличительной особенностью свадебного гулянья было **велича́нье** – 'распевание особых величальных песен в честь новобрачных и других людей на свадьбе': *Падру́шки п'ју́т в'э́лича́н'ја* (КЗЛ. Бут.) *А патом в'э́лича́н'я́ начинáюць* (ЗЛЖ. Лиск.). Процесс их исполнения назывался **велича́ть** или **обвели́чивать**: *М'лады́х у нас в'э́лича́ют'* н'э́вазмо́жна ка́к (ПСК. Повор., БРД. Аннин.). *П'э́сн'ьми иури́цы в'э́лича́ют* ж'ниха́ и *ни'в'э́сту* (ШСТ. Бобр., В. ТРВ. Нж-Дев.). *Гас'т'э́ј вилича́ли* п'э́сн'ами (ГРМ. Хохол.). *Абв'э́ли'чива́ют'* за-д'э́н'уи, за п'э́сни *плѳту́т'* (СЛД. Остр.). *Б'ас'э́д'ь аб'э́д'ю́т* и *абв'э́ли'чив'ю́т* (СЛД.

Остр.). *Маја мат' абвилі чивель на-сва́ д'бъх* (ПСКВ. Остр.). *На́ чьли б'ас'эду абв'али́ чивьт', абьурывьт'* (У. МРВ. Реп.). В русских говорах *велича́ть* – ‘чествовать кого-либо величальными песнями; превозносить, возвеличивать, выхвалять кого-либо, что-либо’ Лексема отличается широким ареалом распространения, в который помимо воронежских входят курские, ярославские, тульские, вятские, пермские, псковские, свердловские говоры [СРНГ-4: 109]. Соответствующие песни носили название **велича́льные пе́сни**: *Пи́с'ни пи́ли засто́льныја, вот ви́лича́л'ныја*: «Ој да бо́л'нь нам дифча́та чужу́ пи́вупит', ни порá-л' нам, риб'áта сво́јэј наворі́т'» – и пошлі́ запл'асáли (ХЛБР. Аннин.). Широко распространена была величальная песня «Виноград» (вариант исполнения в с. Русская Буйловка приведен в работе [Горяинова 2012: 173-174]). В курских говорах известен словообразовательный синоним *величательные* песни [СКГ-1: 29]. После этого молодые по очереди угощали гостей выпивкой, что в воронежских говорах называлось **обно́сїть**: *Мьлада́ја д'э́ржъ стака́нчик а жани́х абно́сит' фс'э́х* (ГРМ. Хохол.). *Абно́с'ут' фс'э́х р'у́мьч'ками* (СТ. НКЛС. Хохол.). Морфемный состав глагола указывает на присутствие семы кругового движения, которое, как уже отмечалось ранее, обладает ритуальной символикой. Потчевание присутствующих также обозначалось глаголом **угости́ть**: *Ну при́јажжа́јут' спирва́ к жьниху́, там пьсид'áт', ууас'т'áт' мьлады́х, а патом'јэ́ дут' к н'ав'э́сти* (ГРМ. Хохол.), формально и семантически тождественным литературному *угостить* – ‘с радушием предложить, дать поесть, выпить, попробовать чего-л.’ [МАС-4: 461]. Противоположный акциональный вектор (со стороны гостя) реализован в аналитическом наименовании **подходи́ть к стака́ну**– ‘выпивать на свадьбе’ (КЛДЗ. Кашир.). Данное устойчивое словосочетание известно в свердловских говорах – *подходить к стаканчику* [СРНГ-28: 240]. Известен также обычай **раскрыва́ть молоды́х** наименование которого мотивировано совершаемыми действиями с целью заставить молодых поцеловаться: *Малады́х раскрыва́јут', абьма́ја жани́х н'ав'э́сту и цалу́ја* (ДВЦ. Семил.).

В Репьевском районе сходный обычай назывался **открывáть кáшу**, которая подавалась в мисках, делали это супружеские пары поцелуем (РСШК. Реп.) [Сысоева 2015a], в Осторогожском районе – **раскрывáть кáшу** *Сичá с уóр'ка крича́т, штоп малады́ја цалава́лис', а тада́ друуóј абы́чиј был. Кто за сталóм сид'э́л ани кáшу у мiски раскрывáли, јэ́та знáчит' náда пацалава́тца* (МСТ. Остр.). В тамбовских говорах отмечено аналогичное по семантике наименование **сы́тить стака́ны** *Денюшку кладуть им. А крёсная даёть кваску, ну таму, хто энту денюшку-та кладёть. Тот папёть и кричить маладым: «Горька, горька!» Ну, штоп маладыя сы́тили яму стаканы. Те и цалуюца. Вроди как паслаци* [Пискунова 2002: 170]. Обычай кричать «Горько!» на свадьбах с последующим поцелуем молодых сохраняется и в современной обрядности, хотя уже не связан непосредственно с выпиванием спиртного. Данный образ лежит в основе наименования **подслади́ть (подсласти́ть)** – ‘(о молодых) поцеловаться по просьбе гостей, символически жалующихся на горькое питьё’: *Го́р'ка! Пътслади́т'а!* (ГДВ. Семил.) *Н'эл'з'а́-ли там пътсласти́т'?* *Мълады́м пътсласти́т' náдъ а-то́ вино́ хи́нь аддъjóт* (Шаталовка Шатал. р-на Белгород. обл.). Тот же признак лежит в основе наименования обычая **лук кроши́ть** – ‘когда вручают молодоженам подарки, дружок жениха крошит лук, и они должны целоваться’: *Дружо́к и лу́ктъ краши́т' ни-ум'э́ја* (ЗАТОН Вороб.).

Преподнесение подарков молодым от свадебных гостей и родственникам жениха от невесты было важным элементом свадебного пира. Как отмечает Л.Н. Чижикова, дарение подарков от новобрачной родственникам жениха является дифференцирующим признаком русской свадьбы, в то время как в украинской традиции одариваются только молодые [Русские 1989: 190]. Для обозначения этого ритуального действия в воронежских говорах употребляются следующие глагольно-номинативные конструкции:

1) **дары́ дари́ть** – ‘обряд, когда преподносятся свадебные подарки’: *А та́м дары́ да́рут'* (КРС. ЛП. Реп.);

2) **же́ртовать подá рочки** – ‘дарить подарки на свадьбе’: *Н’ав’э́сту паднима́јут’, же́ртву́ют’* *јэј пада́ръчки* (РСТ. Эрт.);

3) **класть дары́** – ‘одаривать молодых на свадьбе’: *Жынихо́ва радн’а́ кладу́ тдары́* *и нив’э́стинъ радн’а́* (БРД. Аннин.);

4) **выводи́ть молоды́х** – ‘одаривать молодоженов’: *Ста́ли вывади́ти мьлады́х* (ХРН. Н-Усм.).

Среди однословных наименований наиболее распространенной в говорах является общерусская лексема **да́ри́ть, ода́ри́ть, подари́ть** (кого? кому?) – ‘преподносить подарки на свадьбе’: *Ра́н’ишь нив’э́сть да́риль фс’э́х радных* (ЗЛЖ Лиск.). *До́рют’ хърашо́ мьлады́м бау́ато до́рют’* (ЧГР. Борисогл.). *Нив’э́сть да́рит свикро́в’ју, бра́т’јѣф, зало́фку* (ЧРТ. Семил.). *Нъчина́јут’ их да́рит’* (Б. ВРК. Рам.). *На пиру́ ада́ривали малады́х* (ГРМ. Хохол.). *Св’о́кру рубáшьчку падо́ра* (РСТ. Эрт.). *Падо́ра ана́ их фс’эм падн’эсу́ т’па-стакáнчику* (Б.ВРК. Семил.). В ЛЯ **да́ри́ть** – ‘давать в качестве подарка, отдавать безвозмездно’ [МАС-1: 364]. В отличие от диалектного языка, где сочетаемость глагола с формами дательного и родительного падежей существительных равноправна, в литературном языке конструкция с родительным падежом в значении ‘одаривать, делать подарки’ отмечается как устаревшая и снабжена в словаре соответствующей пометкой [МАС-1: 365]. Также рассматриваемый глагол входит в состав аналитического наименования **да́ри́ть по рукава́м** – ‘свадебный обычай: второстепенным родственникам дарят по 3 аршина тонкого холста’: *До́рют’ на рукава́м т’о́ткам, н’ав’э́скам* (Сторожевое Усманск. р-на Лип. обл.). *Жаних сно́хъм па-рукаву́ да́рит’* (ГРМ. Рам.), от **рука́в** – ‘небольшой отрезок материи (ткани)’. Поскольку по сути происходил обмен подарками между двумя семьями, в говорах функционирует возвратный глагол **да́ри́ться** в значении ‘обмениваться подарками’ (также в форме совершенного вида **подари́ться**): *А вот ишишо́ нъ гул’б’э́ у нас апо́сла пръздравл’э́н’јиф нъчина́јут’ да́риць* (П Васильевка Верхнехав., СР. КРЧ. Гриб., КРС. ЛП. Реп.). *Да́риць нъчина́јут’*. *Да́рилис’ тады́, н’ав’э́сть да́риль ро́дну́ жаниха́* (Б. ВРК. Рам.). *Пъда́рилис’*

мы, ја аџа кр'оснавѣ **пѣдарилъ**, он м'эн'а (Б. ВРК. Рам.). *Красный аб'эт ужаниха, **падор'утиць** патом фс'э* (Н. ЖВТ. Рам). Эта же лексема употребляется для обозначения предсвадебного обмена подарками во время договора: *Свад'бѣ была тѣк сьмаџон пилу а **дарилис'** – квас д'элъли* (КРШ. Бобр.). Для сбора подарков молодым у свадебных гостей использовали блюдо или другую плоскую посудину либо **калган** – 'поднос': *Падарки кладутъ нѣ тар'элку* (Р. ЖРВ. Верхнемамон.). *И иш'о абычѣ был, пасу дину бал'шују брали, ну как ш'ас, таз нѣзываетъ, бал'шажъ пасу динѣтъ. И вакрух стала хадилу, к каждьмуџос'т'у пѣтхадилу, и ани падарки кидали. Каждыџ џос'т' дѣставал вот д'ан'џу, фс'эм паказывѣл, ну скол'къ лѣжыт', а патом кидал* (СТ. ЧИГЛА Аннин.). Иногда для этого выделялся особый свадебный чин – **дарница**: *Дарницы пат п'эсн'у брасали д'эн'џи в р'ѣшатѣ* (ШСТ. Бобр.).

В некоторых украинских селах Воронежской области процесс дарения обозначался термином **частувать** – '1. Угощать. *Чим же вас родичи частували?* (ЗМС. Петр). 2. Преподносить подарки молодожёнам. *Скоро будутъ частувать* (ЛОМЫ Вороб.)' [СУГВО-2: 273]. Очевидно фонетическое сходство указанной лексемы с русским литературным глаголом **чествовать** – 'публично, в торжественной обстановке приветствовать, поздравлять, оказывать почести кому-л.' [МАС-4: 671], однако семантика глагола в говоре сужается до конкретных действий с материальными предметами (кушанья, подарки). В восточноукраинских говорах отмечается сходная по способу и средству номинации лексема **чаркувати** – 'пригостати весільних гостей горілкою' [Магрицька 2003: 154].

Особое место занимает номинатив **каравай** – 'обряд вручения подарков молодым': *Младыџ будутъ дарит', **кравай** называетъ Дор'ут – этъ называетъ **каравай*** (МДВЖ. Семил.). Мотивировка термина связана с тем, что одаривание сопровождалось разделением обрядового хлеба – каравая (другие значения данной лексемы рассмотрены в гл. 4), а также песнями и элементами ряжения: *Кравай устривѣли, нѣр'ажалис' в*

смишны́ѣ каст'умы и ууді́ли (Н-Мосоловка Усманского р-на Лип. обл.). *Иура́, катору́ѣ устрáивѣѣут на свáд'бѣх дл'а ви'с'э'л'ѣ* (НЖ. ВДГ. Семил.). Описание раздачи каравай встречаем в свадебном чине «Домостроя», где это делает дружка от имени невесты: «А дружка в это время каравай и сыры кроит и ширинки по блюдам раскладывает и подносит новобрачному, и тысяцкому, и поезжанам, приговаривая: «Новобрачная челом бьет» [Домострой, гл. 67]. Л.Н. Чижикова отмечает, что каравайная обрядность нашего региона являлась частью украинского культурного наследия, хотя впоследствии распространилась по всей территории Воронежского края [Чижикова 1988: 246]. В с. Перлевка был записан один из каравайных ритуалов, где наряду с символикой хлеба и зерна реализованы представления о сакральных локусах крестьянской избы (клеть, пространство в центре дома, под потолком): *Полудружко съ дружкой приносятъ изъ клѣти каравай (рѣшето, наполненное овсомъ и кренделями, съ тремя свѣчами) и кричатъ: "Нашъ каравай на полицу полѣзь!" – и поднимаютъ каравай черезъ полку (посреди избы – на нее обыкновенно кладутъ хлѣбъ); "нашъ каравай съ полицы полѣзь!" – добавляютъ они, опуская рѣшето внизъ. Это повторяется трижды* [Поликарпов 1908: 29].

В заключение свадебного дня молодых вели спать в отдельное неотапливаемое помещение (подробнее о его наименованиях см. гл. 4, §6), где совершался первый брачный акт: *Патом их в'али у нав'этку, ј'э та так'ѣа намиши'энија б'эс пичі ис хвóраста и гл'инѣ нама́зана Там их спат' лóжили У субóту у́трам их дружок буді́л тама с в'эчиру у н'áтницу старики саді́лис' аб'э́дат'* (МСТ. Остр.). *Потомъ дружко и сваика ведутъ их спать – большею частію в коморю (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, молодая, как и у великороссовъ, разуваетъ жениха)* (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 212]. Остальные гости в это время продолжали пировать и веселиться, а затем расходились до утра следующего дня. Как отмечает А.К. Байбурин, обычай устраивать постель новобрачных в неотапливаемой клетке, помимо идеи плодородия, связан с переходным характером свадебного обряда: «Все

эти помещения объединяет то, что <...> не имеют икон и других культурных символов. При этом они находятся на "своей", освоенной территории, то есть как бы занимают промежуточное положение между "природой" и "культурой"», что отвечает идее «возвращения» к человеческому состоянию [Байбурин 1993: 84]. Постель молодых также становилась объектом ритуальных действий: в Павловском районе отмечается обычай **ката́ть дете́й** по кровати: «Кто из детей старших бежал по дому, того хватили и **прокатывали** по постели молодых. Так думали, кто первый будет: мальчик или девочка» [Горяинова 2012: 173]. В некоторых населенных пунктах «счастливая в супружестве» родственница невесты или «специально подобранная счастливая в супружестве пара» приглашалась полежать на постели новобрачных – **обогре́ть постéль**, чтобы семейная жизнь молодых сложилась удачно (Нижнедев. Ворон.) [СРНГ-30: 221]. В селах Лискинского района эта задача возлагалась на подругу невесты (ДБР. Лиск.) либо на молодых замужних женщин (ТРС. Лиск.), которым жених платил [Христова 2006: 53]. В Саратовской области эту обязанность также исполняла «супружеская пара, известная мирной жизнью» [Алиференко 2006: 12]. В Борисоглебске карпогоническая символика обряда усиливалась использованием шубы, которую надевал свадебный чин – **гре́йка**: *Перьт тем, как мьладым леч' ф-нас'тел', ею должьн был нагрет' грейкь. Этъ мужык ф-шубь* [Филатова 2010: 191].

§4. Наименования обрядов посвадебного периода

Посвадебные ритуалы представляют собой третью часть традиционного свадебного комплекса и включают в себя мероприятия второго и третьего дня свадьбы, а также некоторые ритуалы, совершаемые молодыми в первый год брака (в основном на календарные праздники, в частности Масленицу). Второй день свадьбы имел не меньшее значение, чем предшествующие события, но отличался активной ролью невесты. Если ранее она выступала

скорее объектом, нежели субъектом обрядов в связи с ритуальной десемантизацией (по А.К. Байбуруну, это лишение признаков полноценного человека, связанное с переходом из одного состояния в другое), то теперь происходила её проверка как в физическом и моральном (проверка целомудрия), так и в хозяйственном смысле (испытания молодой). Остановимся подробнее на каждом из этих этапов.

Ритуальные мероприятия начинались уже с раннего утра, когда толпа родственников и гостей свадьбы с пением отправлялась будить молодых. Хронологический принцип лег в основу наименований **ра́нняя сва́дьба**: *Фтаро́ј д'эн' называ́јтца ра́нн'ѣъ сва́д'бъ* (РСТ. Эрт.) и **нара́не (нара́не, на ра́нях)** – на второй день свадьбы: *А нара́нь прив'азу́т'н'ав'э́сту* (Р. ТРС. Остр.). *Нара́нь шли фс'э́ уо́сти к жьниху́* (ФДР. Семил.). *Нара́нѣъ сва́д'бы ката́ць јэ́дут'* (РСТ. Эрт.). *Снача́ль јэдут' к нив'э́сть, а на-ра́нѣх к жаниху́* (НЖ. ВДГ. Семил.). Данный термин стал результатом семантической деривации диалектного наречия **нара́не**, функционирующего в рассматриваемых говорах в значении 'утром на следующий день': *А нара́ни сва́д'бъ* (РСТ. Эрт.). *Нара́нь пашли́ мужыки́ уча́ш'у* (НЖ. ВДГ. Семил.). *Па́р'ѣн' был Ал'акс'э́ј, ја́ јаму́ панра́вилаѣ, он правади́л мин'э́ да т'о́тки, а нара́н'ѣъ прив'о́л ма́т'ьр'у* (ИСТ. Реп.). Это же наречие фиксируется в белгородских говорах: *И нара́ни најэ́хъли двара́ сматр'э́т'* (Лукьяновка, Старооскольск. р-н Белгород. обл.). Однако на территории Белгородской области семантическая деривация прошла по несколько другому пути, и ее результатом стало образование несклоняемого субстантива **нара́ни** 'пир у жениха на второй день свадьбы, обычно начинается с утра': *Ид'э́-ть Иван? Ушо́л нѣ-нара́ни* (Роговатое, Шаталовск. р-н Белгород. обл.). В русских говорах наречие *нара́не* – 'завтра (рано) утром' – распространено в южнорусских (курских, орловских, рязанских, тульских), а также в красноярских говорах; в северной и западной диалектных зонах распространены адвербальные лексемы *нара́ни* и *нара́но* [СРНГ-20: 119]. Из приведенных примеров видно, что темпоральный признак является основой

мотивировки диалектных наименований, а в качестве способа номинации реализуется сематическая деривация. Этим же способом образована лексема **весёлье** – ‘вечеринка, гулянье в доме жениха на второй день свадьбы’: *На п'э́рвыј д'эн' п'осли сва́дбы прихо́дът па́друји н'ав'э́сты и н'э́чиня́цьцъ вис'э́л'я* (НЖ. БЫК Бутур.). Данный номинатив формально совпадает с названием собственно свадьбы, что, как мы отмечали ранее, типично для языков славянской группы. Метафорический характер носят номинативы **охмёлка**, **похмёлка** и глагол **опохмеляться**, функционирующие для обозначения второго дня свадьбы: *Втаро́й день – ахм'э́лка* (МЧТ. Бобр.) [Золототрубова 2009: 109]. *На фтаро́ј д'эн' бы́ла пахм'о́лка* (ГРМ. Хохол.). *Подъ́взжають е́ще гости опохм'я́л'яться* (Перлевка Земл.) [Поликарпов 1908: 29]. Ср. рассмотренную ранее лексему *охмёлки* – ‘застолье по окончании сговора’; *похмёлье* – ‘угощение после сватовства в доме невесты (Коротояк. Ворон.)’ [СРНГ-30: 352]. Оба номинатива образованы от существительного *хмель* в значении ‘состояние опьянения’ [МАС-4: 608] с помощью префиксов с семантикой ‘после’. Этимологически родственное наименование второго свадебного дня *похмёлье* было отмечено в курских говорах С.А. Филонович [Филонович 2012: 137]. В СРНГ зафиксированы существительные, образованные по той же модели с помощью различных аффиксов: *похмёлка* (в тамбовских, новосибирских, орловских говорах), *похмельник* (в кировских диалектах) [СРНГ-30: 352].

Первым значимым событием дня в воронежских селах было шествие участников ритуала к дому жениха, чтобы **будить (поднимать, подымать) молодых**: *У субо́ту у́трам их дружо́кбуди́л там* (МСТ. Остр.). *Утромъ дру́жко и сва́ха иду́тъ "поднима́ть молодыхъ" и отпираю́тъ ихъ* (Перлевка Земл.) [Поликарпов 1908: 29]. *Малады́х падыма́јут на дру́ој д'эн'* (КЛДЗ. Кашир.). *Нау́тру малады́хбуди́л дру́шка* (ГРМ. Хохол.). В словаре В.И. Даля: *подымать молодых* – ‘разбудить, не давать спать; выводить из опочивальни’ [Даль 3: 158]. Данное наименование отмечено и в «Словаре русских народных говоров»: *подымать молодых* – ‘в свадебном обряде – будить

новобрачных после первой ночи', в качестве ареала распространения указаны донские и симбирские говоры [СРНГ-28: 272]. В воронежских говорах лексема указанными словарями не зафиксирована, однако отмечается в речи диалектоносителей некоторых районов [Недоступова 2013: 197]. Информанты из украинских воронежских сел отмечали, что сватов в дом жениха **позыва́л** (приглашал) дружка: *Ўтрам дружо́к хаді́л **пазыва́т'** и н'ав'э́стиных час'т'э́ж* (МСТ. Остр.); ср. украинское название **перезва́** – 'звичай, за яким родичі молодої йшли або їхали другого весільного дня на частування до батьків молодого' [Магрицька 2003: 103].

Для обозначения продвижения процессии участников обряда по селу в говорах бытует лексема **разгулива́нились** – 'начало второго дня свадьбы; родные невесты и свадебные гости отправляются по селу к дому, где спали молодые': *Разуулива́нилис'* – *з-гармо́шкѣ ид'а́ нь пар'а́тку и мы зза́ди* (В. КРЧ. Гриб.). Данная словоформа этимологически восходит к глаголу *гуля́ть* – 'справлять свадьбу, проводить обряд', который семантически и формально тождествен лексеме литературного языка, а также к диалектному производному от него *гулева́нить* – 'гулять, пировать, кутить (енисейские, сибирские говоры); хулиганить, баловаться (московские говоры)' [СРНГ-7: 213]. Помимо семантики начала действия (разгуливаниться – «начать гулять») лексема имеет оценочный характер и указывает на особенности передвижения процессии (в чем, вероятно, нашли отражение элементы охранительной магии: многолюдность, шум и т. п.). Кроме того, для наименования гуляний на второй день свадьбы употребляется фразеологическое сочетание **води́ть бесéду** *Воді́ли бэ́сэду* – *гуляли по селу, вокруг села* [Пухова и др. 2012: 161]. В украинских говорах Воронежской области встречается аналогичное по значению сочетание **идти с бесéдою**: *На другий день [свадьбы] бисéди ходили. Ідуть усі з бисéдою. Як чесна нівеста, он, як ідуть, дак красни хлаги нисуть* (ЛКВ. Подгор.). *В молодого одіграють, а на другий день з бесéдою – до молодої. З бесéдою як пішли по вулиці, а тут цигани настрéчу* (СТТЛ. Бог., ППВ. Россош.) [СУГВО-1: 30].

Слово **бесѣда** здесь функционирует в значении ‘свадебная процессия, гости на свадьбе’, зафиксированном во многих воронежских говорах: *Б’ас’э́дь з б’ас’э́дѣ сајдѹць и дра́къ* (ПРЛ. Семил.). *Дру́шки сад’аць з бис’э́дѣ, з част’ами* (БРД. Аннин.). *Бал’ша́ја б’ас’э́дь събрала́с’, да умн’э́ј јэ́ја у б’ас’э́дь н’э́т* (У.МРВ. Реп.). В украинских воронежских селах также было зафиксировано наименование **зозу́лю гоня́ть**(ПЕРВОМ. Россош.) [Христова 2015], ср. в восточнoукраинских говорах *зозу́лю вигóнити* – ‘пародійне весілля’ [Магрицька 2003: 128].

Характерной особенностью гуляния на второй день свадьбы было **ря́жение**. Ряжение известно у всех славян как обязательный элемент свадьбы [СД-IV: 519]; его элементы отмечаются практически повсеместно. Так, в с. Шапошниковка Ольховатского района родственники и гости *ходили ряженые цыганами* [Пухова и др. 2012: 161]. Данный этноним является универсальным обозначением ряженных вообще и широко распространен у восточных славян [СД IV: 521]. Основополагающими признаками ряжения являются условность и намеренное искажение привычной действительности. Как отмечает М.Г. Матлин, смеховое, карнавальное начало присуще многим элементам посвадебной обрядности и отличается разнообразием форм и сложным взаимодействием «ритуально-мифологической семантики и театрально-игровой стихии» [Матлин 2014: 122]. Так, в Тульской области было принято наряжаться «чем смешнее, тем лучше» [Абрамова 2012: 116]. Часто мужчины переодевались в женскую одежду и наоборот: *Обязательно наряжаютця, хто в чего. Хто баби – в мужичье, цветны штаны попошьють, то ище холодно – воны босыи... Лица раскрашивали больше сажею, понамажут шоб нэ узнатъ, то очки понадевають* (УРЫВ Остр.) [Христова 2015]. Кроме того, распространено было переодевание в традиционных персонажей народного театра: врача, солдата, медведя и др.: *Рядились хто в каво, я салдат була – это смех, смехородье. С рушника – ружье сделала. Мужики в женицин переодевались* [Филонович 2012: 137]. В пгт. Таловая отмечается, что ряженные по мере продвижения по селу

посещали сельчан и собирали подарки для молодых: *А заадно́ и «набира́юцца»: не́скальця са́мых баявы́х дяфча́т э́тим вре́меним захо́дють на пу́ті в ка́жный двор прóсють чо-нибу́ть пада́риць малады́м Даро́ф насабира́ють: хто де́ньги ме́лтийи малады́м дасть а хто пабага́чи и кру́пныйиц хто каку́я яду́ ... Насабира́ють ря́жнийи мно́га дабра́* [Недоступова 2013: 198]. Такой обычай роднит свадебное ряжение с святочными и другими обходными обрядами.

Во многих воронежских говорах зафиксирована лексема **ку́рица** – ‘особый ритуал, проводимый на второй день свадьбы; стилизованное куриное гнездо или наряженную живую курицу с песнями и ряженьем относили в дом жениха’: *У нас фсяды́ «ку́рица» лу́ччи прахо́дя чем пе́рвый день сва́дьбы. Ох, чо жа маладе́шь вытваря́я: па дире́вни и́дуть к жаниху́ пля́шуть, паю́ть, гаго́чуть* (ТАЛОВАЯ Тал.) [Недоступова 2013: 197]. Брачно-эротическая символика курицы как символа плодородия, женского начала у многих славянских народов дополнялась семантикой перехода, трансформации, поэтому курица широко использовалась в разнообразных переходных обрядах [СД-III: 61]. В с. Перлевка, например, утром после свадьбы девушки несли невесте от её отца **прида́нку**, куда входили «двѣ курицы, живая и резаная, блинцы и другая закуска» [Поликарпов 1908: 29]. Блюда из куриного мяса были непременным атрибутом свадебного застолья, а акт переноса живой курицы символизировал переход молодой в семейный коллектив мужа и создание нового хозяйства. Так, по сведениям информантов из пгт Таловая, гнездо курицы переносилось в дом жениха «для того, чтобы невеста прижилась на новом месте и смогла в нём свить своё гнёздышко» [Недоступова 2013: 197]. В Ольховатском районе наряженную в красное платье курицу несла свашка с приговором: «Ой, курочка, говорушечка, приди сядь коло мене, моя душечка!» – после чего запускала птицу через порог в дом жениха [Пухова и др. 2012: 161]. Обычай переноса курицы со связанными ногами и/или подрезанными крыльями, чтобы невеста «не летала», снабжен в этнолингвистическом словаре «Славянские

древности» пометой «воронеж.» [СД III: 62], однако в диалектных словарях лексема *курица* в рассматриваемом нами значении не зафиксирована.

Еще одним обязательным элементом второго дня свадьбы является ритуальный поиск невесты ее родственниками в доме жениха, что можно рассматривать как «явление народного театра», диктующее определенный словесный инструментарий и порядок действий для всех участников [Матлин 2014: 122]. Так, в Павловском районе пришедшим «искать пропажу» сватам выводили невесту, которая называлась фамилией мужа, на что родители невесты отвечали: «Эта ж не наша» [Горяинова 2012: 173]. Для обозначения данного обрядового действия в воронежских говорах употреблялись аналитические наименования с глаголом *искать* и его производными:

1) **иска́ть неве́сту** *На фтаро́ј д'эн' зна́чит ид'о́т нив'э́с'тинь радн'а́ нив'э́сту иска́т'. Как маскарáт, ну јијо́ прибиру́т ну так па обр'а́ду палóжъно. Нарижáлис' и прихóд'ьт-вът. Најду́т– таудá нив'э́с'тинь радн'а́ у жынихá гул'áит. Этъ фс'о́ ну как шу́тка вот* (ХЛБР. Аннин.);

2) **иска́ть я́рку** *На фтаро́ј д'эн' была́ пахм'о́лка, иска́ли ја́рку* (ГРМ. Хохол.). Обычай с таким же названием зафиксирован в Тульской области, где при этом пеклись ритуальные блины для кормления «голодной ярки» [Абрамова 2012: 117];

3) **оты́скивать неве́сту** *На ўтаро́ј д'эн' н'ав'э́сту аты́скивџут'. Јэ́ нар'ад'áт пџ-друу́ому, и уóсти ат жэнихá начинџут' јэ́ь иска́т'. Мо́жъ ми́мъ јэ́ хóд'ьт'. Ана́ и па́рнэм мо́жэт. Вот у м'эн'э́ пл'эм'э́нник жани́лси, пл'эм'э́нницъ ана́ ма́лэн'к'ь была́, ху́дэн'к'ь. Ани́ јајо́ бра́ли на ма́лчика и прив'али́ к нам Ана́ хóдъ р'áдъм са-мно́ј, ја јэ́ь н'э ууада́ла* (ИСТ. Реп.);

4) **обы́скивать молодую**: *Ну пришли́ абы́скивџт' мьладу́ју* (БРД. Аннин.). В русских говорах (уральских, вологодских) глагол *обыскать* употребляется в значении 'разыскать, найти' [СРНГ-22: 298];

5) **идти с обыском** – 'обряд на второй день свадьбы, заключающийся в том, что невестина родня ищет невесту' (БРД. Аннин.).

Противоположное действие, осуществляемое стороной жениха, в воронежских говорах обозначалось словосочетанием **хоронить невесту** *Харонили нив'э сту схаро'нут' жэжэ куда'ть-там, друуу'у нив'э стун'р'ажали* (КРС. ЛГ. Кашир.). Зафиксирована и возвратная форма глагола **хорониться** для обозначения действия, выполняемого самой невестой: *Жэниха уви'дит', а-анá харо'ницца ат-н'аво* (ШСТ. Бобр.). *А н'ав'э сть на п'эчэ сидит' – сх'ранильс'а* (СТД. Аннин.). В значении 'прибирать на м'есто, прятать, класть въ потаенное м'есто' глагол *хоронить* отмечен в «Словаре» В.И. Даля [Даль 4: 578].

Кроме перечисленных фразеосочетаний, в значении 'обряд поиска невесты на второй день свадьбы' в ряде говоров употреблялось наименование **кокурки** *Нъ втаро'ј д'эн' были кокурки Када' приду'т с радитил'ами зъ н'ав'э стэ, ју'јэ пр'ачут'. Мо'уут' и муш'у ну ад'э'т' и спр'ат'ьт'* (СТ. ЧИГЛА Аннин.). *А нъ фтаро'ј д'эн' ужэ' кокурки Јэ'ть уш тада' и'шут' н'ав'э сту, пр'ачут', а патом' и'шут'. Мин'э иска'лжиска'ли, ф' како'ј-ть чула'н мин'э зак'рыли. А см'эхут'ь, фс'о ур'ам'ат', и кур'эј, фс'о, фс'о. Нъб'ар'о'ца чилав'э'к д'э'с'ьт' з-уармо'н'ьми* (СТ. ЧИГЛА Аннин.). Данное наименование восходит к диалектной лексеме *кокурá* (*кокуркá*) – 'вост. свадебная пресная лепёшка, сдобная, с яйцом или без него, иногда с творогом, ватрушка, шаньга; сдобная витушка' [Даль 2: 135], в свою очередь, образованной от слова *ко'ка* – 'яйцо, особ. в беседе с детьми' [Там же]. Очевидно, средством номинации в данном случае является метонимический перенос «ритуальное кушанье > название ритуала». Однако в значении обряда, проводимого на второй день свадьбы, данная лексема в словарях не зафиксирована.

Поиск спрятанной невесты с последующей трапезой характерен не только для воронежской обрядности, но и для свадебных ритуалов других южно- и среднерусских областей. Так, ритуал утреннего кормления молодой зафиксирован исследователями в Курской области – невесте *несли снидат'ь* (завтрак) [Филонович 2012: 137]. В свою очередь, жених и его родственники готовили угощение для пришедших. Приступить к ритуальной трапезе

можно было только после завершения поиска невесты; до этого момента хозяева всеми способами преграждали родным невесты путь: *Ані́ і́шишьт', карча́шки насыпа́ють', на даро́уу тут н'э пуска́ють', в'ар'оўки п'эр'эв'а́звають – уасно́т' н'э зна́ь. Ну пато́м нахо́дут', сад'а́ць ап'а́т' во́тку пит', гул'а́т'* (ИСТ. Реп.). *Ина́гда до́ла і́шут, а вы́пит' ахо́ть гаст'а́м-та, ужэ́ уста́ли стга́т' в двир'а́х. Вит' ни пуска́ють, пака́ нив'э́сту ни на́ду́т. Вот ані́ па фс'э́м сарга́м, па фс'эм чирдака́м, фс'о прала́зю́т* (БРД. Аннин.). Как видно из вышеприведенных примеров, на этом этапе ритуала также реализуются апотропейные мотивы ряжения, подмены (вместо настоящей молодой к гостям могли выводить переодетую в нее девушку, старуху или даже мужчину). Шуточная «неузнаваемость» невесты, связанная с ее символической смертью в своем родовом коллективе и рождением в семье жениха также находит свое отражение в ритуалах выведения мнимой невесты и ее опознавания родителями у украинцев и словаков [Гура 2012: 102-103].

Центральным элементом второго дня свадьбы был обряд проверки честности невесты. Понятия честь – бесчестие являются аксиологическими центрами смыслового пространства свадебного обряда [Трегубова 2012: 111]. В украинских селах Воронежского края был распространен обычай демонстрации простыни, на которой спали молодые: *Тоді́ ж поперва́х було, коли виходе замі́ж она дѣвушкой, наутро показують простинь...* (ГРМ. Кант.) [СУГВО-2: 130]. В зависимости от результата проверки строился дальнейший ход обряда: *Если молодая оказалась хорошаго поведенія (честна), то сваика вводитъ ее съ радостію и всѣ́ женицины поють ... «Темнаго луга калина, / Чеснаго батька дитина! / Якъ мати зродила, / Такъ вона й сходила; / Якъ була в пілюшкахъ [пеленках], / Така и въ подушкахъ». Если же невѣста окажется не честною, тогда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, женихъ бьетъ ее плетью; потом, когда введутъ молодую въ хату, начинаютъ петь ... с разными непристойностями. Иногда начинаютъ обдирать стѣны хаты, а невѣста должна тотчасъ же мазать и т. п.*

(Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 213-214]. В номинации невесты в этом случае реализовывался один из компонентов дихотомии **чѣстная невеста** – ‘девушка, сохранившая целомудренность до свадьбы’: *Таўда́ за́муш выхаді́ль чѣсна́я, чѣсна́я, а ка́к-жа* (ИСТ. Реп.). *Як чѣсна́ не́веста, они, як іду́ть, дак красні хлаги нису́ть* (ЛКВ. Подгор.) [СУГВО-2: 276]. В русских селах второй элемент оппозиции не зафиксирован, в то время как в украинских отмечается наименование **пóрчена не́веста** – ‘о девушке, не сохранившей целомудренность, невинность до замужества’: *У пóрчи́ної не́вѣсти мазали калітку дьогтем, єї мог взятъ удівецъ* (ГРМ. Кант.) [СУГВО-2: 133]. Для иносказательного обозначения нечестной невесты в украинских селах по обычаю использовались **но́чви** – ‘корыто (раньше деревянное, теперь из оцинкованной жести) для стирки белья и др.’ (БНД. Кант., СТ.КРШ. Петр., НВБ. Кант., ДРЗ. Ольх., ЛОМЫ Вороб. и др.): *Виносят но́чви, наливають води бируть тряпки івибвають об доски. Отакó! Ну,це ж уже всізнають, яка не́веста* (ЛКВ. Подгор.) [СУГВО-2: 68].

Символика потери девственности невестой как нарушения цельности прослеживается в таких ритуалах второго дня свадьбы, как **бить куші́н** и **горшкі́ бить**. Суть ритуала заключается в том, что сваха (или другой свадебный чин) разбивала глиняные посуды над телами родителей молодых (в некоторых селах – только над тёщей): *Родителей невесты и родителей жениха клали на пол. Крёстные заворачивали в кусок плотной ткани глиняные кувшины, брали деревянную скалку и над телами родителей разбивали 2 кувшина* (ТАЛОВАЯ Тал.) [Недоступова 2013: 199]. В этом случае также реализуется значение потери целомудренности невестой, при этом черепки символически обозначали будущих детей [Байбурин 1993: 83]. Ср. в уральских говорах *бить стака́н* – ‘разбивать стакан или рюмку – свадебный обряд, свидетельствующий о целомудрии невесты’ [СРНГ-2: 300-301]. В говорах Новохопёрского района обряд **бить горшки**, напротив, символизировал *добрачную* потерю чести и маркировал нецеломудренность невесты: *Если ничѣсна́й/ зна́чит’ уаршкі́ б’ю́т’/ да сва́д’бы ані́ ужэ́*

абрабóталися/ ды паня́тнѣ/ навѣ́рнѣ/ рас ради́тили б'јют' йиво́ [Воронежская молвь 2008: 77]. Битье посуды в свадебном обряде, помимо этого, выполняло апотропейную функцию: так, на Орловщине было принято на второй день свадьбы бить у порога миску, «чтоб жизнь не разбилась» [Масленникова 1992: 90]. В Богучарском уезде, на территории малороссийской свадьбы, при проверке честности невесты осуществлялись действия с караваем: *Дружко беретъ коровай; если невѣста «честна», то онъ перевязываетъ его еще красной лентой* [Ткачев 1867: 214]. В приведенном примере отражена и символическая роль красного цвета, сопровождающего весь свадебный обрядовый комплекс (красными лентами украшались дуги свадебного поезда, головные уборы гостей и жениха, свадебное деревце *кали́нка*, символизировавшее чистоту невесты, имеет красные ягоды. Лентами красного цвета было принято связывать бутылки, из которых наливали гостям спиртное на свадебном пиру).

Выходя к гостям после завершения рассмотренных выше ритуалов, молодая вновь **убира́лась** – самостоятельно (реже – с помощью свахи) облачалась в *убóр* (костюм) замужней женщины: *А въ-второ́ј д'эн' ва в'э́с' убóр убирáѣцѣ* (КЧТ. Хохол.). *Уб'эр'э́цѣ м'лада́ѣ* (ЧРТ. Семил.). *Сва́ха маладу́ѣ убирáль* (Н.ЖВТ. Рам.). *У́трѣм м'ладау́ѣ убирáѣт'* (ШСТ. Бобр.). Смена комплекса одежды знаменовала собой переход женщины из одной социальной общности в другую. Однако ее инициация оставалась незавершенной, поэтому важным этапом второго дня свадьбы были испытания молодой. Как отмечает А.К. Байбурин, их следует рассматривать как средство «включения молодых в новую социальную структуру», завершения перехода из одного состояния в другое [Байбурин 1993: 87]. Сакральное значение приобретают обычные хозяйственные действия, которые молодая выполняет в новом качестве впервые: подметает, приносит воду, моет пол (доливку) и т. д.: *Примазы, плитку там примазы, тодди ж мазала, и доливку мазала* [Пухова и др. 2012: 161]. *Сыпють иголки, веник даютъ, невеста падметаить. Бывало, тыкву об пол трахнутъ* (НЖ. ИКР.

Лиск.) [Христова 2006: 54]. *Біли пасу́ дуа нив'э́ста зам'а́ла* (ГРМ. Хохол.). Посещение колодца было особенным ритуалом в связи с сакральным статусом водных источников в славянской мифологии. В Щигровском районе Курской области существовал обычай посылать молодых к колодцу, причем новобрачные должны были набрать воды, а гости мешали им. Это воспринималось как испытание – начало супружеской жизни [Занозина 1999: 53]. Подобный обряд записан и в Тамбовском регионе, где крёстная мать ведёт молодых к колодцу, они вытаскивают воду и обливают ею всех собравшихся [Пискунова 2002: 48]. Ритуал посещения источника и совершения действий с водой может быть рассмотрен как очистительный, испытательный, а также с точки зрения проявления смехового начала [Матлин 2013].

В украинских воронежских селах сваху, тещу или свекровь возили (**катали**) по селу в повозке или корыте, спускали с горки, обливали водой: *Як зимою, так валяли в снегу и свэкруху, свэкра и каталы, и в санках, и на возыку, як литом. Сваху в корыти каталы, возили в магазин. Положат, в магазин привезут, ана водки бере* [Пухова и др. 2012: 163]. *Качалы на возку тещу. Купалы тещу – бэруть возок, укрывають в одияло и облывають. А тоде вэзуть, вэзуть да и в калюжу (лужу) можуть вывэзнуть – это на други дэнь* (ПЕРВОМ. Россош.) [Христова 2015]. Предположительно это было связано с переходом статуса хозяйки дома от свекрови к невестке. Подобный обряд отмечается исследователями и в сопредельных областях, однако его семантика может несколько отличаться. Так, в Елецком районе Липецкой области в корыте катали невестину и женихову свах, что являлось логическим продолжением мотива объединения двух родов: *Рядышком сажали сваху са свахой и их вместе вазили. Эта значит у них всё дружно, харашо* (с. Большие Извалы) [Комаричева 2008: 96].

После завершения положенных ритуалов в доме жениха снова было угощение. Поскольку в украинской традиции основной свадебный пир приходился именно на второй день свадьбы, в украинских воронежских

селах для его обозначения применялись термины с ярко выраженными экспрессивно-оценочными семами: **кня́жий стол**, **жи́рный обе́д** *Кня́жий столъ* – второй день свадьбы. *Утромъ свекоръ приѣзжаетъ в домъ родителей молодой и приглашаетъ ихъ к себѣ на «жи́рный обе́дъ»* (с. Истобное) [Поликарпов 1906: 15]. После этого (в некоторых селах – до) процессия направлялась в дом к родителям невесты: *Вмѣстѣ съ молодыми, отправляются къ родителямъ невесты. Позавтракавъ здѣсь, молодые и дружко возвращаются назад. Въ это время въ домѣ жениха идетъ попойка. За тѣмъ родители жениха, молодые и гости отправляются къ родителямъ невесты, гдѣ тоже собраны гости; здѣсь опять попойка, подарки, – и такимъ образомъ гуляютъ нѣсколько дней* (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 214]. *Ап'ат' садѣлис' за-столъ, а патомъ или к н'ав'эсти гул'ат'. Тамъ женихъ ва радн'а за сталомъ сидѣла, а н'ав'эстины пл'асали* (МСТ. Остр.).

Окончательные проводы молодой в воронежских говорах назывались **ови́н туши́ть** *Ави́н туши́т'* э́тъ нив'эсту праважѣют' у ради́тьльѣ вóткъ-та ѓхнѣъ, а пл'асуны́ на́шы (ПСК. Повор. (моск. ст.); ЧГР. Борисогл., ОРЛ. Тал.). Похожий заключительный свадебный обряд зарегистрирован в Ростовском регионе, где он носит название **завива́ть** (или **залива́ть**) **овин**: *Завить уж овин надо, свадьба кончилась (рост.)*. Молодую привезут, два-три дня отгуляют, заканчивают. Подожгут овин и прядают через него и кричат: «Пожар! Пожар!» – *А потом заливают овин*. В ростовских говорах отмечено также наименование *распива́ть ови́н* Родители невесты остаются дома и *распивают овин*. В саратовском свадебном обряде *ови́н* – ‘выпивка, которая обычно устраивалась в овине’ [СРНГ-22: 228]. В некоторых местах визит к родителям молодой именовался **идти́ за грѣбнем**: *Этъ н'эв'эста идóт за свайми вѣш'ами* (В. ТРВ. Нижнедев.). В русских говорах зафиксировано наименование *ходить за прялкой* [Масленникова 1992: 92]. По возвращении в дом жениха в некоторых селах имело место одаривание молодых деньгами, именуемое в говорах **кали́нка** (РСШК. Реп.). Наименование этого обряда мотивировано, с одной стороны,

символической функцией калины как атрибута невесты, с другой – вкусом ягод калины, на который ссылались, требуя, чтобы после одаривания молодые поцеловались: «Чего ж калина такая горькая» [Грибкова 1999: 112-113].

Если второй день свадьбы был посвящен преимущественно проверке молодой и отличался ярко выраженным карнавальным началом, то третий день был заключительным, «разрешающим» этапом праздника и носил более спокойный характер, подготавливая участников действия к возврату в обыденный жизненный ритм. По всей вероятности, с этим аспектом связано употребление фразеосочетания **решительный обед** ‘последний свадебный обед в доме у жениха’: *Ус’э р’одичи н’р’ашыт’ъл’нъм аб’э’д’ь събрали’с’* (Шаталовка Старооскольского р-на Белгород. обл., бывш. Шаталовский р-н Воронежской обл.) (ср. в родильной обрядности «разрешиться от бремени»). Традиционно торжественное застолье проходило в доме родителей жениха, что связано со сменой локуса обряда: с момента венчания (заключения брака) невеста окончательно «умирает» для своего рода и «возрождается» в роду мужа, который с размахом празднует появление нового члена семьи. Главным распорядителем оставался дружка как заместитель жениха, что нашло отражение в наименовании **дружкóв обед** – ‘обед у молодого на третий день после свадьбы’ (Аннин. Ворон.) [СРНГ-22: 26]. В Бобровском районе этот обряд носил название **ру́ ки размыва́ть Д’эфки и парни пашли к ж’єнихов’ьй радн’э руки размыват’** (ХРН. Бобр.). Примечательна связь данного ритуала с заключительным элементом родильной обрядности, зафиксированным Т.Ф. Филатовой: *На-третий ден’ р’ьзмывали руки <...> а патом уш ана фстајот’ / аржаниц’ь / ана йијо абмоит’ фсю / и пашла в-хот работ’ьт’//* (Вторые Малые Алабухи Гриб.) [Филатова 2008: 180-181]. Помимо хронологической общности (оба ритуала проводятся на третий день после центрального события обрядового комплекса) и очевидных семантических параллелей (оба ритуала знаменуют конец обрядового перехода женщины между мирами, декларируют смену ее социального

статуса и выполняют разрешительную функцию – после проведения ритуала роженица и молодая жена соответственно могли приступать к выполнению домашних обязанностей) обряды объединяет использование хмеля и злаков как элементов катартической магии [Филатова 2008: 181] и символов достатка и веселой жизни (в родильной обрядности осыпание овсом и хмелем выражало благопожелания новорожденному, в свадебной – новобрачным). Кулинарный код находит свое отражение в таких наименованиях, как **блины** – ‘третий день свадьбы’. *С’аво́дн’а ужэ́ блины́* (ББК. Н-Усм.) и *идти́ с блинца́ми* – ‘на третий день свадьбы родня жениха и невесты идут со своими продуктами и выпивкой гулять’: *На тр’э́тй д’эн’ иду́т’ с блинца́ми ап’хм’эл’а́ць* (БОБРОВ Бобр.). Лексемный ряд наименований третьего дня свадьбы представлен номинативами, образованными морфологическим способом с семантикой ‘действие после действия, называемого производящим глаголом’: **отгу́лки** *Пато́м атту́лки д’э́льли у-то́м двар’э́ ды у-то́м* (СТ. ЧИГЛА Аннин.) (ср. **обгу́ливать** – ‘догуливать’ *Два́ дн’а́ гул’а́ли си́лна, а на тр’э́тй д’эн’ абу́у лива́џм* (ПСК. (ряз. ст.) Повор.)), **похме́лка**: *А на тр’э́тй – пахме́лка* (МЧТ. Бобр.) [Золототрубова 2009: 109]. Кроме того, в н. XX века функционировал также субстантив **на расхо́жую**: *Вечеро́мь тр’э́тйго́ дн’я́ собираю́тся у́молода́го на расхо́жую, гдѣ́ распиваю́тъ убранны́й лентами́ последни́й “штофъ” водки́ съ калиной, чѣ́мь и заканчива́ется перлевская́ свадьба́* [Поликарпов 1908: 29]. Указанный термин может быть мотивирован глаголом *расходиться*, а также сближается по семантике с диалектным адъективом **расхо́жий** – ‘будничный’: *Выхо́д’ят за́муш, уато́в’ят три́ скат’э́рт’а́: ади́н пра́зничны́й друу́й въскрис’э́нишны́й, тр’э́тй расхо́жы́й* (Н. ОЛШ. Нижнедев.). Результатом семантической деривации становятся номинативы **ко́нцы** – ‘конец, завершение’: *Пръздравл’а́жут’ фс’эх, хто́ вы́пил и фс’о, ко́нцы* (Б. ВРК. Рам.) и **хвост** – ‘последний день свадьбы’. *Хвост на́дъ д’э́льт’* (БРД. Аннин.).

Начиная с XIX века приводятся сведения о том, что после свадьбы молодые регулярно наносят визиты и (или) гостят у своих родственников.

С этим обычаем связано наименование **обнеде́льки** (мн. ч.) – ‘по старинному обычаю прием молодых у родителей через неделю после свадьбы’ (Нижнедев. Ворон., 1893) [СРНГ-22: 144]. Сообщается, что одним из маркированных этапов первого года брака являются масленичные визиты и катание молодых: *Масляничное катанье начинается съ пятницы. На канун ъ же этого дня, всѣ молодые (въ первый годъ своего брака) собираются въ дома къ своимъ родителямъ, гдѣ ихъ угощаютъ блинами; на другой день утромъ, взявъ съ собою своихъ подругъ, ѣдутъ съ пѣснями по роднымъ; гдѣ ихъ в каждомъ дому сажаютъ за столъ, потчуютъ блинами и брагой, а они, выйдши изъ-за стола, въ знакъ своей благодарности, поютъ пѣсни и пляшутъ, что и продолжается во всѣ три дня масляницы* (с. Верхотишанка) [А. фон Кремер 1871: 285-286]. Существование данного обычая подтверждается и современными полевыми исследованиями: *С гармоньями гуляли, до Прощена дня. Молодые ходили, как свадьбу сыграють, ходят от жениха и невесты, самые родные, по десять человек. Молодые придут в гости* (КЗЧ. Тал.) [Конорева 2012: 178].

Как показывает материал, ЛСП «Наименования этапов проведения обряда» отличается большим числом (372) и разнообразием компонентов. Нами было выявлено 238 однословных наименований и 134 синтаксически связанных словосочетания, называющих ритуальные действия в рамках воронежского свадебного обряда. Ряд лексем является семантически и формально тождественным лексемам русского литературного языка (*свадьба, свататься, сватовство, девичник, мальчишник, наряжать, венчание, благословлять, угостить, дарить*). Другие номинативы формально тождественны литературным, но имеют отличия в плане содержания (*беседа, биться, веселье, вечер, вопить, гулять, договор, похмелье, убирать, ужин* и др.), связанные со спецификой ритуального хронотопа, где предметы и явления приобретают «культурно обусловленные значения, развивающие денотативные или общеязыковые значения слов» [Березович 2004: 5].

Этимологический анализ лексем продемонстрировал, что большинство из них русского и праславянского происхождения, употребительные в других русских говорах, преимущественно южных и среднерусских. Употребление лексем, характерных для северных говоров (*векоуха, выть, глядины, красный обед, ужин*), может быть объяснено особенностями заселения региона, в котором принимали участие выходцы из северных губерний. Кроме того, в связи с тем, что Воронежская область располагается в зоне смешанного расселения русских и украинцев, в микросистемах говоров украинских сёл региона присутствует значительное количество лексических единиц украинского языка (*весілля, свайба, у прийми іти, висватать, оглядини, заручини, могоарич, свадьбиця, підвесілки, сало, позивать, перепинать, перестрівать, частувать*). Кроме того, нами обнаружено 39 локализмов, одни из которых отмечены в словарях как воронежские, а другие не зафиксированы рассмотренными нами письменными источниками. Ядро ЛСП составляют наименования ключевых общеобязательных этапов свадебного ритуала (*сватовство, глядины, сговор, запой, пропой, девичник, посад, венец* и пр.), на периферии находятся наименования частных обрядовых действий, которые могут входить в ядро других ЛСП (напр., *беседа, каравай*). В отдельных случаях тождественные в плане выражения лексемы присутствуют в других говорах, однако их семантика отличается от воронежской (*биться, валет, замуж, разжена*). Следует отметить, что в наименованиях обрядовых действий реализуются значимые для свадьбы коды – кулинарный (*идти с блинцами, хлеб резать, каравай*), цветовой (*красный обед*), звуковой (*выть, голосить, песни орать*), связанные с древними народно-магическими представлениями.

Лексемный ряд однословных наименований представлен в основном глаголами и существительными с процессуальной семантикой. При этом для производных лексем основными мотивировочными признаками являются процессуальный: *величать, выкупать, глядишки, голосить, гулюшки, лады, обрехивать, отгулки, писаться, повивать, позывать, пропивки, сшивалки*

и т. д.; темпоральный (здесь выделяются два частных признака – положение в структуре обряда и в суточном цикле): *охмёлки, похмелье, начин, отгулки, концы, хвост; ранняя свадьба, вечерина, (красный) обед, (толстый) ужин*; субъектный (состав участников ритуального действия): *девичник, мальчишник, молодечник*. Для однословных наименований наиболее распространенным способом номинации является суффиксация, самые частотные средства номинации – суффиксы *-к-, -ин-, -ишк-, -ник-* и др. Случаи семантической деривации встречаются реже (*блины, веселье, калинка, каравай, курица, хвост*).

Наряду с однословными в воронежских говорах бытуют аналитические наименования обрядовых действий, представляющие собой преимущественно глагольно-номинативные словосочетания: *венец шафярать, выйти в зятья, горшки бить, завязать голову, катать детей, лук крошить, обогреть постель, обыскивать молодую, подослать сватов, раздать дочерей, руки размывать, справлять дары, сыграть триесту, хлеб резать* и т. д. Для данных лексических единиц ведущим способом номинации является семантическая деривация, а качестве особых средств номинации выступают синтагматические связи входящих в них элементов.

ГЛАВА III. НАИМЕНОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ СВАДЬБЫ

Свадебный обряд как комплексное сложно структурированное действие предполагал большое число участников, включающее не только вступающих в брак и представителей их семейных коллективов, но и практически всех жителей села. Такая массовость обусловлена консолидирующей ролью свадьбы и ее важной ролью в частной и общественной жизни, а также магическими представлениями, предполагавшими возможность сглаза со стороны людей, обойденных приглашением: «Много ходить преданий между Богучарцами, напр., о том, какъ когда-то одна свадьба была обращена вѣдьмою въ вовкулаковъ и т. п. И вотъ одна изъ причинъ, почему Богучарцы приглашаютъ на свадьбу всѣхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, – чтобъ не имѣть кого-нибудь врагомъ» [Ткачев 1867: 215]. Состав лиц, принимающих участие в свадебном обряде, или свадебных чинов, определялся традицией и отличался довольно четкой иерархической структурой. При этом степень и характер функциональной загруженности конкретного персонажа могли быть различными: «Участник свадебного обряда может выступать как объект или субъект действия, участвовать во всем обряде или его определенной части, иметь особенную функцию или быть участником общего действия» [Богословский 1927: 15]. Система свадебных чинов и соответствующая ей терминология является достаточно древним образованием: так, в описаниях свадебного обряда первой половины XVI в., приведенных в «Домострое», встречаются термины *князь* и *княгиня*, *новобрачные*, *тысяцкий*, *сваха*, *бояре*, *боярыни*, *дружка*, *поезжане*, *бояре посаженные*, *бояре сидячие*, *каравайники*, *свешники*, *постельничьи* [Домострой, гл. 67]. П.С. Богословский, одним из первых поставивший вопрос о специальном изучении состава участников свадебного обряда и предпринявший первую попытку систематизации их наименований, описывает до 415 свадебных чинов [Богословский 1927], в том числе чины великокняжеских и царских свадеб XVI-XVIII вв. В настоящее время состав свадебных чинов значительно редуцирован,

однако сохраняется общая система, а также ключевые персонажи с закрепленными за ними функциями. Именно поэтому наименования основных свадебных чинов оказываются наиболее устойчивыми в воронежских говорах.

Собственно термин *чин* означал ‘установленный, принятый порядок совершения чего-либо, обряд’. Слово с данной семантикой зафиксировано в МАС с пометой «устар.» [МАС-4: 677]. Кроме того, лексема имеет значение ‘звание, с которым связаны определенные права и обязанности’ [Там же]. Именно это значение реализуется в понятии «свадебный чин» как персонаж с закрепленными традицией положением и функциями. Система свадебных чинов конструируется по принципу концентрических кругов: в центре располагаются жених и невеста, как первые по значимости чины, вокруг них располагаются приближенные лица (родители, крестные и (или) посаженные родители, а также ряд чинов, входящих в ближний круг новобрачных), далее следуют распорядители обряда (сваты), затем свадебные гости (семья, друзья молодых и прочие приглашенные лица), среди которых выделяются особые чины с частными ритуальными функциями. Исходя из этого, логичным представляется разделение ЛСП «Наименования участников свадьбы» в воронежских говорах на несколько лексико-семантических групп:

- 1) наименования лиц, вступающих в брак;
- 2) наименования приближенных жениха и невесты;
- 3) наименования сватов;
- 4) наименования участников и гостей свадьбы;
- 5) наименования лиц с частными обрядовыми функциями (в случае, если какой-либо обрядовый эпизод закреплен за конкретным лицом).

Категориальными семами для лексем данного ЛСП являются ‘лицо’, ‘участие в обряде’, дифференциальными – ‘пол’, ‘родство’, ‘положение в иерархии участников’, ‘функция в обряде’, ‘одиночное или групповое действие’.

§1. Наименования лиц, вступающих в брак

Парень и девушка, вступающие в брак, были центральными персонажами свадебного обряда на всех его этапах, вокруг них и для них совершались практически все ритуальные действия. Исследователи [Гура 2011, Зорин 2004 и др.] отмечают более активную роль невесты, которая готовила приданое и дары родственникам жениха, исполняла обрядовые плачи на девичнике, проходила испытательные обряды на второй день свадьбы, в отличие от жениха, который в основном действовал через посредников. Однако в целом оба вступающих в брак были скорее пассивными, они не занимали руководящей позиции в обряде и часто бездействовали, особенно в день свадьбы. Этим объясняется отсутствие в воронежских говорах наименований, основанных на функциональном принципе номинации.

В литературном языке независимо от стадии проведения обряда употребительны две лексемы: **жени́х** – ‘мужчина, имеющий невесту, будущий муж невесты; о холостом мужчине, намеревающемся жениться и ищущем невесту; разг. о молодом человеке, достигшем брачного возраста’ [МАС-1: 477] и **неве́ста** – ‘девушка или женщина, вступающая в брак, имеющая жениха; о девушке, женщине, намеревающейся выйти замуж; разг. о молодой девушке, достигшей брачного возраста’ [МАС-2: 426]. Как видим, данные лексемы полисемантчны и могут обозначать лиц, фактически вступающих в брак друг с другом или готовящихся к этому, лиц, имеющих соответствующее намерение, не всегда сопровождаемое наличием подходящей кандидатуры, а также лиц, социально признанных готовыми к вступлению в брак, но не собирающихся сделать это в ближайшем будущем. Термин *жених* произошел, по всей видимости, от лексемы индоевропейского происхождения *жена* – ‘женщина’, известной во всех славянских языках [Фасмер-1: 46]. Этимология лексемы *невеста* до конца неясна, однако исследователи сходятся во мнении, что это слово является праславянским

новообразованием и образовано путем сложения отрицания *ne-* с прилагательным **vestь* от глагола **vedeti* – ‘знать’ (невеста – ‘неизвестная’), причем подразумевается не только буквальное толкование, связанное с древними способами заключения брака (ср. нередко упоминаемое информантами незнакомство молодых людей до свадьбы), но и символическая «игра в неизвестность», связанная с переходным характером обряда и отраженная в свадебных обычаях [ЭССЯ-25: 70-76]. Другая версия происхождения лексемы *невеста* возводит ее к глаголу *vesti* ‘вести, жениться’ с отсылкой к др.-рус. *вести жену* – ‘жениться’, *водимая* – ‘жена, супруга’ [Фасмер-1: 284].

В воронежских говорах наименования **жени́х** и **неве́ста**, формально и семантически совпадающие с лексемами литературного языка, являются наиболее распространенными: *Пријѣхъл жыні́х на ло́иьди* (БРД. Аннин.). *Гл’ажу́ и жэні́х пр’ашо́л, ну ја тада́ пан’ала́, што́ э́та мат’ јауо́ пр’ашла́* (ИСТ. Реп.). *Гру́ сна́а н’ав’э́сть на б’ас’э́д’ь была́* (ШСТ. Бобр.). *Н’ав’э́сту выкупа́ли аб’аза́т’эл’нъ* (ИСТ. Реп.). *Н’ав’э́сту паднима́јут’, жэ́ртвујут јэ́ј пада́рѣчки* (РСТ. Эрт.). В отличие от ЛЯ, в говорах отдельные наименования лиц, собирающихся сочетаться браком, дифференцированы в зависимости от стадии их отношений и этапа проведения обряда. Так, влюбленные друг в друга юноша и девушка до официального сватовства назывались **ухажёр** – ‘возлюбленный, тот, кто ухаживает’ и **ухажёрка** – ‘возлюбленная, та, за кем ухаживают’: *Во ухажо́р нашо́лси* (СР. ИКР. Лиск.). *Ва́р’кин ухажо́р пришо́л с-а́рмии* (Б.МТР. Эрт.). *Быва́ја тваја́ ухажо́ркъ и пл’а́иь лу́чь фс’э́х* (Б.МТР. Эрт.). *Ухажо́ркъ у јаво́ д’у́жъ краси́вѣъ была́* (ПСК. (моск. ст.) Повор.). *У маво́ вну́ка јэс’т’ ухажо́рка, д’афчо́нкъ сас’э́цкѣъ* (ПСК. (ряз. ст.) Повор.). Термины носят соотносительный характер, подчеркивающий, что уже в этот момент молодые люди воспринимаются окружающими как пара. Оба номинатива мотивированы глаголом **уха́живать** – ‘оказывать внимание, угождать женщине, старясь добиться её расположения’ [МАС-4: 538]. Очевидно, данное значение развилось из первоначальной семантики

глагола – ‘прислуживать, пещись, заботливо ходить, угождать; присматривать, наблюдать, смотре́ть, холить, охранять’ [Даль 4: 541]. При этом обращает на себя внимание то, что вектор действия, обозначаемого глаголом, направлен в одну сторону, от мужчины к женщине, вследствие чего явное сходство номинативов в плане выражения не сопровождается симметрией в плане содержания.

Другой, менее распространенный соотносительный ряд наименований влюбленных в воронежских говорах – **любо́вник** и **любо́вница**: *Најд’э́т’ с’эб’э́ л’убо́вника, да за́муш, а-та́м ја́виць р’эб’о́ньк* (РОССОШЬ Россосш.). *Л’убо́вницу* *нашо́л, жани́лси* (РОССОШЬ Россосш.). Как видно из приведенных примеров, негативные коннотации у данных лексем отсутствуют, когда речь идет об отношениях не состоящих в браке людей, которые впоследствии создают семью.

В предсвадебный период для обозначения жениха в воронежских говорах функционировали следующие лексемы:

1) **молодо́й**: *М’гладо́ј с н’ав’э́стѣ ни гул’а́л, ја́ јауо́ н’а-ви́д’э́ль, он ми́н’э́ н’а-ви́д’э́л, тут и сва́д’ба* (КРС.ЛП. Реп.);

2) **назывно́й**: *Назывно́ј зна́чѣт жани́х* (СЛД. Остр.). В роли мотивирующего может выступать либо литературный глагол **называ́ть** – ‘дать, название имя; сообщить, объявить’ [МАС-2: 354], в таком случае *назывной* – ‘тот, кого назвали/объявили женихом’, либо диалектный глагол **называ́ть**, формально тождественный литературному, но имеющий значение ‘звать, приглашать; спрашивать’ (в пермских и новгородских говорах соответственно) [СРНГ-19: 291-292]. В этом случае *назывной* – ‘тот, кто зовет’ (замуж). Ср. в украинских селах Воронежской области **назива́ться** – ‘предлагать что-либо’ [СУГВО-2: 22]. Глагол также встречается в южнорусских говорах – курских, брянских, орловских, донских [СРНГ-19: 292]. В русском ЛЯ **назва́ться** – ‘разг. напроситься, навязаться к кому-л., предложить свое участие в чем-л.’;

3) **наречённый**: *Вот мой наричѡнный* (БРД. Аннин.) *Вот пр'ийе хъл мой нър'ич'ѡнай друх с вайны. Мы с'н'им пъзнако м'ил'ис'. Пр'ишл'и, засвѣ тъл'и. Ну и пр'ишло с' с'н'им жыз'н'у прав'э с'т'* (МДВЖ. Семил.). Субстантив со значением 'жених' в ЛЯ носит архаический характер и в словарях снабжен пометой «устар.»; он образован от прилагательного нареченный 'официально объявленный, признанный таковым, названный', мотивированного глаголом **нарѣчь** – 'устар. назвать, дать имя; объявить кем-, чем-л.' [МАС-2: 388]. В ЛЯ данный глагол и его производные относятся к высокому стилю, в то время как в говорах они стилистически нейтральны. Кроме того, в качестве производящей основы может выступать диалектный глагол **нарека́ться** – 'обручаться с кем-нибудь': *Она́ јэму нар'экальс'а, цэлова́т'сь называ́льс'а* (Тростянка Ворон.), известный также в псковских говорах [СРНГ-20: 124];

4) **суженый** – 'назначенный в мужья': *Сужьныј – значит суд'бој назначьныј, жыни́х твој* (КЛДЗ. Кашир.). В ЛЯ **суженый** – 'устар. и народно-поэт. Тот, кто предназначен в мужья кому-л., жених' [МАС-4: 303]. В словаре Даля встречаем похожее определение: *суженый* – 'роковой, всё, что дѣлается судьбою, по судьбѣ, что суждено́ или сужено провидѣньемь'. Парные лексемы *суженый* и *суженая* зафиксированы в значении 'женихъ, невѣста, будущие супруги' [Даль 4: 365]. В русских говорах *суженый* *сужо́ный* – 'предназначенный судьбой; predeterminedенный, назначенный кому-л.' [СРНГ-42: 183]. В качестве производящей основы, по всей видимости, выступает *суд* – 'решение, выносимое судьей; приговор'. В новгородских говорах *суд Божий* – 'венчание, свадьба, женитьба' [СРНГ-42: 154].

Лексемный ряд наименований невесты в период от сватовства до венчания в воронежских говорах более широк. Нами были выявлены номинативы, формально и семантически симметричным соответствующим наименованиям жениха: **назывна́я** *Што́ ја, нъзывна́јь тиб'э?* (БРД. Аннин.); **суженая** *Ани́ вы́брали дабр'э рѣбат'а ш'ују сужьнују јаму́* (повсеместно). Кроме того, невесту характеризуют специфические термины, декларирующие ее статус на разных этапах досвадебного периода:

1) **свѣтаная** *Да там ја и свѣтънѣъ была три н'ад'эли вс'ауо* (ИСТ. Реп.);

2) **сватану́ха**: *Раньше, було, сватану́хами по году, два ходили: усьо чесно, толково* (ВСК. Лиск.) [СУГВО-2: 193]. Очевидна этимологическая связь данных лексем с глаголом *свѣтать* – ‘предлагать кого-либо в мужа’ [СРНГ-36: 217];

3) **сговорѣнка**: *От прапо́жь да свѣд'бы д'эфкъ сговор'ѣнкѣ* (ТРС. Лиск.). Лексема представляет собой производное от существительного *сговѣор* – ‘часть свадебного обряда, следующая за пропоем’ – и зафиксирована в московских, ярославских, костромских, вологодских, новосибирских говорах; также известны фонетический вариант *сговорѣнка* (волог.) и акцентологический *сговѣоренка* (костром.) [СРНГ-37: 25];

4) **запитѣя**: *Да анѣ што у-уѣт запитѣя* (У. МРВ. Реп.). Лексема мотивирована глаголом *запивѣть* – ‘отмечать помолвку, сговор угощением, выпивкой’ (широко распространено в южнорусских и среднерусских говорах: орловских, кубанских, рязанских, владимирских, тульских, калужских и др.) [СРНГ-10: 317]. Запитая девушка считалась окончательно назначенной в жены без возможности расторжения договора (ср. в тульских говорах *запитѣе дело* – ‘конченное’ [СРНГ-20: 322]);

5) **обру́чница**: *Хъраша́ абру́чницѣ* (БРД. Аннин.). В значении ‘невеста’ лексема известна преимущественно в северных и сибирских говорах: архангельских, беломорских, енисейских, томских, новосибирских, пермских и вятских [СРНГ-22: 216]. В качестве мотивирующего может выступать глагол **обручѣ́ться** – ‘назваться женихом или невестой, стать помолвленным’ или существительное **обручѣ́ние** – в ЛЯ ‘обряд, во время которого надевают кольца жениху и невесте; то же, что помолвка’ [МАС-2: 565]. В архангельских говорах *обручѣ́нье* – ‘заклучение женихом или его сватом условия о браке’ [СРНГ-22: 215];

6) **молодúха**: *Падру́уи или к маладúхи шыт' дары́* (АЛСДР. Тал.). Именование девушки молодухой до свадьбы является редкостью для

воронежских и русских говоров в целом, хотя подобные термины, сохраняющиеся за невестой и после венчания, встречаются у белорусов, поляков, сербов и словаков [Гура 2011: 87].

Как видим, все эти номинативы отличаются прозрачной внутренней формой, и большинство из них образовано путем морфологической деривации от лексем (глаголов *свѣтатъ*, *запѣтъ*, *обручѣтъся* и существительного процессуальной семантики *сгѣвор*), обозначающих тот или иной обряд досвадебного периода. Лексема *молодѣха* отличается наличием символического компонента значения ('новая, только что появившаяся жена') и образована от прилагательного *молодой*. Детализация наименований может быть объяснена тем, что невеста, в отличие от жениха, чье социальное положение более статично, проходит путь постепенного сближения с принимающим ее родовым коллективом [Гура 2011: 86], и каждая веха этого перехода в говорах маркируется соответствующим номинативом. Оппозиция «свой – чужой» реализуется и в лексеме *бедовѣшка*, отличающейся ярким экспрессивно-оценочным компонентом значения и характеризующей отношение рода невесты к ее утрате и последующему переходу : *Замуш к чужѣм итѣт*, *бидавѣшкѣ ты мѣа* (Н. ОЛШ. Нижнедев.).

Венчание или светская регистрация брака знаменует собой окончательное соединение жениха и невесты, поэтому среди посвадебных наименований широко распространены существительные *pluralia tantum* с семантикой 'только что вступившие в брак':

1) **молодые** (повсеместно распространенная лексема): *Посль свѣдѣбы мѣладѣѣ апхѣ дѣт фс ѣ радн ѣ* (РОССОШЬ. Россош.). *Маладѣх фстрѣчѣли хл ѣ бѣм-сѣлѣ* (КЗЛ. Бутур.). *Маладѣѣ спѣли у клѣти* (РПН.Врн.). *Маладѣѣ стѣли винчѣѣ* (СЛД. Остр.). *Мѣладѣх вѣанчѣѣ вѣзѣли на лѣшадѣх зѣ бубнѣми* (ДВД. Лиск.). *Маладѣѣ ѣалуѣѣ, а ѣѣх адѣривѣѣ* (В. КРЧ. Гриб.). *Жывѣт мѣладѣѣ хѣрашѣ* (Н. ОЛШ. Нижнедев.). *Мѣладѣѣ рѣнѣшѣ спѣли у хат ѣнкѣ да сѣмых марѣзѣф* (У. МРВ. Остр.). Данный номинатив широко распространен в русских говорах и тождествен соответствующей лексеме ЛЯ

в плане выражения и плане содержания: *молоды́е* – ‘разг. супруги, только что или недавно вступившие в брак, молодожены, новобрачные’ [МАС-2: 292]. В отличие от ЛЯ, где лексема имеет разговорный характер, в говорах данный термин стилистически нейтрален. В украинских говорах Воронежской области встречаем лексему **молоді́**: *В центрі пирид **молодими** гильце – вітка, украшина бумажкáми* (ГРМ. Кант. Повсеместно) [СУГВО-1: 223];

2) **молоде́жни**: *Мълад’э́жни убирáлис’а па-ра́зньму* (ГРЖ. Рам.). Лексема также известна в нижегородских говорах [СРНГ-18: 220] и, вероятнее всего, представляет собой диалектный фонетический вариант литературного номинатива **молодожёны** – ‘супруги, недавно вступившие в брак’ [МАС-2: 291];

3) **новобра́чные**: *Нъвабра́чньѣ па с’алу́ јэ́дут’* (Н. УСМ. Н.-Усм.). *Послѣ вѣнчанія **новобрачные**, старшая дружка и бояринъ идутъ, или ѣдутъ, въ домъ жениха и тамъ обѣдаютъ* (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 200]. Данная лексема формально и семантически тождественна существительному **новобрачные** в ЛЯ – ‘недавно, только что вступившие в брак’ [МАС-2: 504].

Что касается персональных наименований, то наиболее употребительным для жениха в воронежских говорах является субстантив **молодо́й**: *А тада́ **маладо́й** сиді́т’ збо́ку* (ДНС. Верхнемамон.). *Мъладо́ј дом абустра́иваит’* (СТ. НКЛС. Хохол.). Данный свадебный термин отмечен в вологодских, вятских, казанских и ленинградских говорах [СРНГ-18: 226]. Лексема **молодо́й** в значении ‘только что вступивший в брак’ существует и в ЛЯ, где носит разговорный характер [МАС-2: 292]. В украинских воронежских говорах распространена семантически тождественная лексема **молоді́й**: *У тиб’э́ **молоды́ј** ду́ жэу́арньј* (ЛОМЫ Вороб.). *Молоді́й красивый, на картузі квітка* (ПДК. Бог.). *Як приїжжся **молоді́й**, за нівесту требує викуп* (ГРМ. Кант.) [СУГВО-1: 222].

Как и в случае с досвадебными наименованиями, ряд лексем, характеризующих невесту, существенно шире и при сохранении основы **-молод-** демонстрирует разнообразие словообразовательных аффиксов,

употребительных в воронежских говорах: **молод́а я, молод́а ечка, молод́а йка, молодé йка, молод́и ца, молод́и чка, молóдка, молод́у ха, молóдушка** *Мьлада́ја* закрасн'элъс' как мак (КРС. ЛП. Реп.). *Харóшују малад́ују ани вз'áli за сýна* (КШР. Кашир.). *Спрáвнѣъ у м'ан'э мьлада́јь* (В. ТРВ. Нижнедев.). *Малад́а́јьчку прив'адут', а ана́ н'э ум'эит' угад́ит' св'окру и св'акрóви* (НЖ. ВДГ. Семил.). *Ку́ зинамьлада́јь-та за вадóј пашла́* (Н. ОЛШ. Нижнедев.). *Мьлада́јькъ краси́вѣъ у на́с* (В. МАМОН. Верхнемамон.). *Мьлада́јькъ-то ушла́ от Ива́на к ма́тири* (Ново-Хреновские Выселки Пан.). *Мьлад'э́жкѣ бу́ дэт' фс'а жы́зн'а пра́хъм пѣд'от'* (ГРЖ. Рам.). *И-приво́з'ут' мьлади́цу дамóј γ-жаниху́* (ДНС. Верхнемамон.). *Мьлади́ць уважы́т'ъл'нѣъ, а мин'э́ боли́ ус'эх́ уважа́ла* (ГРЖ. Рам.). *Тап'э́р' по́слъ сва́д'бы ана́ малад́и́чка* (СЛД. Остр.). *У Са́фкиных мьлади́чк'а худáја-прихудáја* (НАСОНОВО Валуйск. р-н Белгород. обл.). *Мьлади́чку и́хн'ују сафс'эм зькари́ли* (У. МРВ. Реп.). *Хороша́ молод́и́чка у мойого́ сина* (ТРЦ. Лиск., СТТЛ. Бог.) [СУГВО-1: 223]. *Ја таудá малóтка́ была́, уот са́ сва́д'бы н'а вы́шьл* (ИСТ. Реп.). *Г'ап'э́р'а уш ана́ малóтка* (СТ. НКЛС. Хохол.). *Малад́у́хъ— этъ́ какáја то́лка за́муш вы́шла* (ПАНИНО Пан.). *Ну, малад́у́ха вид'ом́ му́жа* (КРШ. Бобр.). *Малад́у́хъ нукули́ бнѣъ была́* (СЛД. Остр.). *Сын мой с малад́у́хъй пас'али́лис' у-то́м до́мь* (ШСТ. Бобр.). *Моло́душка харóшин'каја, рукад'э́л'ницъ* (ГРЖ. Рам.). Лексема *молодейка* отмечается также в новгородских говорах [СРНГ-18: 221], *молодица* – в смоленских, *молодичка* – в орловских, смоленских, брянских и нижегородских, лексема *молодка* также отмечена в Калужской области [Там же: 225]. Со значением 'молодая новобрачная' лексическая единица *молодка* имеется в словаре В.И. Даля [Даль 2: 282]. Наиболее широким ареалом распространения, согласно СРНГ, обладает лексема *молодуха*, отмеченная в смоленских, рязанских, тамбовских, орловских, пермских, ярославских, уральских, красноярских, забайкальских и многих других говорах [СРНГ-18: 227-228]. Номинатив *моло́душка*, наряду с акцентным вариантом *молоду́шка* в значении 'молодая замужняя женщина' зафиксирован в саратовских,

орловских, рязанских, тверских и некоторых северных говорах, с семантикой 'невеста' – в свердловских и новосибирских [СРНГ-18: 228-229].

В украинских селах Воронежской области употребительными являются номинативы **молода́** и **молоди́ця**: *Га́рнамолода́* (НЖ. БЫК Бутур.). *Молода́ в жоуо красы́вѣ* (ГРИГ. Подгор.). *Мьладу́ вз'алы́ красы́ву* (КАРП. Кам.). *Молода́, так и кажут'* (ЕНД. Семил.). *Так я ту молоду́ стріла та й кажу...* (СТТЛ. Бог.). *Молода́ стороння, а він – наш* (ЗМС. Петропавл.). *Договорились – шо за молоду́, який викуп, шо батько скаже* (ЛКВ. Подгор.). *Люба молода́ в день свайби красива* (КЛБ. Лиск. Повсеместно) [СУГВО-1: 222]. *Молоди́ця сиділа в шовко́вом пла́ті* (РЕП. Реп.). *Молоды́ця у́арна була́* (НЖ. БЫК Бутур.). Эти лексемы распространены в современном свадебном обряде Украины [Магрицька 2003: 89-90]. Номинатив *молода* встречается также в севернорусских говорах (архангельских, новгородских, диалектах Карелии) и на Урале [СРНГ-18: 220].

Традиционными являются ритуальные наименования **князь** и **княги́ня**: *Как уо́луп' б'ѣз уалу́ пкиун'азда́ нь в'јо́т, так и навабра́чньѣ кн'а́с' б'ѣз кн'ау́и ни на м'ѣ́тъ ни сади́ць* (Н. УСМ. Н.-Усм.). *Дай Бог здоровья нашему князю винобращному* (ВРН.). Данные номинативы широко используются у восточных славян в отношении молодоженов. А.В. Гура фиксирует следующие наименования жениха: «луган. *князь, молодой князь, княгинь*, чернигов., житомир. *князь молодой (маладый князь)*, ровен. *ксѣнць молодой*, львов. *князь молодой, король, молодой король* (р-н Сокаля), гомел. *князёк*; в Ровенской обл. в песне, которой будят молодых после брачной ночи, их называют *книзятами*» [Гура 2011: 110]. В отношении невесты отмечаются украинские лексемы *княгиня, молода княгиня, князіня* [Гура 2011: 87; Магрицька 2003: 89]. Термины *новобрачный князь* и *новобрачная княгиня* присутствуют в свадебном чине «Домостроя» XVI в., причем применительно к представителям любой социальной среды [Домострой, гл. 67]. По мнению Н.И. Костомарова, в основе семантического переноса наименований *князь* и *княгиня* на новобрачных лежит символическая аналогия с возведением на

престол: «Свадебные обряды изображали вступление жениха и невесты в иную жизнь и представляли как бы торжественное возведение их в новое достоинство. Они имели подобие с возведением старинных князей в достоинство их власти, а потому-то жених носил название *князя*, а невеста – *княгини*» [Костомаров 1993: 214].

Помимо этого, нами были выявлены лексемы, не имеющие в воронежских говорах парных соответствий. К ним относится лексема **венечная** – ‘супруга, жена, замужняя женщина’: *Пријэхль маја вин’э шнѣа с сл’азамц с прóz’бъј* (СЛД Остр.). Данный номинатив обладает прозрачной внутренней формой и является производным от существительного *венец* с денотатом ‘брак’. На современном этапе соотносительной лексемы, обозначающей жениха, не выявлено, однако в СРНГ приведен контекст *Муж венечный – друг вечный*, отмеченный как воронежский [СРНГ-4: 113]. Кроме того, в воронежских говорах присутствует ряд терминов, связанных с мотивом честности, чистоты невесты как одного из ключевых для посвадебной обрядности (в частности, большое значение проверке честности придавалось в Болгарии, Украине, Македонии [Гура 2011: 98]: **честная невеста** (в украинских говорах – **чэсна нівэста**) – ‘девушка, сохранившая целомудренность до свадьбы’: *Таудá за муш выхаділчэ снѣъ, чэ снѣъ, а кáк жа* (ИСТ. Реп.). *Як чэсна нівэста, они, як ідуть, дак красні хлаги нисуть* (ЛКВ. Подгор.) [СУГВО-2: 276], **калінка** *Калінкъ – чэ снѣъ н’ав’эсть* (ВРН.). Калина традиционно считалась символом девственности, невинности девушки, а также, через красный цвет ягод, была связана с мотивом жизни, возрождения [Филатова 2010: 190]. В украинских говорах представлен также антоним **пóрчена нівэста** – ‘о девушке, не сохранившей целомудренность, невинность до замужества’: *У пóрчіної нівэсти мазали калітку дьогтем, єї мог взать удівець* (ГРМ. Кант.) [СУГВО-2: 133]. В свадебном фольклоре присутствует ещё ряд поэтических наименований жениха и невесты, которые сравниваются с голубем и горлицей, селезнем и утицей, сободем и куницей и т. п. Однако мы не станем останавливаться на них подробно, так как полевые исследования показывают, что данные образные наименования, в

отличие от номинативов *калинка*, *князь* и *княгиня*, не используются вне обрядового фольклора и не приобретают терминологического характера. Их функционирование в пространстве воронежской обрядовой поэзии в ее жанровом разнообразии представляется предметом отдельного изучения.

После свадьбы муж и жена получали наименования, отражающие их новый социальный и возрастной статус. Замужнюю женщину в воронежских говорах называли **ба́ба**: *Он пријѣхъл с ба́бѹ и сѣнѣм* (КЛДЗ. Кашир.), **мужева́я** (другой фонетический вариант – **мужо́вая**): *З-двѣтцати́ лѣт ја мужива́јь* (ШСТ. Бобр.). *Јѣсли н'акупѣньѣ ил' мужава́јь ваз'му́ць за св'ату́ју во́ду, ана́ пѣмутн'ѣѣт* (В. ТРВ. Нижнедев.). *Фс'а́кѣѣ у м'эн'ѣ были и мужава́јь бы́ли* (РСТ. Эрт.). *Тап'ѣр' по́сл'ь свад'бы ана́ мужо́ва́јь* (СЛД. Остр.). *Может девка, а может мужава́я – кто ее знает!* (ворон., ряз.) [СРНГ-18: 333]. Муж получал соответствующее наименование **му́жѣк**: *Му́жѣк у м'эн'а́ харо́шѣ был* (СЛД. Остр.). В украинских говорах присутствуют такие наименования женатого мужчины, как **му́жѣк**: *Мѣй му́жѣк роби на тракторѣ* (ППВ. Россош.) [СУГВО-1: 225], **чолові́к**: *Мати пішла до чолові́ка систри* (СТТЛ. Бог.) [СУГВО-2: 281], **жо́нач**: *Носили вже кутю в святвичѣр. Дѣтей було багато. І жоначѣ носили* (ПРВЛ. Калач.) [СУГВО-1: 127]. Замужняя женщина называется, соответственно, **жі́нка**: *У Бичку живе. Уже у сьомої жі́нки живе* [СУГВО-1: 125], **замі́жня**: *Старша дочка́ замі́жня* (СТТЛ. Бог.; уст.) [СУГВО-1: 134].

Как показывает материал, в ходе свадебного обряда происходит последовательная смена наименований лиц, вступающих в брак, коррелирующая с динамикой их социально-родственных отношений [Гура 2011: 93]. В воронежских говорах отмечается доминирование парных и сходных лексем, что иллюстрирует особенности восприятия пары окружающими с самого начала ритуального периода. Наименования невесты количественно превалируют над терминами, характеризующими жениха, что связано с переходным характером обряда и более активной ролью невесты при совершении предписанных ритуалом действий.

§2. Наименования приближенных жениха и невесты

Группировавшиеся вокруг молодых свадебные чины входили в число обязательных персонажей традиционной сельской свадьбы и «должны были исполнять разные символические должности как со стороны жениха, так и со стороны невесты» [Костомаров 1993: 214]. Количественный состав и семантические особенности лексических единиц данной ЛСГ во многом определяются экстралингвистическими факторами, в частности активностью участия того или иного персонажа в обрядовых действиях. Так, в ближайшее окружение жениха и невесты входят родители, крёстные, братья и сестры, однако они редко наделены специфическими обрядовыми функциями, поэтому для их номинации используются преимущественно обычные термины родства: в русских воронежских говорах – **оте́ц, мать, брат, сестра́, ба́бка, мать крёсная (хрёсная), крёсна, оте́ц крёсной (хрёсний), дядько, свёкр, свекро́вь, свекро́вья, свекру́ха, тёща: Пр'ишла́ јаво́ с'астра́. Пр'ишо́л јаво́ ат'э́ц кр'о́снај:** «Ну как ты, Натáл'ја, сау́ла сна за на́шьв С'иру'э́ја пáйт'и́т' за́муш?» (МДВЖ. Семил.). **Всхо́дит' адна́ мат' хр'о́снаја** (МДВЖ. Семил.). **За н'ав'э́стај мат' хр'о́снаја хадíла** (В. КРЧ. Гриб.). **Св'о́кра, св'акро́в'ју, дíв'эр'а, вс'эх абда́рит', хр'о́сных ата́ и ма́тру** (Б.ВРК. Семил.). **Пришли́ сасва́тълис'а, пришла́ там јауо́ мат', кр'о́сныј ат'э́ц** (В. ИКР. Бобр.). **Ну пришо́л сва́тацъ ну с ма́т'ър'ју и с'астро́ју** (ИСТ. Реп.). **Падвязли к жаниху, йих фстрявають жаних, радители и родныйи: братья́, сёстры, плименнити и плименницы** [Недоступова 2013: 192]. **Сва́тан'јь – да пришли́ јауо́ мат', ба́пка, и сва́тајуцъ** (ИСТ. Реп.). **Ид'о́т кр'о́сна, мат' с-ацо́м и жыни́х бо́лшы никаво́** (Остр.). **Свикру́ха мне уклáт дала́** (ХРН. Бобр.). **Дары́ шы́ли рубáхи там св'о́кру, ју́нку св'акро́ви** (ШШВ. Бобр.); в украинских – **ба́тько, ма́ти, хрьо́сний, хрьо́сна: Мати з батьком по́йхала на оу́ля дини** (ЛОМЫ Вороб.). **На мого́рич приходе́ батько́, мати́, хрьо́снi, староста** [СУГВО-2: 262], **хрещё́ний, хрещё́на** [СУГВО-2: 261]. После сговора родители жениха и невесты называли друг друга **сва́ты**

Свѣты дъуъварѣлис', боуу пѣмалѣлис' (ТРС. Лиск.). Ну *сватѣ* вот мы/ анѣ минѣ свѣхѣй и я ѣѣо свѣхѣй *сватѣ* ну вот мы свѣтълис'/ хадѣли свѣтът там снаху'/ сватѣфство'/ и вот посли ѣтъвъ свѣхѣ/ *сват* (Новохоперский р-н) [Воронежская молвь 2008: 80].

Как отмечает А.В. Гура, функции матерей в свадебном обряде традиционно шире, чем отцов, что характерно для славянской свадебной обрядности [Гура 2011: 112-113]. В воронежском свадебном ритуале мать жениха участвует в сватовстве (отец делает это существенно реже), в смотринах невесты, выполняет осыпание поезжан при отъезде за невестой, одаривает молодую и принимает от нее дары; мать невесты помогает ей готовить приданое, становится объектом ритуальных действий после проверки честности молодой. Роль отцов, помимо участия в выборе пары для детей и сватовстве, связана с материальной частью обряда: они договариваются о кладке и размере приданого, устанавливают сроки свадьбы. После венчания оба родителя благословляют новобрачных, при этом отец невесты передает дочь мужу, сопровождая это поучениями (см. гл. II). При этом для свадебного ритуала, в том числе воронежского, характерно совпадение функций крестных или посаженных родителей с функциями их ритуальных дублеров – приближенных жениха и невесты, не являющихся кровными родственниками молодых. В этом случае специальные обрядовые термины, например *дружо́к*, применяются в отношении этих родственников: *Входит дружо́к ат'эц хр'оснай* (ОСТР. Остр.). Ср. в тульских говорах *дружко́* – 'крестный отец жениха или невесты', в новосибирских говорах *дружки́* (мн.) – 'крестные отец и мать жениха или невесты' [СРНГ-8: 217].

Если жених и невеста на протяжении свадебного обряда были преимущественно пассивными фигурами, то их помощники были активными персонажами, выполнявшими разнообразные функции. Обязанности персонажей и их важность в иерархии чинов во многом определялись тем, чью сторону представлял тот или иной чин – жениха или невесты. В соответствии со структурно-семантическими особенностями воронежской

свадьбы, доминирующая роль в обряде отводится стороне жениха, воплощающей действенное, принимающее начало. Поэтому ряд лексем, обозначающих приближенных жениха, шире и представлен бóльшим количеством различных основ, нежели ряд наименований приближенных невесты. Кроме того, у главных приближенных молодых часто существовали помощники, занимавшие подчиненное место в иерархии чинов, что нашло отражение в их наименованиях. Следует отметить и некоторые морфологические особенности: представителями жениха на протяжении обряда были в основном представители мужского пола, которым составляли аналогию участницы женского пола со стороны невесты [Гура 2011: 128]. Поэтому среди наименований чинов со стороны жениха преобладают существительные мужского рода, а с невестинной стороны – женского, причем иногда они оказываются омонимами (*дружка – дружка*). Рассмотрим лексемы данной ЛСГ подробнее в соответствии с выделенными дифференциальными семами ‘принадлежность к стороне жениха/невесты’, ‘пол’, ‘место в иерархии чинов’.

2.1. Наименования приближенных жениха

Основным представителем жениха, принимавшим участие в большинстве ритуальных действий на всех этапах воронежской свадьбы, был **дру́жка** – ‘один из главных участников старинного свадебного обряда и распорядителей на свадьбе со стороны жениха’ [МАС-1: 449]. В русских говорах *дру́жка (дру́жка дружко́)* – ‘одно из лиц народного свадебного обряда, распорядитель на свадьбе со стороны жениха (иногда и со стороны невесты; шафер’ [СРНГ-8: 215]; ‘женатый молодец, главный распорядитель, бойкий, знающий весь обряд, говорунъ, общій увеселитель и затѣйникъ; онъ же уводитъ и ночью стережетъ молодыхъ’ [Даль 1: 511]. Этимология лексемы может быть возведена либо к существительному *друг* (ср. укр. *друг*, болг. *друг*, чеш. *druh*, др.-пол. *drug*, лит. *draugas*) – ‘спутник, товарищ’, либо

к числительному *другой* – ‘второй’ (ср. болг. *други*, чеш. *druhý*, пол. *drugi*) [Фасмер-1: 543]. Соответственно, в номинативе *дружка* реализуется мотив спутничества, а также эксплицируется место, занимаемое данным чином в свадебной иерархии. Названия с корнем **drug-* характерны для восточнославянской, западнославянской и словенской традиций: бел. *дружко, дружок, дружбант*; укр. *дружко, дружок, дружба*; пол. *družba, družyna, družko, druh*; чеш., словац. *družba*; в.-луж. *družba*, н.-луж. *družba, podružba, psídružba*; словен. *družec* и т. д. [Гура 2011: 129]. В воронежских говорах представлены производные номинативы **дру́жка, дружко́, дружо́к** *До́лужь дру́шкь тару́уиць, н'акáк н'ав'э́сту н'а вы́куп'а* (У. МРВ. Реп.). *Выхо́д'ят дру́шкь с па́ддру́жьи* (ГРМ. Хохол.). *Друшко́ сиди́т р'а́дъм э́жънихо́м* (ХРН. Бобр.). *Чэ́ друшко́-ть у н'эво́* (КРШ. Бобр.). *Друшко́ рьзна́р'а́жъны́ нь свáд'б'ь* (ДВЦ Остр.). *Гл'ан' друшко́ как пл'áшь* (ЗЛЖ Лиск.). *Лух выво́д'ь дружо́к и сажáь на н'эч* (Н.СЛС. Семил.). *Дружо́к вин'э́ц д'э́ржыт'* (БЛГ. Подгор.). *У нас друшко́м П'э́т'кь был* (КЗЛ Бутур.). *У н'ауо́ харо́шь дружо́к* (1 Мая ВРН). *Вы́шьл дружо́к ухриш'о́ньи* (К.-СДВ. Новохоп., Б. ВРК. Рам., ЧРТ. Рам.). *В друшкí-ть придо́ць вз'ат' Ва́н'ку* (У. МРВ. Реп., ШШВ. Бобр.). *Ид'ь-дружо́к за́пир'от, ф-цэ́рки жанíх з-друшко́м* (Б. ВРК. Рам.).

В разных селах рассматриваемый чин мог получить либо старший женатый родственник жениха (чаще всего крестный отец или старший брат): *Дружко и піддружій – люди середнихъ летъ, непременно женатые и знающіе весь свадебный этикетъ* (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 196], либо его молодой холостой друг: *А дру́шка ондру́х жаниха́* (Р. БЛВ. Павл., С. ЛПГ. Нижнедев., М. ПРВ. Верхнехав., Лебединск. р-н Липецкой обл.). Независимо от возраста и степени родства с женихом функции дружки оставались неизменными во всех селах Воронежской области. Они заключались в опеке над женихом: *Дружо́к рукъвади́т м'ялады́ми* (ЧРТ. Рам., Н.СЛС. Семил.), ритуальном замещении его в некоторых действиях: *Дружо́к вы́купа́ит' н'ав'э́сту* (БРТ. Терн.). *Дружо́к на свáт'би был. Он с молоды́ми вот, как*

ни в'э ступа продавали (ХЛБР. Аннин.). *Жэних нь приѣжжэяйт за н'в'э ступа*. *Приѣжжэяйт дружок* (ФДР. Семил.); он также заменял и отца жениха во время поездки за невестой и венчания, где родители не присутствовали [Зорин 2004: 113], совершал ритуальные действия на второй день свадьбы: *Утрам дружок хадил пазыват и н'ав'э стиных час'т'эж* (МСТ. Остр.). Согласно «Домострою», распоряжался дружка и на свадебном пиру [СРЯ-4: 364]. Кроме того, данный песронаж осуществлял общий контроль над ходом обряда: *Друшкó в'ад'ó фс'у б'ас'э ду* (ДВД Лиск.). *Друшкó харашó свáдбу в'óл* (ПСК Лиск.). Это требовало от участника развитых коммуникативных качеств: *Друшкá выбирали наб'рахуч'эж [поречистее]* (ПСК. Повор.), а также хорошего знания последовательности ритуальных действий и обрядового фольклора, поэтому опытного человека могли приглашать быть дружкой многократно: *Ja на свáд'би чáсть был друшкóм* (ЛМВ. Рам.). В некоторых случаях функции дружки выполняли не один, а два человека: *А друшкí уш сид'áт'зь-сталóм* (ХРН. Бобр.). *Друшкó ф н'а бóл'а двух бывáяйт'* (РСТ. Эрт.).

Действия дружки, помимо прочего, выполняли и охранную функцию – предотвращение «порчи» жениха и невесты [Громыко 1991: 372]. Особенно это характерно для севернорусской обрядности, где в роли дружки мог выступать профессиональный колдун [Гура 2011: 129], а также в Белоруссии, где в дружки выбирались «пожилые люди, слывущие за знахарей» [Богословский 1927: 18]. Однако совершение дружкой криптических действий практикуется и в южнорусской свадьбе, в том числе воронежской. К ним относятся щелканье кнутом и обход свадебного поезда перед отправлением, охрана молодых в клетке во время брачной ночи, а также разметание веником дороги перед молодыми: *Пајэ'х'ли уц'эркву, дру'шк'ь е кнутóм вакру'х павóски аб'ауáь* (БДВ. Лиск.). *У жынихá дружóк'жэс'т'с в'эник'ьм* (В.ТРВ. Нижнедев.). Плеть и полотенце являются атрибутами дружки в свадебных обрядах различных регионов, например, в нижегородском [Никифорова 2014]. Кнут как ритуальный атрибут широко используется в свадебной обрядности восточных славян, а его отгонная

функция связана как с шумовым эффектом, так и с характерным действием битья [СД-II: 516]. А.Н. Афанасьев проводил параллель между его формой и линией молнии, охраняющей от враждебных сил [Афанасьев 1865: 283]. С охранительной ролью дружки, по всей видимости, связан образованный от глагола *сберегать* ('охранять') термин **сбережа́тый** – 'спутник свата при женихе': *У жьниха́ до́лжън быт' сват и зб'ър'эжа́тыј* (ВОРОНЕЖ).

В говорах населенных пунктов, где функции дружки распределялись между несколькими людьми, встречается наименование **ты́сяцкий** – 'главный свадебный чин со стороны жениха'. Чаще всего на эту роль приглашался посаженный или крёстный отец жениха либо другой старший родственник [Громыко 1991: 373]. Данный чин считался более почетным, нежели дружки, которые ему подчинялись: *А ту́ туш ты́с'ьцкиј з друшка́ми сид'а́т' ждудт'* (ХРН. Бобр.). Однако в основном его роль сводилась к пассивному присутствию рядом с женихом: «Он сопровождал повсюду жениха, так что без него жених не ступал шагу» [Костомаров 1993: 214]. Данный номинатив явился результатом семантической деривации древнерусского военного звания *тысяцкий* – 'военный предводитель городского ополчения («тысячи») на Руси до сер. 15 в.' [СЭС 1990: 1383]. По всей видимости, метафорический перенос по признаку «главенствующее положение» (в ополчении > в обряде) произошел в XV-XVI вв., поскольку свадебный чин с таким названием упоминается в документах XVI века [Домострой: гл. 67]. Лексема *тысяцкий* зафиксирована в говорах Торопецкого края в значении 'крестный отец жениха' [Петров 2014: 33], употребляется в орловских, ярославских, костромских, самарских, тульских, тверских, казанских, астраханских и многих других диалектах в значении 'один из главных, почетных участников свадебного обряда'. В некоторых северных говорах (например, олонечских, вологодских, архангельских) существительное *тысяцкий* является синонимом номинатива *дружка* [СРНГ-45: 340-341].

По сведениям П.С. Богословского, в южных и западных регионах, а также в малороссийской и белорусской свадьбе, для обозначения приближенных жениха активно употребляется лексема *боя́ре* [Богословский 1927: 15]. В воронежских говорах **боя́ре** – ‘люди, руководящие свадьбой’: *Баја́ри во́тку разно́сут*’ (БЛГ. Подгор.). Рассматриваемая лексема также образована способом семантической деривации термина *боярин* – ‘высшее <...> звание в Московской Руси, а также лицо, носившее это звание’ [МАС-1: 110]. В украинских воронежских селах, где доминирует малороссийская свадебная традиция, еще в середине XIX в. отмечалось наличие двух бояр – **ста́ршего**, выполнявшего функции дружки, и **мла́дшего**, выступавшего в роли его помощника: *Женихъ приглашаетъ нѣсколько своихъ хорошихъ товарищей парубковъ, изъ которыхъ двое составляютъ непослѣдніе чины на сватаньѣ и свадьбѣ; они называются боярами, – одинъ старшій бояринъ, а другой младшій* (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 188]. В современных воронежских говорах с украинской основой фиксируется два фонетических варианта данного номинатива – **боя́рин** и **буя́рин**, причем второй архаизирован и переходит в пассивный словарный запас: *Мій батько на свадьбі був боя́рином* (ППВ. Россош.). *Боярин* був молодше і красивіш жениха (ЛСВ. Павл.). *Нас дві пари вінчали заразом. По дві дружці було, по два буярини* (СТТЛ. Бог.) [СУГВО-1: 38]. Ср. в украинской свадьбе *боя́рин* – ‘керівник весілля від молодого (молодої)’ [Магрицька 2003: 21].

Специфическими обрядовыми функциями, помимо сопровождения жениха, был наделен **ша́фер** – ‘свидетель со стороны жениха; тот, кто держит венец над головой жениха (невесты)’. *Ша́фьрѣм мој Во́фка был* (КЗЛ. Бутур.). *Кауда́ мы эд’э́дѣм винча́лисѣ, у нас и ша́ф’ьры бы́ли* (с. Соловье Чаплыгин. р-на Липецкой обл.). Лексема заимствована из немецкого языка, где Schaffer – ‘распорядитель’, и образована от глагола schaffen – ‘создавать, хозяйничать’ [Фасмер-4: 414]. Ср. в белорусском языке наименования аналогичных персонажей *шахвер* и *шахверка* [Гура 2011: 122]. В ЛЯ *ша́фер* – ‘участник церковного свадебного обряда, который держит венец над головой

жениха или невесты при венчании' [МАС-4: 704]. В говорах иноязычная основа выступила в качестве производящей при образовании глагола **шафря́ть** – 'держать венец над молодыми во время венчания': *Дружо́к с па́дру́ шкѣ́ в'ан'э́цшаф'ар'áт'* (ПСК. Повор.).

Наряду с главными представителями свиты жениха в воронежском свадебном обряде представлены второстепенные чины, обладавшие ограниченным кругом обязанностей. К данной подгруппе относятся наименования **по́ддру́жье, поддру́жий, полудру́жий** – 'помощник дружки со стороны жениха': *Выхо́д'ѣт дру́ шкѣ́ с па́ддру́ жѣ́ми* (ГРМ. Хохол.). *Дружо́к с-по́ дру́жѣ́м усú сва́дбу в'али́* (Шаталовка Шатал. р-на Белгород. обл.). Исследования показали, что активность данного персонажа приходится в основном на предсвадебный период: «<На сговоре> **полудружий** жениха наливал из штофа вина и, соблюдая "чины" гостей, обносил одним стаканом всю "беседу"» [Христова 2012: 125]. Все рассматриваемые наименования образованы префиксально-суффиксальным способом от существительного *дружка*. Лексема *поддружье* характеризуется широким ареалом распространения (вологодские, новгородские, тверские, ярославские, московские, самарские, смоленские, курские, рязанские, тамбовские, орловские и др. говоры) [СРНГ-27: 395]. В русских говорах тем же способом, но посредством других формантов образованы лексемы *поддружка* (нижегор., том., енис.), *поддружник* (брян.), *поддружный* (кемер.). В украинских селах распространена лексема **піддру́жий**, свойственная украинскому языку: *Во время «підвісілка» и свадьбы мѣсто старостѣ занимають друшко и піддружі́й* [Ткачев 1867: 196]. В восточнослобожанских украинских говорах чин *піддружі́й, поддружі́й* – 'керівник весілля від молодого', 'старший боярин молодого'; *піддружо́к* – 'помічник старшого боярина молодого' [Магрицька 2003: 107].

Также в значении 'друг жениха, дружок, товарищ' в воронежских говорах зафиксирована лексема **сума́рь**: *А как тады́ жани́ли хаді́ли с сумар'áми, а раді́т'ѣл'ѣм ду́ лѣку ѣварі́ли. А сумар'á-та был пабајчэ́ѣ́ жэво́* (ГРЖ. Рам.). В СРНГ *сума́рь* – 'нищий' (Бобр. Ворон.), по-видимому, от *сума́*

(атрибут нищего), а также ‘скупой человек’ (Лип. Ворон.). Там же встречаем словообразовательный синоним **сума́к**, в воронежских говорах имеющий семантику ‘приятель, знакомый’, в орловских – ‘молодой человек, возлюбленный’ [СРНГ-42: 227]. Таким образом, в данной лексеме реализуется мотив спутничества данного чина по отношению к жениху.

Среди женских персонажей из ближайшего окружения жениха выделяется его младшая сестра, в воронежских говорах получившая локальное наименование **бо́льшая** *Бо́лшаја у нѣх была харо́шѣ прихаро́шѣ* (ДВЦ Остр.). В том же районе известен акцентологический вариант **больша́я** *Бал’шаја и надбо́лшаја да́рут’ н’ав’э ст’ л’э нты* (ДВЦ Семил.). Обязанность данного чина, по сообщениям информантов, состояла в заплетании кос невесте совместно с ее сестрой. Очевидно, термин сформировался путем метафорического переноса ‘размер’ > ‘важность, главенство’ (ср. в смоленских и вологодских говорах *больша́нка* – ‘первая дружка невесты’, *больша́к* – в тверских говорах ‘старший дружка жениха’, в олонечких – ‘крестный отец жениха на свадьбе’).

2.2. Наименования приближенных невесты

Если свита жениха представлена преимущественно лицами мужского пола, то среди приближенных невесты доминируют участницы-женщины. Масштаб изменений, происходивших с невестой в ходе свадебного обряда, предполагал участие одновременно нескольких помощниц, что нашло отражение в наименованиях соответствующих чинов. Так, в воронежских говорах для обозначения подруг невесты как группы девушек, не дифференцированной по функциональному или иному признаку, широко употребляются существительные *pluralia tantum* **деви́чники**, **деви́чницы**, **де́вки** *Мы были дивѣшникѣми на сва́д’би* (БРД. Аннин.). *Дивѣшницы ста́нут’ фкрух и абѣгурывѣжут’*. *Дивѣшницы прихóд’ут’ и у ни́о начу́ют’* (ЧРТ. Рам.). *Стаја́т’ д’авѣшницы уул’у́чѣ* (Б. ВРК. Рам., Р. ГВЗ. Рам.).

Д'эфки п'эсни шрајут', тады вин'чајут' (СЛД. Остр.). *На д'авишник сабирали д'эвк д'эуки намауали н'ав'эсти* (КЛП. Бутур.). Также нами выявлено собирательное существительное **деви́чник** – ‘несколько девушек, которые пели на свадьбе специально для невесты (обыгрывали ее)’: *Сьбир'оць бува́ль д'авишник и начну́т н'ав'эсту аб'урыват'* (ХРН. Бобр.). В роли мотивирующей основы выступает компонент *-дев-* (ср. рус. *дева*, *девка*, укр. *дівка*, бел. *дзева*, пол. *dziewa* и т. п.), восходящий к праформе *dhē(i) – ‘сосать, кормить грудью’ [Фасмер-1: 491]; таким образом, основным мотивировочным признаком для лексем данной подгруппы является принадлежность к женскому полу. Возраст и семейное положение участниц имеет второстепенное значение; в частности, П.Г. Богословский приводит указание на то, что девичницами «бывают и бабы» [Богословский 1927: 26].

Что касается конкретизированных наименований приближенных невесты, то наиболее распространенным в воронежских говорах является номинатив **дру́жка** – ‘ближайшая помощница, свидетельница невесты на свадьбе, при венчании, регистрации брака’: *Дру́шка вин'эц д'эржыт'* (БЛГ. Подгор.) *А дру́шкыть лу́ччь нив'эсты* (х. Самойленков Подгор.). *Дру́шкызь-н'ав'эсты д'ула'а дыв'эйт* (КРС. ЛП. Реп.). В украинских воронежских говорах: *Нас дві парі вінчали заразóm По дві дру́жці було, по два буярини* (СТТЛ. Бог.). *А дру́жкою візьму свою луччю по́ другу* (ЛСВ. Павл.) [СУГВО-1: 120]. В Богучарском уезде со II пол. XIX в. лексема имела более общее значение ‘подруга невесты’ и чаще употреблялась в форме множественного числа: *Нев'ста ходить предъ вечеромъ по селенію и собираетъ дружекъ. Дружками приглашаются р'ѣдко по выбору, а большею частію всѣ д'ѣвушки прихода или ц'ѣлаго селенія, если оно небольшое.* В отношении главной спутницы невесты в этом случае использовалось аналитическое наименование **старш́я дру́жка**: *Между дружками одна, самая лучшая подруга нев'сты, называется старшою дружкой* [Ткачев 1867: 189]. Как и наименование помощника жениха, данная лексема этимологически восходит к существительному *друг*, а также к числительному *другая* – ‘вторая’, о чем

свидетельствует употребительное в луганских говорах наименование *молода́ дру́га* – ‘старша дружка молодої’ [Магрицька 2003: 89]. Лексемы с корнем **drug-* распространены во всех славянских языках: бел., укр., болг. *дружка*, пол. *druhna*, *družka*, в.-луж. *družka*, н.-луж. *družka*, *podružka*, словац. *družka*, *družica*, чеш. *droužka*, *družice*, *družička*, словен. *družica*, серб. *дружица*, *другарица* [Гура 2011: 129]. В русских говорах лексема *дружка* применительно к чину со стороны невесты распространена в пределах южной диалектной зоны (в курских, калужских, ростовских, краснодарских говорах); также она отмечается в Сибири и Прибалтике [СРНГ-8: 217]. От той же производящей основы образован и дериват **подру́жка**, функционирующий в говорах в форме ед. и мн. числа: *Дружо́к с подру́шкѹ в’ан’эц шаф’ар’ат’* (ПСК. Повор.). *Падру́шки атыыва́јут’ дв’анáтцѹт’ рубáх жьниху́* (ЯРКИ Новохоп.).

Сестре жениха в воронежском свадебном обряде соответствовала младшая (родная или двоюродная) сестра невесты, которая сидела рядом с ней на пиру и заплетала косы невесте. Однако в соответствии с общей логикой распределения свадебных персонажей, данный чин занимал более низкое положение в обрядовой иерархии, что отразилось в термине **подбóльшая**: *Бал’ша́ја и надбóл’шаја дар’ут’ н’ав’э ст’ь л’э нты* (ДВЦ. Семил.).

Следует особо отметить такой свадебный чин, как **світілка** – ‘участница свадебного обряда со стороны невесты; обычно младшая сестра или другая родственница, реже подруга’: *На моїй свальбі главной світілкою була маленька троюрідна систричька, она нисла хвату* (ЛСВ. Павл.). *Придане викупали у світілки – молодшої систри нівести. Она сиділа на сундуку: назначаля ціну. Оця ж світілка, она молоденька, она нисе фату ззаді – держе, як у церкву ідуть вінчать* (ГРМ. Кант.). *Я світілкою була на свайбі* (КЛБ. Лиск.). *Світілками бируть молодих дівчат* (ПСР. Кант.). [СУГВО-2: 195]. Данный чин изначально являлся принадлежностью украинского свадебного комплекса, где может присутствовать в окружении и жениха, и невесты: *світилка, світилочка* – ‘1. Одна з малолітніх учасниць

весілля від молодого; 2. Дівчинка від молодої, що виконує обряд тримання меча й свічки на весіллі' [Магрицька 2003: 135]. В русских селах русско-украинского пограничья чин и соответствующий ему термин появился под влиянием интеграционных процессов XVII-XVIII вв. [Чижикова 1988: 246]. На территории Курской области *светилками* называли двух свах – с жениховой и невестиной стороны, в этой роли выступали крёстные матери или старшие сёстры молодых [Материалы... 1999: 26, 28]. В воронежских говорах лексема **світилка** фиксировалась этнографами с сер. XIX в. В Павловском и Острогожском уездах, где население «говорит по-малороссийски». В этнографических исследованиях украинских сел Воронежской губернии описывался атрибут світилки – **меч**: *Свашка и світилка бывають изъ молодыхъ женщинъ. Світилка <...> постоянно сидитъ около стола и держитъ большой пукъ васильковъ, гвоздикъ и крокуса, въ срединѣ котораго находится деревяшка, обдѣланная въ видѣ лошадиной головы, къ которой прилѣплены вѣнчальныя свѣчи: это наз. мечъ* [Ткачев 1867: 200], а также ее функции при обряде венчания: «Светилка – родственница жениха с пучком трав, в середине которых большая восковая свеча, трижды обходит молодых до венца и после его» [Богословский 1927: 42]. В русских говорах закрепился фонетический вариант **светілка**: *Две светілки были у жениха* (Брян., Ворон., Кур.). Из приведенных примеров ясно, что в основе номинации данного свадебного чина лежат его ритуальные атрибуты – свечи (основа *svet-) и цветы (в говорах – *светы*). Ср. примеры из других русских говоров: *Со свечами идет светілка за невестой* (Рост, Дон., Терек.). *Светілка называлась, она привозит цветы невесте* (Новосиб.). [СРНГ-36: 259].

В ЛСГ наименований приближенных невесты также входят парные лексемы **любéзная** и **подлюбéзная** – ‘подруги невесты’: *Л’уб’э’знѣ и падл’уб’э’знѣ ијут’ жыниху’ партки* (НЖ. ИКР. Лиск.). Несмотря на формально эксплицированное префиксом иерархическое неравенство, оба

рассматриваемых чина принадлежат окружению невесты и равнозначны по выполняемым функциям.

Среди мужских персонажей, сопровождающих невесту в воронежском обряде, выделяются ее старший родственник (чаще всего крестный отец) и брат. Подгруппа их наименований в воронежских говорах представлена номинативами **полдружи́к, полудру́ж, полудру́жка, полудру́жье, ты́сячня**. Если женщины из окружения невесты занимались ее подготовкой к переходному обряду (помогали собрать дары и приданое, прощались с ней и ее «вольницей», собирали к венцу, переменяли одежду и прическу), то деятельность мужских персонажей была связана непосредственно с передачей невесты из «своего» родового коллектива в «чужой». Они участвовали в ритуалах выкупа невесты и ее атрибутов (косы, места за посадным столом, свадебного деревца), а также выполняли обережные функции: при отправлении свадебного поезда *впереди полудружко (выбирается с невесты стороны) разматает дорожку вѣнникомъ («врага сгоняетъ»)*, за нимъ идет дружка и ведет за полотенце или платокъ жениха [Поликарпов 1908: 28]. Младший брат невесты охранял ее за посадным столом и не подпускал к девушке жениха, для чего служил специальный атрибут, **кий** – ‘палка, на концѣ которой привязанъ пукъ соломы’ или **журавѣль** – ‘нѣсколько короткихъ и тонкихъ палокъ, концы которыхъ соединены винтиками такъ, что по волѣ мальчика палки складываются въ одну линию, или же образуютъ нѣсколько соединенныхъ ромбовъ’ [Ткачев 1867: 203]. В украинских селах Воронежской области **киѣк** – «палка, на конец которой были прикреплены репы», которой брат невесты отбивался при попытке жениховой родни похитить атрибут невесты – свадебное деревце (ПЕРВОМ. Россош.) [Христова 2015].

Представители окружения невесты считались менее почетными, чем соответствующие чины со стороны жениха [Рабинович 1978: 15], что нашло отражение в их наименованиях и морфемной структуре терминологических лексем. Так, названия дружки невесты в воронежских говорах содержат

префиксы *пол-, полу-*: *Палу́ друи ишио́ был* (СЛД. Остр.). *Дружо́к пьлдружо́ ки сва́шкъ рьзд'авáја и в'аду́ т' их спат'* (В. МАМОН Верхнемамон., Шаталовск. р-н Белгород. обл.). *Полудру́ жье* – второй дружка со стороны невесты (Нижедевицкий уезд, 1893 г.) [СРНГ-29: 147]. Наименование брата невесты **ты́сячня** образовано от той же основы, что и номинатив *тысяцкый*, однако в качестве способа номинации здесь на первый план выходит не семантическая, а морфологическая деривация: *Женихъ садится въ повозку, слѣва сидитъ тысячня (братъ невѣсты), впереди на облучкѣ – сваха* (Перлевка Землянского уезда, ныне – Семилукский район) [Поликарпов 1908: 28].

§3. Наименования сватов

Сваты представляют собой особую группу участников свадьбы, поскольку одновременно выполняют частную функцию сватовства и играют роль общих распорядителей обряда, участвующих во многих конкретных ритуальных действиях и ответственных за соблюдение положенного порядка свадьбы (в этом смысле сват или сваха часто является функциональным эквивалентом дружки). В воронежских говорах ЛСГ «Наименования сватов» включает в себя следующие номинативы: *сват, сваха, свашка, сходатай, сходатная, сходаха, вечерняя сваха, повивальная сваха, посыльная сваха, посыльный сват*.

Лексемы *сват* и *сваха* являются наиболее распространенными в говорах и совпадают в плане выражения и плане содержания с лексемами ЛЯ **сват** – ‘тот, кто по поручению жениха или его родителей сватает ему невесту, занимается сватовством’, **сва́ ха** – ‘женск. к сват (в 1 знач.), женщина, постоянно занимающаяся сватовством, устройством браков’ [МАС-4: 38]. Как видно из приведенных дефиниций, в основу номинации для данных лексем положен функциональный принцип (по глаголу *сватать*), в качестве мотивировочного признака выступает основная роль свадебного чина – сватовство, т. е. поиск, помощь в выборе подходящего партнера и получение

согласия на брак. По данным В.И. Даля, сваха-женщина в основном была характерна для великорусских свадеб, в то время как сват мужского пола – персонаж, традиционный для малороссийской свадебной обрядности [Даль 4: 148]. В СРНГ встречаем упоминание, что сваха представляла сторону невесты, составляя, таким образом, пару дружке жениха [СРНГ-36: 221]. В говорах Воронежской области мы встречаем обе этих лексемы, ареалы их распространения пересекаются, что может быть объяснено особенностями чересполосного расселения жителей региона, имеющих разную этническую принадлежность: *Сват пакло́ниця за ниво́, за жыниха́* (Б.ВРК. Рам.). *В цэ́ркви свáхь убира́ит' в како́ирик, старíнскіј нар'áт-ть* (БЛГ. Подгор.). *А свáха зза́ди – жанихо́ва мат' хр'óснаја* (БОРОВОЕ Ворон.). Сваха женского пола в украинских воронежских говорах также обозначается лексемой **свáшка** – ‘свадебный чин, главная распорядительница со стороны невесты’: *Свáшка и світілка бывають изь молодыхъ женицинь* [Ткачев 1867: 200]. *Свáшка сидить на красні подушкі* (ППВ. Рос.). [СУГВО-2: 193]. Номинатив широко распространен в южнорусских говорах: курских, ростовских, волгоградских, орловских и др. [СРНГ-36: 223].

В отличие от литературного языка, в воронежских говорах отмечено параллельное существование нескольких форм множественного числа существительного *сват* – **сваты́** (и акцентологический вариант **свáты**) и **свáтъя** *Ма́тицу на́да пирі́ті, када́ сваты́ захо́д'ут'* (КЧГ. Нижнедев.). *Пријэ́хали на-ло́шади, забра́ли и пав'азлі́, ну хто́, муш. Са свата́ми аб'азáт'эл'на* (ИСТ. Реп.). *Бывáль у́варі́ли, свáты кла́тку кладу́т* (ТРС. Лиск.). *Прихо́д'ут свáты, два или три чьлав'э́къ Бу́дэм за д'э́уку свáтъцьцэ́* (Р. ЖРВ. Верхнемамон.). *Свáт'ајут свáт'ја* (ХЛБР. Аннин.). Для существительных женского рода отмечена лишь одна форма множественного числа – **свáшки**: *Шал'то́нкују д'э́ржут свáшки* (Р. ТРС. Остр.).

Вторая продуктивная словообразовательная модель наименований сватов строится на основе глагола *ходить*. Сюда относятся соотносительные

по категории рода лексемы **сходáтняя** – ‘женщина, ходившая в дом невесты с предложением брака’: *Сходáтняѣ хóдит свáтътí н’ав’э́сту* (КЛП. Бутур.); **сходáха** – ‘то же, что сходатная’: *Сходáхъ ўъварлі́вѣѣ́ далжна́ быт’* (ПЧЛ. Бобр.); **сходáтай** – ‘мужчина, ходивший от имени жениха спрашивать согласия на брак’: *Сходáтѣ́ хади’л ат жаниха’, сам нь хади’л* (У. МРВ. Реп.). Л.Н. Чижикова отмечает, что наименование *сходатай* более характерно для русских сел, в то время как в украинской традиции чаще применяется термин *староста* [Чижикова 1989: 174].

Номинативы с основой **стар-* (*староста, підстароста*) зафиксированы в украинских воронежских говорах: *На могорич приходе батько, мати, хрьосні, стáроста. Свататься стáростів присилали* (СТТЛ. Бог.) [СУГВО-2: 215]. В СРНГ, наряду с воронежскими, в ареал распространения данной лексемы включены калужские, курские, кубанские, вятские и казанские говоры [СРНГ-41: 83]. Термин отмечался в середине XIX в. у малороссов Бирюченского, Валуйского и Острогожского уездов Воронежской губернии [Богословский 1927: 9-10] и имеет многочисленные параллели в инославянских языках: бел. *стараста*, укр. *староста*, словац., чеш., пол. *starosta*; серб. *старешина*, словен. *starešina*, хорв. *starešina, starješina*; словац. *starejší*; болг. *старойкя, старока*, з.-болг. *старойка*, макед. *старејко*, серб. *старојко*, пол. *stary, podstarzejszy* [Гура 2011: 147]. Термин обладает прозрачной внутренней формой и актуализирует представления о важности данного персонажа в системе свадебных чинов. Особенностью украинской свадьбы Воронежской области явилось наличие таких чинов, как **підста́роста** – ‘помощник старосты на свадьбе’: *Постороннія лица при сватаньѣ называются старостами, – изъ нихъ один старостой, а другой підстаростой* (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 186] и **підбрехáч** – ‘помощник свата на свадьбе’ (МРЗ. Россош.) [Шифрин 2017: 13]. Последняя лексема представляется этимологически связанной с глаголом *обрёхивать* – ‘сватать’ (см. гл. 2, §2). Ср. в украинском языке *піддакувач* – ‘помічник старости жениха’ [Магрицька 2003: 107].

Этнографические исследования разных лет демонстрируют, что в чине сватов часто выступали родственники жениха и невесты: *Родители жениха засылают къ ней сватовъ, между которыми главное лицо, конечно, – сваха (болѣе или менѣе близкая жениху родственница, – старшая сестра, напр., или крестная мать)* (Истобное) [Поликарпов 1906: 26]. *Сва́хъ – бли́зкѣ рѣдницѣ, мат' хр'ѳснѣ* (Ср. КРЧ. Гриб.). Большое число обязанностей требовало от сватов хорошего знания хода обряда, его фольклорных элементов, а также предполагало способность к импровизации [Громыко 1991: 372], поэтому на данную роль выбирали людей, «изучившихъ въ совершенствѣ всѣ тѣ обряды, которые бываютъ при сватаньѣ» [Ткачев 1867: 186]. От умения свахи зависело очень многое, поэтому говорили: «Не выбирай невѣсты, выбери сваху» [Даль 3: 250]. Г. Ткачев отмечал в числе ключевых навыков старосты умение «уговорить и обойтись съ человѣкомъ» [Ткачев 1867: 186]. Атрибутом свата (свахи), в частности в украинском обряде, является палка или посох: *Ста́роста стукає у двері палкою* (ЛКВ. Подгор.), имевший, по всей вероятности, апотропейную функцию [Богословский 1927: 5].

Помимо главного свата (свахи), распоряжающегося всем свадебным действием, в воронежских говорах выделяются конкретизированные аналитические наименования чинов, выполняющих частные ритуальные действия:

- **вечѣрняя сва́ха** – сваха со стороны невесты, находящаяся при ней с предсвадебного вечера: *Вичѣрни́ѣ адива́ль нив'ѳсту, а патѳм прихадѣ́ль нас'т'ѳл' убира́т'* (ДВД. Лиск.). Ср. в Белгородском регионе *вечерние гости* – ‘гости со стороны невесты’ [Чижикова 1989: 189];

- **повива́льная сва́ха** – сваха, повивающая молодую, то есть надевающая ей женский головной убор: *Этѣ сва́хъ навива́ѣт ѳольвум'ладѳѳ, нѣдива́ѣт јѳј кѣ́чку* (ШСТ. Бобр.). Формально и семантически тождественное словосочетание отмечено в курских говорах [СРНГ-27: 242];

- **постельная сва́ха** – сваха, которая готовит комнату для молодых, отвозит туда постель и приданое: *Утрѣм нас'т'э'л'ньѣ свахѣ увозит нас'т'э'л' к жыниху'* (Б. СМВ. Эрт.). Лексема отмечена в архангельских, олонечских, ярославских, рязанских, свердловских, забайкальских, екатеринбургских говорах [СРНГ-30: 224]; ср. в оренбургских говорах *постельники* – ‘мужчина и женщина, доставляющие постели и приданое к жениху’; в казанских – ‘братья невесты, привозили коробки с приданым и постелю’; в Запад. Сибири употребляется словообразовательный синоним *постельничья сваха*, в Архангельске – *запостельная сватья* [Богословский 1927: 29];

- **посыльный сват** – один из сватов, приглашающий гостей на свадьбу: *Сват насыл'ныј уас'т'эј на сва'д'бу зав'от* (Р. ТРС. Остр.). В русских говорах *посыльный* – ‘связанный с посылкой кого-л., чего-л. куда-л., посланный для чего-л.’ [СРНГ-30: 256].

Рассмотренные примеры показывают, что лексемный ряд наименований сватов в воронежских говорах достаточно велик и в значительной мере обусловлен экстралингвистическими факторами. Примечательно использование в русских и украинских селах различных принципов номинации для обозначения одного и того же свадебного чина: в основе русских наименований лежит функциональный признак, а в основе украинского – иерархический. Разнообразие используемых диалектоносителями аффиксов демонстрирует широкие формо- и словообразовательные возможности говоров.

§4. Наименования свадебных гостей

Приглашенные на свадьбу родственники и посторонние гости, не занятые в конкретных обрядовых действиях, повсеместно воспринимаются диалектоносителями как цельное собрание людей, не распадающееся на отдельных представителей. Следствием этого стало то, что для обозначения свадебных гостей (в частности, участников пира) в воронежских говорах в основном используются существительные в форме множественного числа, а

также собирательные существительные. Среди наименований выделяются две подгруппы: лексемы, называющие родственников и образованные морфологическим способом от основы *род- (*родачи, родина, родни, родны, родные, родня, родство, родовство*), и лексемы, образованные от наименований этапов свадебного обряда и ритуальных действий (*беседа, вечерние, гулючие, гулячие, поезжане, поезжание, проводники*).

Лексемы первой подгруппы не дифференцированы по признаку принадлежности к стороне жениха или невесты и представляют собой суффиксальные дериваты от существительного **род** – ‘ряд поколений, происходящих от одного предка’ [МАС-3: 723]:

- **ро́даци:** *На сва́д’бу вс’э ро́даци збира́јуць* (ВРТ. Остр., ДНС. Верхнемамон.). *Пријэ́хъли ро́дъчи а-анá у-друу́овъ жаниха́* (СЛД. Остр.). *Го́сти э́нтъ ба́бы и мужыки́ на сва́б’ь, фс’о ро́дъчи та сус’э́ди* (РОССОШЬ Россош.). Помимо воронежских, лексемы *ро́дач* и *ро́дачка* отмечаются в Обоянском районе Курской области [СРНГ-35: 131];

- **роді́на:** *На сва́д’бі була вся моя роді́на* (НЖ. БЫК Бутур.) [СУГВО-2: 174]. Лексема зафиксирована в смоленских говорах в значении ‘родня, родственник; семья’. Для воронежских, а также олонечских говоров словарем отмечен акцентологический вариант *ро́дина* [СРНГ-35: 135];

- **ро́дни, ро́дны:** *Жаних д’эн’уул’а́ли нъ-свају́, д’эн’-два́ нъ-друшко́ ф пмау́ајут’ ро́дны* *Тады нив’э́стины ро́дни туды́ иду́т, γ-жыниху́* (Б.ВРК. Семил.). *У жэниха́ уул’а́јут’ н’ав’э́стины ро́дни* (ИСТ. Реп.);

- **ро́дные:** *Сваі́ ро́дны́ѣ прихаді́ли* (Р. ГВЗ. Рам.). Лексема представляет собой диалектный акцентологический вариант литературного субстантива **родные** – ‘в знач. суц. родственники’ [МАС-3: 724]. Лексема *ро́дный* – ‘состоящий в родстве, родной’ – широко распространена в русских говорах: воронежских, курских, рязанских, тульских, ростовских, ставропольских, вятских, ленинградских, пермских, уральских и мн. др. [СРНГ-35: 141];

- **ро́дня** *Жани́х събира́ѣт фс’эх рад’о́н, а н’ав’э́сть свѣју́ ро́дну́* (Н.ЖВТ. Рам.). *Ус’а́ ро́дн’ь събрала́с’ на сва́д’б’ь* (КРТ. Остр.). В СРНГ

зафиксирован пример употребления акцентологического варианта *родня́* в новосибирских говорах [СРНГ-35: 142];

- **родство́, ро́дство:** *На друу́ој д'эн' рацтво́ ид'от' снар'ажо́ннѣ* (ПСК. Повор. (ряз. ст.)). *У на́с нив'эсть до́ра э́тму ро́ству и э́нтму ро́ству* (ДНС. Верхнемамон.). *На свайбу ходили позива́ть хтось з родства* (ЛКВ. Подгор.). [СУГВО-2: 121]. Лексема *ро́дство* в значении 'родственная связь, отношения между родственниками' отмечена в вятских, свердловских и новосибирских говорах [СРНГ-35: 144];

- **родовство́:** *Потъму́ занѣ́ быва́ја. А тады́ сва́дбѣ, из рѣдства́ прихóд'ут' к н'ав'э́с'т'ь* (СЛД. Остр.). Лексема зафиксирована в 1893 г. в Нижнедевицком уезде: *На свадьбе все родовство собирается* [СРНГ-35: 143].

Вторая подгруппа наименований свадебных гостей объединяет лексемы, образованные по функциональному и хронологическому признакам. Часть из них формально совпадает с названиями собственно свадьбы: **бесѣ́да** – 'свадебные гости; все участники свадьбы' [СРНГ-2: 262]: *Дру́шки садáць з бис'э́дѣ, з час'т'ами* (БРД. Аннин.). *Бал'ша́ја б'ас'э́дѣ събралас', да умн'э́ј јэ́ја у б'ас'э́дѣ н'эт* (У. МРВ. Реп.). *Молодые опять уходятъ спать, а бесѣ́да, т. е. гости пьютъ, танцуютъ, идутъ по улицамъ и поютъ* [Ткачев 1867: 214]. *Б'ас'э́дѣ з б'ас'э́дѣ сајду́ць и дра́къ* (ПРЛ. Семил.). *В молодого одіграють, а на другой день з бесѣ́дою – до молодої. З бесѣ́дою як пішли по вулиці, а тут цигани настрѣчу* (СТТЛ. Бог., ППВ. Рос.) [СУГВО-1: 30]; в украинских воронежских говорах отмечен номинатив **сва́льба** – 'процессия участников свадебного обряда': *Вітьку як жинили, стрілись дві свальби. І наша свальба пішла по їх по́топтом* (СТТЛ. Бог.) [СУГВО-2: 138].

Другие лексемы данной подгруппы образованы от наименований отдельных элементов свадебного обряда, например, **вече́рние** – 'родственники невесты': *Вечерніе, невѣстины родственники. Ихъ встрѣчаютъ у входа мужчина и женичина съ бутылкой и стаканомъ горькаго, горячаго вина (водки съ краснымъ стручемъ и медомъ), котораго*

вечерніе откушивають [Поликарпов 1908: 28-29]. В качестве производящего слова, очевидно, выступает диалектное наименование свадебного пира *вечер* (см. гл. 1, §3). Лексема *вечёрние* (pl. tant.) распространена в смоленских, калужских, орловских и брянских говорах [СРНГ-4: 214], известны также словообразовательные синонимы *повечерники* (орлов.), *вечеровые* (рязан.) [Гура 2011: 193]. От диалектного глагола *гулять* – ‘праздновать свадьбу’ и связанного с ним существительного *гульба* – ‘свадьба’ образованы фонетические варианты терминов **гулю́чие** и **гуля́чие** – ‘родственники, гости, участники свадьбы’: *И гул’у́ чіѣ фс’э прино́ с’ьт’*. *Гул’у́ чіѣ астава́ лис’ у́ жыньт’* (Б. ВРК. Рам.). *Стаја́ т’ д’аві шниціы гул’у́ чіѣ* (Р. ГВЗ. Рам.). *По́ сли аб’э́ дь гул’ачіѣ иду́ т’ к нив’э́ сти* (ШСТ. Бобр.). В СРНГ *гулячий* в сочетаниях *гулячее время*, *гулячий день* – ‘свободный от работы, предназначенный для отдыха’ (Нижнедев. Ворон.) [СРНГ-7: 225]. Термин *свадебный поезд*, обозначающий неотъемлемый атрибут воронежской брачной обрядности, послужил мотивирующей основой для номинатива **поезжа́ не** – ‘родственники жениха, участники свадебного поезда’: *Јэ́ дь по́ ъзд, там наро́ ду, ду́ уи кра́ сньѣ*. *Э́ ть паіѣжжа́ н’ѣ приѣ́ хали* (ДВД. Лиск.) и собирательного существительного **поезжа́ ние** – ‘совокупность участников свадебного поезда’, в говорах принадлежащего к среднему роду: *Э́ тих абы́ урывъ́ јут’ – јэ́ ту́ у пајаѣжжа́ ни́ у, а јэ́ нти јад’а́* (БОРОВОЕ Врн.). В русских говорах, как отмечал П.С. Богословский, «понятие "поезжане" охватывает всю родню и гостей жениха, всех "чинов" с его стороны» [Богословский 1927: 12]; поезжане сопровождали жениха и невесту к венцу и составляли «второй класс гостей после бояр» [Костомаров 1993: 214]. Данное наименование упоминается в «Домострое» и распространено в современных говорах практически повсеместно [СРНГ-28: 282]. С пространственным перемещением также связана лексема **проводникі́** – ‘лица, сопровождающие невесту в церковь’: *Нив’э́ сть с пр’вадника́ ми к винцу́ јэ́ дьт* (БРД. Аннин.). Сходные названия чина отмечены в севернорусских говорах: вологод.

проводник, вят. *погонатель*, арх. *проводники*, *рожники*, перм. *посляне* [Гура 2011: 185].

Как видим, среди наименований свадебных гостей доминируют лексемы в форме множественного числа, а также собирательной семантики, что доказывает вовлеченность родовых коллективов и жителей села в процесс совершения обряда. Примечательно, что номинативы, образованные от названий свадебных действий и этапов, обладают дифференциальной семой 'участие со стороны жениха/невесты', в то время как существительные с корнем *-род-* лишены этой семы. На основании этого можно сделать вывод, что понятие родства занимает высокое место в аксиологической системе носителей говоров и в общем случае не предполагает разделения по признаку «свой – чужой», который актуализируется в наименованиях лиц, совершающих конкретные обрядовые действия.

§5. Наименования чинов с частными обрядовыми функциями

Из однородной массы приглашенных на свадьбу выделяются лица, связанные с проведением частных ритуалов в ходе свадьбы и выполняющие конкретные обрядовые действия. Соответствующие этим персонажам наименования в воронежских говорах можно объединить в лексико-семантическую группу по функциональному признаку. Как показывает материал, собственными наименованиями обладают следующие категории чинов:

1) связанные с подготовкой приданого и даров невесты в досвадебный период. Сюда относятся наименования, образованные от глаголов *шить*, *обшивать*: **швэ́йки** – 'подруги невесты, которые шили и вышивали жениху в подарок рубашки перед свадьбой': *На паул'аду́шкѣх чаты́ри шв'э́йки нар'ажо́ны быва́ют* (КРСЛС. Врн., Сторожевое Усманск. р-на Лип. обл.), *Шв'э́йки сабира́лис' в-адно́м до́мь* (СРГ. Пан.). *Быва́ль шв'э́йки съб'ару́ тцѣ и-сид'а́т' фс'у ноч паити́* (Студенки Усманск. р-на Лип. обл.). По этой же словообразовательной модели образованы лексемы *швэ́йка* (БРТ. Терн.),

шва́ха, шва́чка – ‘портниха’ [СУГВО-2: 286]; **обшива́лки** – ‘девушки, которые шьют приданое в доме невесты перед свадьбой’. *Сид’а́т д’э́фки апишыва́лки, јих ко́рм’ут*’ (I НКЛС. Вороб.). Лексема *обшивалка* с такой же семантикой отмечена в оренбургских говорах [СРНГ-22: 269];

2) относящиеся к движению свадебного поезда. Со стороны поезжан это наименования лица, правившего лошадьми: **во́зник, пово́зник** (Н. КУРЛАК Аннин.) [Христова 2012: 127], **пово́зчик, ку́чер**. *Пьсади́ли мин’э́ фса́ни с-паво́зникъм и сва́хъй и пьв’азли́ ф-цэ́ркъф’* (ХРН. Н.-Усм.). *Паво́ш’ик был, ни дружо́к, а паво́ш’ик, ну ку́чър* (БРД. Аннин.). *Паво́ш’ик ло́шъд’ го́нит’* (ПЧЛ. Бобр.). *Тогда сва́шка пришивает жениху, боярам, дружку и всем **возникам** к шапкам кумачевые ленты* (Остр. Ворон. 1906) [СРНГ-5: 27]. Ср. в орловском свадебном обряде *пово́зник* – ‘распорядитель свадебного поезда’ [Костромичева 1998]. Данная лексема является самым распространенным наименованием для рассматриваемого свадебного чина в русских говорах: ареал ее распространения включает архангельские, олонечские, владимирские, тульские, калужские, московские, смоленские, нижегородские, донские, казанские и мн. др. диалекты [СРНГ-27: 254]. Помимо этого, в русских говорах зафиксированы лексемы *возила* (новг.), *повожничек* (перм.) [СРНГ-5: 23; СРНГ-27: 252]. Номинатив *кучер* формально тождествен существительному литературного языка *кучер* – ‘тот, кто правит запряженными в экипаж лошадьми, возница’ [МАС-2: 157], однако обрядовое значение лексема развила только в говорах. По данным этнографических исследований, традиционными атрибутами этих чинов, особенно в малороссийском обряде, были кумачовые ленты на шапках [Богословский 1927: 31].

Со стороны гостей, не участвующих в поезде, выделяются лица, встречающие поезжан и преграждающие путь свадебной процессии:

- **зало́мщики** – ‘односельчане невесты, которые загораживали дорогу свадебному поезду на пути к дому невесты или в церковь, требуя выкупа – угощения’: *Зало́ми’уки зало́мы д’э́лѳут, н’э пуска́јут жыни́ха*

(ПРЛ. Семил.); ср. в алтайских, томских говорах *заломить ворота, двери* – ‘затворить’: *Поезд подъезжает, ворота уже заломлены* [СРНГ-10: 220];

- **ворóтники** – ‘люди, встречавшие поезд у дверей дома невесты и пропускавшие в дом за выкуп’: *У дв’ар’э́ж варóтникъф даво́л’нь* (ШСТ. Бобр.). Наименования чинов *приворотники, придворники* широко употребляются в свадебном фольклоре, особенно в севернорусских говорах (архангельских, поморских, пермских, новгородских) [СРНГ-5:122]; у В.И. Даля *ворóтникъ* – ‘стар. вратникъ, приворотникъ, сторожь у воротъ’ [Даль 1: 249];

3) обслуживающие свадебное застолье. Данная подгруппа включает лексемы **сто́льник** – ‘человек, обслуживающий свадебный пир (стол)’: *При́э дут м’ладь’ь, а уш сто́льники уа́то вы* (ЩЧ. Эрт.). В архангельских и вятских говорах *сто́льник* – ‘участник застолья (обычно свадебного), распоряджающийся и прислуживающий за столом’. В форме множественного числа лексема употребляется для общего обозначения гостей за праздничным столом (псковские, тверские говоры) [СРНГ-41: 225]; **карава́йница** – ‘женщина, которая месит и печет свадебный хлеб’: *К’равáйницу тожь бра́ли, спица́л’нь жэ́нщину к’равáй п’эч* (ПРВЛ. Калач.). Этот чин широко распро-странен на западе России, где «для обрядового печенья коровая собирают девиц»; есть указания и на употребление термина в южных регионах, например в Курске [Богословский 1927: 43]. В тамбовских говорах чин, отвечающий за изготовление каравая, носил название *каравайник* [Пискунова 2002: 87]; **рэзчик** – ‘тот, кто режет мясо за свадебным столом’: *На стал’э былъ м’асъ, чаты́ри ви́да бра́ли р’эсчикъ м’асу р’эзът* (ЩЧ. Эрт.). В рассматриваемом значении лексема диалектными словарями не зафиксирована;

4) исполняющие обрядовые песни: **велича́льники** – ‘те, кто величает молодых и гостей, то есть распевает специальные свадебные песни’: *А велича́льники-ть как з’пају́т* (ЗЛЖ. Лиск.); **игри́цы** – ‘женщины, девушки, которые на свадьбе исполняли величальные песни’: *Иури́цы п’эс’н’ьми в’елича́ют’ жэ́ниха́ и н’ав’э́сту* (В. ТРВ. Нижнедев.). Обе лексемы

обладают прозрачной внутренней формой и мотивированы соответствующими глаголами *играть* и *величать* (см. гл. 2, §3). В тульских говорах зафиксирован словообразовательный синоним *величальщица*, в калужских – *величалка* [СРНГ-4: 109]. Лексема *игрица* в значении ‘девушка, женщина, поющая на свадьбе’ распространена в говорах значительно шире (донские, курские, рязанские, московские, тульские, брянские, псковские, владимирские, смоленские и др.) [СРНГ-12: 71];

5) участвующие в обряде одаривания новобрачных: **дарни́цы** – ‘свадебный чин, женщины, собирающие подарки для молодых’: *Дарни́цы пат п’э́сн’у браса́ли д’эн’уи в р’шато́* (ШСТ. Бобр.). Данный номинатив отличается прозрачной внутренней формой и является производным от глагола *дарить* (см. гл. 2, §3). В воронежских говорах лексема полисемантична и известна с семантикой ‘девки, собранные в доме невесты шить дары или приданое’ (Ворон.) [Богословский 1927: 26]. СРНГ содержит акцентологический вариант *да́рница*, при этом оба варианта отмечены как локальные воронежские термины [СРНГ-7: 275];

б) осуществляющие ритуальные действия с одеждой и приданым: **наря́дницы** – ‘родственницы жениха, переодевавшие невесту после венчания в наряд замужней женщины’: *Пријэ́’дут’ наря́дницы зь нив’э́’ст’ч, ваз’му́т’ визу́т’ у цэ́ркву, там ијо́’ н’риадива́јут’* (НЖ. КТХ. Н.-УСМ.). В олонечких говорах женщина, одевавшая невесту к венцу, именуется *снарядиха* [Богословский 1927: 34]. В СРНГ *наря́дница* – ‘нарядно одетая женщина’ (краснояр., свердл.) [СРНГ-20: 144]; **руба́шны́е** – ‘группа людей, несущих жениху рубаху (убор) во время свадьбы’: *Руба́шных д’э́’в’ят’ чьлав’э́к бы́ль Руба́шны́ѣ хо́д’ут’ ра́нь у́’тр’ѣм ч’оп жани́х вабра́лси и за н’ав’э́’ст’ѣй’јэ́х’л Руба́шны́ѣ ужэ́ атпра́’вилис’ к-жаниху́* (все – У.МРВ. Реп.). В русских говорах рубашный – ‘относящийся к рубашке’ [СРНГ-35: 219]; в значении свадебного чина словарями лексема не зафиксирована.

В говорах с украинской основой функционирует лексема **прида́нка** – ‘участница постельного обряда на свадьбе: сопровождающая приданое,

выносящая простыню на второй день свадьбы (в доказательство честности невесты)’: *Придане привозили іс свайбою. Їдуть підвод штук скілько, кладуть скриню, кладуть подушки, кровать, і приданка с курицею на підводі. Утром, як повстають, на другий день собирались. Тут усі навдібушки [на цыпочках]: ждуть ту ж приданку, шо прийде с простиною* (ЛКВ. Подгор.) [СУГВО-2: 144]. В воронежских говорах известно второе значение указанной лексемы – ‘овца или телка, которую получает на сговоре невеста’ (Нижнедев. Ворон., 1893) [СРНГ-31: 185]; как наименование свадебного чина *приданка* употребляется в брянских, смоленских, рязанских и енисейских говорах. В других русских диалектах для обозначения этого чина используются термины *приданник, приданница, приданщик, приданщица* [СРНГ-31: 186]. Очевидно, что мотивировочным признаком для каждой из лексем данной подгруппы является использование того или иного предмета материальной культуры в выполняемом обрядовом действии.

Особняком стоит такой значительный персонаж ритуала, как **колдун**. Несмотря на то что ключевым моментом свадьбы является венчание (то есть христианский обряд), магические представления, сохранившиеся с дохристианских времен, прочно укоренились в сознании диалектоносителей, формируя феномен народного православия. Люди стремились оградить свадьбу от дурного глаза и порчи, гарантировать молодой семье счастливое будущее. Для этого наряду с обращением к религии (благословение образом, использование псалма пс. 90 «*Живые помощи*» в качестве оберега, церковное венчание) применялись и народно-магические средства: *Простолюдинь вѣритъ, что колдовство или чародѣйство во время свадьбы скорѣе и пагубнѣе всего можетъ дѣйствовать на вступающихъ въ бракъ, особенно въ первую ночь, и потому старается всѣми возможными средствами предотвратить это зло. Средства эти состоятъ въ благословеніи образами, а также въ заговорахъ знахарокъ* [Ткачев 1867: 215]. По сведениям информантов, на воронежскую свадьбу специально приглашался **знахарь**: *На свад’б’ь аб’ызат’ьл’нь знахар’* был, а как бѣз н’аво’ (МСЛС.

Кашир.). Лексема *колду́н* в говорах в плане выражения и в плане содержания тождественна существительному ЛЯ *колду́н* – ‘тот, кто занимается колдовством’ [МАС-2: 71], в то время как для номинатива *зна́харь* в ЛЯ актуализируется другая сема – ‘лекарь-самоучка, лечивший средствами, рассчитанными на суеверие и невежество’ [МАС-1: 617]. Женские наименования данного персонажа более разнообразны и мотивированы глаголом говорения *шептать* в значении ‘колдовать’: **шапту́ха** (ШСТ. Бобр.), **шапта́лка** (ХОХОЛ. Хохол., ЯРКИ Новохоп.). Кроме того, употребляется соотносительная к *колдун* лексема женского рода **колду́нха** (ИСТ. Реп.), образованная с помощью продуктивного в говорах аффикса *-их-*, отличного от используемого в ЛЯ суффикса *-j-* (*колдунья*). Помимо добрых знахарей, в народном сознании существовали и злые колдуны, которые не помогали, а наоборот, могли расстроить свадьбу. Такого человека боялись и старались задобрить, чтобы он не напустил порчу на дом, молодых или их гостей: *На сва́д’би на кауо кълдуніхъ ас’арча’ит’, у тауо’уамно’ л’э’з’а ис-пат шы’върть* (ИСТ. Реп.). Информанты описывают случаи, когда под угрозой вреда со стороны человека, сведущего в колдовстве, оказывалась невеста как субъект, совершающий символический переход между мирами: *Мин’а’ саму’ скълдава’ли как раз пѣд-сва’д’бу. Ана’ сва’д’бъ хот’ ни была’, так, засто’л’я. Лих тро’я’ и нас, фсиво’ шэс’т’ чьлав’э’к И вот он бриуади’рѣм был, у ниво’ три сы’нѣ, и вот он снаха’, снаха’ фс’о шуті’л, за три’т’ѣвъ сы’нѣ. А сын у-н’аво’ ујэ’хъл куда’тъ в Данба’с, д’э’н’уи зѣраба’тъвът’. А пријэ’хѣли мин’а’ сва’тѣт’, ја ни хат’э’ль выхаді’т’, кл’ану’с’, мат’ мин’а’: «Этѣ он нито’ пријэ’дѣт, нито’ н’эт, а ты буд’ѣши јиво’ ждат’». Он узнал, пришо’л, и у н’аво’ нѣ рук’э’ фсуда’ кнут. А он падашо’л ка мн’э’, «ах ты су’пкина доч этѣ ты н’а хо’чыши ждат’», и вот пр’ам мин’а’ на этѣму пличу’ три ра’зѣ пѣстуча’л. Мн’э’ то’ишнѣ, уѣла’ва кру’жѣцѣ и у мин’а’ рука’ атнила’с’ вдрух, па’л’цы сло’мѣны* (ХЛБР. Аннин.). При этом уязвимой невеста могла стать не только для злого умысла, но и для случайно, «в недобрый час» произнесенного слова рядового участника свадьбы: *Була на-халативци свал’ба // уси вжэ гуляют’ / и якый-с’ дит прыйшов // а йому и кажут’ // чяго ты прыйшов / мы тэбэ нэ-звалы / а вин*

тодди як обидывся / та и кажэ // шоп ваша нэвиста сила та-й нэ-встала / и пишов // а тоди як вин казав / так було // пишлы до-того дида до-дому / кажут' // зробы / шоб нэвиста була / яку взялы // дид и кажэ // та вы шо / та хиба-ж я колдун / та-цэ-ж я так тико сказал // и нич'ого зробыт' нэ-моглы / покэ свал'ба нэ-кончилас' // бувае / шо у-нэдобрый чяс шо-нэбуд' скажут' / так оцэ вон обуло сказано нэвисти у-той чяс // (г. Бутурлиновка) [Филатова 2010: 185]. Для защиты от подобного воздействия, как описывает Т.Ф. Филатова, широко использовалась система оберегов: «На-свад'бу нявесте вес' нис булафками прикальвають / аб'рягают' ижо ад-глазу дурнова // (Бирюч, Таловский р-н). Насыпают соли в-бумажьчку / бинтикъм завернут и вот сюда / пат-правую руку в-лифчик прикальвають // или клади ф-правый батинак // если сол' пата'ит / йищо привязываиш / нака свал'ба ни-прайд'от // (Большие Алабухи, Грибановский р-н)». [Филатова 2010: 186].

Таким образом, в составе лексико-семантического поля «Наименования свадебных чинов» в воронежских говорах нами было выявлено 148 лексических единиц. Как показывает материал, ядро рассматриваемого ЛСП составляют наименования обязательных персонажей свадьбы – лиц, вступающих в брак, и их ближайшего окружения. Среди них преобладают общерусские лексемы, формально и семантически тождественные единицам литературного языка (*жених, невеста, новобрачные, молодые, сват, дружка, подружки* и др.). Однако наряду с этим выявлено значительное количество диалектизмов, имеющих параллели в южнорусских (*вечерние, молодуха, сваика*), северно-русских (*воротники, обручница, проводники, постельная сваха*) говорах и в инославянских языках (*дружка, дружок, князь, княгиня, староста*). Связь с украинской обрядовой традицией выражается в использовании в украинских воронежских селах соответствующих лексем украинского языка (*підбрехач, піддружий, підстароста, світилка*). Нами были выявлены локализмы, не отмеченные в других диалектных словарях и источниках или снабженные пометой «Ворон.» (*большая, гулячие, дарница,*

любезная, подбольшая, подлюбезная, резчик, родовство, рубашные, сумарь, тысячня, ухажёрка). На периферии рассматриваемого ЛСП находятся полисемантические лексемы, входящие в другие ЛСП внутри ТГ «свадьба» (*беседа, свальба*) и вне ее (так, лексема *швейка* входит в ЛСП «Наименования свадебных чинов» и «Наименования лиц по профессии»).

Для лексики данного ЛСП характерна прозрачная внутренняя форма, в основе номинации в большинстве случаев лежит функциональный принцип. В роли мотивирующего признака выступает действие, закрепленное за тем или иным участником обряда (*величальницы, игрицы, нарядницы, повозчик, резчик, сходатай, швейки, повивальная сваха*), или наименование ритуального предмета, действия с которым совершает персонаж (*дарницы, каравайница, приданка, рубашные, постельная сваха* и др.). Ещё одним продуктивным принципом является номинация по месту того или иного лица в общей иерархически организованной системе чинов (*подбольшая, подлюбезная, полудруж, большой боярин, старшая дружка*). Данное ЛСП характеризуется активным использованием морфологической и семантической деривации. Среди морфологических средств номинации преобладают суффиксы, причем отмечается использование широкого круга аффиксов с одной и той же основой (*молодайка, молодейка, молодка, молодичка, молодуха, молодушка*). Среди семантических способов номинации особенно активен метафорический перенос (*боярин, князь, княгиня, калинка, любезная, тысяцкий* и др.). Специфика объектов номинации ЛСП «Наименования свадебных чинов» (действующие лица обряда) определяет грамматические категории входящих в него единиц – это отглагольные существительные и субстантивированные прилагательные, причем распределение лексем по родам и числам также зависит от экстралингвистических факторов (чины со стороны невесты в основном представлены существительными женского рода, со стороны жениха – мужского; существительные в форме множественного числа и *pluralia tantum* отражают консолидированность действующих лиц и массовый характер обряда). Лексемы находятся в

многообразных внутрисистемных отношениях, в т. ч. синонимии (*дружка* и *боярин*, *игрицы* и *величальники*), омонимии (*дружка* (муж.) и *дружка* (жен.)), что связано с взаимным пересечением статуса и функций свадебных персонажей.

Постепенная трансформация и редукция обряда приводит к исчезновению свадебных чинов, переходу соответствующих лексем в пассивный словарный запас, затемнению их лексического значения, а также замене диалектных слов лексемами литературного языка. Вместе с тем наблюдается освоение говорами лексем ЛЯ, в том числе заимствованных. Так, существительное *шафер*, пришедшее из немецкого языка, не только активно используется в говорах, но и стало производящей основой для диалектного глагола *шафярьть*. В целом разнообразие выявленных словоформ подтверждает высокий уровень детализации обряда, а также отражает его вариативность в зависимости от района проведения.

ГЛАВА IV. НАИМЕНОВАНИЯ РИТУАЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Рассмотренные ранее ЛСП «Наименования этапов проведения обряда» и «Наименования участников свадьбы» репрезентировали соответственно процессуальный и агентивный (субъектный) код воронежской свадьбы. Не менее важным является предметный код обряда, представленный в говорах наименованиями материальных предметов, используемых в различных ритуальных действиях. Предметы материальной культуры зачастую несут в себе универсальную, бытийную информацию, связанную с особенностями мировосприятия, ценностных установок той или иной общности, наделяются особыми функциями и значением и таким образом «становятся символами, а лексические единицы, их именующие, – словами-символами» [Тараканова 2012: 28]. Как отмечает А.В. Гура, в обрядовом акте с участием какого-либо предмета основная семантика принадлежит действию, в то время как «предмет в роли атрибута участника обряда служит средством дополнительной семантической характеристики своего обладателя» [Гура 2011: 238]. Вследствие этого в обрядовой ситуации актуализируются конкретные морфологические свойства предмета: форма (*шишка, кистюли, колпак, корона*), размер (*баран, баранчик, додольная рубаха*), цвет (*калинка, колотая желть*), материал изготовления (*тюлька, филей*) и др. Вместе с тем главным классификационным признаком для ритуальных предметов является их функция, в частности время, цель и характер использования – для замещения действующих лиц (*шапка, малахай* при сватовстве), защиты от злых сил (*хвата, дымка* у невесты, *кнут* и *веник* у дружки), выражения благопожелания и продуцирующей семантики (*зерно* при осыпании молодых, *шуба* в обряде благословения), маркирования статуса персонажа (*квітки* на участниках свадебного поезда, *сорока, кичка* замужней женщины) и т. д. При этом большинство наименований материальных атрибутов свадьбы употребляется и вне обрядового контекста для обозначения бытовых реалий, однако приобретает дополнительные смы,

находясь в ритуальном пространстве. Исключение составляют названия предметов, изготавливаемых непосредственно к свадьбе и не функционирующих в быту (*княжное, приданое, хвата*).

Исходя из вышеизложенного, мы выделяем в составе рассматриваемого лексико-семантического поля несколько ЛСГ, соответствующих значимым категориям предметов материальной культуры, используемых в воронежской свадьбе:

- 1) наименования символических атрибутов невесты;
- 2) наименования приданого;
- 3) наименования свадебных даров;
- 4) наименования свадебной одежды и украшений;
- 5) наименования обрядовой пищи;
- 6) наименования прочих материальных атрибутов свадьбы.

Категориальные семы в данном случае – ‘предмет’, ‘использование в обряде’, дифференциальными семами выступают ‘функциональное назначение предмета’, ‘внешние признаки и свойства предмета’, ‘соотнесенность с конкретным участником обряда’.

§1. Наименования символических атрибутов невесты

Невеста являлась главным субъектом среди участников свадьбы как переходного обряда, поскольку претерпевала наибольшую трансформацию как в реальном плане (изменение половозрастного статуса и социального положения, смена места жительства, обязанностей и т. п.), так и в символическом (переход из одного «мира» в другой, «смерть» для своего рода и «рождение» в новом семейном коллективе). Это обусловило наличие ритуальных предметов с особой брачно-эротической символикой, отражающей переход невесты из группы девушек в группу женщин и смену соответствующих качеств (девственность > плодородие). К ним относятся коса невесты и лента из нее (*кра́сота*), свадебное деревце (*репéй, сосна́,*

стóрож; теремóк), *курица* (живая и в приготовленном виде), свадебное знамя (*хлаг*). В соответствии с ролью символических предметов в обряде атрибуты невесты можно разделить на две подгруппы: символы девичества, характерные для досвадебного периода, и символы женской плодовитости, способности к деторождению, которые становятся актуальными после заключения брака.

Как показывают материалы многочисленных этнографических исследований, в первую группу включаются предметы, в которых реализуется семантика «воли» – девичьего состояния, характеризующегося отсутствием ограничений на общественную активность (посещение девичьих сборищ, участие в посиделках, хороводах и т.п.), заботой («негой» и «лаской») родителей по контрасту с «неволей» в доме свёкров. Главным символом воли считались **красота**, определяемая В.И. Далем как ‘родь вѣнца изъ лентъ и цвѣтовъ, который ставится на дѣвичникѣ передъ невѣстою’ [Даль 2: 188]. Лента (в русских говорах – *краса́, красота́*) была основным знаком принадлежности к социально-возрастной группе девушек [Зорин 2004: 117] и ассоциировалась с понятием девичества, а также символизировала женскую красоту в общем; ср. у словаков *krasa* – ‘девичья привлекательность’ [Гура 2011: 607]. С мотивом ее утраты после замужества связана народная характеристика свахи: *Вот идет расплети-косу, потеряй-красу* [Даль 1984: т. 1, с. 285]. В СРНГ *дѣвья красота* – ‘красная лента, являющаяся символом девичьей красоты и имеющая определённое обрядовое назначение’ [СРНГ-7: 315]. В воронежских говорах также встречаем указание на ленту как атрибут девичества: *Краснья красьты д’эфки н’аму жнија насили* (Репьевский р-н). Из данного контекста очевидно, что в красной ленте реализуется и цветовой код (красный цвет, символизирующий жизнь, широко употреблялся в свадебном обряде, в частности, доминировал в праздничном костюме). Лексема особенно широко распространена в северных говорах (архангельских, олонечких, новгородских, псковских), а также в новосибирских диалектах, где под этим термином

понимается коса невесты (традиционная девичья прическа), а также лента, которой девушка заплетала косу до замужества: *Косу девья краса называли* (Новосиб.). *Красу невесты по деревне носили* (Пск.) [СРНГ-15: 171]. А.В. Гура указывает, что взаимосвязь красоты с косой девушки наиболее четко прослеживается в южнорусских, украинских и белорусских поэтических текстах [Гура 2011: 614] – ср. в орловских говорах: *Да винча́н'ја у д'э́вк кра́сьть насі́шас'* (Орл.) [Костромичева 1998]. Помимо этого, наименование **кра́сота** (или, как вариант, **красота́**) встречается в ярославских, московских, костромских говорах, где обозначает 'украшенное маленькое деревце, цветок' [СРНГ-15: 171].

Обрядовое употребление красоты заключалось в том, что она вместе с волей оплакивалась невестой на девичнике, после чего ленты (или части одной ленты) раздавались подругам: 'Ленты эти она на память раздает подругамъ, которыя въ пѣсняхъ оплакивають *дѣвью красоту*, а лучшую отдаетъ въ церковь' [Даль 2: 188]. В воронежских говорах сообщается о передаче красоты близким родственницам, например младшей сестре: *Я свају́ кра́сьту по́сл'ь сва́д'бы с'астр'о́нк'ь адала́* (НЖ. БЫК Бутур.). Обычай раздачи красоты отмечен в пермских говорах [СРНГ-15: 199]. Ср. в архангельских говорах *красова́ться* – 'прощаться с девичьей жизнью и с подругами в последний день перед свадьбой' [СРНГ-15: 197]. Данный мотив связан с тем, что смена прически и головного убора невесты с девичьего на женский воспринималась как окончательная утрата связи с прежним миром и отказ от прошлой жизни.

Другим распространенным символом «воли» служило наряженное деревце, которое ставилось перед невестой во время свадебного застолья. Свадебное деревце представляет собой древний славянский символический атрибут бракосочетания, о чем свидетельствуют разнообразные его названия в славянских языках [СД II: 83]: зап.-укр. *деревце, деревечко*, пол. *drewko*, чеш. *stromek*, болг. *кумово дрѣвце, ела, дѣб*, зап.-словац. *lirka*, рус. *калинка* (южн.), *рпей* (сарат., нижегор.), *квитка, квит* (кур., орл.) [СРНГ-13: 167-168].

Украшенная цветами и лентами ветка дерева – атрибут, характерный для южнорусских областей и Украины [Байбурин 1993: 68], что подтверждается функционированием в воронежских говорах терминов из украинского языка:

1) **гільце** – ‘украшенная ветка дерева, используемая в свадебном обряде’: *В центрі пирид молодими гільце – вітка, украшина бумажками* (ГРМ. Кант.) [СУГВО-1: 92]. Лексема *гилка* присутствует в украинских воронежских говорах, а также в ряде южнорусских диалектов (кубанских, донских) в конкретно-бытовом значении ‘ветка дерева’ [СРНГ-6: 171]: *Зламай оту гільку, а то вона в вікно карябає* (ЗМС. Петропавл.). Ср. в кубанских говорах вариант **гильце́**: *И на гильце́ даже чиплялы калыну. Хоч там чиплялы краснэ и цвиты* [Финько 2012: 102];

2) **рясне́ (-о́го)** – ‘ветка дерева, украшенная цветами и блестками, стоящая у невесты на столе во время свадьбы’. *Рясне́ цвіте, прямо горить на столі* (СМЛ. Подгор.). Лексема мотивирована прилагательным **рясний** – ‘обильный, густой’: *Яка яблуня у вас рясна́* (С. МЛВ. Петропавл.). *У нас в городці вишні рясно цвіли* (ЛСВ. Павл. Повсеместно) [СУГВО-2: 190]. В селе Шапошниковка Ольховатского района **рясне** представляло собой небольшую ёлочку или сосну [Пухова и др. 2012: 160]. Хвойные деревья традиционно считались медиаторами между мирами, а потому еловые или сосновые ветки параллельно символизировали и девическое состояние невесты, и переход от него к женскому.

В зависимости от того, какой признак лежит в основе того или иного наименования (разновидность дерева, внешний вид предмета, функция), для обозначения свадебного деревца в русских воронежских говорах употребляются следующие термины:

- **теремо́к** – ‘деревце, украшенное сладостями, цветными лоскутками’. *На свальбу тиримо́к уряжали* (ТВР. Бог.) [СУГВО-2: 228]. В СРНГ отмечена лексема *терем* – ‘свадебный пирог’ (Ворон.) [СРНГ-44: 71]. По всей видимости, номинация идет по признаку сложной формы предмета. Ср. в говорах Лискинского района существительное **сад**: *Сад был ис-сасны́ – сук*

срѣбут', панав'эшѣут' иур, канхф'эт (АНШ. Лиск.). «В ковригу хлеба втыкают веточку какого-нибудь дерева, если возможно, то и с листьями (по большей части боярышника), разукрашенную разноцветными бумажками, жамками (круглыми сахарными пряниками) и леденцами» [Цит. по: Христова 2006: 51];

- **репéй** – ‘украшенный лентами, бусами кустик колючки’: *Апосл'а вы'купъ р'ан'ја д'ави'чник разаш'олси* (У. МРВ. Реп.). Обычай выкупа репья описан также в селах Курской области [СКГ-1: 48];

- **сосна́:** *Сосна така: ее уряжаютъ кругом ленточками, цвитами и свэчки прикручуютъ* (УРЫВ Остр.) [Христова 2015а];

- **сто́рож** (в данном номинативе актуализируется обережная функция предмета): *Потом цю веточку ставятъ в буханку хлеба и обвишиваютъ там: если конхвэты есть..., цвитами, всякими нарядами. Це называеця – сторож у нэвесты стоить, он обэрегаетъ вроде нэвесту* (ПЕРВОМ. Россош.) [Христова 2015].

В мифологии дерево является своеобразным «мостом», соединяющим земной и загробный миры, поэтому «появление дерева на столе невесты указывает на ее временную ритуальную смерть и возрождение» [Христова 2006: 52]. А.К. Байбурин усматривает семантическое сходство между сооружением и последующим разрушением (раздачей) свадебного дерева и «изготовлением и уничтожением календарных символов вроде Купалы, Масленицы и др.» как прекращением одного этапа и началом другого [Байбурин 1993: 69]. Продолжая аналогию, можем привести в пример такой древний атрибут, как майское древо, ритуалы с которым знаменовали смену календарного года.

Оба предмета (лента и деревце) являлись объектами манипуляций, призванных подчеркнуть изменение социально-биологического статуса невесты: лента торжественно расплеталась после венчания, после чего молодая передавала её младшей родственнице или близкой подруге; деревце же ломалось или расщеплялось в знак окончания состояния девичества. Так,

в Ольховатском районе было принято верхнюю часть *рясне* ставить на свадебный стол, а нижнюю – забрасывать на чердак [Пухова и др. 2012: 159]. В.И. Даль отмечает в воронежских селах обычай **калі́нку ломáть** «*На столѣ у молодыхъ окорокъ и штофъ вина, заткнутый пучкомъ калины с алою лѣнтой; молодыхъ поднимають и идет потчивание, обходятъ по домамъ родителей невѣсты, родичей, поѣзжань, а воротясь, дружска рушитъ окорокъ и, расщипавъ калину, разноситъ вино*» [Даль 2: 78].

Со сменой социального статуса невесты связана в говорах смена ее символических атрибутов и соответствующей им терминологии. На первый план выходит уже не невинность, а доказательство ее утраты, а также способность молодой к рождению детей. В ритуальной проверке честности невесты в украинских воронежских селах используется красный **флаг** (в фонетике говоров – **хлаг**): *Як чесна нівеста, он, як ідуть, дак красни хлаги нисуть* [СУГВО-1: 30]. В с. Урыв Острогожского района красный флаг являлся символом свадьбы в целом и изготавливался в обеих семьях: «С одним флагом ехал свадебный поезд жениха, а вторым был отмечен дом невесты: *Ну прямо с полотна красного хлах – значило, шо свадьба, торжество, и едит жених. И на воротах вешали хлах, шоб примечалы двор, шоб мимо нэ проехали*» [Христова 2015]. Через цветовую символику флаг выполняет маркирующую функцию, демонстрируя окружающим благополучный исход ночи и соответствие невесты брачным требованиям.

Поскольку в дальнейшем от невесты ожидают прежде всего рождения детей, в свадебных обрядах активно используется **кúрица** как символ материнства, плодовитости, женского начала [СД III: 61] (подробнее об обрядах с курицей см. гл. 2, §4). Так, в с. Урыв при отъезде молодых к венцу «мать в дорогу давала невесте икону, завернутый в рушник хлеб, обязательно – живую курицу, наряженную лентами: *Невесту возыли, обязательно шоб и кúрыцю забрали. Пэрэвязваим ножки красной лэнтой, и тута образ – иконка, тут кúрыця у ие, и песню поют женихови: «Бог у нас, Бог у нас, и курка в нас*» (УРЫВ Остр.) [Христова 2015]. Сходной семантикой

обладают блюда из куриного мяса, в частности пироги **ку́рники**, которыми обменивались жених и невеста перед свадьбой (с. Московское Воронежского уезда, ныне – территория Каширского района) [Путинцев 1927: 35]. Обычай переноса живых кур и петухов или пирогов с курятиной на разных этапах свадьбы имеет долгую историю и характерен, помимо русской, для болгарской и украинской обрядности [СД III: 62]. В с. Панино существовал обычай *кормления жениха*, когда мать невесты в сопровождении других свадебных чинов подносила жениху «куренка, блинцы», и жених «вначале оторвал у куренка крылья, как бы показывая этим, что жена не должна лететь из дома, а потом стал есть все остальное» [Пухова 2015: 283].

Таким образом, символические атрибуты отвечают идее свадьбы как переходного обряда, в ходе которого меняется не только социальное, но и биологическое начало невесты. Соответствующие термины являются результатами метафоризации и демонстрируют образность мышления диалектоносителей, а также единство культурных кодов на всей славянской территории.

§2. Наименования приданого невесты

Приданое невесты занимает важное место среди ритуальных предметов, активно используемых в свадебном обряде. В говорах, как и в ЛЯ, **прида́ное** – ‘имущество, деньги, даваемые невесте родителями или родственниками при вступлении ее в брак’ [МАС-3: 404]. Вещи, входившие в состав приданого, служили впоследствии основой имущества молодой семьи. Приданое обычно включало в себя как можно больше предметов одежды [Зорин 2004: 65], а также в зависимости от имущественного положения семьи невесты постельное бельё, деньги, шубу, домашнюю утварь и другие элементы обихода (полотенца, занавески, покрывала и т. п.): *Невѣста приносит съ собою въ **приданое**, кромѣ своего платья, и сундука съ бѣльемъ, еще постель, состоящую изъ войлока, двухъ подушекъ и одѣяла*

(Верхотишанка) [А. фон Кремер 1871: 276]. *Ту́та и прида́нју сабира́ли ад'о́жу, кофты, ју́пки ды памо́уу в-до́ми пр'а́лки куд'э́л'ники, адија́лы, паст'э́лу* (ГРМ. Хохол.). *Ра́н'шъ ја выхадíль у мин'а́ дара́н'их н'э-быль руба́х, а таки́йъ вот сати́нъвьѣъ, таки́х вот штук ли́бъ дэ́с'ьт' ли́бъ бо́льшъ* (БРД. Аннин.). *Сундук'и. За́муш с н'им выхад'и́ла. Пас'т'э́ли, чо́ там ф сундуку́ бы́лѣто, хо́спад'и... П'инджа́к палóжыш'и, замкн'э́ш', по́сл'э ва́жны н'ачо́ н'э-была, жы́л'и јэшо́ ху́жэ А сунду́к был и в јо́м ко́хта* (ЛМВ. Рам.). *Пал'то́ бы́ль у мин'а́ кѣраку́львьѣъ вѣратни́к, ну вот ја с э́тим пал'то́м и выхадíль за́муш Зимо́ј выхадíль с сундуко́м а ф сундук'э́ чо, дв'э́ дир'у́шки и два адија́лѣ. Ја выхадíль читы́р'ь пѣлат'э́нцъ бы́ль нимно́шкѣ атишы́тъ кружа́фчикъми* (ХЛБР. Аннин.). Все это было изготовлено преимущественно руками невесты при помощи подруг: *Ра́н'шъ за́муш аддава́ли шју́т' руба́шки, рушники́. Ра́н'шъ то́л'ки рукод'э́л'ѣъ. М'эн'а́ за́муш аддава́ли м'нухвакту́ры нь бу́ло* (Р. ЖРВ. Верхнемамон.). *Дифчата събиралис', готовили вот, вечерами сидили. Нивис'ти готовили, вышовали* (ХЛБР. Аннин.). *Ути́рки вышива́ли за́муш выхадíли ути́рки уато́вли. Быва́ль сабир'э́мси в'асно́ју, с'а́дим на наво́с с'а́дим и сиди́м вышива́им да па ско́л'ку ути́рак та нам па шэ́ст, па с'э́м. Патóм как'ју накр'у́чники вы́шѣым, а ту́т абахрамíм Ути́рки страчо́ныи на ико́ны а эт прóста на уво́зди. Пав'э́сим бахмара́ висíт – то́жи выбража́ли* (ЛМВ. Рам.). Для помощи невесте в подготовке приданого и свадебных даров вводились специальные свадебные чины – *швейки, обшивалки* (см. гл. 3, §5). Попадая в контекст обряда, предметы материальной культуры становились центральным объектом частных ритуалов свадебного обрядового комплекса – подготовки, выкупа, перевозки, демонстрации. ЛСГ «Наименования приданого невесты» в воронежских говорах включает в себя следующие лексемы: *добро, кладка, придане, приданое, сундук, узел, уклад, укладка, худоба*. В зависимости от мотивирующего признака, лежащего в основе номинации, данные термины можно разделить на несколько подгрупп:

1. Названия, указывающие на приданое как пожитки, имущество невесты в широком смысле:

1) **добро́** – ‘имущество и деньги, даваемые невесте родителями и родственниками при вступлении в брак’: *Какую́ нив’э́сту б’ыз дабра́ ваз’му́т* (ПСК. Повор). *За́муш пайд’о́т’ са вс’эм дабро́м, што уа́то’в’ут’* (ЯРКИ Новохоп.). В этом же значении лексема *добро* встречается и в других южнорусских говорах, в частности курских, орловских: *У сас’эдъ д’эфку уш скоръ аддават’, а так простъ ни аддат’, дабро́ надъ* (Орл.) [Костромичева 1999]. В ЛЯ добро – ‘имущество, вещи, пожитки’ [МАС-1: 409]; в СРНГ зафиксировано употребление номинатива в воронежских говорах в значении ‘женская одежда’ (Нижнедев., Бобр.) [СРНГ-8: 76]. Таким образом, в обрядовом контексте лексическое значение существительного *добро* расширяется (одежда > имущество в целом) по сравнению с конкретно-бытовой семантикой, однако остается более узким и функционально обусловленным, нежели значение соответствующей лексемы ЛЯ;

2) **худоба́** – ‘приданое, имущество’: *И пр’а́мь худобу́ ат нив’э́сты в’азу́т’: сунду́ қ наст’э́л’у* (Р. ЖРВ. Верхнемамон.). *Яка худоба́ багата* (ПТР. Павл.). Данный номинатив в украинских воронежских говорах также функционирует в значениях ‘имущество’: *Тепер у всіх багато худоби́* (КРП. Подгор.) и ‘домашний скот’: *І скотина, і худоба́ говорять* (ЕНД. Семил.). [СУГВО-2: 263]. Лексема имеет праславянское происхождение и обозначает ‘имущество, пожитки’ в словенском, белорусском и некоторых диалектах польского языка [ЭССЯ-8: 110-111]. В словаре «Славянские древности» обрядовое значение номинатива конкретизировано – ‘приданое из одежды и белья’ [СД III: 277].

2. Наименования, основанные на факте передачи имущества в собственность невесты и его перевозки вместе с ней в дом жениха. К этой группе относится общерусская лексема **прида́ное**, широко употребляющаяся во всех воронежских говорах, а также ее акцентологический вариант **при́даное**: *Пр’и́даныйь мн’е ма́ма уа́то’в’ила* (МДВЖ. Семил.). *А при́дны́э да́, снача́ль при́дны́э пр’ам пот сва́д’бу приви́злі с’уда́, што у ми́н’а бы́ль то и приви́злі. Э́тъ об’аза́т’ьл’нъ, убо́р так’э* (ХЛБР. Аннин.). *Жьниху́*

*пр'ам кал'со ны, рубáху, ма́рку там и бр'у́кц каст'у́м нъ пакупáли, а што вот э́тъ вот там, мýль, платóчкь, шио́тку зубну́ю, па́сту – фс'о э́тъ жаму́ **при́днѣь** (ХЛБР. Аннин.). Дъ ва́жны кан'э́шнъ и **при́данѣь** бýль. Да́жъ вот ухóдит анá от аццáмáт'ри, штоп св'окр вы́говáриват, штоп хл'э́ба вáлинки штоп бýль с собѣ́. От'э́ц провожáют сво́ю до́лу туды́ лúтшу (ХЛБР. Аннин.). Ну́ ја, напри́м'э́р, ну чо ф **прида́нѣь**, ничово́. По́жжы ста́ли шыфон'э́ры фс'áкѣя пакупáт'. А ја вот выхадíль, сунду́к там д'в'э́ оди́ялы, бал'шóј аурóмнѣь сундучáуа (ИСТ. Реп.). Номинатив образован от глагола *придава́ть* – ‘давать, отдавать, прибавлять’ [СРНГ-31: 183-184]. В русских и инославянских диалектах зафиксированы многочисленные словообразовательные синонимы: архангел., перм., новосибир. *приданы*, вологод., олонец., вят., том. *приданье*, архангел. *приданница*, москов. *придановое*, урал. *придан*, смолен. *приданство*, бел. гомел. *прыданае*, *прыданна*, *прыданая*, брест. *прыдано*, *прыданое*, *прыданэ*, пол. *prydane*, болг. *придан*, *придав* [Гура 2011: 321]. В украинских воронежских говорах зафиксирована сходная лексема **прида́не**: *Придане* привозили іс свайбою (ЛКВ. Подгор.) [СУГВО-2: 144].*

3. Наименования приданого поместилищу для его переноски и хранения. Эта подгруппа представлена наибольшим числом лексем, преимущественно общерусских, но приобретающих в говорах особое обрядовое значение:

1) *у́зел* – ‘свадебное приданое, которое шила невеста; туда входила одежда для будущего мужа и предметы обихода’: *Шы́ли у́зъл итаны́, патштáнники, кушакі́* (АРТ. Аннин.). *Иму́ вот какја нив'э́стъ шэс'т' рубáх шы́ль. Д'áт'к'ь приво́з'ят' у́зъл и прада́ју т' јэуо* (ФДР. Семил.). *Пóльнѣь у́зъл сабира́ли* (БРД. Аннин.). *Туды́ палат'э́нца в-у́зил* (Н. Мосальское Усманский р-н Лип. обл.). Кроме того, в значении ‘приданое’ лексема употребляется в вологодских говорах, а в алтайских она известна с семантикой ‘выкуп за невесту’, где входит в состав наименования ритуала *выкупать узел* [СРНГ-47: 20]. В тюменских говорах функционирует суффиксальный дериват в составе аналитического наименования *девичий узелок* – ‘приданое’ [СРНГ-47:

21]. В воронежских говорах лексема **у́зел** имеет и конкретно-бытовые значения: ‘мешок’: *Уз’ъл набіт тр’áпкъми* (Н. СЛД. Реп.); **узела́** – ‘ткани’: *Ја т’э уз’ала́ и н’ь вида́ль, н’а шы́ль из них, э́т бау́атьѣ ис краси́вых уз’ало́w шы́ли* (БУТ. Реп.). В ЛЯ **узел** – ‘связанный концами платок, кусок ткани и т. п., в который уложены вещи, пожитки’ [МАС-4: 474]. Ср. в украинских воронежских говорах **ву́зол** – ‘узел’: *Шось она там багато барахла набрала – перла цілий ву́зол* (СТТЛ. Бог.) [СУГВО-1: 81];

2) **укла́д, укла́дка** – ‘ящик для вещей, сундук’: *Свикру́хь мнэ укла́т дала́* (ХРН. Бобр.). *Сунду́ кукла́ткъ ра́н’шь нъзывалс’ь* (РСТ. Эрт.). *Укла́тку ф прида́ньѣ дава́ли* (В. КРЧ. Гриб). *За́муш ја выхаді́ль с укла́ткъј* (ЛПГ. Терн.) *Н’ав’э́ст’ь укла́тку уа́то’в’ут’* (ХРН. Бобр.). Номинатив обладает прозрачной внутренней формой и мотивирован общерусским глаголом *укладывать*. В значении ‘сундук’ лексема известна в курских, орловских, липецких, тамбовских говорах: *Ид’э сундуко́м зову́т’, а у-на́ с укла́ткъј зва́ли* (Верхотопье Касторненск. р-на Кур. обл.) *Укла́ткъ зьпирта́* (г. Ливны Орл. обл.). *За́ зиму халсту́ натко́м цэ́луу укла́тку* (ВШЛ. Лип. обл., КМГ. Нижнедев.). *Та́мъ у ни́х дабра́ пална́укла́ткъ* (д. Никольское Добровск. р-на Лип. обл.). *Укла́ткъ пална́ б’рахла́* (Покровское Тербуновск. р-на Лип. обл.). *В укла́тку фс’о пакла́ль* (с. Понзари Сампурск. р-на Тамбов. обл.), а также в ярославских и вологодских диалектах; в орловских говорах лексема также обозначает средство перемещения – ‘телега или сани с приданным невесты’ [СРНГ-47: 63]. Во внеобрядовом контексте *укладка* – ‘всякое подручное, переносное помещенье для одежды и других вещей’ [Даль 4: 494]; лексема, по-видимому, может рассматриваться как синоним существительного *сундук*: *У кау́о сундуки́, у кауо укла́тки* (КЧГ. Нижнедев.). *Укла́тку д’эт зд’э́льл* (ЧГР. Борисогл.). *Фс’о кла́ли в укла́тку. Укла́ткъ ста́ја́ль ф кли́ти* (ФДР. Семил.). *Укла́тку на́дъ вы́н’ьсти у чула́н* (МЧТ. Бобр.). *Фс’э убо́ры в укла́тку скла́дывѣли* (МДВЖ. Семил.);

4) **сунду́к** – ‘сундук с приданным невесты, а также само это приданое’: *Ф сундук’э́ у н’ав’э́сты халсты́, пас’т’э́л’, тр’áпки, б’ал’жо́, кавры́, јэсли бау́атьѣ* (Б. СМВ. Эрт.). *Сунду́к за́муш с ним выхаді́ла Пас’т’э́ли, чо там*

ф сундуку́ было-то, Го́споди. Пинджáк палóжыш замкн'эш. Пóсл'э вájnы н'ачó н'э-быль (ЛМВ. Рам.). *А этъ сунду́к ја с ним зáмуш выхадíль Вот сунду́к у ми'н'á, он д'ьри'в'áннѣ и рúчки жыл'эзнѣ, ну вот фс'о мојó боуáцтвь* (БРД. Аннин.). *Сунду́к бауáтый бувáль давіли, вит' аднаму́ жъниху́ скóлк'а рубáх* (ЗЛЖ. Лиск.). *Ад'óжу збирáли ф сунду́к и валакли́ ф хáту жониха* (ГРМ. Хохол.). В микросистемах говорів українських воронежських сел використовується лексема **скрýня**: *В скрýни, там багато бабського хламу* (ЛСВ. Павл.). *Їдуть пидвод штук скíлько, кладуть скрýню, кладуть подушки, кровать, í приданка с курицею на пидводі* (ЛКВ. Подгор.). *Раньши с скрýнями йшли замíж* (ДРЗ. Ольх. Повсеместно) [СУГВО-2: 204]. В значенні 'приданое невесты' лексема *сунду́к* отмечена в донських, орловських, новосибирських говорах [СРНГ-42: 244]; обрядове використання *скрýня* словарями не отмечено, в конкретно-бытовом значенні *скрýня* – 'сундук, ящик' (воронежские, орловские, курские, рязанские, брянские, московские, брестские, литовские, латышские, дагестанские и др. говоры) [СРНГ-38: 163-164]. Оба номинатива имеют обширные формальные и семантические параллели в других славянских языках: укр. *сундук, сундуки, скрýня*, пол. *skrzynia*, малопол. *skrzinka*, з.-словац. верхненитран. *škriňa*, словен. *škrinja*, серб. *сандук*, босн. *ковчег, ковчези*, ю.-серб. *ковчег* 'приданое', 'сундук с приданым' [Гура 2011: 322].

4. Наименования по какой-либо одной составной части приданого. В воронежских говорах в значении 'приданое' употребляются следующие лексемы:

1) **постéль** – 'ложе и постельные принадлежности (подушка, перина, одеяло, постельное белье), имеющие ритуальное и магическое применение в семейной обрядности' [СД III: 206]: *Сначáль нас'т'эл' визу́т фп'áтншю. Нив'э'с'тинъ радн'á при́ижжэáит к жыниху́, абмир'áют, патóм нас'т'эл' привóз'ят, нас'т'эл'нѣжь прина́дл'эжнѣс'ти, на óкнѣ на дв'эри́ шторы, ну там занав'эски́ и дл'а жынихá брúки́ рубáшки нив'э'сть, так палóжынѣ бы́ль* (ХЛБР. Аннин.). В СРНГ лексема приведена с семантикой 'приданое'

для ульяновских, донских говорах, а также в диалектах Грузин. ССР; там же *везти постель* – ‘переезжать с приданым в дом жениха’ с пометой «Ворон.» [СРНГ-30: 221];

2) **кля́дка** – ‘денежное приданое’: *Н’ав’эста пришат’овит фс’о, кля́тку фс’у* (ШШВ. Бобр.). Ср. в русских говорах *кладка* – ‘определенная сумма денег, которую жених выплачивает родителям невесты перед свадьбой, деньги на приданое и свадебные расходы; вещи, подарки жениха невесте перед свадьбой’ [СРНГ 13: 258]: *Ра́н’шь нив’эсты вывава́ривъли у жыних’о ф кля́тку* (ДРК. Лиск.). *Я замуш выхадилъ жаніх д’јот мн’э кля́тку, сапо́шки, шу́бу д’э’с’ят’ рубл’эј* (ШШВ. Бобр.). *Жаніх фс’уда́ с кля́ткуј пријэжжа́л* (Р. ГВЗ. Рам.). От той же основы, но с использованием других формантов, образована лексема **по́клажа** – ‘приданое’: *По́клажу вывава́ривъјуть* (ДНС. Верхнемамон.);

3) **поса́д** – ‘определенная часть приданого невесты’: *А я говорю посмотрю дерюжки – А что их глядеть-то? Ай на поса́д их делают? Настюхе дерюжки на поса́д* (Аннин. Ворон.) [СРНГ-30: 133]. Наименование, по всей видимости, связано с тем, что ритуальные **поса́дные** предметы (полотенце, скатерть, чашка и т. п.), используемые в заключительных предсвадебных ритуалах, невеста после венчания забирала с собой в дом жениха, включая их таким образом в состав приданого: *Н’ав’эста пат’ом забир’от’ к жаниху’ удо́м [паса́ днују] ча́шку, д’в’э ло́шки и ико́ну* (МСТ. Остр.). В СРНГ *посадное полотенце, посадная утирка* – ‘полотенце, которое готовят к свадьбе (в приданое невесте)’ (Ворон. 1851); *посадная скатерть* – ‘скатерть, которой накрывают стол во время свадебного пиршества’ (Аннин. Ворон.) [СРНГ-30: 136]. Посадная скатерть воспринималась как магический предмет и, по поверьям, обладала целительной силой: «Заболевал ли кто в семье, то стоило прикрыть заболевшего этой скатертью, как он выздоравливал» (Н. КУРЛАК Аннин.) [Христова 2012: 126-127];

4) **гусь** – ‘предметы одежды и обихода для жениха, входившие в состав приданого’: *А тут маја́ Нинк’ь замуш събрала́сь. Ну чо́, ја фс’о-фс’о купилъ фс’о снабилъ жыниху́. Но кас’т’у́м тада́ ни п’купали тада́ были*

рубáшки, кас'т'у'мъф ни былá платóчки, наскí. Вот жéть вот фс'о, жэть гус' нъзывáлси. Гус' прьдава́ли – сунду́к в'азу́т' и жéтьвагу́ с'а прьдава́ли жыниху́ (ХЛБР. Аннин.). Лексема отличается метафорическим характером и, возможно, связана с символикой домашней птицы как брачного атрибута, а также ассоциируется с хозяйством, ведением быта. В тамбовских говорах зафиксирована лексема *гусёк* – ‘узел со свадебной одеждой, которую невеста готовила для жениха’ (Вирятино, Сосновский р-н Тамбов. обл.) [Пискунова 2002: 59].

Хорошее приданое было символом благосостояния семьи, поэтому в ряде воронежских сел существовал обычай выставлять имущество молодой жены на всеобщее обозрение. Помимо этого, демонстрация приданого должна была засвидетельствовать способности невесты как хорошей рукодельницы [СД III: 279]. Для этого использовался специальный ритуальный предмет – **ты́чка, тю́чка**: ‘шест или веточка на сундуке с приданым, к которому прикрепляются невестины платки, ленты, чулки, сапоги и т. д. для того, чтобы показать ее богатство’. *А на ты́чк'ь-ть л'э́нты, палаткí. Бывáла как ты́чку в'азу́т', так увс'э́ ул'ад'áт', што на-н'э́ж нав'э́ сили, жéта прида́н'ь н'ав'э́сты. Каудá в'азу́т' прида́н'ь ф сундук'э́ – на ты́чку нав'э́ шэ́ют' чулкí, наскí, сапау́и, каты́* (Р. БЛВ. Павл.). *На двар'э́ вбивáют' т'у́чку а с жэ́ тада́ пада́рки даст'у́т'* (Р. БЛВ. Павл.). Существительное *тычка* в значении ‘жердь, шест, кол’ (различного назначения) повсеместно распространено в русских говорах [СРНГ-46: 6-7]; в вологодских говорах *тючо́к* – ‘заостренный колышек’ [СРНГ-46: 50].

Представленный лексемный ряд наименований приданого отличается разнообразием принципов номинации и производящих основ, что демонстрирует значимость приданого и ритуалов с ним в контексте воронежской свадьбы. Большинство лексем, входящих в данную ЛСГ, широко употребляются в говорах, обладают конкретно-бытовой семантикой и развивают дополнительные компоненты значения в обрядовой ситуации за счет семантической деривации.

§3. Наименования свадебных даров

Важное место в пространстве ритуала (как в предсвадебный период, так и непосредственно в день свадьбы и после нее) занимают свадебные дары – предметы материальной культуры, преподносимые одними участниками обряда в дар другим. Обрядовые действия с приданым и дарами реализуют один и тот же мотив (передача имущества от одной стороны к другой), демонстрируют общность в составе действующих лиц и векторе направленности действия (так, подготовкой приданого и даров занимается невеста при участии подруг; адресатом передачи приданого и дарения на пиру выступает семья жениха). Кроме того, состав предметов, входивших в приданое и предназначавшихся для дарения, часто совпадает (предметы одежды, домашняя утварь). Однако следует отметить, что в основе номинации единиц рассматриваемых ЛСГ лежат разные мотивировочные признаки, поэтому нам представляется целесообразным выделение наименований свадебных даров в отдельную ЛСГ.

Свадебный обряд предполагал несколько ритуальных обменов подарками между представителями двух соединяющихся родов. В связи с этим в составе ЛСГ «Наименования свадебных даров» можно выделить несколько подгрупп:

1. Предсвадебные подарки невесте от жениха и его семьи. Наиболее распространена в данном значении лексема **дары́** – ‘подарки от жениха невесте до свадьбы’: *Жанихи́ н’ав’э’стьм дары́ но’с’ут*’ (ТРМ. Рам.). Данный номинатив распространен в русских говорах повсеместно и употребляется для обозначения всех разновидностей свадебных подарков независимо от адресата и времени вручения [СРНГ-7: 271-272]. Ритуал предсвадебного одаривания генетически восходит к древнему обычаю «купли» невесты, поэтому дары часто вручались на сватовстве в качестве символической платы за согласие родителей: **вы́говор** – ‘свадебный подарок невесте после завершения сватовства’: *Как прасва́тѣют’, так и вы́губьр н’ав’э’сти*

прин'асу'т' (РГЧ. Н-Усм.). В южнорусских регионах принято было в качестве предсвадебных даров преподносить предметы одежды и домашнего обихода: *Пришли́, засва́тъли, на́дъ радíтъльм јіјо́ ньдарíт' рубáху, ико́ны јэс'т' у-ха́т'ь, на-ка́жнују рушнік на́дъ дарíт'* (Богословка Краснинск. р-на Белгород. обл.).

2. Подарки жениху и его родственникам от невесты, которые нередко являлись частью приданого и готовились параллельно с ним: *Нив'э́сть палóжь* [в сундук] *рубáху, пла́т'ь, дары́* (ДНС. Верхнемамон.). Отличие от собственно приданого состоит в том, что эти подарки не перевозились невестой в дом жениха вместе с сундуком, а вручались непосредственно на свадебном пиру во время соответствующего ритуала: *Н'ав'э́ста да́рит' і́ми св'акро́ф' и св'о́кръ, а патóм ані́јајо́* (г. Усмань Лип. обл.). В воронежских говорах зафиксированы следующие дериваты от глагола *дарить*: **даро́к** – ‘подарок невесты родственникам жениха’: *Даро́к у т'аб'э́ како́ харо́шъј зуато́вл'ьн* (ДВД. Лиск.); **дары́** – ‘подарки невесты родителям и прочей родне жениха’: *Ја ньуато́вила адні́хдаро́ф дв'ана́цц'ьт' рубáх* (Б. ВРК. Рам.). *Када́ в н'ад'э́лу, када́ бо́лшь на́дъ ньуато́вит' дары́ жаниху́, што́бъ был убрáным* (Б. ВРК. Рам.). *Тада́ и ты уато́ф' дары́* (ПРЛ. Семил.). *А дары́-ть ско́л'къ залóвъкъ, ско́л'къ бра́т'ьф, ана́ фс'эх бу́д'ьт дарíт'* (БРД. Аннин.). В состав даров невесты входили предметы одежды для жениха и его родителей (чаще всего рубахи), вышитые полотенца для прочих родственников: *Дары́ шы́ли, рубáхи там св'о́кру, ју́нку св'акро́ви или плато́к харо́ш'ј* (ШШВ. Бобр.). *Тада́ нив'э́сть-та уато́в'а, дары́ шјот', вышивáјь рушнікі, јаму́ рубáхи* (ДНС. Верхнемамон.). Помимо общих наименований даров в некоторых говорах выделяются отдельные термины:

- **додóльная руба́ха** – ‘длинная рубаха, дар невесты’: *Дадóл'ньја руба́хъ, нь-дары́ шјут, длі́ннаи* (Б. ВРК. Рам.). Слово сочетание *додольная рубаха* обозначает рубаху, сшитую из цельного куска материи от ворота до подола. Такие рубахи «нередко использовали в качестве обрядовых – свадебных, «смертных», праздничных» [Чижикова 1988: 137];

- **рушні́к** – ‘вышитое полотенце, являвшееся частью даров, приданого’: *Нив’э ста с’эм’ рушніко́ в зуато́ виль нъ-ико́ ну* (ЩЧ. Эрт.);
- **тро́йка** – ‘сапоги, жилет и брюки, которые невеста готовила в дар жениху’: *Жъниху́ тро́йку справл’али* (ЧГР. Борисоглеб.).

В качестве собирательного наименования даров невесты в говорах употребляется лексема **у́зел** – ‘дары жениху от невесты’, имеющая семантические параллели в говорах соседних регионов: *Шы́ли у́зъл: штаньы́, патштáнники, кушакы́* (АРТ. Аннин., Н. Мосоловка Усманск. р-на Лип. обл.). Данная номинативная единица широко употребляется в воронежских говорах в значении ‘приданое’, что является следствием генетического родства двух ритуальных компонентов.

3. Подарки молодым от свадебных гостей. В данном значении в воронежских говорах функционирует универсальная лексема **дары́**, а также ее словообразовательный синоним **даре́нья** – ‘подарки молодым на свадьбе’: *Дар’э́н’я тады́ скро́мнѣѣ бы́ли* (АРТ. Аннин.). *А вот тада́ прихо́дут’ з-дарáми* (МСТ. Остр.). *Дары́ бауáтѣи бы́ли у них* (ЗАТОН Вороб.). *Даро́ф тады́ н’а-было́. Дары́ мно́уѣ мѣлады́м да́рут’* (ПСК. (ряз. сторона) Повор.). *У јих дары́ бауáтѣи. Дары́ мѣлады́м пѣднаси́ли ва-вр’эм’а аб’э́дѣ* (ДВЦ. Семил.). *Дл’а н’ав’э́стѣ бо́лѣ даро́ф нѣбрасáли, чэм дл’а жанихá* (У. МРВ. Реп., КРЧ. Рам.). *Даро́ф сто́л’к’а палóжут’* (БРТ. Терн.). *Мы пайд’о́м к дарáм* (КЗЛ. Бутур.). Помимо этого, в воронежских говорах зафиксирована лексема **карава́й** в значении ‘подарки молодым’: *Прихо́дут’ на сва́д’бу-тѣ и ка́ждај н’ас’о́т’ кѣравáј, хто читó, и пасу́ду каку́а, и рубахи́* (Р. ГВЗ. Рам.). *Мѣлады́х бу́дут дарит’, кѣравáј назывáицѣ. Нѣ кѣравáј нам наклáл’и хто кусóк мѣла, хто чулк’и прастѣја, хто платóк нѣсаво́ј, хто платóк уѣлавно́ј. Вот с’э́тава у нас нѣч’алáс жы́зн’а* (МДВЖ. Семил.). Как видно из приведенных примеров, размер и количество даров зависели от благосостояния семей жениха и невесты, однако наиболее крупные подарки (деньги, домашний скот и т.п.) преподносили молодым родители невесты. Так, в Подгоренском районе по традиции родители невесты дарили молодым

телу́ шку(телку) как основу будущего хозяйства: *Обізатільно рдітілі нівести дарять тилу́ шку*(ЛКВ. Подгор.) [СУГВО-2: 226].

Особняком в данном ряду стоит аналитическое наименование **ко́робы на ста́рые руба́шки**– ‘небольшие сундучки, которые дарили невесте в день свадьбы для ее старой одежды’ (БРД. Аннин.). Эти предметы, как и обычай их преподнесения, символизируют полный отказ молодой от прежней жизни и «перерождение» в новом родовом коллективе, что выражается в ношении новых рубашек (и другой одежды, составляющей приданое). Лексемы *ко́роб*(м. р.), *коробья́* (ж. р.) функционируют в говорах в значении ‘сундук для одежды’: *Бърахло́ быль усó халсті́ннѣ и храни́льс’ у кѣраб’ја́х* (У. МРВ. Реп.). *Пријажжа́ја жани́х с кѣраб’жо́ј* (Никольское Усм. р-н Лип. обл.). *Пална́ кѣраб’ја́ нар’а́ дѣф* (ПРЛ. Семил.).

4. Подарки, которыми обмениваются отдельные свадебные чины. Данная разновидность свадебных подарков обозначена в говорах единичной лексемой **гості́нец**– ‘подарок’: *Кр’о́сна жынихо́ва дѣо́т уас’ті́ниці кр’о́сни нив’э́стинаџ* (БРД. Аннин.). В ЛЯ лексема тождественна рассматриваемой в плане выражения, однако ее план содержания отличается от диалектного: *гостинец* – ‘вещь, предмет, сладости и т. п., обычно приносимые, привозимые или присылаемые откуда-л. в знак внимания, в качестве подарка’ [МАС-1: 339]. В уральских говорах *гостинец* – ‘подарки невесте’, в ярославских и ростовских говорах лексема входит в аналитическое наименование *кручинные гостинцы* – ‘подарки жениха невесте, которые вручаются после пропоя’ [СРНГ-7: 93].

5. Для воронежской свадьбы характерно то обстоятельство, что молодые не только получают подарки от свадебных гостей, но и сами одаривают их. Поскольку самыми распространенными ритуальными наименованиями молодых являются *князь* и *княгиня*, именно они являются мотивирующими для лексемы **кня́жное (княжнóе)** – ‘подарки, которыми молодые одаривают родных’: *Кѣн’а́ жно́ѣ – да́р’ят аццá, мат’* (ПЧЛ. Бобр.). Очевидно, что в качестве производящей основы для данной лексемы

выступает наименование свадебного чина *князь*: княжной – ‘княжеский’. Ср. в русских говорах словосочетания *княжняя сваха, княжной стол, княжний вечер* [СРНГ-13: 350].

Таким образом, ядро ЛСГ «Наименования свадебных подарков» составляют номинативы-производные от глагола **дарить** (*дары, дарок, даренья*). При этом, если рассматривать лексику воронежских говоров как системное образование, элементами которого являются говоры отдельных районов и населенных пунктов, выясняется, что наиболее распространенная лексема **дары** может рассматриваться как полисемантическая и употребляется для обозначения всех разновидностей свадебных подарков.

§4. Наименования свадебной одежды и украшений

В традиционной народной культуре костюм, помимо утилитарной функции защиты тела от внешних воздействий, обладает и «знаковой (символической) прагматикой, выполняя социальные функции» [Панова 2002: 3]. Особенно ярко это проявляется в обрядовых ситуациях, где тот или иной предмет одежды может быть «и вещью, и знаком, и чистым знаком» [Никифорова 2013: 52]. В свадебном обряде «достигало кульминации формирование комплекса одежды как на уровне структуры (количественный состав костюма), так и на уровне маркировки его элементов (разработка орнамента, цветовая семантика), а также введения дополнительных элементов в структуру (например, украшений)» [Боева 2011: 53]. Материалы исследований позволяют заключить, что в большей степени это касается женской одежды, поскольку именно женщина была основным объектом изменений, происходящих в переходных обрядах семейного цикла. Как отмечает К.В. Чистов, к XIII-XV вв. сформировались два основных комплекса женской одежды, «соответствующие двум крупным этнографическим подразделениям русского народа» [Чистов 1987]. Севернорусский комплекс, основой которого был сарафан, утвердился в

северных и части центральных губерний (Архангельской, Вологодской, Рязанской, Тверской, Ярославской) [Ненасева 2017: 117], а южнорусский, включавший в себя поневу и кичкообразный головной убор, распространен в том числе в Воронежской области. Этнографические особенности нашли отражение в лексике говоров, относящейся к наименованию предметов одежды и украшений, в частности свадебных.

В качестве гиперонимов для обозначения праздничных женских нарядов (в том числе свадебных), куда помимо собственно одежды и головных уборов входили украшения, в воронежских говорах употребляются лексема **убо́р**, а также группа номинативов с корнем *-ряд-*: **обря́д**, **обря́да**, **обнаря́д**, **обнаря́да**, **обнаря́дка**, **обнаря́док**, **обнаря́дые**. Существительное **убо́р** образовано от глагола *убира́ть* – ‘наряжать’ (см. гл. 2, §3) и в значении ‘свадебная одежда невесты’ функционирует в [СРНГ-46: 136]. В вологодских говорах *убор* – ‘женские украшения’, в Приангарье – ‘повойник’, в томских, архангельских и карельских говорах – ‘украшающие одежду складки, оборки’, в томских – ‘повседневная одежда’ [Там же: 136]. В воронежских говорах зафиксированы контексты, где под убором понимается одежда невесты: *На-н’ав’э́сти убо́р харо́ш* (МХВ. Рам.), *В’эс’ н’ав’э́стин убо́р* (БОРОВОЕ Врн.). *Ра́н’шь у н’ав’э́сты сва́дьбы́й убо́р был не-то́ што тип’эр’* (ПЛТ. Реп.), а также комплекс одежды замужней женщины: *Жэ́ть убо́р у-мин’э́ ат-ма́т’ри* (I НКЛС. Вороб.). *А въ-втаро́ј д’эн’ ва в’эс’ убо́р убира́јыць* (КЧТ. Хохол.). От той же основы образованы прилагательные **убра́ный** и **убра́тый** – ‘нарядно одетый, облаченный в убор’: *М’лады́ја ба́бы, за́муш каки́ја выхо́д’ят, быва́ль убра́ны́а хо́д’ят* (ШКВ. Верхнехав.). *Н’ав’э́сть фс’а убра́тајь* (БРТ. Терн.). *Маладу́ха ус’а убра́таја, нар’а́ днаја сиди́т* (ШСТ. Бобр.). Последнее прилагательное также используется в значении ‘украшенный’, если речь идет о неодушевленных предметах, используемых в обряде: *За д’э́н’ да сва́д’бы в’азу́т’ наст’э́л’ фс’у убра́ту́у* (БРТ. Терн.).

Лексемы, мотивированные основой *-ряд-* (см. гл. 2, §3), образованы с помощью разнообразных аффиксов с семантикой результата процесса и обозначают женскую одежду и украшения, в том числе повседневный вариант: *Како́й у-н'ајэ абр'а́да была́? Абр'а́т н'ь-аста́лси ли* (МДВЖ. Семил.). *Нив'э́сть набира́йт на м'э́с'ьц д'э́вк штук с'эм' шьт' абр'а́ды* (БРД. Аннин.). *Н'ав'э́сть у прасто́мабнар'а́дк'ь* (КЧГ. Нижнедев.). *Абр'а́т фс'а́кий бьвајэ* (Н.СЛС. Семил.). *Давај абр'а́ду. Ана́ сиб'э́ абр'а́т с-Примо́р'ь прив'азла́* (КРШ. Бобр.). *Ра́н'шь абр'а́т краси́вый был* (ТРС. Лиск.). *Абр'а́т свој ја хран'у́* (I НКЛС. Вороб.). *Тип'э́р' н'апо́лный абр'а́т* (НКЛС. Н.-Усм.). *Л'у́ бачка вэ́т'ьм абр'а́д'э лу́тиа вьјд'а* (ПСК. Повор., ПЧЛ. Бобр., ЧРТ. Рам., ОРЛ. Н.-Усм.). *Тако́ј вот был у нас абнар'а́т* (СТ. НКЛС. Хохол.). *В'эс' мой абнар'а́т* (Ст. ХВРС. Лиск.). *Фс'а́кий абнар'а́т насі́ли* (КРЧ. Рам., ОРЛ. Н.-Усм.). *Маја́ абнар'а́д'ь харо́ш'ь. Са́м'ь абнар'а́д'ь была́ краси́в'ь* (МДВЖ. Семил.). *Стари́нн'ь абнар'а́тк'ь антир'э́сн'ьй* (В. МАМОН Верхнемамон.). *Умир'э́т' мо́жн'ь абнар'а́тк'ь кака́јь* (ПРЧ. Верхнемамон.). *Но́ваја абнар'а́тка у-мин'э́* (ДВЦ. Семил.). *Фс'а́к'ь абнар'а́тк'ь на-ни́х* (КРЧ. Рам.). *Ну каст'о́н'ьфск'ь абнар'а́ди́ь, вот расти́шут'* (БРЩ. Хохол.). Лексемы в некоторых говорах используются в значении 'отделка одежды': *Руба́хи пр'ам'ьја насі́ли, б'ьз абр'а́д'ьф фс'а́ких* (ШКВ. Верхнехав.). *Пан'о́ву насі́ли с абр'а́д'ьу, л'э́нки три́ нал'э́п'ут' на-нијо́* (Б. ВРК. Рам.). *Ис-шэ́рсти называ́лис' пан'о́вы, абнар'а́тк'ь была́, л'э́нты кла́ли* (УСТЬЕ Хохол.). *На-пла́т'ји абнар'а́д'ьчк'ь д'э́л'ьц'ь* (НЖ. ВДГ. Семил.). В русских говорах *обря́да* – 'праздничная (чаще женская) одежда, платье', лексема распространена повсеместно (Пск., Прионеж. КАССР, Север., Нижегород. Новосиб. Иркут., Алт. Моск. Ряз. Тул. Орл. Курск. Пенз. Саратов. Астрах. Прииссыккул. Киргиз. ССР): *Раньше всю абря́ду сами делали. С волны да с пеньки* (Ворон.). [СРНГ-22: 222]. Как отмечают исследователи, семантика существительных с данным корнем развивалась «как поэтапное сужение исходного значения: порядок,

устройство → одежда (видимо, обрядовая) → праздничная одежда → праздничная женская одежда» [Аркадьева и др. 2015: 16].

Кроме того, в качестве гиперонима для обозначения наряда, надеваемого непосредственно к венцу, использовалось субстантивированное прилагательное **венéчное**: *Жэть рóднѣ маја, анá пр'áль мн'э в'ан'э шнѣь* (СЛД. Остр.).

В рамках данной ЛСГ можно выделить несколько более мелких подгрупп: наименования женских головных уборов, наименования женской свадебной одежды, наименования мужской свадебной одежды, наименования обуви, наименования украшений. Рассмотрим каждую из этих подгрупп подробнее.

Как сообщает Н.П. Гринкова, «по бывшей Воронежской губернии зарегистрировано слово **збру́га** в значении всех принадлежностей женского праздничного головного убора (6 частей: кичка, сорока, позатыльник с пушками, подбородник, лента, дымка (покрывало из кисеи))» [Гринкова 1947: 175]. Л.Н. Чижикова определяет в качестве ареала распространения данной лексемы «бывшие цуканские села Почепское, Тресоруково Коротоякского уезда» [Чижикова 1988: 197] (ныне – Лискинский район), где она употребляется и сейчас: *У н'ав'эсты фатá цв'аты́. На у́лав'э збру́уь* (ТРС. Лиск.). *А н'ав'эсты ран'эй збру́уу над'авáли* (ТРС. Лиск.). По сведениям Ф.П. Поликарпова, данный термин в к. XIX – н. XX в. применялся и для обозначения женского наряда: «сбруга – бабій нарядъ: вмѣсто полосатой цвѣтной юбки надѣвають «панёву», вмѣсто простой бѣлой сорочки надѣвають шерстяную и т. д.» [Поликарпов 1908: 28], однако на современном этапе развития говоров нами зафиксировано бытование лексемы лишь относительно головных уборов невесты. В других русских говорах *сбру́га* [збру'га] – ‘конская упряжь’ [СРНГ-36: 188].

Прочие наименования в воронежских говорах распадаются на две подгруппы: наименования венчальных головных уборов и наименования головных уборов замужних женщин, в которые ритуально облачали невесту после венчания.

Венчальный головной убор невесты представлял собой сочетание венка из искусственных (восковых или бумажных) цветов и покрывала (фаты). М.В. Костромичева указывает на символические функции подобных головных уборов: венок является символом брака, как и другие круглые или кольцевидные предметы (кольцо, каравай), а фата выполняет обережную функцию, которая сохранялась за ней и в дальнейшей жизни женщины [Костромичева 2005: 21-22]. В воронежских говорах для обозначения венка невесты используются два производных от глагола *вить* – **венóк**: *А н'ав'эсти на уóльву в'анкí ад'авáлиц, д'э́лали из бумáуи, красíваи в'анóчки д'э́лали* (В. ИКР. Бобр.). *Был и платóк, в'анóк с л'энтами, фатá б'э́лжа* (ГРМ. Хохол.). **В'анóк** был. *Васкаво́ј э́тът в'анóк* (БРД. Аннин.) и **венéц**: *Зь вьскаво́ј вин'э́ц на́дъ плати́т два́цэт' рубл'э́ј* (ДНК. Кашир.). *Платóк снима́јут', в'аницы́ нъд'авáјут'* (БРД. Аннин., I НКЛС. Вороб., ПТН. Хохол.). *В'ан'ча́јуць с-в'аницáми, за-в'аницы́ рубл'.* *У-хвата́х в'ан'ча́јуць, си-равно́ в'аницы́ нъд'авáјут'* (БДВ. Лиск.). *Винча́лас' ја у винце́* (ШСТ. Бобр.). *На свáд'би н'ав'э́сть в винце́ сид'э́ль* (ПСКВ. Лиск., ШШВ. Бобр., ФДР. Семил., ДВД. Лиск.). *А мьлада́јь фс'á в в'аницáх* (В. МТР. Добрин. р-на Лип. обл., ШКВ. В.-Хав., Н. ОЛШ. Нж-Дев.). **В'аницы́** *таки́жь н'амó жнь́жь* (ББК Н.-Усм., Б.ВРК. Семил., ХРН. Н-Усм.). Лексема *венец* в значении 'головной убор девушки, невесты; венок' встречается в псковских, тверских, брянских, архангельских, вологодских, новгородских и уральских говорах [СРНГ-4: 112]. Существительное *венок* отмечено как характерное для «южных великорусов» со значением 'девичий головной убор' [Там же: 114]. В ЛЯ *венóк* – 'украшение из цветов или ветвей, сплетенных в виде круга' [МАС-1: 149]. Для лексем *венéц* в ЛЯ значение 'венок' отмечено как устаревшее; номинатив преимущественно обозначает предмет церковного обихода, используемый при венчании: '*церк. Корона, возлагаемая на вступающих в брак при церковном обряде венчания*' [МАС-1: 148]. Как и в ЛЯ, в говорах форма венца может служить мотивировочным признаком для номинации этого головного убора – **коро́на**: *Карóну над'э́нут' на-уóльву н'ав'э́сть*

(РГЧ. Н.-Усм.). Примечательно, что в воронежских говорах наблюдается контаминация однокоренных существительных: для обозначения церковного венца может употребляться как лексема **венец** (и ее фонетический вариант **венёс**), так и **венок**: *Прин'аслі нам винсы́, а падруу́ д'э́ржъ́жаво́ в ва́рушки, хо́льт был д'у́ жъ́ лу́ ть́* (ГРМ. Хохол.). *Винцы́ диржа́ли нъд у́лавóј* (ШШВ. Бобр.). *У цэ́ркви м'лады́м завса́уда́ уэ́ ти в'анкі́ нъд'ава́ли* (КРС. ЛП. Реп.). В некоторых говорах также функционирует словообразовательный синоним **вэ́нчик**, имеющий значение 'веночек для невесты' и 'веночек для покойника' (НЖ. БЫК Бутур.). В русских говорах *венчик* – 'маленький веночек (из цветов), веночек' (енис. урал. калуж. смол. твер. пск.) [СРНГ-4: 117]. В уральских говорах встречается дериват *венечик* – 'веночек для свадьбы и похорон' [СРНГ-4: 113]. Подобное словоупотребление свидетельствует о символической общности свадьбы и похорон как переходных обрядов.

Веночек невесты отделялся лентами и бумажными либо восковыми цветами и надевался поверх фаты: *А вино́к васкаво́ј был, из во́скъ цвѣты́ бы́ли* (ХЛБР. Аннин.). *Нъ нив'э́ сту в'ано́к с л'э́нкъми ад'ава́ли* (КРС. ПЛ. Вороб.). *Фата́, а тут т'ви́ты́ таки́ъ, зд'э́льньѣ́ из э́тих ну как э́ти, бумá жньѣ́, вот таки́ъ т'ви́ты́ бы́ли* (ХЛБР. Аннин.). Результатом метонимического переноса 'элемент отделки > головной убор' стало наименование **твѣто́к** – 'венчальный веночек из цветов': *Нъ н'ав'э́ сти был твѣто́к* (АЛСДР. Тал.). В результате метафоризации внешнего облика венчального убора появилось название **городо́к**: *Этъ в'эно́к у н'эв'э́ сти* (ЩЧ. Эрт.).

Для обозначения тонкого свадебного покрывала невесты в говорах, как и в ЛЯ, применяется лексема **фата́** – '1. Легкое женское покрывало на голову из кисеи, шелка, кружев и т. п. (устар.). 2. Легкое покрывало из тюля или кружева, служащее свадебным головным убором невесты' [МАС-4: 555]: *Фата́ называ́иць када́ винча́ют* (КРЧ Берез.). *Фату́ на́ да бы купи́ т' у́а зыва́ју* (ПЧЛ. Бобр.). *Нив'э́ стъ была́ адэ́ ть фато́ј* (ФДР. Семил.). *Фата́ длі́ннѣ́, а фата́ на п'ат'-с'о́л адна́ Длі́ннѣ́, тут л'э́нтѣ́ нав'э́ шѣ́ют* (БРД. Аннин.). *Б'э́льѣ́ шо́лкѣвѣ́ была́, фата́ была́, ну бра́ли у адно́ј т'о́тки Адні́*

паул'ајут', друујѣ паул'ајут', адна была на с'алó (БРД. Аннин.). *А фату́ эт т'ул' была, такаја прóсьн'кија, и так во збар'ат'* (В. ИКР. Бобр.). Лексема является заимствованной из тюркских языков и вошла в русское употребление в XV в. [Юналеева 2000: 131]. В большинстве говоров семантика лексемы совпадает со вторым, специфически свадебным словарным значением лексемы, однако нами было зафиксировано единичное употребление лексемы в значении, близком первому (устаревшему) словарному толкованию: *Фата́ была каричнѣвьѣ – гарнитурѣвьѣ и красивѣвьѣ, винчалис' ф фат'э* (БИРЮЧ Тал.). В воронежских говорах также широко распространен фонетический вариант *хватá*: *Хватá, плáт'ја была на мн'э* (БВ. Кашир.). *Маладá в хватí була* (Н.-АЛКСДР. Подгор.). *Хватá – накрывáло, кадá винчáјут'* (ДВЦ. Семил., КРЧ. Рам., Н.СЛС. Семил.). Помимо непосредственно покрывала лексема *фата* в некоторых говорах могла означать венчальный головной убор целиком, включая восковой венок: *А фата́ ис с'алá была, у мин'á замичáт'ьл'ныѣ фата́ была, ја таудá маладáѣ была, рум'áнчѣ всигудá была, и вот у мин'á во́льсы накрути́ли эт сáмѣѣ кудри а фата́ была пр'ам такиѣѣ вот васкавьѣѣ цвитóчки наун'óш'ь, трихн'óш'ь, ани пр'ам фс'э, а т'ул' была – капрóн то́лкь што пашóл и пр'ам длі́нныѣ такоѣ* (БРД. Аннин.). *Зáмуш выхаді́ли с фатóј, иску́ствинѣѣ воск, воск был, как пчóлы вот. Из э́тѣвь во́скь фсáкими рису́нкьми фата́ и на э́ту фату́ надивáјут ма́рлу, т'ул'* (ХЛБР. Аннин.).

Из собственно диалектных наименований фаты наиболее распространена в воронежских говорах лексема *ды́мка* – 'свадебная фата': *Ја ад'э́ль свáју ды́мку* (АРТ. Аннин.). *У мин'э́ иш ды́мка цалá* (ЛМВ. Рам.). *Нѣ љлав'э́ т'ьв'атки́ з ды́мкѣѣ* (ТД. Пан., НКЛС. Н.-Усм.). *Мъладáѣ фс'аудá в ды́мки была́* (ДВД. Лиск.). *А на н'э́ј ды́мкѣ фс'а ф цв'ата́х* (В. ТШН. Тал., Н-Уколово Белгород. обл., НЖ. ИКР. Лиск., РПН. Н.-Усм., ББК. Н.-Усм.). *Ды́мку у кауó вз'áли или свáју купи́ли?* (ЗАТОН Вороб., КРШ. Бобр., ДНК. Н.-Усм., КЛП. Бутур.). *Зáмуш-тѣ выхаді́ль, а ды́мку м'н'э ни ад'óвывѣли* (ХЛБР. Аннин.). *Н'ав'э́ст'ь на свá д'бу нѣд'авáли узóрнуды́мку* (НГЕ. Гриб.).

Ды́мкь, как *т'ул'*, *чи́стѣь э́тъ ды́мкь што винча́лис'* (КРШ. Бобр.). *Нь-нив'э́ст'ь фс'ады́ ды́мкь и тв'аты́, кружава́ вакру́х* (ТРС. Лиск., НЖ. БЫК Бутур.). *В-ды́мку, счас покупны́ѣь вот, а тоды́, ну и тоды́ она тору́о ѣ́ь была́. Л'э́нтъчки как вон дит'у́ ма́л'ьн'къму, ви́ силъ каза́льс'* (ХЛБР. Аннин.). *Бу́д'ь в ды́мк'ь с'ад'э́т'* (ШСТ. Бобр.). Известен также акцентологический вариант *ды́мкя́*: *Спири́ди́ у ни́о́ вин'э́ц а к нему́ ды́мкя́ при́д'э́льнь* (ББК. Н-Усм., В. МАМОН Верхнемамон., БРД. Аннин., ЛЕВ. РОССОШЬ Кашир., АНШ. Лиск., БОБРОВ Бобр.). В русских говорах лексема *дымка* используется для обозначения «различных предметов женской одежды из легких прозрачных тканей»: головного убора (вологод. и др.), фартука (ряз.), шарфа, вуали (кур., ворон.), а также фаты (новосиб.) и подвенечного платья в целом (том., новосиб.) [СРНГ-8: 293]. Мотивировка названия, таким образом, связана со свойствами материала, из которого шьется изделие. Ср. в говоре села Старая Тойда Аннинского р-на *ды́мка* – ‘тонкая прозрачная ткань; кисея’: *Ды́мка была́ ма́ленькая то́нная, прасве́чиваитца; щас есть такой материал* [Несветаев 2009: 125]. Сходные наименования тканей и предметов одежды есть в других славянских языках: пол. *дута* – ‘вид ткани’, *дутка* – ‘длинная нижняя юбка’. М. Фасмер возводит лексему к тур. *dimi* ‘бумазаея’, которое происходит от греч. *δίμιτος* (два + нить), и отмечает возможное сближение значения со словом *дым* [Фасмер-1: 598-599]. Подобного мнения придерживался и А.Н. Афанасьев, считавший фату невесты символом облака, под которым явилась богиня весны и плодородия [Афанасьев 1865: т. 1, с. 237]. Полевые исследования показывают, что во многих говорах лексемы *фата* и *дымка* являются синонимами, причем второй проявляет себя как более ранний: *А так фату́ адива́ли, фата́ абиза́тил'нь, ды́мкь ју́о́ называ́ли* (ХЛБР. Аннин.). *За́муш ја выхаді́ла, назавали́ от ш'ас хватá, а ра́н'шь назва́ли ды́мкь* (ШСТ. Бобр.). *Ја была́ ни фхват'э́, а у ды́мки* (Р. БЛВ. Павл.). *Мы называ́ли ды́мку фато́ј* (РПН.Врн.). *Тадá ды́мкь, а сичá с фата́* (ПСК. Лиск.).

Еще одно наименование фаты – **тюлька**: *Н'ав'эсту ф т'у'лк'ъ зъви'д'ут' за ст'ол' накр'о'жут' jajэ т'у'лк'ъj* (ЧРТ. Рам.). Оно представляет собой результат метонимического переноса по названию ткани (**тюль**), из которой изготавливалось покрывало: *Эть у'а зъва'яь ткан'.* *Тауд'а т'ул' у кав'о даст'ан'ъш, эть щ'а'с свабо'дн'ъ а р'ан'ш'ь jujо н'э был'ь, спиц'ал'н'ъ ку'п'ат и бириу'ут Пат'ом jэсли мно'у'ь сист'ор' аддава'ли бу'дит дру'а'яь выдава'т', ап'ат' jujо нар'а'д'ьт и бириу'ут* (ХЛБР. Аннин.) (Ср. в тобольских говорах **тюлька** – ‘вуаль’ [СРНГ-46: 23]). Материал для изготовления фаты также назывался **филей**: *Ды'мк'ъ была' с фил'э'яь* (ББК. Н-Усм.) (номинатив образован от названия техники филейного вязания, происходящего от фр. *filet* – ‘сетка’; таким образом, *филей* – полотно, связанное крючком, представляющее собой сетку из клеточек); **марля** *За'муш выхад'или изма'рли пав'э'с'ьт чо'нит' и ус'о', а в'аски' были зъплит'аны' и вакру'ху'лавы' ма'рл'ь* (СТ. ЧИГЛА Аннин.). *А вот jэ'т'ч'ь-ть, фаты', р'ан'ш'ь ни было', из ма'рли шы'ли, ни так'и как ш'ас крас'и'вь'яь* (СТ. ЧИГЛА Аннин.).

Ограниченным распространением в воронежских говорах пользуются следующие наименования головного убора невесты:

- **дра'нки** – ‘белый платок на голове у невесты’: *Ш'ас хвату' нос'ут', а р'ан'ш'ь дра'нки* (Н. ОЛШ. Нижнедев.). В архангельских, владимирских, ярославских говорах **дра'нка** – ‘истрепанная, изношенная обувь, одежда’, в томских, кемеровских, иркутских и хакасских – ‘одна из узких полосок, на которые разрезается, разрывается старая ткань для изготовления дерюг, половиков и т.д.’ [СРНГ-8: 172]. Таким образом, **дра'нки** – ‘кусочек (полоса) ткани’; ср. в с. Шапошниковка Ольховатского района **дра'нка** – «тканое из лоскутов одеяло», которое входило в состав приданого [Пухова и др. 2012: 160];
- **киби'тка** – ‘фата’: *Н'ъв'эсты' абы'чна н'ьси'ли дл'инны'шкиби'тки* (Б.МТР. Эрт.). Этимология лексемы не вполне ясна, однако возможно, она мотивирована способом ношения головного убора (ср. в оренбургских говорах **кибитка** – ‘верхняя часть головы, макушка’ [СРНГ-13: 194]);

- **кишо́нка** – ‘убор из лент на голове невесты’ (Б. ВРК. Рам.). Впервые лексема была зафиксирована Н.П. Гринковой и, по данным исследований, является локализмом сел бывшего Землянского уезда. Кишонка представляла собой «узкий налобник, украшенный позументом, бисером и бахромой из разноцветного гаруса», который носили с нарядным платком с кистями [Чижикова 1988: 203], от чего, по всей видимости, и произошло название головного убора;

- **мане́жка**: *Эта т’ул’, катóрым пькрыва́ют’ уóльву н’ав’эсты* (НЖ. ВДГ. Семил.). В русских говорах *мане́жка* – ‘неженка, ломака (о девушке)’, *мане́жить* – ‘ласкать, нежить, баловать’ (смол.), ‘важничать, зазнаваться, форсить’ (вологод.), *мане́жный* – ‘манерный, жеманный; избалованный, нежный’ (яросл., смол., пск., твер., перм., забайкал., южн.) [СРНГ-17: 357];

- **шарф**: *На у́лав’э, называ́ли шархво́м, бинт э́ть тако́й в’эшали, э́ть ужэ́ д’э́н’сва́д’бы када́* (ИСТ. Реп.).

Замужество влекло за собой изменение статуса и образа жизни женщины, что неизбежно сказывалось на ее внешнем облике. Головные уборы замужних женщин в Воронежской области полностью закрывали волосы, которые, в свою очередь, укладывались не в девичью косу-«волю», а в женскую прическу из двух кос, уложенных вокруг головы: *У стар’ану́ адну́ касу́ на двэ́ раз’д’ал’а́ли* (В. ИКР. Бобр.). Маркировочная функция данной прически (переход из группы *девушек* в категорию *баб*) стала основой метафорического наименования **ба́ба** – ‘косы, уложенные на голове девушке после свадьбы, что говорит о её замужестве’: *Т’ан’э́р’а ба́бу бу́дут вит’* (СЛД. Остр.). Как отмечает А.В. Гура, у славян «понятия головного убора и прически не расчленились, о чем свидетельствует общность терминологии» для смен того и другого [Гура 2011: 615]. Так, в воронежских говорах распространено наименование **ки́чка** – ‘женский головной убор, надеваемый после свадьбы в знак изменения статуса’: *Кады́ винца́ют – како́шник, пажэ́нут – и ки́чки над’ава́ют* (БРД. Аннин.). *Сва́хь навива́ют уóльву*

мьладо́ј, нъдива́јѣт јэј кѣ́ чу (ШСТ. Бобр.). *Кѣ́чки то́къ у бау́рых н’ав’э́ст бы́ли* (ДВЦ. Семил.). В других русских говорах (донских, тверских), а также в диалектах Латвии, Литвы, Эстонии этот же термин употребляется для обозначения женской прически – ‘заплетенные в косы или собранные в пучок и закрученные на макушке или затылке волосы’ [СРНГ-13: 247]. Лексема *кика* в значении ‘головная повязка’ появляется в древнерусских памятниках письменности ещё в XII в., а с конца XV в. употребляется в значении ‘праздничный головной убор, который носили замужние женщины’ [СРЯ-7: 122]. С XVII в. в южнорусских памятниках письменности встречается лексема *кичка* как в значении ‘макушка, темя; собранные на макушке волосы (род женской прически)’, так и в качестве названия женского головного убора [СРЯ-7: 144]. Вместе с *кичкой* замужние женщины носили **соро́ку**, которая «относится к типу древнейших кичкообразных головных уборов» [Толкачева 2001: 26]. М. Фасмер полагает лексему образованной от названия птицы «из-за сходства с сорочьим хвостом и расцветкой перьев» и приводит в доказательство полисемантические лексемы карельского языка *harakka* и шведского *kråka*, обозначающие и птицу, и женский чепец [Фасмер-3: 723]. Следует отметить, что «сорока на мягкой основе», называемая в говорах **сорока с крыльями** (РСШК. Реп.), была характерной составной частью свадебного костюма воронежско-белгородского и воронежско-курского пограничья [Сысоева 2015: 240, 244] и олицетворяла «символическую связь с небом» [Михалева 2011: 151]. Части данного головного убора, также зачастую названные по частям тела птицы («крылья», «хвост» и др.), орнаментировались и украшались бисером, блестками и шелковыми шнурами [см. Толкачева 2001, 2012].

В украинских воронежских говорах для обозначения головного убора замужней женщины применялась лексема **очі́ пок** – ‘женский головной убор из бархата или плюша’: *В скрині лижав гарний очі́нок* (Реп.). *Очі́нок стоїв двадцать пять рублів* (СТ. КРШ. Петропавл.) [СУГВО-2: 70-71]. *Підходять жєниці кь молодой, снимають сь єя голови платокь, расплетають косу;*

не смотря на все ея сопротивление, надѣвають на нее **очипокъ**, по немъ повязываютъ платокъ (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 206]. Лексема употребительна в современных украинских говорах в значении ‘головний убір молоді після обряду покривання’ [Магрицька 2003: 101]. М. Фасмер указывает, что лексема представляет собой производное от существительного *чепец*, первоначально – **очепькъ* [Фасмер-3: 178]. Ср. приведенный в СРЯ глагол *очепити* (*оцѣпити*) – ‘обхватить, обвязать (цепью, веревкой)’, известный по памятникам письменности с XIII-XIV вв. [СРЯ-14: 91].

Женские волосы как значимый обрядовый элемент легли в основу номинации такого головного убора, как **волоснік** – ‘головной убор, обшитый бисером, мишурой, блёстками чехол, надеваемый на прическу-**куко́вку**’: *А нь куко́вку абóръчками вѣласнік прив’а зывѣют* (ЗЛЖ Лиск.). *Вѣласнік стекл’арусьм да бл’остками адд’элывѣли* (ЗЛЖ. Лиск.). О древности и распространенности данного головного убора и соответствующего термина свидетельствует тот факт, что он упоминается в «Домострое» как убор замужней женщины после венчания [Домострой: гл. 67]. В современных русских говорах лексема *волоснік* – ‘женский головной убор’ – распространена практически повсеместно [СРНГ-5: 60-61]. Название прически замужней женщины *коко́вка* известно в пермских говорах, в костромских говорах *коко́вка* (*куко́вка*) – ‘верхняя часть головы, макушка’ [СРНГ-16: 91]. Вероятнее всего образование данной лексемы от диал. *кока* – ‘яйцо’ [Даль 2: 135] через признак ‘шарообразная форма’ (ср. в нижегородских говорах *коковка* – ‘клубок ниток на короткой палке, шарообразный конец деревянной ложки’, в тверских – ‘веретено с намотанной на него не до конца пряжей’ и т. п. [СРНГ-16: 91-92]). От однокоренного существительного *коко́шь* – ‘курица-наседка’, известного начиная с летописей XI в. [СРЯ-7: 230] образовано наименование головного убора замужней женщины **коко́шник** (по сходству формы изделия с петушиным гребнем): *Как д’эфку за́муш аддава́ли како́шник ад’авáли. Он*

какој-тъ зълатој был (КРШ. Бобр.). *Ф цэркви сва́ха убира́ит ф како́шник старі́нскѣ нар'а́т-тъ* (ЧРТ., Н.-ЖВТ. Рам.). *А на сва́д'бу како́шник пл'у́шьвь адива́ли* (ПСК. Повор.). **Како́шник** *апклада́лси зóлтъм Вышыва́ли пълукру́ъм. Читвирта́к зь-како́шник Рóзвин'киј шóлк аблипи́ зóлтъм* (КРШ. Бобр.). *Приво́з'ут' ат в'анца́ нар'ажáют' у како́шник* (КЛП. Бутур.). *От тако́ о́тъ карто́нкъ како́шник назва́лц и на-н'ом прикл'э́јаны цв'атны́је бума́шки н'э́скал'къ цв'ато́чкаф фп'эр'ади́, а патом́ бу́синки А бу́синки как на но́вьј уот, в'э́шали от таки́ја ст'экл'áнньја, кру́пндц, от их н'э́скал'къ штук то́жъ ту́тъ* (ШСТ. Бобр.). В значении 'старинный русский головной убор замужней женщины' лексема встречается в памятниках письменности с XVII в. [СРЯ-7: 230] и широко распространена в современных русских говорах [СРНГ-14: 101].

Способ ношения головного убора стал мотивировочным признаком для номинативов **пово́йник** *Ра́н'шы паво́јники ба́бы насі́ли* (ОРЛ. Тал.). *Ба́бы паво́јники пав'а́зывѣли* (НЖ. МРН. Лиск.). *Нъ фтаро́ј д'эн' сва́д'бы мьладо́ј нъдива́ли ужэ́ паво́јник* (ДНК. Кашир.). *Ра́н'шь и-ја насі́ль паво́јник, а тип'э́р' н'эт* (У. МРВ. Реп.). *Снача́ль пькрыва́ли паво́јник, а патом́ фтаро́ј плато́к* (ФДР. Семил.). **Паво́јник** *у н'ав'э́сти на у́лав'э́ был э́тъ када́ ат в'анца́ шли* (Р. ГВЗ. Рам.). *На уо́льву над'ава́ли паво́јник, а-зат'эм како́шник а уш патом́ дь́мка* (БОБРОВ Бобр.). **Паво́јник**, *ну, ни д'у́жъ ба́фатый како́шник* (ШСТ. Бобр.). **Паво́јник** *сиді́т' нь-у́лав'э́ хьрашо́* (ДРК. Лиск.). **Паво́јник-тъ** *был у-тв'ата́х* (РПН. Н.-Усм.); **повя́зка** *Заму́жнѣя насі́ли пав'а́ски* (ШСТ. Бобр.); **повя́зник** *Кóсу пав'а́зникъм пав'а́зывали* (СЛД. Остр.). *Мьладу́ју пьв'азáли ф пав'а́зник* (У. МРВЛ. Реп.); **уві́ток** (**увито́к**) – 'нарядный платок, которым увивались (концы назад)': *Увито́к скрипл'áют' во́льсы на у́лав'э́, јэво́ ушыва́ют' би́с'ьръм и над'ава́ют' на уо́льву н'эв'э́сты. В'эс' бл'эсти́т* (Н.-Мосоловка Усманск. р-на Лип. обл.). *Нъ у́лав'э́ цв'атно́ј уві́тък* (РПН. Н.-Усм.). *Тады́ уві́тък ба́бъ насі́ль нар'а́днѣј плато́к* (ШКВ. Верхнехав.). *Ба́бы насі́ли увиткí атла́сньѣ, шырстины́ѣ. Он пам'э́н'шь платка́ бу́дът, а канцы́ з-би́с'ьръм и*

бл'о́сткѣми *Увито́кни* нав'а́зывѣли, а увива́ли. Им ув'ју́тцѣ сд'э́лѣют рау́а, ох, краси́въ (ШКВ. Верхнехав.). *Увито́к* был кра́снѣ (СУХ. БРЗ. Бобр.). Образованы все лексемы суффиксальным способом от глаголов, обозначающих соответствующее действие: *пови́ть* – ‘обвить, увить собой или чем-либо’ [МАС-3: 160], *повязáть* – ‘надеть что-либо, завязав концы’ [МАС-3: 164], *уви́ть* – ‘обмотать, обвязать кругом, со всех сторон’ [МАС-4: 452]: *Н'ав'э́ст'ь увива́јут' вѣласы́* (РПН. Н.-Усм.). *Пакрыва́лис' д'эфки а за́мужьм нав'а́зывѣлис'* (Р. БЛВ. Павл.). В ЛЯ *пово́йник* – ‘старинный головной убор русских замужних крестьянок в виде повязки, надеваемой под платок’ [МАС-3: 161], лексема *повязка* имеет значение ‘узкий кусок ткани, которым обвязывают что-л. (руку, голову и т. п.)’ [МАС-3: 165], существительное *увиток* в ЛЯ отсутствует. В русских говорах *увитка* – ‘прут, ветка, которой связывают колья в заборе (углич., яросл.); ‘железная пластинка, скрепляющая косу с косовищем’ (свердл.) [СРНГ-46: 176]; *увива́ться* во что-л. – ‘а) Обвязываться чем-л. (волог.) б) фольк. Одеваться во что-л., облегающее тело’ (Обоян. Курск.) [СРНГ-46: 174]. Подобные головные уборы использовались во всех видах семейной обрядности, например похоронной: *На по́хърьны ад'авáли навó йнички* (ТРС. Лиск.).

Среди наименований женских головных уборов выявлено немало тюркизмов: помимо рассмотренной выше лексемы *фата* к ним относятся номинативы *башлык*, *колпак*, *шлык*. Их распространение в южнорусских говорах объясняется тем, что данные территории были пограничными с зоной расселения кочевых тюркоязычных народностей, а потому южновеликорусское наречие сыграло значительную роль в процессе заимствования из тюркских языков [Кузина 2001]. Об этом же свидетельствует тот факт, что многие из сел, где зафиксированы лексемы тюркского происхождения, имеют тюркские названия (Малые Ясырки, Айдар, Карачун, Тойда и др.). Нами было зафиксировано употребление тюркизмов в воронежской свадебной лексике в следующих значениях:

• **башлык** – ‘головной убор замужней женщины’: *Как замуш аддаду т, тьк сразу таб’э и башлык над’э нут* (М. ЯСР. Эрт.). Как отмечает Р.А. Юналеева, в тюркских языках данная лексема является «производной от основы *baş* – ‘голова’ и общетюркского аффикса *luk (lik)*, с помощью которого в тюркских языках образуются слова со значением предмета одежды» [Юналеева 2000: 133]. В тюркских языках рассматриваемая лексема является многозначной, но все значения объединяет архисема ‘головной, главный’, передаваемая основой слова. В русский язык первоначально вошла лексема *башлык* как наименование лица ‘предводитель, начальник’, что произошло около XVI в. (в СРНГ *башлык* – ‘начальник чего-либо, обычно рыболовной артели’ (пермские, сибирские, челябинские, байкальские говоры) [СРНГ-2: 164]. В то же время особый головной убор *башлык* и соответствующий термин пришли «из тюркских языков кавказской группы (очевидно, из азербайджанского) примерно в первой трети XIX в.», лексема фиксируется в данном значении в брянских, псковских, архангельских, казачьих говорах Дона и Кавказа, в русских говорах Азербайджана, Татарстана, Башкирии, Казахстанского Прииртышья [Юналеева 2000: 134-135]. В русском ЛЯ лексема закрепилась в значении ‘суконный теплый головной убор в виде широкого капюшона с длинными концами’ [МАС-1: 66];

• **шлык** – ‘головной убор замужней женщины’: *Мьладајь шлык нъд’аваль* (НЖ. МРН. Лиск.). *Шлык и д’эфки и бабы насили* (ПСК. Лиск.). *На тр’э тиж д’эн’ свад’бы мьлад’ой ад’авали шлык* (КРЧ. Рам.). *Посли кичак насили шлык* (ОСК. Хохол.). *Шлык – врод’ь шапки ис-ситу храну скъвъ будиј, атласнј празничнј* (ДРК. Лиск.). *Шлык бувал раскиши’оний разбл’аши’оний* (АНШ. Лиск.). *Ја саб’э шиылашлык сати навај* (БОРОВОЕ Врн., ШИЛОВО Врн., КСТ. Хохол., СТЖ. I Остр., ДВД. Лиск.) *Шлык ад’авали када прададу т волаь, штобы уалава набол’шь была* (РГЧ. Н.-Усм.). *Шлык над’авали, а патом платок И спали в-н’ом, в ј там шлыку.* *Зап’ат’ош касу нам’э с’ац* (ТД. Пан.). *Шлык шолкавьј, розавьј ил’ какіј, как к’пър* (ТД. Пан.). *Падв’азывьјут јэј шлык* (Н.-Врн.). *Шлык над’авали*

нѣд-абв'а'ску (ЕРШ. Павл.). *Шлы́ки ба́бы мла́дѣѣ насѣли* (ХОХОЛ. Хохол.). *Жо́ны насѣлишлы́ки на уолав'э* (ШСТ. Бобр.). Данное существительное имеет тюркское происхождение и фиксируется в русском языке с XV в. [Бурибаева 2013: 102]. М. Фасмер полагал, что лексема *шлык* – ‘шапка, чепец, женский головной убор’ – представляет собой сокращение от *башлык* [Фасмер-4: 455], однако данная этимологическая связь опровергается современными исследователями [Юналеева 2000: 22]. Лексема встречается в словаре Даля в значении ‘бабий головной уборъ, родъ повойника: холщевая, стеганая высокая (четверти въ двѣ) шапочка, по которой повязываютъ ширинку или платокъ (твр., тмб., прм. и др.)’ [Даль 4: 659]. В ЛЯ *шлык* – ‘1. Старинный головной убор русских замужних крестьянок, род повойника. 2. Устар. Шапка, головной убор, имеющие коническую форму’ [МАС-4: 723];

- **шлык** – ‘головной убор девушек, кокошник’: *Д'эфки уб'ару'ца шлык ад'энут'* (КЧГ. Нижнедев.). *Повязываютъ невѣстѣ бабий шлыкъ и платокъ, надѣваютъ ожерелья, манисты, ленты, серьги и пр.* (Истобное) [Поликарпов: 1906: 14]. У Даля *шлык* – ‘родъ кокошника, шитаго гарусами’ (черимск.) [Даль 4: 659];

- **шлы́чка** – 1) ‘головной убор невесты, состоит из ленты красного или синего сукна, украшенной перьями, бисером, бусами’: *Шлы́чки ис-краснѣуъ пълатна́, укрáшьныи л'энтѣми насѣли нѣуолав'э* (В. ТРВ. Нж-Дев.); 2) ‘женская шапка, сшитая из материи, отделанная бисером’ (МХН. Нижнедев., Р. ЖРВ. Верхнемамон., ИСТ. Реп., Айдар Равенск. р-на Белгород. обл., Нагольное Пристенск. р-на Кур. обл.); 3) ‘черная шапочка для пожилых женщин’ (ТРЦ. Лиск.);

- **шлычо́к** – ‘женский головной убор; повязка на праздничном женском головном уборе, отделана бисером’: *Был тако́ј шлычо́к круу́лый, хто како́й вы́думѣт, похо́же фс'о равно́ как на коко́шник* (ХЛБР. Аннин.). *Шлычки́ бы́ли ис-сѣтѣ, на-уо́лѣву нѣд'авáли, тут вот л'энкъ пѣзум'энт* (В. ТРВ. Нижнедев.). *Нѣуолав'э насѣлишлычо́к и в-бу́днѣ и в-пра́зник* (НЖ. ВДГ. Семил., ОРЛ. Н.-Усм., Касторненск. р-н Кур. обл.). *Д'э вушкѣ фчо́рнѣм*

платк'э выхадіць, на ўлав'э шлычок (КЧТ. Хохол., КШР. Подгор.). В тамбовских говорах *шлычок* – ‘детская шапочка’ [Пискунова 2002: 191]. По мнению Р.А. Юналеевой, существование аффиксальных производных, закрепившихся в русском ЛЯ и говорах, доказывает значительный словообразовательный потенциал тюркской основы [Юналеева 2000: 131];

- **колпак** – ‘головной убор невесты’: *Убиральс'а н'эв'эсть – калпак б'эльї* (Семил.). Лексема также употребляется для обозначения женского головного убора независимо от возраста и социального статуса: *Ран'шь кълпакі паде'азывѣют', нь-уольву* (Р. ГВЗ. Рам.). *Д'эвушки хаділи ф калпакáх* (НЖ. ВДГ. Семил.). *Калпак старухи насіли* (ДРК. Лиск.). В значении ‘головной убор невесты’ лексема известна также в донских и архангельских говорах, в новгородских и бурятских говорах *колпак* – ‘головной убор замужней женщины’, в енисейских, вологодских и вятских – ‘девичий’ [СРНГ-14: 192]. Лексема, несомненно, имеет тюркское происхождение (ср. турец., татарск., крым.-тат., казах. *kalpak* ‘шапка’, казан. *kalfak* ‘женский головной убор’, уйгур. *kalnak* ‘мохнатая шапка’, якутск. *хапрак, хапрак, хапрэх* ‘женский головной убор’ [Юналеева 2000: 136]. Слово *колпак* фиксируется памятниками письменности с XV в. [СРЯ-7: 253]. Первоначально лексема обозначала мужской головной убор – высокую, суживающуюся кверху шапку, носимую знатными людьми, однако впоследствии стала употребляться для обозначения «предмета одежды простого люда, используемого и женщинами, и детьми» [Юналеева 2000: 137]. В современном ЛЯ *колпак* – ‘1. Головной убор остроконечной, овальной и т. п. формы; 2. Покрышка круглой или конусообразной формы над различными предметами’ [МАС-2: 78].

Преобладающей формой одежды для невесты в воронежских селах в рассматриваемый период было **платье** различного фасона: *Штап'эл'ньѣ вот плат'їѣ у мин'а былá. Там цвитóчки р'эдин'киѣ патсóлнухи какіѣ-тѣ* (БРД. Аннин.). *Плат'їѣф н'э-быль какоѣѣ там јэс'т', ну падар'онѣ б'э'д'нин'кѣ л'у'ди жѣли тѣдá* (ХЛБР. Аннин.). *Плат'їѣ были саврим'э'нньѣ*

ужэ́ бы́ли там тат'ја́нкъ, шыстикли́нки бы́ли – ну эт-таки́ь сбар'о́ньѣ бы́ли, а си́ча с'јих н'эт таки́х **Шыстикли́нкъ** – э́тъ клина́ми бы́ли **плат'ѣ**, у́скуѣ ф по́йс'ь, шыро́киѣ ф-пѣдал'э́ (ХЛБР. Аннин.). В традиционном русском свадебном костюме преобладал красный цвет как символ жизни, солнца, плодородия [Горожанина, Зайцева 2003: 66-73]. В современной воронежской свадьбе «наблюдается редукция хроматического знака в одежде» [Филатова 2010: 190], однако большинство информантов упоминают красный, розовый и голубой цвета как характерные для свадебных нарядов: *И плат'ѣ на п'э́рвыѣ д'эн' купл'áli, и на фторо́ѣ д'эн' купл'áli. Ш'ас бол'шынствó кра́сныѣ плат'ја, а вот тада́, ну как, уо́лубо́ѣ, вот у м'эн'э́ п'э́рвыѣ ро́зовѣѣ бы́ло, а фторо́ѣ уо́лубо́ѣ, на фторо́ѣ д'эн' уо́лу б'эн'кија бы́ла* (КР. ЛОГ Кашир.). *У мин'э́ хълст'ано́ѣ в ру́пчик си́нѣѣ бы́ло плат'ѣ* (СТ. ЧИГЛА Аннин.). *Плат'ѣ у нив'э́сты бы́ло ро́звѣѣ, хоро́шыѣ плат'ѣ бы́ло* (ХЛБР. Аннин.). Лексема в говорах тождественна в плане выражения и в плане содержания лексеме ЛЯ *плат'ѣ* – ‘женская одежда, верхняя часть которой, соответствующая кофте, составляет одно целое с нижней частью, соответствующей юбке’ [МАС-3: 136], однако проявляет характерную для говоров тенденцию перехода из среднего рода в женский: *А сиб'э́ што бы́лѣ плат'ѣ таки́ѣ, у ми́н'э́ ма́ѣвѣѣ бы́ла плат'ѣ, про́сть плат'ѣ, и фс'о* (ХЛБР. Аннин.). Рассматриваемое существительное входит в аналитическое наименование **разливна́я пла́тья** – ‘шелковое цветное платье’: *На-сва́д'би бы́ла в-разливно́ѣ плат'ји* (В. КРЧ. Гриб.). СРНГ фиксирует воронежский локализм **су́кня** – ‘платье замужней женщины’: *Сукню́ носила девка, как заму́ж вышла* (Ворон.) [СРНГ-42: 203-204]. Ср. укр. *сукня*, бел. *сукенка*, пол. *suknja* – ‘платье’, очевидно, от лексемы *сукно́* ‘шерстяная или полушерстяная ткань с ворсом разной выделки’, известной в памятниках письменности начиная с летописей XII в. [СРЯ-28: 287]. Такой же принцип номинации лег в основу наименования **кита́йка** – ‘сарафан из ткани китайки, то же, что *китаечник*’ (Ворон.) [СРНГ-13: 240] – по названию тонкой шелковой или хлопчатобумажной ткани, первоначально ввозимой из Китая.

В с. Урыв зафиксировано название обычая **кита́йку носіть** – вечером свадебного дня родня невесты приходила в дом жениха на пир. Наименование, связанное с женской одеждой, объясняется символическим значением перемещения имущества невесты как маркера ее перехода в другой род: *Вродэ вона (невеста) отвэзла от батько своё все: моладасть свою, дэвичество* (УРЫВ Остр.) [Христова 2015а].

Специфический фасон платья без рукавов в отдельных говорах назывался **кимонó** – ‘платье без рукавов’: *А тады́ и ф киман’э́ за́мушыхады́ли* (АРТ. Аннин.). В ЛЯ **кимонó** – ‘1. Национальная японская одежда (мужская и женская) в виде халата с широкими рукавами. 2. Разг. и спец. Особый покрой рукава женского платья’ [МАС-2: 48].

Другая одежда невесты, трактуемая диалектоносителями как старинная, – **сарафа́н**. *Ну сва́д’бъ-ть нарижа́ли фс’э ф-старі́нныѣ, ју́пки такиѣ шыро́кыѣ бы́ли, ана́ ид’от ф-широ́към сарафа́н’ѣ* (ХЛБР. Аннин.). *Тады́ нявэ́ста в сарахванé, в рубáхи, на галавэ́ вяно́к был* (ТАЛЮВАЯ Тал.) [Недоступова 2013: 194]. Г.П. Христова отмечает, что сарафанный комплекс был характерен для цуканских сел, в то время как бывшее однодворческое население носило комплекс с домотканой юбкой, которую впоследствии меняли на панёву [Христова 2006: 50]. Лексема *сарафан* имеет восточное происхождение и образована через тюрк. *sārapa(i)* от перс. *serāpā* – ‘почетная одежда’ [Фасмер-3: 561]. В ЛЯ сарафан – ‘русская народная женская одежда в виде длинного свободного платья без рукавов’ [МАС-4: 29]. В воронежских говорах также известно аналитическое наименование **колпа́шный сарафа́н** – ‘нарядный сарафан для невесты’ (ГЛС. Семил., Н.ЖВТ. Рам.), по всей видимости, мотивированное наименованием женского головного убора **колпак**. Одна из разновидностей праздничного сарафана, надеваемого в том числе на свадьбу, обозначается термином **шубка** – ‘сарафан из пяти полотен в сборку’. *На н’ав’э́сти шу́пкъ* (ПЧЛ. Бобр.). *Пъ-въскрис’э́н’ѣм д’э́фки нър’ажáлис’ ф-шу́пни и или ф-цэ́ркъф’* (ХРН. Бобр., ОРЛ. Тал., ЗЦП. Семил.).

В более поздний период вместо платья невесты могли надевать комплект «кофта + юбка»: *А саб'э кофтѣчку сат'иньвају и ју'бѣчку сат'иньвају, нѣпадобши кас'т'умчикѣ. У м'ин'э бѣль аднавó цѣ'та: рóзаваја кофтѣчка и рóзаваја ју'бѣчка* (МДВЖ. Семил.). *У мин'а бѣла рóзвѣѣ такаѣ вот кофтѣчкѣ, то'н'н'кѣѣ, то'н'н'кѣѣ. Јѣ'тѣ на свá'дбу, на прá'з'н'ик* (СТ. ЧИГЛА Аннин.). *Ад'о'жа у нив'э'сты бѣла из длí'ннѣ ју'пки ѡлубóј, кофты з-бѣс'ьрѣм* (ГРМ. Хохол.). Различительными признаками при наименовании этих предметов одежды служил материал или цвет изделий. Так, в зависимости от вида ткани (**штоф** – ‘материя, вид плюша с рисунком’, **шалóн** – ‘тонкая шерсть’, **шалфѣт** – ‘вид ткани, тонкая пряжа из шерсти мериносовых овец’) различались **што'хвенные** (другой фонетический вариант – **што'хвельные**) и **шалóновые** праздничные юбки: *Пад ви'н'э'ц ад'авáли штохв'ьннѣѣ (што'хв'ьл'ннѣѣ) ју'пки* (ЗЦП. Семил., РГЧ. Н.-Усм., РПН. Н.-Усм., ББК. Н.-Усм., НЖ. КТХ. Н.-Усм., БОРОВОЕ Врн.). *Ју'пки шалóн'вьѣја на-свá'дбу адивáли* (ШКВ. Верхнехав., ТРС. Лиск., ДМТР. Эрт. и др.), из шалфета шили нарядные кофты: **Шалхв'э'т** – *пр'á'жѣ такаѣ то'нкѣѣ. Кофтѣ нив'э'ст'ь шыла'с' ис-шалхв'э'тѣ* (ШСТ. Бобр.). В ЛЯ **штоф** – ‘тяжелая шелковая и шерстяная одноцветная ткань с крупным тканым узором, употребляемая как декоративная’, прилагательное от данного существительного в ЛЯ – **штофный** [МАС-4: 732-733]. Названия **шалфет** и **шалон** в ЛЯ не употребляются. Праздничная плотная юбка из разноцветных полосок в воронежских говорах называлась **су'ра** по одноименному плотному, но тонкому материалу: *Нѣ-н'ав'э'сти су'ра да ко'хта* (ГРМ. Рам.). *Тадѣ су'ры бѣли, насíли мы* (ШШВ. Бобр.). *Су'ра рá'н'шы бѣла, из ју'бó зѣпанá шыли* (ТРС. Лиск.). В московских говорах **су'ра** – ‘шелковая ткань’, в иркутских, уральских, томских – ‘редкая шелковая ткань фабричного производства’, в новосибирских псковских, бурятских – ‘атласная ткань’, на Южном Урале – ‘хлопчатобумажная’ или ‘легкая шерстяная ткань’ [СРНГ-42: 271].

Такой признак, как цвет ткани, лёг в основу наименований **кóлотая жёлть** – ‘полосатая юбка, в которой преобладал желтый цвет, больше желтых полосок’. *На свáд’бу над’о’вли пъласáтьжь ју’пкц кóльтѣжь жолт’* (БТР. Реп.); **кумáшная рубáха** – ‘нарядная рубаха из красного (кумачового) сатина’ (В. МАМОН Верхнемамон.).

Большое обрядовое значение имела рубашка невесты, которая выполняла не только прагматическую, но и символическую, бережную функции. В воронежских говорах зафиксировано наименование **тúшка** – ‘часть свадебного наряда невесты, миткалевая нательная рубашка, украшенная вышивкой’, мотивированное способом ношения (сема ‘нательная’). Богатство и красота вышивки свидетельствовали о рукодельном таланте невесты и служили маркерами ее хозяйственности: *Л’у’ди бáилцјэ сли тúшкь красівь вѣшлѣ знáчит’, харóшь хаз’áјкь бúдит’ из-нив’э’сты* (К.-СДВ. Новохоп.). Метафорическим характером, подчеркивающим переходный характер свадебного обряда, отличается наименование **горемýчная рубаха**, обозначающее одежду невесты, которую та должна была носить от сватовства до дня свадьбы: *Кагда замуш выходят, ат сватавства начинают насить гаремычную рубаху – белую, с чернаю вышивкой* (СТ. ХВРС. Лиск.) [Христова 2006: 47]. В день свадьбы эта рубашка заменялась **венечной**, или **посадной** (см. ниже).

Верхняя свадебная одежда невесты в воронежских говорах называлась **шúшпан** (другой акцентологический вариант **шушпáн**) – ‘праздничная самотканая верхняя одежда из белого сукна, подвязана красным шнурком’: *Мъладóј пълóжа шúшпън абóрки сукóнньја, анúчи пан’о’ву, мъладáјь платóк ку’па св’акрóви* (Р. ГВЗ. Рам.). *Шúшпън рáн’шь ад’авáли на прáзникъм к-аб’э’дни* (М. СМВ. Верхнехав). *Шúшпън насíли ф-прáзник* (АНШ. Лиск.). *Вóн-он шушпáн висít’, так у-н’ом ја зáмуш выхадíть* (Роговатое Шаталовск. р-на Белгородской обл.). Ещё один элемент свадебного наряда – **корсéтка** – ‘часть женского свадебного наряда’ (ЧГР. Борисогл.); ‘верхняя нарядная женская одежда из сукна с мленьим стоячим

воротничком или без него, могла быть со сборками': *Ис-то́нкъвъ сукна́ карс'э́тки шы́ли* (КРЧ. Гриб.); известны также словообразовательные синонимы **керсе́т**, **карсе́т** – '(устар.) удлиненный, расклешённый и присборенный сзади жилет, короткая безрукавка': *Був у мене гарний керсет* (ИВН. Рам.) [СУГВО-1: 158]. Как показывает материал, корсетка могла быть элементом не только женского, но и мужского гардероба: *Прин'асу́т карс'э́тку, пандра́вица карс'э́тка и жэ́нитцъ* (РСТ. Эрт.). «На ином женихе поверх рубашки одета *корсетка*, подбитая плисом» (Н. Курлак Аннин.) [Христова 2012: 122]. Л.Н. Чижикова отмечает, что корсетка «была безрукавной одеждой, характерной для традиционного женского крестьянского костюма центральных и восточных губерний Украины, была известна в украинских воронежских и курских селах Бирючинского, Валуйского, Коротоякского, Богучарского, Землянского уездов» [Чижикова 1988: 182-183]. Теплая нарядная женская одежда в виде жакета или полупальто, которая могла надеваться на свадьбу и являлась частью приданого, называлась в говорах **маринётка**: *Ра́н'шь марин'э́тки насі́ли сваты́ марин'э́тку вы́гавá рива́јут* (ТРС. Лиск.). В СРНГ лексема отмечена как воронежская [СРНГ-17: 373], зафиксирован также словообразовательный синоним *марина́дка*, распространенный в московских и курских диалектах, а также в говорах Сибири [Там же]. Вероятно, название данного предмета одежды является производным от польской лексемы *marynarka* – 'куртка, штормовка', бывшая ранее частью мужского костюма моряка (польск. *marynarz*). Лексема, таким образом, может рассматриваться как результат освоения воронежскими диалектоносителями единицы польского языка в результате взаимодействий со ссыльными поляками, которых в Воронежской губернии проживало несколько тысяч [Kowalow 2017: 136].

После свадьбы основной одеждой женщины становилась **понёва** – 'шерстяная или суконная клетчатая юбка, которую носили замужние женщины': *Д'э́фкъ сърафа́н но́сит а ка́рда́ п'ър'ьвин'ча́јут, ју́нку нъдивѣ́ь вот-э́тъкѣју* (В. ТРВ. Нижнедев.). *Ју́пки д'э́вушкѣми насі́ли а пан'о́вы* –

зáмуш вь́дьм, нъдивáјим (СЛД. Остр.). Над'авáли пан'óву чóрнају, а нис у пан'óвы в'эс' был вь́шытај цв'атáми, кú биками Чэм бóлша кú бикѹ т'эм бауáча н'ав'эста У б'эдных кú бики сафсэм мáлинкаја бь́ли (МСТ. Остр.).
Пан'óвы бь́л'и, но ја јих н'и нас'íль, дú шкъ Мáма нас'íль И рубáх'и фс'э на збóркъх Мáма нас'íль, а ја **пан'óвы** што н'и нас'íль, то н'и нас'íль Ан'í бь́л'и ч'орнаи ф кл'этку ф крáснѹ и в б'элају. Јих сáм'и тóжа ткáли. А н'ис у н'их был крас'úвáј-крас'úвáј, как пъзум'энт тут такóј был. Шырóк'ија јупч'áки, пр'áмъ-тъки ф ч'атыр'и пълатнá. Јэтьја јих в'íд'ила. Ја уб'ирáлас'а инаудá на свáдбу. Этъ уш ја была́ зá мужьм(МДВЖ. Семил.).
 У В.И. Даля встречаем следующее определение: «Бабья шерстяная юбка, красная, синяя, клетчатая, полосатая; д'ѣвки не носятъ ея, или только просватанныя. Панёвы въ губ. акающих: пен., тмб., вор., частью кур., орл.». Таким образом, понёва выполняет маркировочную функцию, причем сразу в нескольких аспектах: возрастную, социальную и брачную [Калинина 2007: 83]. Наименования понёвы в воронежских говорах многообразны и основаны на различных дифференциальных признаках, подробно рассмотрены в [Панова 2002: гл. 2, разд. IV].

Для подвязывания одежды использовался пояс, который «в славянской и шире – европейской традиции выражал символические функции и укреплял символические действия, в частности установление брачных отношений и обязанностей», а также выступал символом оплодотворения, рождения [Толстой 1995: 109]. В воронежских говорах для обозначения пояса употребляются следующие термины:

- **попоя́сок, попоя́ска** – ‘домотканый пояс из шерсти с узорами, длинный, как утирка’: *На свáдбу дúуу' у лóшъди пириплíтáли **панајáскáй**, урíву нар'áд'ут' л'энтáчками и панајáски с пан'овай нас'íли, панајáска как ткáнаја палóскъми разнацв'этными. Маја св'акрóв'а в'анчáл'ьс' ф- **панајáск'э** (БОБРОВ Бобр., ДВД. Лиск., ДНК. Кашир.). Плáт'ь **пънајáскъм** падв'áзънь (ТРС. Лиск.). В СРНГ лексема отмечена как воронежская со значением ‘пояс, кушак’: *Носили **попояски** шерстяные. Попояски носили**

*мужики и бабы: мужики носили зимой поверх зимней одежды, а летом бабы поверх юбки (Аннин. Ворон.). У нас **попояски** ситцевые, вышитые (Ворон.) [СРНГ-29: 338]. В ЛЯ функционирует сходная по морфемному составу лексема *подпоя́ска* – ‘обл. То, чем подпоясываются; пояс’ [МАС-3: 211];*

- **куша́к**: *Кушак’и́ бы́л’и, па́дв’а́зывъл’и пан’о́ву. Крас’и́ваи бы́ли: а́лаи, з’ил’о́наи, бурдо́ваи. Са́м’и так’и́йи тка́тыйц а край – т’ис’ма́ бы́ла така́йь дл’и́ннайь. Щ’ас так’и́йи н’а но́с’ут’, а ул’ад’и́ш пь т’ил’ив’и́з’иру кой-уд’е́ и пака́жут’ (МДВЖ. Семил.).* В ЛЯ *кушак* – ‘пояс (обычно из широкого куска ткани или связанный из шнура)’ [МАС-2: 157]. Лексема имеет тюркское происхождение и происходит от глагола *kuşamak* – ‘подпоясывать’ [Фасмер-2: 439]. Первые письменные фиксации ее употребления в русском языке относятся к XV в. [Юналеева 2000: 13].

Одежда жениха была проще и состояла из меньшего числа элементов, во многом сходных с современными городскими нарядами, с чем связано значительно меньшее разнообразие названий ее элементов. Схожесть свадебной мужской одежды с повседневной отмечал еще в середине XIX в. Г.М. Веселовский, который утверждал, что «жениха можно узнать только потому, что на шапкѣ у него прикалывается красная ленточка» (Острогожский уезд) [Веселовский 1867: 148]. Основой костюма жениха были **рубашка** и **брюки (штаны)**: *Ну а мушкѣ́ ад’э́ждь прастѣ́йь бы́ла: бр’у́чки б’э́лѣь руба́шкь.* (БРД. Аннин.). *А жэ́ни́х-ть в ро́звѣѣ руба́шкь, шта́п’эл’нѣѣ или сати́н. Аб’аза́т’ъл’нѣ или ро́звѣѣ или жо́лтаѣь* (БРД. Аннин.). *А жани́х в руба́хи ды ф шта́на́х был* (СТ. ЧИГЛА Аннин.). *Сат’и́наваѣу руба́шку жы́н’иху́ приуато́вила, бру́чк’и то́жъ прастѣ́ји* (МДВЖ. Семил.). Как видим, в говорах используются лексемы, формально и семантически тождественные единицам ЛЯ: *рубашка* – ‘мужская одежда для верхней части тела, употребляемая как принадлежность белья или как верхняя одежда’ [МАС-3: 734]; *брюки* – ‘верхняя одежда, покрывающая ноги и нижнюю часть туловища до пояса’, лексема происходит от голландского *broek* [МАС-1: 119]. В говорах бытуют аналитические наименования

венечная руба́ха (руба́шка), поса́дная руба́ха (мужская и женская), отражающее функциональное обрядовое назначение предмета одежды: *Вин'э́шнѣя руба́шкъ... В'анча́лис' в н'э́, бир'ауу́ про́ смьрт'* (СР. КРЧ. Гриб., Б. ВРК. Семил). *К в'аницу́ уато́вили жаниху́ вин'э́шну́у руба́ху* (ШСТ. Бобр.). *Пам'о́рль в в'эн'э́шнѣ́ руба́хъ* (Р. ГВЗ. Рам.). *Паса́днѣ́я руба́хи н'ъв'э́сть шы́ль нъ рукава́х апишы́фки* (ШКВ. Верхнехав.). Из приведенных примеров видно, что рубашка становилась сакрализованным предметом, который впоследствии применялся в последнем переходном обряде жизненного цикла – похоронном.

Мужские свадебные рубашки украшались вышивкой по вороту и манжетам, подвязывались богато украшенным поясом: *А на жаниха́ руба́ху дъ бр'у́ки Руба́ха мужы́ча вот тут во́ на баку́ застау́алас', а во́шыфкъф н'э́-быль, а про́сть та́к во вис'э́ли жака́ја-та тут как ба́сьчк'а, наши́фка, тис'о́мьчк'а, а патпа́ја сывалис' по́йс тако́ж-во́ пл'ат'о́нѣ́ с махра́ми был, на баку́ зава́зывѣли. У ма́јэ́ ма́т'ри была́ руба́ха жынихо́фскѣ́, вот ана́ была́ нъ т'ас'о́мьчки, а атишы́тѣ́я кр'э́с'тикъм, у кау́о как хто ум'э́л атишыва́д а хто н'ъв' ум'э́л про́сть такѣ́а во́т т'ас'о́мьчк'а разнацв'э́тно́ја* (В. ИКР. Бобр.). *У р'аб'а́т пѣ́аса́ уа́рухъвы́ѣ бы́ли и шо́лкъвѣ́ѣ* (ТРС. Лиск.). Вышитый ворот-стойка мужской рубашки в говорах назывался **ожерёлок**: *Ид'а в но́вѣ́ руба́хи и ажар'о́льк рашишито́ј* (Р. ГВЗ. Рам.). Данный термин стал мотивирующим для метонимического наименования свадебной рубашки с такой отделкой: **ожерёлок** – ‘вышитая мужская рубашка, надевалась на свадьбу’: *Ра́н'шь-та вышыва́ли ажы́р'о́лки – тут были вы́шытаи руба́шки жаниху́, называ́ли ажы́р'о́лки* (СЛД. Остр.). В русских говорах *ожерёльник*, *ожерёлок* – ‘всякого рода ошейникъ, что лежитъ вкругъ шеи; *астрх.* ошейникъ на скотину, собаку; *арх.* галстукъ, шейный платокъ; *арх.* мѣховой воротникъ, особенно женскій; *ниж.* женскій ошейник, монисто, ожерелье’ [Даль 2: 679]. Вышитые манжеты на мужских рубахах обозначались отглагольным существительным с прозрачной внутренней формой **обши́ вки**: *Паса́днѣ́я руба́хи н'ъв'э́сть шы́ль нъ рукава́х апишы́фки* (ШКВ. Верхнехав.).

Под одежду мужчины надевали кальсоны, как гипероним для обозначения нижнего белья в воронежских говорах использовалось словосочетание **подзёмная одѣжда**: *Ш'ас ф пла́фках, у труса́х, а тада́ ф кал'со́нах, шы́ли б'э́льѣ кал'со́ны. Вот как вы ш'ас хóдит'э у штанáх, так и тада́ кал'со́ны бы́ли, да́. Ну падз'э́мнѣ́ э́та бы́ла адэ́жда* (ИСТ. Реп.).

Праздничной обувью для невесты были **ту́фли** – ‘род обуви, закрывающей ногу не выше щиколотки’ [МАС-4: 430]: *Н'ав'э́ст'ь, ну вот ту́фли* (КР. ЛОГ Кашир.). *И купи́ла мн'э ма́ма п'э́рвый рас на два́ццэт' п'э́рв'ем гаду́ ту́фли. Я жих бир'ау́ла да т'эх пор, пакá д'э́ти н'ради́лис'* (МДВЖ. Семил.). В воронежских говорах употребляется название разновидности нарядной закрытой обуви – **барéтки**: *Абува́ли-та, ту́фил' тауда́ н'э́-быль, бы́ли бар'э́тки, ани́ бис-каблукóф с пр'áшычк'ѣ чóрны́ѣ фсиуда́, нив'э́ст'ь б'э́льѣ насóчки надивáль, а óбуф' то́лк'ь чóрна́ѣ бы́ла* (ХЛБР. Аннин.). В русских говорах **баретки** – ‘1. Всякая праздничная обувь (смол.). 2. Любая легкая обувь (тапочки, туфли и т. п.) (барнаул., свердл., тул.). 3. Женские кожаные башмаки на низких каблуках со шнурками или пуговицами (перм., свердл.). 4. Грубые женские туфли (пенз., курган.). 5. Туфли [какие?] (ростов., углич., яросл., моск., перм.). 6. Кожаные (или матерчатые) туфельки для девочек (забайк.)’. [СРНГ-2: 114]. В ЛЯ данная лексема относится к разряду просторечий: ‘прост. Закрытые туфли на шнурках или пуговицах; полуботинки’ [МАС-1: 61]. Образным наименованием разновидности нарядной обуви, как мужской, так и женской, является лексема **гуса́рики** – ‘кожаная обувь на каблуках, обувалась на свадьбу’: *П'э́в'азли́ нас в'анча́т'си – а мы в гуса́риках оба, краси́вьѣ́* (ТД. Пан.). Лексема встречается также в куйбышевских говорах в значении ‘женские праздничные ботинки, наподобие полусапожек’ [СРНГ-7: 241]. В челябинских говорах зафиксирован словообразовательный синоним **гуса́рки** – ‘высокие женские ботинки, наподобие полусапожек, со шнурками или пуговицами’ [Там же].

В отдельную лексико-семантическую подгруппу можно выделить наименования свадебных украшений, которая включает в себя наименования ювелирных изделий, а также элементов отделки женского свадебного костюма.

Безусловно, главными свадебными украшениями являлись обручальные кольца, символизовавшие нерушимость и нерасторжимость брачного союза. В воронежских говорах для обозначения свадебного кольца использовался термин **венча́льное кольцо**: *Кауда́ въур'абáль залу́ иеп'э́чкь съскачи́ль винча́лнѣ́жь кал'цо́, јэ́л'ь патом́ нашла́* (ХРН Бобр.). *Мѣлады́жь укóл'цѣх в'энча́лных* (Шаталовка Шаталовск. р-на Белгород. обл.). *У-на́с ко́л'цы в'анча́лны́ји зѣлатѣ́ја бы́ли* (ДВД. Лиск.). *Жани́х и н'ав'э́ стако́л'цы ади́ва́ли друх-дру́уу* (ПСК. Повор.). В говорах с украинской основой раньше использовалась украинская лексема **обідець**, снабженная в СУГВО пометой «устар.»: *На пальці надівали, колись звали обіди́я ми. А тепер в магазині ни зовуть обіди́ци* (СТТЛ. Бог.) [СУГВО-2: 51]. *Молоды́ј и молода́ мин'áлыс' обиди́ц'á ми* (СТ. КРШ. Петропавл.). В современных говорах Украины лексема используется повсеместно: *обідець* – ‘обручка з дорогоцінного металлу, яку молоді носять на весіллі’ [Магрицька 2003: 96].

Другими широко используемыми в свадебном обряде ювелирными изделиями были бусы, которые жених дарил невесте перед свадьбой. В воронежских говорах зафиксированы следующие наименования: **ожере́лье**: *Н'эв'э́сть фс'а в-ѣжыр'э́л'ѣ* (ФДР. Семил.); **ожере́лики** – ‘ожерелье, которое является украшением головы невесты во время свадьбы’: *У н'ав'э́ст на-у́лав'э́ ажар'э́лики* (НЖ. ВДГ. Семил.); **мани́сты** (pluralia antum): *Мани́сты нь-нив'э́сть да-но́јаса свисáли* (ШСТ. Бобр.). *Над'э́нут бува́лча мани́сты* (ХРН. Бобр., ЗАТОН Вороб.). *Мани́сты мн'э́ мужан'о́к у-у́о ради купи́л* (ЛЯВЫ Валуйск., ГОТОВЬЁ Алексеевск. р-на Белгород. обл.). В ЛЯ **ожерелье** – ‘украшение из драгоценных камней, жемчуга и т. п., надеваемое на шею’ [МАС-2: 599], **мони́сто** – ‘ожерелье (из бус, монет или каких-л. разноцветных камней)’ [МАС-2: 296]. В украинских воронежских говорах

используется номинатив **намісто**: *Це **намісто** і обідець міні подарив мій жиних тирид свальбой* (СТ. КРШ. Петропавл.) [СУГВО-2: 26].

Помимо собственно ювелирных изделий известны наименования украшений, нашиваемых на одежду и головные уборы:

- **аграмáды** – ‘украшение блёстками на головном уборе невесты’: *Нив’эсти чэпчик атлáснѣ шы́ли, л’энты поназбор’ат тут, а **аурамады**, ка́мни нашивáли* (ШШВ. Бобр.). *К свáд’би уатóвили нар’áды, шы́ли ју́нку кóхту, а на-ні́х нъшивáли бл’óски, **аурама́ду*** (ШСТ. Бобр.);

- **бахмóрчики** – ‘бахрома’: *На свáд’бу аб’азáт’ъл’нъ нъ ути́ркъхр’о́зы уóлуби рашивáли или снѣ́рики нъ рубáхах **бахмóрчики** дельли* (ШСТ. Бобр.). По М. Фасмеру, лексема *бахрома*, впервые зафиксированная в Описи имущества Ивана IV 1583 г., «заимствована из тур., крым.-тат. тауґата – ‘вуаль для женщин’, которое происходит из араб. mahrama. Начальное б- вместо м- развилось ещё в тюрк.» [Фасмер-1: 137]. В ЛЯ *бахрома* – ‘тесьма для обшивки чего-л. с рядом свободно свисающих шнурков, кистей, а также ряд таких свисающих кистей, нитей’ [МАС-1: 65];

- **блесту́шки, блёстки** – ‘мелкие блестящие украшения, пришиваемые к юбке, кофте невесты’: *К свáд’би уатóвили нар’áды, шы́ли ју́нку кóхту, а на-ні́х нъшивáли бл’óски, **аурама́ду*** (ШСТ. Бобр.): *Нъ н’эв’эсту над’э́ли бл’эсту́шки* (СТ. КУРЛАК Аннин.). В роли мотивировочного признака здесь выступает такое свойство изделий, как блеск;

- **кистю́ли** – ‘головное украшение замужней женщины в виде кистей’: *Пасл’á винчáнја абр’ажáјут’ ф **кист’у́ли** ф како́шник из б́исирь кóльтъвъ, а св’э́рху платóк шóлкъвий* (ГРМ. Хохол.). *У нив’эсты краси́выи **кист’у́ли*** (ГРМ. Хохол.). Лексема отличается прозрачной внутренней формой и представляет собой суффиксальный дериват от существительного *кисть*. В воронежских говорах известен дериват **киста́** от той же основы, обозначающий покрывало невесты: *Мишура́ э́тъ адд’элкь **кисты́*** (ЗЛЖ. Лиск.);

- **лопúх** – ‘цветной яркий воротник невесты’: *А на шéжу нив’эсти ланúх надивáли* (ХРН. Бобр.). В роли мотивировочного признака выступает внешний вид изделия – большой воротник округлой формы;

- **мишурá** – ‘лента с блестящей нитью для отделки сарафанов, понёвы, головных уборов’: *Мишурá э́ть адд’элкь кисты́* (ЗЛЖ. Лиск.). *К сърахváну мишурú пришивáют* (В. ТРВ. Нижнедев., ББК. Н.-Усм., ШСТ. Бобр.);

- **пу́шки** – ‘небольшие меховые украшения вроде серег’: *Н’ав’эсту ап’áт’ адивáли, т’ап’э́р’ на уóлаву како́шниқ в у́хи пу́шки в’эшали* (МСТ. Остр.). Пушки являлись принадлежностью сарафанного комплекса и представляли собой «височные украшения из шариков гусиного белого пуха или заячьей шкурки. Иногда пушки прикрепляли и к головным народным уборам» [Короткова 2008: гл. 2].

К этой же категории примыкают и наименования лент из прически невесты до и после свадьбы. До замужества девушка носила одну косу, и украшавшая ее лента называлась, соответственно, **коснíк** (в украинских говорах – **кiснíк**): *Сами ж коснíк и украшав голови дiвчат* (КЛБ. Лиск.). *Молода роспустила косникi по спинi* (КРН. Остр.). *Кiсникí були гарнi, отласнi* (СТТЛ. Бог.) [СУГВО-1: 161, 176-177]. После венчания, во время повивания молодой вплетали в волосы изготовленные на девичнике **плéтенки** – ‘разновидность лент, изготавливаемых плетением’: *Мать кресная на две разрезае плéтенку и в косы вплитаить* (СЛВ. Лиск.) [Христова 2006: 49]. В русских говорах **коснíк** – ‘лента, шнурок, вплетаемые в косу’ (повсеместно) [СРНГ-15: 57], **плéтенка, плетёнка** – ‘плетеная вещь (половик, подстилка, шнур и т. д.)’ (нижегородские, рязанские, пермские, сибирские говоры), ‘заплетенные волосы, коса’ (саратовские, уральские, свердловские говоры): *Невесту наряжают, в волосы плетенку влетают* (Свердл.) [СРНГ-27: 121].

Как видно из рассмотренных примеров, ЛСГ «Наименования свадебной одежды и украшений» представлена значительным числом лексем, которые

с высокой степенью детализации описывают ритуальную одежду жителей рассматриваемого региона, в особенности женскую. При этом в лексемном составе ЛСГ отражены явления внеязыкового порядка: в частности, наименования женских головных уборов (*кокошник, кичка, очипок, шлык, башлык*) и одежды (*маринетка, понева, сарафан*) отражают особенности заселения региона выходцами из разных губерний и представителями различных народностей.

Распространенными принципами номинации для данной ЛСГ являются номинация по свойству (*блестки, блестушки, дымка, кистюли, корона, тюлька*), а также номинация по способу употребления – в данном случае ношения того или иного предмета (*волосник, повойник, попояска, увиток*). Кроме того, символические функции, выполняемые предметами одежды, находят отражение в номинативах, образованных с помощью семантической деривации (*кокошник, сорока, горемычная рубаха*).

§5. Наименования обрядовой пищи

Одним из наиболее значимых материальных компонентов свадебного обряда является ритуальная пища. Еда традиционно включается в семейный, календарный, хозяйственный и окказиональный обрядовый комплекс, будучи объектом регламентации со стороны общественных норм и традиционных обычаев [СД II: 176]. Практически все основные этапы проведения свадебного ритуала (сватовство, сговор, девичник, пир, обряды послесвадебного периода) сопровождаются трапезой, на которой представлены специфические обрядовые кушанья. Приготовление и употребление пищи составляет особый кулинарный код обряда, который отражает символическое наполнение свадьбы наряду с предметным, акциональным, персонажным и другими аспектами ритуала. Широкое распространение и стабильность сложившегося состава обрядовых блюд объясняется высокой степенью включенности процесса приготовления и

принятия пищи в народную жизнь, а также важностью пищи в аксиологической системе жителя села. А.К. Байбурин отмечает такие особенности кулинарного кода, как цикличность, воспроизводимость (процесс приготовления пищи можно повторить сравнительно быстро и неограниченное число раз), а также вовлеченность всех чувств: зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса [Байбурин 1993: 213]. Кроме того, участниками общей трапезы в большинстве случаев являются все присутствующие при совершении ритуала лица, которые таким образом символически разделяют общую судьбу (долю). Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о консолидирующей функции пищи, особенно ярко проявляющейся в контексте обряда, когда даже посуду для пира собирали по всему селу: *Жэ сл'и свя́жба у кауо́, дабыва́јэм чуууны́ на фс'аму́ салу́. У кауо́ ча́шку, у кауо́ ло́шку н'э́ была-ш н'ичо́* (ЛМВ. Рам.).

Свадебное меню в Воронежской области было довольно разнообразным в зависимости от материального положения семьи. А.М. Путинцев отмечал, что свадебный пир предполагал в общем виде наличие 9 блюд: «холодец, квас (окрошка), щи, лапша, мясо, курятина, блинцы, оладьи, белая молочная каша» [Путинцев 1927: 40]. В зависимости от имущественного положения семьи исследователь выделял две разновидности застолья: первая включала «холодец из говядины, квас, щи с говядиной, лапшу белую с куриными потрохами, вареную говядину, курицу жареную залитую яйцами, блины с коровьим маслом, сметаной и сахаром, оладьи с той же приправой, кашу молочную пшеничную с той же приправой» [Путинцев 1927: 41]. Свадебное меню бедных крестьян предполагало меньшее число блюд: «холодец говяжий, квас, щи с говядиной, вареная говядина, жареная курица, каша молочная, блинцы» [Путинцев 1927: 42]. Современные полевые материалы иллюстрируют стабильность и преемственность кулинарной традиции, демонстрируя тот же набор блюд для свадебного стола, который незначительно варьировался в зависимости от достатка участников: *Так-то фс'о харашо́ быль и прѳатá вливѳлис' фс'о*

равно́, стол нькыва́ли ба́атъ (КР. ЛОГ Кашир.). Сабира́ли н'ав'э́сту к в'ану́. Снача́ла сади́лис' аб'э́дат'. Жы́ли тауда́ ни ба́ата, ну и аб'э́т был тако́й, квас да ка́ша с ты́кву. Да шиш'о́ каты́шки п'акли́ (МСТ. Остр.). На сва́д'бу уато́вили борш', карто́шки, вин'аур'э́ты, э́тъ ба́атац, кис'э́л' (В. ИКР. Бобр.). А пото́м начиня́уца ола́дики, э́тъ бли́нчики, киси́л', вот э́тъ вот пьдава́ли, бо́лшь ничи'во́ (СТ. ЧИГЛА Аннин.). На сва́т'бу уото́вили, ну чиво́, быва́ло ква́с ш'и. Фс'о́ былъ-тъ н'э-ка́к ш'ас, сто бл'ут на стол'э́. А быва́ль в одно́й ча́шк'ъ пода́ли и стаканом одни́м пи́ли (ХЛБР. Аннин.). На сва́д'б' пр'ам падава́ли борш', м'а́са, лапи́у, кур'а́тинъ, блинцы́ и ала́джи (В. ИКР. Бобр.). На стал'э́ былъ м'а́съ, чаты́ри ви́да (Б. СМВ. Эрт.). Колбоса́, сыры́ покупа́ли, и ры́бъ была́ и м'а́со. М'а́съ пр'а́мъ даскана́лнъ, и катл'э́тки с карто́шк'э́. Жэ́то то́лк'а на сва́д'бу, да, жэ́тъ д'ла́ сва́д'бы то́лк'а пькупа́ли фс'о́, уато́вили и заута́вливы́ли фс'о́ (КР. ЛОГ Кашир.). Однако любое свадебное застолье предполагало наличие нескольких ритуальных блюд, присутствие которых было обязательным: **борщ** (или **щи**), **лапша** и **каша**: «Молодожёны и гости садились за стол. Здесь к традиционным свадебным блюдам обязательно подавали горячий борщ» (ТАЛОВАЯ Тал.) [Недоступова 2013: 196]. Гато́вили у на́с на сва́т'бу э́т ш'и, лапи́а́ и ка́ша, вот фс'а́ сва́т'ба. Рьската́щи, нар'э́жши лапи́у, патсу́ыши И ка́шу. Фс'э́уда́ на сва́д'б' ка́шу падава́ли (В. ИКР. Бобр.). Харчэ́й таки́х н'э́ былъ, как ш'ас. Пьдава́ли бал'шы́и ча́шки с хьлацо́м **борш'**, лапи́у, блинцы́ и **ка́шу** (МДВЖ. Семил.). А уото́вили, тада́ уото́вили про́ишь, э́тъ ш'ас вот уото́в'э́тъ фс'о́. а тада́ квас, хьлод'э́ц с ква́сьм **борш'** с м'а́сьм, лапи́а́. Э́тъ ш'ас в'ьрмиши́эл', а тада́ лапи́а́ была́, с кур'а́тин'э́, вот тако́й вот (ХЛБР. Аннин.). Данные блюда представляют собой основу ритуальной пищи – так называемые **три е́ства**, подаваемые в различных семейных обрядовых ситуациях (на крестинах, на свадебном пиру, на похоронах) (см. также термин *триеста* для обозначения сватовства, гл. 2, §2). Приготовление пищи ассоциируется с мотивами преобразования, зарождения жизни, поэтому традицией предписывается, чтобы в приготовлении пищи на свадебном пиру,

особенно в выпечке обрядового хлеба, участвовали только замужние женщины (ср. в родильной обрядности – роды принимала обязательно рожавшая женщина), часто старшего поколения, искусные в приготовлении ритуальных блюд: *Д'э'вушки сабира'лис', а стару'хи им стр'а'п'ли. У н'э'ж сва'д'бь сабира'иц'ь, а ба'бушки стр'а'п'ют, ма'мы, уа'то'в'ят* (ХЛБР. Аннин.). Для особых случаев – на свадьбу и поимнки – приглашают даже ещё стряпух со стороны (есть в селе 2-3 женщины, которые славятся своим искусством стряпать): *нужно не только поискуснее приготовить кушанья, но и в изобилии* (с. Московское) [Путинцев 1927: 27].

Традиционным первым блюдом на застолье был **квас** – ‘окрошка’, ‘холодный суп с капустой’ [Поликарпов 1908: 27; Путинцев 1927: 40]: *Сва'д'бь была' т'ьк с'мау'он пи'ли а да'ри'лис'* – **квас** д'э'ль'ли (КРШ. Бобр.). *Жа'ды та'да' м'э'н'ша бы'ла, ну и ж'э'ли квас с ка'пу'ста'ју да ка'шу с т'ы'кв'я* (МСТ. Остр.). В качестве горячего первого блюда, помимо борща или щей, мог подаваться **ушник** – ‘кушанье из круп, род полужидкого супа или каши, приготовленное по специальному поводу; на свадьбах’: *Ушник у-на'с на сва'д'б'ьх уа'то'в'ят'* (В. ТРВ. Нижнедев.). *Ушник аржан'о'ј ж'э'ли* (ЧГР. Борисогл.). Название блюда мотивировано лексемой *уха* – ‘похлебка’, широко репре-зентированной в инославянских языках в значении ‘суп’, ‘похлебка’, ‘подливка’: сербохорв. *јуха*, словен. *juha*, чеш. *jiřka*, болг. *юха*, в рус. говорах *юшка* и т.п. [Фасмер-4: 177]. Основным ингредиентом ушника была требуха, как правило, говяжья: *Д'э'ль'ли и ушник аб'аз'ат'эл'на з-уав'а'ж'ими киш'ка'ми* (В. КРЧ. Гриб.). *Ка'да' ж'э'ст' нутр'ан'о'й ж'ыр, так жи'во то'ж'ь в-ушник кла'ду'т'* (НГЕ. Гриб.). *Л'э'т'ьс'а мно'у'ь бы'ль скат'и'ны, вот мы, п'ьчит'а'й, ув'э'с' уот ушничк'о'м пит'алис'* (Роговатое Шаталовск. р-на Белгород. обл.). В состав ушника, помимо мяса, входил картофель, лук и крупа – гречневая (БРТ. Терн.), пшенная (ЗАТОН Вороб., НТР. Тал.), манная (Н. ЧИГЛА Тал.), иногда добавлялись куриные яйца: *Ушник эд'ь-д'э'ль'ши ка'шу сва'риш е'ја'јц'ьми, эт ушник* (БРД. Аннин.). *В-ушник да'ба'ф' лучк'у'* (В. ТРВ. Нижнедев.). В воронежских говорах также известны

субстантивированное прилагательное **ушнóе** – ‘гречневая каша на мясном отваре’: *Кричі́т’ мат’: иди́ть ушнó́й я́ст’* (ПЧЛ. Бобр.); ‘похлёбка с сливером’: *Ушнó́й на аб’э́т* (В. ТРВ. Нижнедев.). *Ушнó́я ва́рил’а* (Р. БЛВ. Павл.); ‘пшённый суп’: *На кастр’э́ ушнó́й п’лу́ча́иць ук’у́сн’ый* (Б.МТР. Эрт.) и аналитическое наименование обрядового кушанья **ушнóй суп** – ‘суп из гречихи, который подавали на поминки’: *Ушнó́й суп ус’э́уда п’дава́ли на пóминки* (ТД. Пан.). В некоторых селах в качестве обрядового угощения выступала **салама́та** – ‘свадебное кушанье из гречневой или пшеничной муки’: *Ф-сва́д’бу салама́т’ п’да́ју’т’* (Н.СЛС. Семил.). В русских говорах *саламата* – ‘каша из толокна’ (ворон., олон., омск.), ‘жидкая каша из гречневой или гороховой муки’ (Нижнедев. Ворон.) [СРНГ-36: 57].

Особое внимание в свадебной обрядности уделялось хлебобулочным изделиям, поскольку зерно является универсальной метафорой жизненного цикла, символом плодородия и достатка [Карасева 2004: 173; Байбурин 1993: 214]. В соответствии с этим лексико-семантическая подгруппа «Наименования хлебобулочных изделий, подаваемых на свадьбе» отличается большим числом репрезентантов – нами было зафиксировано 20 лексем, обозначающих изделия из теста, подаваемые на свадьбе: *аряхи, баран, баранчики, барка, блинцы, бобышки, витушка, дежник, калачи, катанка, катышки, каравай, кокурка, курник, лежень, оладки, пироги, повитушка, пышки, сыр-каравай*. Примыкают к ним наименования, бытование которых ограничено украинскими воронежскими селами: *паляниця, хлібина, шишка*. Термины, входящие в состав данной подгруппы, можно классифицировать по признакам ‘место подачи’ (на свадебном пиру или во время других этапов ритуала) и ‘способ подачи’: обрядовый хлеб крупного размера мог разделяться между участниками свадебного пира, а более мелкие изделия из теста раздавались гостям целиком.

Как отмечает Н.В. Ермакова, хлеб изначально получил сакральный смысл как символ солнца, ассоциирующийся с достатком и изобилием. В свадебной обрядности хлеб служит символом «оседлого и благополучного

домашнего життя» [Ермакова 2005: 155]. Жертвоприношение хлеба в древности могло заменять ритуальное убийство животных, а с развитием земледельческого быта получило самостоятельное значение. С сакральным значением хлеба связаны, по всей видимости, такие наименования свадебных кушаний, как **барáнчики** – ‘куличи из пшеничной муки, подаваемые за свадебным столом’: *Када́ за сто́л сади́лиѝ, дык барáнчики падава́ли* (НЖ. ИКР. Лиск.); **барáн** – ‘кулич большего размера, чем баранчики, который предназначался для жениха’: *А уж барáн жаниху́ то́лки дава́ли* (НЖ. ИКР. Лиск.). В костромских говорах *барáны, барáшки* (только мн.) – ‘печенье в виде маленьких круглых хлебцев, колобков, шариков’ [СРНГ-2: 103, 110]. Лексема *баранчики* в указанном значении в диалектных словарях не отмечена. В качестве мотивировочного признака для данного номинатива можно выделить круглую форму соответствующего мучного изделия (ср. в русских говорах *барáн* (перен.) – ‘петля, узел, заворот каната на судне’ [СРНГ-2: 103], *барáнить* (веревку) – ‘закручивать в бараний рогъ, колыжками, кольцами’ [Даль -1: 48]).

Также в воронежских говорах известны названия обрядовых мучных изделий **ба́рка** – ‘свадебная булка; тесто раскатывается жгутом и сворачивается улиткой’: *Ны́н’э бу́ димба́ркул’ани́т’* (КРТ. Остр.). В словарях данная лексема в значении ‘хлебобулочное изделие’ не зафиксирована; **бабы́шки (бобы́шки), ола́дки** – ‘оладьи, подаваемые на свадьбу’: *Ну бабы́шки п’акли́ на сва́дбу или куда́* (Б. СМВ. Эрт.). В других говорах **бобы́шка** – ‘булочка из остатков теста на хлеб’: *Бабышки пикли, кауда хлел раньше пикли – вот аставляют теста спициальна нямношка, и вот эти бабышки пякуть* (СТ. ТД. Аннин.) [Несветаев 2009: 124]. Лексема *бабышка* зафиксирована в «Словаре русских народных говоров» в значении ‘круглый ситный хлеб из кислого теста’ с пометой (Ворон.), а также употребляется в курских, калужских, рязанских и донских говорах [СРНГ-2: 31]. В тамбовских говорах *бабы́шка* – ‘маленькая круглая булочка’: *Нибальша́я бабы́шка, кру́глая здо́бная* (с. Шмаровка Мордовск. р-на Тамбов. обл.)

[Пискунова 2002: 32]. Лексема *бобышки* (*pluralia tantum*) зафиксирована словарем как принадлежащая курским и воронежским говорам в значении ‘маленькие ржаные или пшеничные лепешки, посыпанные сахарным песком’. Сведений об обрядовом использовании бобышек в рассматриваемом регионе не приводится, однако отмечено, что бобышки употреблялись в качестве десерта и являлись «любимым кушаньем местного населения» [СРНГ-3: 40]. В качестве вероятного мотивировочного признака для данной лексемы можно выделить форму изделия (ср. *бобы́ня* в тульских, вологодских говорах ‘надутый, чванный, гордый, спесивый человек’ [Даль 1: 103]).

Широким ареалом распространения отличается лексема **блинцы́** – ‘свадебное блюдо: блины намазывали маслом, посыпали сахаром, складывали вдвое или разрезали накрест’: *Тада́ в блинцы́ ни заварáчивьли, та́к ма́слѣм нама́жут, са́харѣм насы́плут’ и пада́ју т’ на сва́д’бу* (Б. СМВ. Эрт.). *На сва́д’бу уа́то вили м’а́су, халад’э́ц, блинцы́* (ГРМ. Хохол.). Термин распространен в южнорусских говорах: рязанских, курских, донских, калужских [СРНГ-3: 26]. В тамбовских говорах помимо лексемы *блинцы́* – ‘тонкие пресные блины’ отмечен акцентологический вариант *бли́нцы* [Пискунова 2002: 38]. Блины, имеющие солярную символику, являются традиционной ритуальной пищей, они широко используются в календарной (особенно масленичной) и семейно-бытовой обрядности. По свидетельству В.И. Даля, «блинами поминают покойника и празднуют свадьбу». Блины (блинцы) чаще подавались не непосредственно на свадебном пиру, а во время застолья на второй день свадьбы, в связи с чем «стол у родителей молодой на другой день свадьбы» метонимически именуется *блины́* [Даль 1: 99] (ср. в саратовском обрядовом комплексе обычай ходить *к теще на блины* на второй день свадьбы [Алиференко 2006: 13]). Вероятнее всего, это обусловлено связью символики блинов с загробным миром и их поминальной функцией [Гревцова 2012: 118], что отвечает идее свадьбы как переходного обряда. В словаре Даля также отмечено, что в воронежских говорах обрядовый пирог *курник* известен и под названием *блино́к*, однако современные полевые

исследования уже не подтверждают этих сведений. В астраханских говорах блины – ‘обед для молодых на другой день после свадьбы в доме родителей невесты’, в вологодских – ‘обрядовое посещение родителей молодой на пятый день после венчания’ [СРНГ-3: 24].

Центральным блюдом свадебного пира являлся **каравáй** – ‘обрядовый хлеб, подаваемый на девичнике (в других местах – на свадебном пиру)’ [Даль 2: 59]: *Мылады́ја насл’а сва́дбы јид’а́т каравáј* (АРХ. Хохол.); *Мълады́м каравáј п’акли́* (СЛД Остр.). *Сп’эклý каравáј* (ПРВЛ. Калач.). *Каравáј-та сва́т’ја п’акла́* (СЛД. Остр.); *А на сва́д’бы бал’шы́ја къравáи п’акли́* (Лавы Белгород. обл.). *Напроти́в молодих стои́ть корова́й* (ППВ. Рос.). *Шишки, то ж як дар ідуть, шишки роздають, а корова́й стои́ть* (ЗЛМ. Бог. Повсеместно). [СУГВО-1: 175]. Свадебный каравай представлял собой «большой круглый хлеб, щедро украшенный цветами, листочками, фигурками из теста» [Карасева 2004: 174]: *Каравáј у на́с на тр’о́х лазі́нках изукра́шыннај хво́рмачками* (ДВЦ. Семил.). В русских говорах (курских, донских, краснодарских, волгоградских, калужских, оренбургских, брянских, смоленских и др.) **каравáй** – ‘ржаной или пшеничный хлеб особой выпечки и особой формы – с украшениями, приготовление которого и вручение молодым сопровождается определенными действиями’ [СРНГ-13: 65]. Каравай является очень древним и многозначным символом, известным в качестве свадебного атрибута еще древним римлянам [Еркоева 1998: 19]. Этимология термина может быть связана с сущ. *корова*, «которая в русских диалектах имеет также значение "невеста"; этот дар должен был быть волшебным средством, чтобы вызвать плодовитость, подобно тому как бык символизировал жениха»; ср. укр. *коровай*, болг. *кравай*, сербохорв. *кравај*. Менее вероятным исследователям представляется генетическое сближение лексем с др.-инд. *śagus* (жертвенный хлеб), лат. *sigvus* кривой, выпуклый’ [Фасмер-2: 332]. Изготовление каравая сопровождается продуцирующей и катартической гомеопатической магией, поэтому налагает ограничения на круг лиц, имеющих право его изготовления: *Прыглашають’ пыкты каравай*

*обязатил'но заму́жнюю жэ́нщину / но масты́рицю / одино́кой жэ́нщины
ныл'зя пы́кты карава́й // карава́й в-ден' свайбы́ украшат' ягодами колыны и
оплетают' красными нитками //* [Филатова 2010: 189]. Лексема известна
в воронежских говорах и в конкретно-бытовом значении 'хлеб круглой
формы': *Я спикла собі один корова́й* (ЛОМЫ Вороб.) [СУГВО-1: 175].

К наименованиям каравая примыкает термин **сыр-карава́й**: *Как авин
зальют, друшко ламаить сыр-карава́й, даёть палавину жаниху, палавину
нивести* (ВОРОН.) [Карасева 2004: 174]. Этот обрядовый хлеб занимает
особое место, его резание имело символическое значение, отмеченное в
«Домострое» [Домострой: гл. 67]. У донских казаков термином «сыр-
каравай» назывался свадебный пирог, что мотивировано связью молочных
продуктов (в том числе сыра) с культом продолжения рода [Бабурина 1998: 83].
Кроме того, основа слова *сырый* имеет семантику 'кислый', (ср. англ. *sour*,
нем. *sauer* и др.), что указывает на номинацию по составу: *сыр-каравай* – 'хлеб,
изготовленный из кислого молока' [Бабурина 1998: 87]. Наименование
кушанья, таким образом, оказывается мотивировано сырьем для его
приготовления. Еще одним наименованием свадебного хлеба является
лексема **дежні́к** *Д'ажники́ п'аклі́ на сва́дбу* (СЛД. Остр.) – производная от
дежа́ 'деревянная кадка, в которой ставят тесто или хранят продукты'
[Гончарова 2012: 48]. В украинских воронежских говорах такой хлеб также
назывался **ле́жень** – 'обрядовый свадебный хлеб, по форме напоминающий
свадебную шишку': *На свайбі́ вiгда готовили раньши ле́жні́* (ПСР. Кант.)
[СУГВО-1: 199]. Лексема встречается в некоторых кубанских говорах, где
считается наследием южнорусской или донской традиции [Финько 2014:
201], в СРНГ в качестве ареала ее распространения указаны воронежские,
астраханские, донские говоры [СРНГ-16: 334].

В отдельную подгруппу можно выделить наименования хлеба,
используемого в досвадебный период. В украинских воронежских говорах
коврига круглого пшеничного хлеба, приносимая сватами, носила названия
паляні́ця: *Свати бис паляні́ці ни ходили* (КЛБ. Лиск.). [СУГВО-2: 74] или

хлібі́ня: *Приходятъ, приносятъ хлібі́ну с собою. Свати* (ГРМ. Кант.) [СУГВО-2: 256]. В русских селах употреблялись термины **виту́шка**, **повиту́шка** – ‘изделие из теста, подаваемое сватам, когда приходят договариваться о дне свадьбы’: *Виту́шки ны́нча пик’омъ сваты́ придутъ дагавáривъць* (АНШ. Лиск., Б. ВРК. Рам.). *К зубóвару изд’э́лѣютъ пѣвиту́шку* (ПРЛ. Семил.). Лексема также известна в значении ‘угощение невесте от жениха перед свадьбой’: *Исп’аклі́ виту́шку пашли́ прав’э́дѣт’ мѣладу́ѣ* (КРС. ЛП. Реп.). Данная лексема представляет собой суффиксальный дериват от глагола *вить* и мотивирована формой изделия. Этот же признак лег в основу наименования **калачи́** – «сдобное пресное печенье в форме баранки, только вдвое больше <...> *Калачи* употребляются как принятая форма домашнего гостинца жениху и невесте» (с. Московское) [Путинцев 1927: 38]. С этой же целью изготавливались и **пы́шки** – ‘пресные лепешки из теста сдобного и простого. Пекут и для подарков невесте, жениху, куме и т.п.’ [Там же: 37]. В русских говорах лексема *кала́ч (кола́ч)* распространена практически повсеместно и означает ‘печеные изделия из муки (обычно в виде жгутов, колечек, витушек и т. д.)’ [СРНГ-12: 337]; номинатив *пы́шка* образован от слова *пы́шный* – ‘мягкий, пухлый, рыхлый и легкий’; в ЛЯ *пышка* – ‘пышная лепешка’ [МАС-3: 570]. В пензенских говорах употребляется словообразовательный синоним *пы́шник* – ‘булочка’ [СРНГ-33: 206].

Выпечные изделия меньшего размера с начинками в воронежских говорах назывались **пирогі́**. Об их обрядовом употреблении (на свадьбе, на поминках и по др. случаям) сообщал А.М. Путинцев [Путинцев 1927: 36]. Лексема пирог имеет соответствия в инославянских языках: укр. *пиріг*, бел. *пірог*, чеш., словац. *piroh*, пол. *piróg* и образована суффиксальным способом от основы **piǝ* [Фасмер-3: 265]. Из разнообразия пирогов наибольшее значение в свадебной обрядности имеет **ку́рник** – «род калача (сдобный круглый пирог) с запеченною в нем курицею, яйцами; вместо курицы попадает туда и утка, и говядина. Это свадебная хлеб-соль молодым, от всех родных» [Даль 2: 129]: *Ку́рник* – *пиро́х сва́дѣбны́ с трим’а́ ра́зными*

начі́нкъми ку́риць была́ там (ПТН. Хохол.). По сведениям А.М. Путинцева, курник изготавливался из ржаного теста, имел в виде начинки жареное куриное мясо и украшался сверху фигурками из теста – цветком для жениха и человеческой фигуркой для невесты. Молодые люди менялись курниками в канун свадьбы, и этот пирог стоял на столе в течение всего девичника или мальчишника соответственно, после чего начинку извлекали и съедали, соблюдая ритуальное молчание, а тесто не трогали (с. Московское) [Путинцев 1927: 35]. Курица считалась символическим атрибутом невесты (см. §1), поэтому пирог с куриным мясом разделялся между девушками как символ девичьей доли. Обрядовый термин *курник* повсеместно известен в русских говорах и относится к праславянскому лексическому фонду, этимологически восходя к прилагательному **kuǵьnъ*(jъ) [ЭССЯ-13: 134]. Лексема имеет формальные параллели в инославянских языках, но с несколько отличной семантикой, напр. бел. *курнік*, укр. *курник*, болг. *курник*, польск. *kurnik* – ‘курятник’ и т.п. [Шабулдаева 2008: 242]. В воронежских селах на стоворе также подавался пирог с луковой начинкой – *лу́шник* (Н. КУРЛАК Аннин.) [Христова 2012: 125]. Как видим, наименования пирогов обладают прозрачной внутренней формой и конструируются на основе существительных, называющих ингредиент, выступающий в роли начинки (курица, лук).

Гостям на свадьбе повсеместно раздавались небольшие булочки из сдобного теста. В воронежских говорах выделяется термин, мотивированный способом изготовления изделий (*катать*), – *каты́шки*: ‘род небольших булочек, раздавались на свадьбе’: *Да ишии́ о каты́шки п’аклі́, св’э́рху на них са́хар сы́пали* (МСТ. Остр.); ср. *ка́танка* – ‘вид традиционной каши; блюдо, приготовляемое из пшена, муки и яиц. Подавалась чаще всего на свадьбе, во время одаривания молодых, на поминки и <...> престольные праздники’ (РСШ., ОДЦ., РДН. Реп.) [Тихонова 2012: 129]. Кроме того, нами были выявлены наименования, образованные путем метонимического переноса по сходству формы изделия с природными объектами:

- **аряхі́** – ‘сдобное пресное печенье в форме шариков, величиной немного больше вишни’, которым молодые одевают всех встречных во время масленичных гуляний [Путинцев 1927: 38]. Исследователь отмечал, что данный номинатив постепенно выходит из употребления, что подтверждается современными данными, где новых упоминаний о его употреблении не зафиксировано;

- **жаворо́нки** *Эть в'осно́ј, в'осно́ј, ф пост, вот. Жъворо́нки прили́т'а́т кода́ то́ жъ жъворо́нки д'э́лѣц пи́кли́. Да́ жъ на сва́дбу п'окли́ ф шу́тку пр'ам у́низдó зд'э́лѣши, ја́йчки тудá нъкатѣ́ши, и жъворо́нкѣф зд'э́лѣши, поса́диши на тор'э́лку молоды́м* (ХЛБР. Аннин.). Наблюдается контаминация свадебной и календарной обрядности – печенье в виде птичек (*жаворонки*) изготавливалось обычно на *со́роки* (день памяти Сорока мучеников севастиийских, 22 марта), после чего «оставляли этот хлеб: скоту, Богу, первому встречному, детям» [Христова, Ревнева 2005: 13]. В данном случае на первый план выходит символика птиц, гнезда как счастливого домашнего очага.

В украинских воронежских говорах распространена лексема **ши́шка** – ‘булочка из сдобного теста особой формы, разукрашенная сверху как еловая шишка; вручалась гостям на свадьбе’: *Ище тикли ши́шки́ на свайбу і роздавали* (ЛКВ. Подгор.). *На, ось я тобі с свальби ши́шку принисла* (СТТЛ. Бог.). *Ши́шки́ – то ж як дари ідуть, ши́шки́ роздають, а коровай стоїть* (ЗЛМ. Бог.). *Тоді начяли ши́шки́ кидать з машини. Я одну ши́шку вловила* (ПСР. Кант.). *Ши́шку всім на второй день свайби дають* (КЛБ. Лиск. Повсеместно) *На сва́дѣби роздава́лы ши́шкы́* (Ст. Криуша Петропавл.) [СУГВО-2: 289]. Т.Е. Гревцова отмечает, что подобные изделия обладают фаллической символикой, поэтому их раздача на свадьбе связана с карпогоническими пожеланиями [Гревцова 2016: 11-12]. Д.К. Зеленин указывал на принадлежность шишек украинской свадебной традиции [Зеленин 1991: 339]. Среди южнорусских областей обычай раздачи шишек распространен на Кубани, где их функции более разнообразны: шишки выступают как атрибут

приглашения гостей на свадьбу, используются при выкупе или маркируют честность невесты на второй день свадьбы [Финько 2012: 103].

В качестве заключительного блюда, после которого гости должны выйти из-за стола, подавалась молочная каша, в воронежских говорах носившая названия: **ка́ша-выгоня́лка**: *А пат кан'эц выуан'алку на стóл падају́т' (ТД. Пан.). Ка́ша-выуан'алкь. Патаму-штъ ана́ пасл'э́дн'ајь стр'анн'а́ и́сь стала́ вон* (БРД. Аннин.); **разго́нщица** – ‘пшенная или кукурузная каша на поминках или свадьбах, которую подавали последней в знак окончания трапезы’: *Э́нту ка́шу, разу́они'ицу, пасл'э́дну́ју дава́ли* (МЧТ. Бобр.); **разгоні́ха**: *Эт нъзыва́льс' рьзуан'і́ха, ка́ша была́. Э́ту ка́шу пасл'э́дн'и́ју пьдава́ли, штоп јэ́јэ пэ́јэ'л'и и рьсхад'і́л'ис'. Ну и ф тако́м ду́хи, зна́ч'ит', прашла́ сва́дба* (МДВЖ Семил.). В орловских говорах **разго́нщица** – ‘блюдо (обычно каша), после которого расходятся из-за стола’; в пермских и вятских гвоорах **разгонь** – ‘блюдо, подаваемое в конце застолья’, в уральских диалектах употребляется дериват **разго́нщица**, в вологодских и смоленских – **разгоні́ха** [СРНГ-33: 309]. В самарских говорах **разгонь** – ‘лапша’, в ивановских – ‘свиная голова’ [Там же: 310]. Лексемы, называющие заключительное свадебное блюдо, являются наглядным примером действия функционального принципа номинации, все единицы синонимического ряда являются дериватами от глаголов с корнем **-гон-** (**выгонять**, **разгонять**) и образованы морфологическим способом при помощи синонимичных аффиксов. Примечательно, что каша-выгонялка подавалась и во время похоронного обряда, на проводах умершего: *Падають кашу и кисель, кто кисель не варя, то адну кашу-выганялку варят на поминки, кагда чилавек умирая* (СТ. ТД. Аннин.) [Несветаев 2008: 163].

Основными спиртными напитками на свадьбе были **во́дка** и **самого́н**: *Баја́ри во́тку разно́с'ут'* (БЛГ. Подгор.). *Сва́дбь была́ тьк съмауо́н ни́ли, а дари́лис' – квас д'э́льли* (КРШ. Бобр.). *А самауо́ну уна́ли фс'у жы́зн' ји́јэ, вот съмауо́ну прауо́н'ут', там таки́ја стакáн'чики были, вот па-три́ стакáн'чика падн'асу́т', вот и фс'а сва́т'ба была. Ну а ја́-ть уш када́ за́муш*

выхади́ла, тады́ уш наған'áli мно́га (В.ИКР. Бобр.). *Нали́ли т'эби́ – пи́.* *Сомоуо́н св'око́л'ны́ вон'у́чи́* (ХЛБР. Аннин). В качестве тары и меры измерения применялся **штоф** – ‘бутылка объемом в 2 литра’: *На-сва́д'бу уато́вили штахо́ф сто* (ШСТ. Бобр.), а для того чтобы избежать опьянения, использовали стакан с вогнутым дном, с маленькой выемкой внутри. В воронежских говорах он назывался **обма́нный стака́н** *Пја́ных бы́ль ма́ль на-сва́д'би, п'таму́-к'к из абма́нных ст'кано́ф пи́ли* (Р. ГВЗ. Рам.). В Хохольском районе отмечается использование двух общих стаканов для всех гостей: *Пи́ли то́ка двума́ стаканáму и ани́ хади́ли на кру́у* (ГРМ. Хохол.).

Таким образом, лексика свадебной пищи в воронежских говорах отличается разнообразием и детализированностью, связанной с высокой ритуальной значимостью тех или иных блюд (в частности, выпечных изделий из теста). Наиболее широким ареалом и активностью употребления обладают лексемы, обозначающие основные праздничные блюда, – *блинцы, квас, лапша, холодец, каша*. Лексемы данной ЛСГ находятся между собой в родо-видовых (*хлеб – дежник, каравай, лежень; пирог – курник, лушник*), синонимических (*выгонялка, разгониха, разгонница*), вариативных (*бабышки и бобышки*) отношениях. В качестве мотивирующих признаков фигурируют внешний облик изделия (*витушка, калач*), способ приготовления (*дежник, катанка, катышки*), а также функциональное назначение кушанья на пиру (*каша-выгонялка*). В связи с сакрализованным статусом пищи в народной культуре для номинации свадебных блюд активно используется семантическая деривация (*аряхи, баран, баранчики, жаворонки, шишка*) как способ номинации, позволяющий наиболее полно отразить символику того или иного кушанья.

§6. Наименования прочих материальных атрибутов свадьбы

Помимо наименований предметов, изготавливаемых специально к свадьбе и не используемых вне обрядовой ситуации, ТГ «свадьба» в воронежских говорах включает ряд лексем, обозначающих те предметы, которые получали специфические функции и символическую семантику только во время проведения ритуала. К ним относятся: некоторые наименования предметов домашнего (посуды и утвари) и церковного (иконы, свечи) обихода, с которыми во время свадьбы совершались обрядовые действия; названия элементов декора, выполнявших маркировочную функцию, а также наименования помещений, в которых совершались значимые обрядовые действия, и транспортных средств, составлявших свадебный поезд. Последние две подгруппы, строго говоря, не являются наименованиями предметов материальной культуры и относятся скорее к пространственной организации обряда. Однако мы посчитали возможным включить их в комплексное описание свадебной лексики, поскольку пространство в свадебном ритуале также получает сакральный статус: два основных локуса (дом невесты и дом жениха) актуализируют оппозицию «свое – чужое», а дорога между ними представляет собой «промежуточное ритуальное пространство» [Гура 2011: 566]. Перемещаясь между ключевыми локусами, участники свадьбы последовательно преодолевают ритуальные границы, реализуя, таким образом, главную идею свадьбы – переход из одного «мира», состояния в другое. В соответствии с этим наименования пространственных объектов и средств передвижения приобретают не только прагматический, но и символический смысл, свойственный обрядовой терминологии.

В свадебном обряде посуда использовалась не только для приготовления и подачи пищи на застольях, но и как вместилище других ритуальных предметов (напр., свадебных даров), а также как самостоятельный предмет, выполняющий маркирующую функцию (см. обычай *ходить*

с блюдами в гл. 2, §2). Наименованиями такой посуды, используемой в воронежском обряде, служат лексемы:

- **ба́ночка:** *Стано́в'ат' ба́нчыки и д'э́н'уи кладу́т' каво́ абьѹрывьѹт'* (ШСТ. Бобр.). В ЛЯ *ба́ночка* – уменьшительное от *ба́нка* ‘стеклянный или металлический сосуд, обычно цилиндрической формы’ [МАС-1: 60], однако в говорах лексема *баночка*, несмотря на уменьшительный суффикс, может обозначать «как небольшую стеклянную банку, так и банку любой вместимости» [Гончарова 2012: 73];

- **блюдо:** *Невѹсту сажаютъ въ телѹгу, куда садится сваха съ ея стороны съ блюдомъ (въ которомъ лежатъ: серьги, снизки, головной «бабий» – замужній уборъ)* (Истобное) [Поликарпов 1906:14]. В ЛЯ *блюдо* – ‘столовая посуда в виде большой тарелки, круглой или овальной формы, для подачи к столу кушанья’ [МАС-1: 100]. Лексема заимствована из древнегерманского языка и упоминается в памятниках письменности с XI в. [Гончарова 2012: 121], что свидетельствует о древних традициях использования данной посуды, в т. ч. в обрядовых действиях;

- **решето́:** *Дарни́цы пат н'э́сн'у браса́ли д'э́н'уи в р'ѹшато́* (ШСТ. Бобр.). Лексема тождественна соответствующей единице ЛЯ как в плане выражения, так и в плане содержания: *решето́* – ‘хозяйственная утварь в виде деревянного обода, на который натянута сетка, служащая главным образом для просеивания муки’ [МАС-3: 714]. Название *решето* является общеславянским и имеет множественные эквиваленты в родственных языках [Гончарова 2012: 179];

- **калга́н** – ‘поднос’: [Во время свадьбы] *на калу́ан браса́јут' фс'о, и д'э́н'уи, и м'э́лкиѹ в'э́ш'и* (НЖ. ИКР. Лиск.). В русских говорах *калган* – ‘деревянная миска, чашка, блюдо, (обычно самодельные)’ [СРНГ-12: 341-342], в воронежских говорах лексема широко распространена и служит основой для разнообразных суффиксальных дериватов. Слово, по всей видимости, имеет тюркское происхождение, однако его этимология остается затемненной [Гончарова 2012: 126];

- **тарéлка**: *Падáрки кладу́тí нь тар'э́лку* (Р. ЖРВ. Верхнемамон.). В русском ЛЯ лексема появилась под влиянием немецкого языка (от сущ. *Teller* – ‘тарелка’) и используется в текстах XVII в. [Гончарова 2012: 121]. В говорах существительное имеет такой же формальный облик и семантику, как и в литературном языке: ‘столовая посуда круглой формы с плоским дном и приподнятыми краями’ [МАС-4: 341].

Как видим, объединяющими семами для данных существительных являются такие признаки, как плоская форма (за исключением лексемы *баночка*) и хорошая видимость содержимого, что отвечает общей для ритуала тенденции демонстрировать окружающим имущество и достаток молодой семьи, а также декларировать прозрачность намерений (например, в процессе сватовства).

Другой значимой категорией предметов обихода, выполняющих обрядовые функции, была утварь из ткани – различные скатерти, полотенца, покрывала и т. п. Они являлись составной частью свадебных даров и приданого невесты, служили украшением дома и свадебного поезда, а также играли маркировочную роль для некоторых свадебных чинов. В зависимости от бытового назначения предмета различаются следующие лексемы:

- **подзо́р** – ‘вышитое покрывало для постели; вышитая наволочка; вышитый кусок полотна, привешиваемый к спинке кровати’: *Мълады́м на нас'т'э́л' надзо́р клáли* (АРТ. Аннин., СТ. ТОЙДА Аннин., У. МРВ. Реп.). Лексема употребляется в новгородских, костромских, калужских, донских говорах в значении ‘простыня с кружевом, спускавшаяся (при застилании кровати) ниже покрывала’ [СРНГ-28: 19];

- **рушнѝ́к** – ‘длинное вышитое полотенце, употребляемое в обрядах и для украшения икон и др.’ Ритуальные функции рушников достаточно обширны: в с. Урыв «при благополучном сватовстве невеста перевязывала сватов вышитыми полотенцами – *рушниками*» (УРЫВ Остр.) [Христова 2015]; за рушники выводили молодых к поезду перед венцом; ими через плечо повязывались жених и дружка; при венчании рушники надевались на

палец крестным; невеста готовила рушники в приданое и для подарков родственникам жениха, они служили для украшения икон в доме и т. д.: *К ви́нцу м'яла́дыи ишли ди́ржа́с' зь-рушники́. Рушні́к а под но́уи сла́ли м'э́тр халсти́ны* (С. ТД. Аннин.). *Пришли́, засва́тъли на́дъ ради́тъль'ьм јијо́ пѣдари́т' рубáху; ико́ны јэс'т'у-ха́тъ, на-ка́жнују рушні́к на́дъ дари́т'* (Богословка Краснин. р-н Белгород. обл.). *Нив'э́ста с'э́м' рушнико́в зуато́ вила нъ-ико́ну* (ЩЧ. Эрт.). *Дружку и поддру́жему даю́тъ по вышитому рушнику́, которыми они перевязываются чрезъ плечо* (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 202]. *Потом входит невеста с подарками и дарит жениха и всю его родню рушниками своей работы* (Ворон.) [СРНГ-35: 283].

Повязывание рушников через плечо и использование их в качестве свадебных даров, по всей видимости, является древним общеславянским обычаем. Так, на Кубани полотенца через плечо были отличительным знаком сватов-старост, рушник повязывали на правую руку жениха [Финько 2014а: 196]. Ведение молодых за рушник к венцу отсылает к украинской свадебной традиции, где такой способ выведения молодых указывал на сакральный характер свадьбы как переходного обряда и выполнял апотропейные функции [Там же: 197]. В русском ЛЯ лексема *рушник* означает 'полотенце' и зафиксирована словарем с пометой «обл.» [МАС-3: 743]. В русских говорах (архангельских, вологодских, псковских, смоленских, краснодарских, ярославских, рязанских и мн. др.) функционируют фонетические варианты *ручник* и *рушник* – 'полотенце, обычно праздничное, вышитое'; в нижегородских и костромских говорах *рушник* – 'носовой платок', в уральских – 'небольшой коврик, сшитый из лоскутков', в тверских, нижегородских и владимирских – 'пряжа, намотанная на веретено' [СРНГ-35: 283-284]. В украинских воронежских говорах в обрядовом контексте лексем *рушник* и *полотенце* противопоставляются по функциональному признаку (свадебные рушники не использовались по прямому назначению): *Була лігістрація, так казали: станьти на рушні́к Виходять молодих*

стрічать – на **рушниці** хліб. Його шують, вишивають. А яким витираюця – **полотенце** (СТТЛ. Бог.) [СУГВО-2: 188];

- **угля́нка** – ‘вышитое полотенце, которым в религиозные праздники покрывают иконы’, входило в состав приданого: *При́данѣь ма́ја была́ б’э́днѣа: ади́н холст, руба́хь с-штанáми му́ жу парт’áнки, ды-три́ уул’áнки* (ГДВ. Семил.). Существительное, по всей видимости, мотивировано лексемой *угол* (красный), обозначавшей место, где в доме стояли иконы. Сходный принцип лежит в основе номинации существительного **набро́сник** (**набро́зник**) – ‘полотенце, которое вешалось на иконы’ (по всей видимости, номинатив является результатом стяжения предложно-падежной конструкции «[вешается] на образ»): *К сва́д’б’ь набро́сники, на абраз’э ути́рки в’э́шѣют’* (СЛД. Остр.). Два **набро́зника** – *блаугаславл’áют’ јі́ми* (СЛД. Остр.). Включение специальных полотенец для украшения образов даже в бедное приданое говорит о важности соблюдения правил религиозной жизни в сознании диалектоносителей;

- **уте́рка** (фонетические варианты – **утёрка**, **ути́рка**) – ‘вышитое полотенце для лица и рук’, которое готовила невеста к свадьбе. Утирки расшивались цветами и лентами, ими обматывали дуги свадебного поезда: *Да и ут’э́рък над’э́лѣьш. Нь-дуу́и ут’о́рки в’э́шѣют’* (Б. ВРК. Рам., ЯРКИ Новохоп., ПСК. Лиск., КРЧ. Рам., В. ХАВА Верхнехав., Панинский, Таловский, Лискинский, Бобровский, Семилукский, Терновский, Эртильский р-ны). *Этъ ути́ркъ в’асі́т’, на сва́д’бу их вышывáли* (В. ТРВ. Нижнедев.). *За́муш выхаді́ли с ути́ркъми* (СЛД. Остр.). *Ути́рки д’э́вуикъ сама́ вышывáјит. Ути́рки нь рука́х рашишы́тьѣ у жь́нихá и н’ав’э́сты. А у м’эн’э́ ру́ки зам’э́рзли, ит’ ути́рки д’э́ржа́ль* (НЖ. ВДГ. Семил.). *Ра́н’шь у н’ав’э́сты бы́ль мноу́ ути́рък* (МХН. Нижнедев.). *Д’э́фки нь-паса́т ути́рки ршишы́тьѣ уато́вили* (ХОХОЛ.). *Ути́рки приши́’апливѣли на дуу́и лъшад’э́ј* (Р. ГВЗ. Рам.). *Лъшад’áм на дуу́ ути́рки в’э́шьли. Лъшад’э́ј убирáли в ути́рки* (В. КРЧ. Гриб.). Лексема распространена в воронежских говорах повсеместно, а также широко употребляется в говорах сопредельных

областей: *Рушнік мы нъзывáли уті́ркѣ* (Усманский р-н Лип. обл., Алексеевский р-н Белгород. обл., Шаталовский р-н Белгород. обл., Чаплыгинский р-н Лип. обл., Мордовский р-н Тамбов. обл., Задонский р-н Лип. обл., Пристенский р-н Кур. обл., Сампурский р-н Тамбов. обл., г. Ливны Орл. обл.). *Выход'а замущ, а уті́рак фс'аво' п'ат' штук* (Никольское Добринского р-на Лип. обл., Бунино Задонского р-на Лип. обл.). *Ут'э́ркни нъуатóв'си* (Новоюрьево Староюрьевского р-на Тамбов. обл.). В некоторых районах Воронежской области зафиксирован словообразовательный синоним **утэ́рник** – ‘то же, что утирка’ (СТ. ЧИГЛА Аннин., Н. АЛСДР. Тал., Таловский, Аннинский, Верхнехавский районы). Помимо свадьбы, утирки являлись атрибутом похоронной обрядности: *На памі́нки дава́ли уті́рки* (СЛД. Остр.). *Холст, раздава́јьмыј нь пѣхъранáх* (ЯРКИ Новохоп.), а также вешались на иконы в дни церковных праздников: *Уті́ркьми вы́шытыми па-пра́зникъм бал'шы́м украша́ли Бѣѣ* (РГЧ. Н.-Усм.). В ЛЯ утирка – ‘носовой платок или полотенце; тряпка, ветошь, пакля и т. п. для вытирания рук’ [МАС-4: 533], лексема мотивирована глаголом *утира́ть, утере́ть* – ‘вытирая, удалить, сделать сухим и чистым’ [Там же: 531];

- **шири́нка** – ‘домотканое полотенце’: *Шыри́нкъ э́тъ утира́тс'ь, са́ми тка́ли* (КЧТ. Хохол.). *Ут'орльс' шыри́нкѣ* (с/х Михайловский Пан.). *Н'ав'э́сти ксва́д'би приуатóвили д'э́сит' шыри́нк* (РСШ. Реп.). *Тада́ памно́уь шыри́нк м'лада́ја справл'áль* (СТРЖ. I Остр., КР. ЛИМАН Пан., Н. СЛД. Реп., БОРОВОЕ Врн., АНШ. Лиск., В. ТРВ. Нижнедев., МХН. Нижнедев., ПРЛ. Семил., РЕП. Реп., У. МРВ. Реп., Н. ОЛШ. Хохол., ДВД. Лис., СЕМ. ВЫСЕЛКИ Врн., КРС. ЛП. Реп., ДВЦ. Семил., ГРМ. Хохол., ИВН. Рам.). Название данного предмета мотивировано способом его изготовления: ткань отрезалась «от куска холста или полотна по размеру его ширины» [Лебедева 1989: 240]. В «Домострое» описан обычай раздавать ширинки при дележе каравая на свадебном пиру [Домострой: гл. 67]. В ЛЯ лексема *ширинка* известна в двух значениях: ‘1. Устар. и обл. Короткое полотнище ткани во всю ширину, а также платок,

полотенце, скатерть (обычно шитые); 2. Вставная полоса ткани, вшиваемая в переднюю часть штанов' [МАС-4: 716]. В воронежских говорах *ширинка* также – 'мужские кальсоны': *Ja ба́тюшк'ь сама́ шыр'инки шы́ль* (ДВД. Лиск., СР. КРЧ. Гриб.).

Наряду с полотенцами в приданое невесты входила **ска́терть**, связанная с приемом пищи и потому служившая символом нового домашнего хозяйства. Маркировочная функция скатерти нашла отражение в свадебном обычае смены домашнего убранства после перевозки приданого в новый дом: *Скатерть, посланная на столѣ, и рушникъ, принадлежащїе свекрови, снимаютъ, а достаютъ новые изъ привезеннаго сундука* (Истобное) [Поликарпов 1906: 15]. В ЛЯ *скатерть* – 'изделие из ткани особой выработки, которым покрывают стол' [МАС-4: 104]. В воронежских говорах лексема *скатерть* тождественна литературной в плане содержания, однако наблюдаются грамматические различия, касающиеся категории рода и связанной с ней парадигмы склонения. В некоторых говорах рассматриваемое существительное относится не к женскому, а к мужскому роду, что влечет за собой появление соответствующего окончания в форме множественного числа: *Выхо́д'ят за́муш, уато́в'ят три скат'эрт'а́: ад'ин пра́знишн'ѣ, друуо́ѣ въскрис'э́нишн'ѣ, тр'э́тиѣ расхо́жыѣ* (Н. ОЛШ. Нижнедев.). Для обозначения праздничного покрывала на стол также используется лексема **рядн'на** – 'праздничная скатерть из высококачественного домотканого полотна (в 4 цепка)': *Кали́ свато́в ждуть, то-сто́лр'адн'н'ѣ н'кыва́ют'* (Роговатое Шаталовск. р-на Белгород. обл., бывш. Нижнедевицкий уезд Воронежской губ.). Как и венчальная одежда, скатерть со свадебного стола приобретала сакральный статус и впоследствии могла использоваться в магических и переходных обрядах: *Перьд-вянцом стелют' скат'ьр'т', эту скат'ьр'т' стелют' при-балезни и при-сабо'рвании, называй'ьца ана свадьбно́й скатир'т'йю* (г. Эртиль) [Филатова 2010: 193].

Среди помещений, где разворачивались обрядовые действия, наибольшее значение, безусловно, имело пространство первой брачной ночи.

В воронежских говорах встречаются разнообразные наименования данного локуса с общей семой ‘неотапливаемое помещение’, дифференциальными семами для которых выступают место расположения помещения – ‘комната в избе’ (*горница, чулан, комора*), ‘пристройка к избе’ (*клетка, клеть*), ‘отдельная надворная постройка’ (*поветка*), а также способ и материал его сооружения (*мазанка, саманка*).

Наиболее распространенными в воронежских говорах являются лексемы **клеть** – ‘часть крестьянской избы; холодное помещение (отдельная/ боковая деревянная пристройка), где спали молодые’ и **клéтка** – ‘холодная изба, в которой спали молодые; угол сарая, отведенный для молодых на летнее время; то же, что *клеть*’: *Мълады́х ф кл’ати́ кла́ли* (БРТ. Терн.). *Мълады́х апо́сла сва́д’бы срáзу в’али́ укл’э́т’* (РПН. Н.-Усм.). *П’э́рва́ю ноч бы́ли у жыниха́ фкли’т’а́х на палу́ стили́ли ди́ру шкц’ о́кнаф та́ма ныбыло́* (ГРМ. Хохол.). *И пр’а́мь их вкл’э́т’.* *Их в кл’ат’э́ убира́ют’.* *Кл’э́т’, быва́ль, дл’а-мълады́х* (Б. ВРК. Рам.). *Ф старину́-ть мълады́жа вс’ауда́ спа́ли ф кли’т’а́х* (ПАНИНО Пан.). *Мълады́жь фс’у зи́му в кл’ат’а́х* (КСТ. Хохол.). *Малады́м насíли абэ́дат’ ф кл’э́т’* (ГЛС. Семил.). *Мълады́жь ф кли́т’э́ сп’ат’* (КРЧ. Рам.). *Ра́н’ше спа́ли – называ́ли кли́т’а́* (устар.) (БРД. Аннин.). *По́сли сва́д’бы на́-ноч малады́х у кл’э́т’ атправл’а́ли* (МЧТ. Бобр.). *Нам’э́дн’ь аду́ради́ли мы кл’э́тку Ни́нк’ь* (Р. ХАВА Н.-Усм.). *Мълады́жь ф кл’э́тк’ь спа́ли* (В. ТРВ. Нижнедев., КУВШ. Подгор., ЧГР. Борисогл., П ШАНИНО Тал., ИСТ. Реп.). *Мълады́жь до рожэ́ства спа́ли ф кл’э́тк’ь* (ПСК. Повор.). *А-во́т у нас называ́иць кл’э́тк’ь, изба́ хало́дн’ь* (БОРОВОЕ Врн.). *В кл’э́тк’ь спа́ли малады́жь* (БОРОВОЕ Врн.). В русских говорах *клеть* – ‘изба, жилой деревянный дом’ (вологод., новгор., брян., Росош. Ворон.); ‘сруб’ (вологод., киров., олон., рязан.), ‘комната в доме’ (ворон., ставроп., пенз., ряз., калуж. влад., новг., арх., томск. и др.) [СРНГ-13: 287]. В значении ‘особое помещение для молодоженов, служащее им спальней’ лексема зафиксирована словарем в архангельских, смоленских, тульских, курских, а также воронежских говорах: *За своей женой смотри, а в чужую клеть не*

заглядывай (Ворон.) [СРНГ-13: 288]. Лексема распространена почти повсеместно и для обозначения построек хозяйственного назначения: ‘летняя спальня’, ‘кладовая (при избе или отдельной постройке)’, ‘амбар’, ‘хлев’ и т. п. [Там же: 288-289]. Лексема *клетка* зафиксирована в значении ‘помещение для спанья (обычно молодых)’ в орловских, смоленских и пензенских говорах [СРНГ-13: 284]. Во внеобрядовом контексте лексема *клетка* означает в русских говорах ‘холодную горницу’ (владимирские, курские, тверские говоры), ‘летнюю спальню в помещении, используемом как кладовая’ (воронежские, рязанские, московские, новгородские), ‘помещение в сарае для хранения одежды’ (вологодские), ‘амбар’ (курские, владимирские), ‘рыбачью или охотничью избушку’ (архангельские), ‘хлев’ (среднеуральские говоры) и т. д. [СРНГ-13: 284-285]. В олонечских говорах существовал свадебный чин *клетник* – ‘друзька со стороны жениха, который охраняет молодых ночью’ [Там же: 285]. Данный тип помещений известен по памятникам письменности XVI в., в частности в «Домострое» упоминается номинатив *подклеть* [Домострой: гл. 67]. На традиционное хозяйственно-бытовое использование помещений, обозначаемых рассматриваемыми терминами, указывает Н.П. Гринкова: «По документам XVII в. клеть (клетка) и поветь (поветка) – типичные летние постройки на территории замкнутого двора, в которых хранится различный скарб и где в летнее время спят» [Гринкова 1947: 167].

Помимо этого, в воронежских говорах известны такие наименования помещений, находящихся в пределах основной избы, как *го́рница* – ‘место, где спали молодые’: *Мълады́жь нъчавáли в го́рницъ* (ЗЛЖ. Лиск., ПСКВ. Лиск.), *комóря* – ‘отдельная комната для молодых’: *Потомъ дружско и свашка ведутъ их спать – большею частію в коморю (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, молодая, как и у великороссовъ, разуваетъ жениха)* (Богучарский уезд) [Ткачев 1867: 212], *пу́нька* – ‘неотапливаемое хозяйственное помещение, где устраивали брачное ложе молодым’ [Сысоева 2015a]: *Дру́шка правóдъ их в пун’к’у* (Реп.) и *чула́н* – ‘отгороженное завесом (ширмой)

помещение для молодых’: *За-за́в’ьсьм малады́й ф-чула́ньх спáли* (РГЧ. Н.-Усм.). В ЛЯ *горница* – ‘1. Устар. Комната (первоначально в верхнем этаже); 2. Обл. Чистая половина крестьянской избы’ [МАС-1: 335], лексема встречается в текстах XV в. в значении ‘возвышение’, с к. XV – н. XVI вв. употребляется в значении ‘жилое помещение в верхней части строения’ [СРЯ-4: 88], ср. *горний* – ‘верхний, находящийся наверху, высокий’ [Там же]. Существительное *комора* и его производные (*коморка, каморка*) часто встречается в памятниках письменности XVII в. в значениях ‘комната, жилое помещение в доме’, ‘кладовая’ [СРЯ-7: 267]. В говорах *камора, комора* – ‘чулан, кладовка, а также отделенная певе городкой небольшая часть комнаты’ (лексема зафиксирована в свердловских, курских, орловских, смоленских, брянских говорах, а также в диалектах бывш. Литовской и Эстонской ССР) [СРНГ-13: 27]. Номинатив *пунька* в значении ‘помещение для новобрачных, супругов’ отмечен в тульских, орловских, курских, тверских говорах [СРНГ-33: 125], конкретно-бытовое значение лексемы *пунька, пуня* – ‘сарай для мякины, сена; помещение (обычно пристройка) для бытовых надобностей’ [Там же: 125-126]. Лексема *чулан* в ЛЯ означает ‘подсобное помещение в жилом доме, обычно служащее кладовой’ [МАС-4: 693], упоминается в «Домострое» и др. памятниках письменности XVI в. и имеет тюркское происхождение (ср. тат. *çölân* – ‘чулан, кладовая’, тюрк. *çulan* – ‘загон для скотины’ [Фасмер-4: 380]).

Отдельно стоящие постройки, где спали молодые, в воронежских говорах назывались:

- **ма́ занка** – ‘помещение из самана, где спали молодые после свадьбы’: *Св’ади́ м’лады́х в ма́з’нку* (ОСК. Хохол.). *М’лады́х в ма́з’нку кла́ли спат’* (ПСК. Лиск.). Во внеобрядовом контексте *мазанка* – ‘1) дом из соломы с глиной; 2) небольшой домик для житья в летнее время’, лексема образована от глагола *мазать* – ‘накладывать на стену глину’ (ДНК. Кашир.), ‘обмазывать глиной хату’ (Нишнедев. Ворон.) [СРНГ-17: 294], ‘белить’ (ПЧЛ Бобр., НЗР. Ольх., ДНС. Верхнемамон., РПН. Н.-Усм. и др.). Данное

существительное зафиксировано в словаре Даля с семантикой ‘изба, хата изъ мелкаго лѣса или камыша, съ обмазкою глиной, иногда съ навозомъ и сѣчкой’ и указанием на ареал распространения: «особ. употрб. въ южной Руси» [Даль 2: 294];

- **повѣтка** – ‘род сарая; большая плетёная хата без крыши (крытая соломой), в которой жила молодая семья’: *Патом их в’али у нав’этку, јэ та такаја намишиш’энија б’эс пичи ис хвораста и глини нам’азана. Там их спат’ л’ожили. У суботу у’трам их дружок будил шм, а с в’эчире у п’атницу старики садилис’ аб’эдат’* (МСТ. Остр.). *Дл’ь м’ладб’их нав’этку стр’или, и зиму и л’эту у-н’эј сп’али, укыв’алис’а д’ар’у’шк’у* (СЛД. Остр.). *М’ладб’и сп’али на нав’этк’ь, сплит’он’эъ ис-хвор’ст’ь, сал’ом’у нак’рыт’ь* (ИСТ. Реп.). *У нав’этки малад’ыја сп’али да с’амой зимы* (М. ВРК. Семил.). *Св’а д’бу сы’урајут’, а м’ладб’ыъ и-зим’ој ф-нав’этк’ьх сп’али* (ХОХОЛ. Хохол.). *С п’аски да раштв’а сп’али у нав’этки* (Н.СЛС. Семил.). Лексема широко распространена в южнорусских говорах (смоленских, курских, тамбовских, рязанских) в значении ‘надворное хозяйственное строение, сарай, хлев’, в значении ‘летняя жилая постройка (обычно плетеная)’ отмечена словарем как воронежская [СРНГ-27: 234]: *Пасматри’ у нав’этки мит’олку* (СЕМ. ВЫСЕЛКИ Врн.). *В пов’этку хл’эп ссып’али* (ФДР. Семил.). *Фс’о дабр’о ф-нав’этк’ь л’аж’аль* (ПЧЛ. Рам.). В говорах с украинской основой употребительна семантически тождественная лексема **п’ов’итка** *Сейч’ас к’ажут сар’ай стр’э, а мы р’ан’шэ каз’алы п’ов’итку р’обэ* (в речи старшего поколения) (БЛГ. Подгор.). *П’д п’ов’иткоју посид’алы* (ЛСВ. Павл.);

- **сам’анка** – ‘пристройка к дому для молодых, сделанная из саманов’ (КРС. ЛОГ Кашир.). В русских говорах *саман* – ‘вид глины, применяемой в строительстве’ (новосиб.), ‘просяная или пшеничная солома, идущая на корм лошадям’ (астрах., кавказ., дон.) [СРНГ-36: 72]. В свердловских говорах *саманник, саманница* – ‘постройка из самана, саманного кирпича’ [Там же: 73]. Таким образом, в роли мотивировочного признака наименования помещения выступает материал, из которого построен объект.

Для перемещения участников свадьбы по селу традиционно использовались повозки (в зимнее время – сани), запряженные лошадьми. В воронежских говорах для наименования летних средств передвижения употреблялись лексемы:

- **тарантáс** – ‘телега’: *Визлі мьлады́х нь тьрантáсь* (КРШ. Бобр.). *Ф тарантáсь јэ́хъли д’э́фки зат’э́м мьладь́жь, д’э́ти их зва́ли кат’а́шники к цэ́рки* (БОРОВОЕ Врн.). В ЛЯ *тарантас* – ‘дорожная четырехколесная повозка на длинных дрогах’ [МАС-4: 340], в русских говорах лексема распространена с семантикой ‘четырёхколесная повозка’ (архангельские, бурятские, владимирское, новгородские говоры), ‘праздничная повозка, выездной экипаж’ (донские, архангельские говоры), ‘большая телега с высокими бортами для перевозки сена’ (Латв. ССР). Для воронежских говоров словарем зафиксировано значение ‘легкая одноместная и двухместная тележка на железном ходу’ (Бобр. Ворон.) [СРНГ-43: 277]. Этимология лексемы остается недостоверной, однако отмечается связь с рус. *таратайка*, пол. *taratatka, taradajka* ‘повозка’ [Фасмер-4: 21-22];

- **телéга** – ‘род повозки’: *Н’ав’э́сту выво́дут’ и сажáют’ ф друу́ја са́нки ај ф т’ал’эуу* (ГРМ. Хохол.). Лексема формально и семантически совпадает с единицей ЛЯ *телега* – ‘четырёхколесная повозка для перевозки кого-, чего-л.’ [МАС-4: 347], распространена в русских говорах повсеместно, причем различное функциональное назначение актуализируется в многообразных аналитических наименованиях: *возовая телега, глухая телега, телега-колышка, телега-ропуска* и др. [СРНГ-43: 343];

- **шараба́н** (ж. р.) – ‘свадебная повозка, телега с рессорами’ (БРД. Аннин.). В конкретно-бытовом значении лексема употребляется для обозначения всякой телеги: *Шараба́н јэ́хала на у́лиць* (х. Мартынцы Ровеньск. р-на Белгород. обл., б. Острогожский уезд Воронежской губ., росошанский округ Воронежской обл.). В ЛЯ *шарабан* – ‘1. Открытый четырехколесный экипаж с поперечными сиденьями в несколько рядов’, ‘2. Одноконный двухколесный экипаж, кабриолет’ [МАС-4: 701]. Лексема

заимствована из французского языка, где *char à bancs* – ‘семейные дрожки, открытый фаэтон с несколькими рядами сидений’ [Фасмер-4: 407].

Отмечается наименование свадебного экипажа, основанное на числе лошадей в упряжке, – **па́ра** *Тады́ мьладу́ју в’азу́ т’ на-па́ри* (СЛД. Остр.).

Зимние сани были популярным транспортным средством, широко используемым в календарных и семейных обрядах. Например, в северных регионах России катание на снях было важным элементом смотрин [Васильев 2008: 172]. В Воронежской области сани использовались в составе свадебного поезда при отъезде молодых к венцу и катании молодых после венчания. Нами были выявлены лексемы, обозначающие данное транспортное средство:

- **ко́зыри, козырьки́** – ‘сани, в которых возили жениха и невесту к венцу’: *Тады́ на кьзыр’ка́х ф-цэ́ркву јэ́здили* (В. КРЧ. Гриб., КРСЛС. Врн.). *А-дит’э́ј фс’э нъ-кьзыр’ка́х в’азут’* (МДВЖ. Семил.). *Ны́нчь нъ-машы́нъх, а-на́с нъ-кьзыр’ка́х катáли на-сва́т’бъх* (СТ. ЧИГЛА Аннин.). *Жаних с н’ав’э́стэ́ј ф-казыр’а́х катáјуць* (ЩЧ. Эрт.). *Катајут малады́х на д’эр’э́вн’э, ко́зыри запр’а́уáјут’, кавра́ми нар’а́д’ут’* (Б. СМВ. Эрт.). В русских говорах лексемы *ко́зыри* и *kozyри́* (только мн.) обозначали различные части саней (высокую спинку, крылья, отвороты), а также сами выездные сани со спинкой, в противовес *розвальням*, у которых спинки не было (Ворон., Курск., Брян.) [СРНГ-14: 76].

- **ро́звязи** – ‘свадебные сани’ *Л’э́тъм тьранта́сы а зимо́ј ро́зв’язи* (НЖ. КРЧ. Гриб.). В псковских говорах *ро́звязи* – ‘две согнутых жерди в задке телеги для перевозки бревен’, в диалектах Западной и Южной Сибири – ‘широкая легкая телега для перевозки снопов в поле’ [СРНГ-35: 159]. Таким образом, возможна номинация транспортного средства по его части;

Отличительным знаком свадебных телег и саней были разнообразные украшения, прикрепляемые к упряжкам. В с. Россошки Репьевского района отмечен обычай украшать лошадей лентами, «специальными длинными лошадиными подпоясками», на дуги вешать ленты, бубенцы, а сами повозки

покрывать дерюжками [Сысоева 2015]. Для наименования отдельных элементов украшения повозок в воронежских говорах употребляются следующие лексемы:

- **лахмытки** – ‘разноцветные тряпочки, которые вешали на лошадей на свадьбах’: *Лохмыткаф на лашад ’э́ж в ’э́шьли* (ПСК. Повор.). В рязанских говорах *ла́хмы* – ‘клочья материи, лохмотья, отрепья’ [СРНГ-16: 296], в говорах Обоянского района Курской области *лохмы́т* – ‘лоскут, клоч (материи, одежды), тряпка’ [СРНГ-17: 163]. Использование клочков материи в качестве украшения саней, в частности во время масленичных катаний, по мнению исследователей, могло символизировать прощание со всем старым и обновление в природе и жизни человека [Васильев 2008: 172], что согласуется с идеей свадьбы как переходного обряда;

- **шо́рка** – ‘разукрашенный праздничный хомут’: *Шо́рки над ’ава́ли, када́ на за́пис в’азли́* (КЧГ. Нижнедев.). В ЛЯ *шо́ры* (мн.) – ‘1. Прикрепленные к уздечке наглазники, не дающие лошади возможности смотреть по сторонам. 2. Конская ременная упряжь без дуги и хомута, со шлеей’ [МАС-4: 726]. В микросистемах говоров украинских воронежских сёл зафиксированы номинативы **ки́тиця** – ‘кисть, помпон как украшение’: *На свальби, було, поїзд... так коні такі розряжені, з кі́тицями* (СТТЛ. Бог.). Мотивирующим признаком, очевидно, является форма предмета, ср. в чешском, словацком языках *kytice* – ‘букет’, в украинском *китиця* – ‘гроздь, кисть’; **рози́нки** – ‘украшения (какие?)’. *На другий день [свайби] биседи ходили. Тоді тройку коний як запряжуть – коні так і вилискуюця. Да звонки почіпляють, да в розинках ті коні* (ЛКВ. Подгор.) [СУГВО-2: 179]. Возможно, это были украшения в виде цветов, что связывает лексему с существительным *роза* (ср. в уральских говорах *ро́зины, ро́зинцы* – ‘печенье-хворост в форме розы’; в русских говорах *розе́тка* – ‘металлическое украшение в виде распустившегося цветка на крышке хомута’) [СРНГ-35: 161].

Таким образом, ЛСП «Наименования ритуальных предметов» включает в себя наименования предметов, специально изготавливаемых к свадьбе (*приданое, венечное, каравай* и др.), а также предметов бытового назначения, приобретающих в обрядовом употреблении символическую семантику (*клеть, поветка, рушник* и др.) – всего выявлено 212 лексических единиц. Специфика предметного кода обряда обуславливает доминирование имен существительных, а также аналитических словосочетаний, образованных по модели «существительное + прилагательное», причем номинативную функцию зачастую выполняет зависимый адъективный компонент, конкретизирующий ритуальную специфику предмета (*колташный сарафан, посадная скатерть, венчальное кольцо, венечная рубаха*). Наиболее распространенными мотивировочными признаками для наименований, входящих в данное ЛСП, являются форма и внешний облик предмета (*блестки, витушка, кистюли, лахмытки, шишка*), материал (сырье) для изготовления (*пушки, саманка, сыр-каравай*), способ изготовления предмета (*дежник, катанка, мазанка*) и его функциональное назначение (*попояска, утерник, каша-выгонялка*), что обусловлено спецификой использования материальных объектов в ритуале. Как и для других ЛСП в составе тематической группы «свадьба», основным морфологическим способом номинации здесь является суффиксация с использованием различных формантов (*-к-, -ник-, -щиц-* и др.). Поскольку предметы утилитарного назначения, оказываясь в обрядовой ситуации, приобретают сакральный, символический статус, для их номинации в говорах активно используется семантический перенос, основными средствами которого являются метонимизация (наименования приданого и др.) и метафоризация (напр., наименования атрибутов невесты). Отличительной особенностью данного ЛСП является включение большого числа лексем, формально и семантически тождественных единицам ЛЯ с конкретно-бытовой семантикой (*горница, скатерть, блюдо, шуба, сундук* и др.), которые в рамках обряда приобретают специфические дополнительные коннотации, связанные с их магическими

свойствами (апотропейными, крипточескими, карпогоническими) и отсутствующие в обыденном словоупотреблении.

Этимологически большинство лексем, составляющих рассматриваемое ЛСП, принадлежат к общерусским и общеславянским и имеют формальные и семантические эквиваленты в литературном языке. Кроме того, нами было выявлено 13 воронежских локализмов. Особенности заселения региона привели к тому, что в украинских воронежских говорах широко употребляются лексические единицы украинского языка (*гільце, кісник, китиця, обідець, паляниця, ряснэ, розинки*), отсутствующие в говорах русских сёл региона. Кроме того, отмечено значительное число слов тюркского происхождения (*башлык, колпак, кушак, сарафан, шлык* и др.). При этом заимствованные лексемы демонстрируют в говорах значительный словообразовательный потенциал и служат основами для производных наименований: *шлык* > *шлычка, шлычок*, *колпак* > *колпашный* (сарафан) и т.п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе изучения лексики свадебного обряда в воронежских говорах нами были проанализированы сообщения информантов из порядка 200 русских и украинских сел Воронежской области, опубликованные исследования по свадебным обрядам других областей (Белгородской, Курской, Липецкой, Орловской, Саратовской, Тамбовской и др.), а также словарные данные, материалы этнографических экспедиций разных лет и исследований середины XIX – начала XX вв. Проведенное исследование позволило составить комплексное описание лексики воронежской свадьбы в этнолингвистическом, деривационном, этимологическом и структурном аспектах, осуществить тематико-идеографическую классификацию собранного материала и прийти к следующим выводам.

1. Лексика тематической группы «свадьба» в воронежских говорах представляет собой обширное образование: нами были выявлены 732 лексические единицы (572 однословных лексемы и 160 составных наименований), описывающие ключевые стороны ритуала: процессуальную, или событийную (ЛСП «Наименования этапов проведения обряда»), агентивную, или субъектную (ЛСП «Наименования свадебных чинов») и предметную (ЛСП «Наименования ритуальных предметов»). Лексемы названных ЛСП находятся между собой в разнообразных системных отношениях: вариативности (нами были выявлены акцентные варианты – *бóльшая* и *больша́я*, *ды́мка* и *дымка́*, *ро́дство* и *родствó*, *сго́вор* и *сговóр*, *шу́шпаи* и *шушпа́н* и т.д.; фонетические – *венес* и *венец*, *тычка* и *тючка* и др.), синонимии (*вековуха* и *засиделая*, *лады* и *запои*, *убирать* – *оправлять* – *наряжать*, *играть* и *гулять* (свадьбу) и т.п.), полисемии (*беседа*, *венец*, *каравай*). Синонимичными в говорах могут быть не только однословные наименования, но и синтаксически связанные конструкции: *выйти замуж* – *завязать голову*, *клин морозить* – *заломы делать*, *дары дарить* – *жертвовать подарочки*, *отыскивать невесту* – *обыскивать молодую* и др.

ЛСГ, входящие в тематическую группу «свадьба», находятся между собой в отношениях пересечения и взаимопроникновения: например, существительные, называющие обрядовые блюда (*каравай, блинцы*) и ритуальные предметы (*венец, курица*), могут также входить в ЛСГ «Наименования этапов проведения обряда», где обозначают ритуальные действия с использованием соответствующего предмета. Помимо непосредственного включения лексем в различные ЛСГ наблюдается явление, когда единица одной подгруппы выступает в качестве производящей основы для лексем, входящих в другую подгруппу. Особенно актуально это для наименований лиц с частными обрядовыми функциями: например, от лексем, обозначающих ритуальные предметы *дары, каравай, приданое* образованы производные наименования свадебных чинов *дарница, каравайница, приданка*; от термина *гулять свадьбу* образованы наименования свадебных гостей *гулячие, гулючие* и т.д.

2. Количество лексем, репрезентирующих конкретный компонент свадьбы, тесно связано с его важностью и обязательностью присутствия в обряде. Наиболее крупным из выделенных является ЛСП «Наименования этапов проведения обряда» (372 единицы), что объясняется строгой регламентацией обрядовых действий, которая закреплена традицией и носит общеобязательный характер. ЛСП «Наименования ритуальных предметов» (212 лексем) отличается тем, что содержит значительное число единиц, принадлежащих одновременно другим ЛСГ и тематическим группам: «Наименования пищи», «Наименования одежды и обуви», «Наименования украшений», «Наименования посуды и утвари», «Наименования транспортных средств» и др. Наименьшим количеством лексем по результатам исследования оказалось представлено ЛСП «Наименования свадебных чинов» (148 единиц). На наш взгляд, это связано с закреплением многообразных обрядовых функций за определенными людьми, большой долей участия в ритуале членов семей молодоженов и сакральным статусом родственных отношений среди диалектоносителей – выполнение обрядовых

действий родственниками чаще всего не требовало введения дополнительных свадебных чинов и их наименований.

Теми же факторами может объясняться и степень детализированности наименований: так, свадебный пир является одним из ключевых этапов свадебного действия, поэтому ЛСГ «Наименования свадебного пира» включает значительное число однословных и составных единиц, конкретизирующих значимые признаки застолья, такие как положение в структуре обряда в целом и свадебного дня в частности, состав участников, совершаемые обрядовые действия и т.п. В то же время церковное венчание в силу сакрализованного статуса и ряда причин культурно-исторического характера не обладает в говорах какими-либо специфическими наименованиями, кроме *венец*.

3. Анализ материала показал, что тематическая группа «свадьба» в воронежских говорах включает в себя большое количество производных лексем, характеризующихся прозрачной внутренней формой. Сложность и многоплановость такого явления, как свадебный обряд, обусловила наличие разнообразных принципов, по которым происходит номинация реалий. Преобладающими для ЛСП «Наименования этапов проведения свадебного обряда» являются процессуальный (по характеру совершаемых действий), темпоральный и субъектный принципы, для ЛСП «Наименования участников свадьбы» – функциональный и иерархический, для ЛСП «Наименования ритуальных предметов» – функциональный и морфологический (по внешним особенностям предмета). Среди морфологических способов номинации наиболее продуктивным является суффиксальный, причем в говорах при словообразовании по продуктивным в литературном языке моделям нередко используются аффиксы, функционирование которых в литературном языке ограничено.

Сакральный статус свадьбы как один из наиболее важных переходного обряда семейно-бытового цикла обуславливает иносказательную номинацию многих ритуальных явлений, поэтому для свадебной лексики воронежских

говоров характерно активное использование семантической деривации в качестве способа номинации. Средствами номинации в данном случае выступают метафорический и метонимический перенос. Семантическая деривация характерна для всех ЛСГ, входящих в тематическую группу «свадьба» в воронежских говорах: для наименований этапов обряда характерен перенос по времени совершения ритуала (*вечер*) или по характеру совершаемых действий (*овин тушить, рогачи связать*), для наименований свадебных чинов – метафорические наименования, подчеркивающие статус участников свадьбы (*князь, княгиня, боярин, большая, валет*), для наименований ритуальных предметов характерна метонимизация по составу/вместительности (*узел, сундук, постель, ушное*), а также метафоризация по различным признакам (*баран, теремок, сторож*). Наличие большого числа образных наименований свидетельствует об образном, экспрессивном характере речи диалектоносителей.

4. Широкие словообразовательные возможности воронежских говоров наглядно демонстрирует большое количество словообразовательных синонимов, образующих в отдельных случаях значительные по объему парадигматические ряды: *увивать – повивать, выпивушки – пропивушки, вечерина – вечерня – вечерушка, засватать – просватать – сосватать – усватать, повозник – повозчик, молодайка – молодейка – молодка – молодуха – молодушка* и т.д. При этом в говорах наблюдается активное освоение лексем литературного языка, которые служат производящими основами для диалектных терминов: *сватать > сватинки, баба > обабить, гусар > гусарик* и др. Те же явления актуальны и для заимствованной лексики: система говоров не только воспринимает единицы других языков в связи с заимствованием соответствующих реалий, но и включает эти лексемы в словообразовательный процесс. Так, немецкая лексема *шафер* стала производящей для глагола *шафярять*, тюркское существительное *шлык* получило в воронежских говорах два деривата – *шлычок* и *шлычка*, аналитическое наименование свадебного наряда *колпаиный сарафан* состоит

из тюркизмов, от одного из которых (*колпак*) было образовано имя прилагательное.

5. Среди выявленных терминов преобладают общерусские и южнорусские лексемы, многие из которых генетически восходят к праславянскому языку и сохраняют исконную семантику. Свадебная лексика воронежского региона демонстрирует общность с соответствующей терминологией других южнорусских говоров: донских, курских, орловских, рязанских, тамбовских и др. Особенности исторического развития региона послужили причиной распространения в воронежских говорах некоторых севернорусских лексем. Кроме того, отмечается распространение в селах, населенных выходцами из Украины, лексических единиц украинского языка, в том числе относящихся к специфическим украинским обрядовым традициям (*сало, підвесілок, ночви, хлаг* и др.). Общность лексического фонда и принципов номинации показывает, что воронежская свадьба является частью южнорусского свадебного комплекса, а формальные и семантические параллели, отмеченные в других славянских языках, органично вписывают воронежский свадебный ритуал в восточнославянскую обрядовую парадигму.

6. Несмотря на значительную консервативность, свадебная терминология в говорах является динамичной системой, которая меняется под влиянием общих тенденций развития диалектного языка и экстралингвистических факторов. Так, редукция обряда в целом, обусловленная причинами экономического и культурного характера, приводит к тому, что часть диалектной свадебной лексики вытесняется литературными эквивалентами, переходит в пассивный словарный запас и воспринимается носителями говоров как устаревшая. Особенно актуально это для наименований ритуальных предметов, поскольку «в первую очередь вытесняются слова, обозначающие вышедшие из обихода предметы и понятия» [Гринкова 1947: 183]. Вместе с тем, словарный запас говоров открыт для пополнения новыми лексическими единицами, в том числе

пришедшими из других языков (*кимоно, шарабан* и др.). Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что изменение сакральных явлений в составе обряда и утрата или приобретение связанных с ними терминов являются важными показателями трансформации обрядового хронотопа.

Проведенное исследование, разумеется, не является окончательным и может быть продолжено с привлечением новых полевых данных и других источников материала. Выявленные инвариантные компоненты воронежской свадьбы образуют общий перечень обрядовых терминов, который может быть расширен и дополнен за счет изучения свадебной обрядности отдельных населенных пунктов. Полученные результаты послужат базой для составления тематического «Словаря свадебной лексики Воронежской области», а также могут быть использованы в работе по Программе ЛАРНГ и как сопоставительный материал при изучении лексики свадебного обряда других регионов. Интересным представляется такое направление исследования, как изучение функционирования свадебной терминологии в воронежском обрядовом фольклоре, в том числе в текстах различной жанровой принадлежности, а также продолжение изучения параллелей между лексикой свадебного и других семейных переходных обрядов (родильного, крестильного, похоронного).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Картотека Словаря воронежских говоров (КСВГ)

Словарь воронежских говоров / науч. ред. Г.Ф. Ковалев. Вып. 1. А – Вячать. Воронеж: ВГУ, 2004. – 304 с.; Вып. 2. Га – Жучок. Воронеж, 2007. – 307 с.; Вып. 3. З – Й. Воронеж, 2019. – 503 с. (СВГ)

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М. : Л. : СПб. : Наука, 1965-2014-. – Вып. 1-47- (СРНГ)

СЛОВАРИ

1. Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области : в 2 т. – Т. 1 (А – М) Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2008. – 228 с.; Т. 2 (Н – Я). Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2012. – 307 с. (СУГВО)

2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.

3. Ванюшечкин В.Т. Словарь русских народных говоров рязанской Мещеры. А – Н : Материалы по русской диалектологии: учеб. пособие. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. пед. ин-та, 1983. – Вып. 1. – 274 с.

4. Даль В.И. Пословицы русского народа : сборник. В 2 т. – Т. 1. – М. : Худож. лит., 1984. – 383 с.; Т. 2 – М. : Худож. лит., 1984. – 399 с.

5. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. – Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. – Томъ первый. А – З. – СПб.; М.: Тип. М.О. Вольфа, 1880. – 723 с.; Томъ второй. И – О. – СПб.; М.: Тип. М.О. Вольфа, 1881. – 807 с. Томъ третій. П. – СПб.; М.: Тип. М.О. Вольфа, 1882. – 576 с. Томъ четвертый. Р – V. – СПб.; М.: Тип. М.О. Вольфа, 1882. – 704 с. (Даль 1-4).

6. Ковалев Г.Ф. Словарь микропонимов Воронежской области. В 2 т. Воронеж, 2017. Т. 1, А-Л, 412 с.; Т. 2, М-Я, 420 с.
7. Магрицька І. Словник весільної лексики українських східнословобожанських говірок (Луганська область). – Луганськ : Знання, 2003. – 172 с.
8. Маслов В.Г. Словарь говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области. – Тула : Изд-во ТулГУ, 2006. – 152 с.
9. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 1632 с. (СЭС)
10. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / [под ред. Н.И. Толстого]. – М. : Международные отношения, 1995 (СД I– V).
11. Словарь курских говоров / сост. Л.О. Занозина, Л.И. Ларина. – Вып. 1: А (Абала) – Б (Бяша) – Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. – 124 с.; Вып. 2: В – Вяхленный / сост. Л.И. Ларина. – Курск : Изд-во Курск. Гос. Ун-та, 2004. – 168 с. (СКГ)
12. Словарь русского языка : В 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – М. : Русский язык, 1981-1984. (МАС)
13. Словарь русского языка XI-XVII вв. / гл. ред. С.Г. Бархударов. – М. : Наука, 1975-2008. – Т. 1-28. (СРЯ)
14. Словарь свадебной лексики Орловщины / науч. ред. Р.Н. Попов, сост. М.В. Костромичева. – Орёл, 1998. – 216 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986.
16. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П.Я.Черных. – М. : Русский язык, 1999.
17. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / [под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева, Ж.Ж. Варбот]. – М. : Наука, 1974-2016-. – Вып. 1-40-. (ЭССЯ)

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова В.И. Записи фольклора в деревне Кураково Белевского района Тульской области (по результатам фольклорной практики 2012 года) // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: сб. статей. Материалы научной региональной конференции 2012 г. / Воронежский государственный университет. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. – С. 111-118. – (Афанасьевский сборник: материалы и исследования; вып. XII)
2. Авдеева М.Т. Взаимодействие русского и украинского языков как ареальное явление пограничья // Вестник ВГУ. Серия : Гуманитарные науки. – 2002. – № 2. – С. 32-39.
3. Агапитова Р., Ладик Л. Сибирский свадебный обряд. – Иркутск, 1995. – 16 с.
4. Акаткина Е.Ф. Украинский язык и его говоры на территории Воронежского края: история и современность // Воронежское краеведение: традиции и современность: матер. ежегодной областной науч.-практ. краеведческой конференции. 3 декабря 2006 г. – Воронеж, 2008. – С. 136-138.
5. Алиференко Е.И. Поэтическое своеобразие свадебной лирики Саратовского Поволжья: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. – Волгоград, 1996. – 171 с.
6. Алиференко Е.И. Словесное сопровождение саратовского свадебного обряда. Учебное пособие к практическому занятию по устному народному творчеству : «Семейная обрядовая поэзия. Свадьба». – Изд. 2., доп. и перераб. – Балашов : Фомичев, 2006. – 97 с.
7. Антология фольклора Брянской области. Вып. 2. Традиционный свадебный обряд Брянского края / сост. Л.А. Сергушина; ред. Т.Н. Симонова. – Брянск, 2009. – 52 с.
8. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с.

9. Аркадьева Т.Г. Архаическая лексика в говорах как показатель устойчивости лексической системы русского языка / Т.Г. Аркадьева, Л.М. Кольцова, М.В. Панова, С.А. Чуриков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Филология. Журналистика. – 2015. – № 4. – С. 15-19.
10. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. Т. 1. – М., 1865. – 800 с.
11. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М. : Учпедгиз, 1957. – 296 с.
12. Бабурина К.Б. Сыр в языке и обычаях русского народа // Русская речь. – 1998. – № 2. – С. 81-87.
13. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб. : Наука, 1993. – 240 с.
14. Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба (Свадебный обряд на Верхней и средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарнагский район Вологодской области)). – М. : Современник, 1985. – 392 с.
15. Баранникова Л.И. О некоторых особенностях взаимодействия разносистемных диалектных лексических единиц в современных народных говорах // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. – 1963. – Т. 248.
16. Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период (К проблеме соотношения языка и диалекта). – Саратов : СГУ, 1967. – 207 с.
17. Баранникова Л.И. О вариантных единицах диалектных систем // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. – М., 1971. – С. 29-35.
18. Баранникова Л.И. Современные процессы в русских народных говорах. – Саратов : СГУ, 1991. – 140 с.
19. Березович Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 3-24.

20. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.
21. Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян : Учение и опыт Церкви в народном христианстве. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. – 400 с. – (Ethnografica Petropolitana, V)
22. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию : материалы для спецкурса. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1973. – 257 с.
23. Блинова О.И. К вопросу о пределе формального варьирования диалектного слова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Вып. 1. – Новосибирск, 1972. – С. 99-108.
24. Блинова О.И. Явление мотивации слов : Лексикологический аспект. – Томск, 1984. – 258 с.
25. Богословский П.С. К номенклатуре топографии и хронологии свадебных чинов. – Пермь, 1927. – 64 с.
26. Боева О.А. знаковые функции и символы традиционной народной одежды // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 3(57). – С. 52-55.
27. Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из истории, архивских записок и сказаний. – Воронеж, 1800. – 222 с.
28. Борисенко В.К. Весільні звичай та обряди на Україні. – Київ, 1988.
29. Бромлей Ю.В. Брак и семья у народов Югославии : Опыт историко-этногр. исслед. – М. : Наука, 1982. – 239 с.
30. Брысина Е.В. Диалект через призму лингвокультурологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2012. – № 2 (16). – С. 51-56.
31. Брысина Е.В. Диалектный словарь как кумулятивная база народной культуры // Проблемы лингвистического краеведения: матер. Всерос. Науч.-практ. конференции, посвященной 80-летию доц. К.Н. Прокошевой ; ред. колл. Ю.Г. Гладких, И.И. Бакланова, С.С. Иванова. – Пермь, 2014. – С. 9-16.

32. Брысина Е.В. Особенности категоризации действительности средствами диалекта // Грани познания. – 2012а. – № 6 (20). – С. 75-78.
33. Брысина Е.В., Супрун В.И. Диалектный словарь как отражение народной культуры // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. – С. 22-28.
34. Бурибаева М.А. Тюркские слова в русском языке как результат языковых контактов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 1(22). – С. 99-105.
35. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
36. Вановская Л.А. Семантика русской одежды (на материале Тамбовских говоров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Тамбов, 2003. – 22 с.
37. Васильев М.И. Русский крестьянский транспорт в традиционной праздничной обрядности XIX – первой трети XX в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 66. – С. 170-177.
38. Вейнберг Л. Б. Город Воронеж. Исторический очерк. – Воронеж : Типо-литография губернского правления, 1886. – 207 с.
39. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М. : Индрик, 1998. – 240 с.
40. Веселовский Г.М. Город Острогожск (Воронежской губернии) и его уезд : ист.-стат. и этногр. очерк с планом города и геогр. картой уезда. – Воронеж : Тип. губерн. правления, 1867. – 220 с.
41. Виноградов В.В. Из истории лексических взаимоотношений между русскими диалектами и литературным языком // Бюллетень Диалектологического сектора Института русского языка АН СССР. – М. : Л., 1948. – Вып. 3. – С. 59-65.
42. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – 492 с.

43. Волгина Е., Николаева Е.А. Русский свадебный обряд в Мордовии : традиции и современность // Карповские чтения. – Арзамас, 2010. – Вып. 3. – С. 80-88.
44. Вопросы теории лингвистической географии / Р.И. Аванесов [и др.]; под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 253 с.
45. Воронежская молвь : Материалы для тематических словарей Воронежского края / под ред. доц. В.Ф. Филатовой. – Борисоглебск, 2008. – 86 с.
46. Воронина Т.Е. Сельскохозяйственная лексика украинских говоров Воронежской области : дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1970. – 320 с.
47. Второв Н.И. О заселении Воронежской губернии // Воронежская беседа на 1861 г. – Воронеж, 1861. – С. 246-272.
48. Герд А.С. Введение в этнолингвистику : учеб. пособие. – СПб. : С-Петербург. ун-т, 1995. – 92 с.
49. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М. : Наука, 1977. – 703 с.
50. Головин В.Г., Головина Л.И., Провоторова Е.А. Говоры Липецкой области. Пособие по краеведению : учеб. пособие. – Воронеж : ВГПИ, 1987. – 78 с.
51. Головина Э.Д. Формальная вариантность в речи диалектного типа : учебное пособие по спецкурсу. – Киров : Кир. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина, 1991. – 100 с.
52. Гончарова Л.И. Наименования посуды и кухонной утвари в воронежских говорах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2012. – 254 с.
53. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. – Л., 1978. – С. 17.
54. Горожанина С.В., Зайцева Л.М. Русский народный свадебный костюм. – М. : Культура и традиции, 2003. – 128 с.

55. Горяинова А.С. Святочные песни, игры и свадебный обряд сел Павловского района воронежской области (сс. Воронцовка, Большая Казинка, ЛСВ. Павл., Гаврильск, Русская Буйловка) // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения : сб. статей. Материалы научной региональной конференции 2012 г. / Воронежский государственный университет. – Воронеж : ИПЦ «Научная книга», 2012. – С. 165-174. – (Афанасьевский сборник: материалы и исследования; вып. XII)

56. Гревцова Т.Е. Культурная терминология русской свадьбы на восточнославянском фоне: обрядовый хлеб : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ростов н/Д., 2016. – 319 с.

57. Гревцова Т.Е. Названия обрядового хлеба как мотивирующая основа терминов восточнославянской свадьбы (ареальный аспект) // Научный диалог. – 2012. – Вып. 4. – С. 110-123.

58. Грибкова Н.И. Свадебный обряд с. Россошки Репьёвского района Воронежской области // Край Воронежский, Воронеж, 1999. – Вып. 3 – С. 102-115.

59. Григорьева А.Б. Свадьба Среднего Притоболья (поэзия и обряд) : автореф. дис. ... канд. наук: 10.01.09. – Челябинск, 2008. – 23 с.

60. Гринкова Н.П. Воронежские диалекты // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. – Т. 55. – Л., 1947. – 300 с.

61. Громько М.М. Мир русской деревни. – М., 1991. – 448 с.

62. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.

63. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. – М. : Индрик, 2011. – 936 с. – («Традиционная духовная культура славян. Современные исследования»)

64. Гусева С.М. Проблемы традиционности современной русской свадьбы // Русские : Семейный и общественный быт. – М. : Наука, 1989. – С. 221-229.

65. Давыдова Е.В. Современное состояние говоров Воронежской области // *Материалы по русско-славянскому языкознанию : межвуз. сб. науч. тр.* – Воронеж : Петровский сквер, 1994. – Вып. 20. – С. 33-36.

66. Даль В.И. О наречиях русского языка. По поводу опыта областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением Императорской академии наук. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1852. – 72 с.

67. Демидова К.И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. Ун-т, 2007. – 110 с.

68. Демидова К.И. О возможностях изучения языковой картины мира в региональном аспекте // *Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования).* – СПб., 2003. – С. 45-51.

69. Демидова К.И. Проблемы изучения местных народных говоров : материалы для спецкурсов и факультативов. – Свердловск, 1976. – 108 с.

70. Демидова К.И. Языковая картина мира в региональном аспекте (научная школа доктора филологических наук, профессора К.И. Демидовой) // *Педагогическое образование в России.* – 2015. – № 12. – С. 47-50.

71. Демидова К.И., Злыдённая Г.А. Ценностный аспект русской диалектной языковой картины мира // *Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования).* – СПб. : Наука, 2006. – С. 74-80.

72. Демина Л.В. Свадебный обряд русского населения Западно-Сибирского Зауралья. – Тюмень, 2011. – 267 с., нот.

73. Демина Л.В. Свадебный обряд славян Тюменской области. – Тюмень : Экспресс, 2005. – 242 с.

74. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М. : Русский язык, 1980. – 253 с.

75. Денисова Н.В. Свадебный обряд Липецкого региона в восточнославянском этнолингвистическом контексте // *Минск – Смоленск – Москва : Этнография славянских народов.* – Смоленск, 2000. – С. 193-198.

76. Домострой [Электронный ресурс]. – М. : Дарь, 2006. – Режим доступа: <http://www.wco.ru/biblio/books/domostroy/main.htm>.

77. Дорохова Е.А. Свадебный обряд села Большебыково Красногвардейского района Белгородской области [Электронный ресурс]. – М., 2014. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/objects/463/svadebnyi-obryad-sela-bolshebykovo-krasnogvardeiskogo-raiona-belgorodskoi-oblasti> (дата обращения: 08.04.2017).

78. Дьякова В.И. Географическая терминология Воронежской области (на славянском ареале) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1973. – 19 с.

79. Дьякова В.И., Черенкова А.Д. История изучения говоров Воронежской области // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. – Воронеж, 2001. – С. 93-99.

80. Дьякова В.И. Об изучении воронежских говоров // Материалы по русско-славянскому языкознанию : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Петровский сквер, 1994. – Вып. 20. – С. 39-43.

81. Еньшина О. Свадебный обряд села Колыбелка Лискинского района Воронежской области // Афанасьевский сборник. – Воронеж, 2009. – Вып. 7. – С. 135-141.

82. Еркоева Т. Русская свадьба. – М. : Яуза, 1998. – 224 с.

83. Ермакова Н.В. Старинная курская свадьба (село Плёхово Суджанского района). – Курск : Курск. гос. ун-т, 2005. – 194 с.

84. Жарких Т.В. Язык воронежских грамот XVII в. (фонетическая система и морфологический строй): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1953. – 19 с.

85. Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. – М., 1980. – 150 с.

86. Жуковская З.В. Говоры западной части Воронежской области : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – М., 1954. – 393 с.

87. Забылин М. Праздники, обряды и обычаи русского народа, собранные М. Забылиным. – М. : Эксмо, 2007. – 606 с.

88. Забылин М. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М., 1992. – 536 с.
89. Загоровская О.В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии ; Ин-т рус. Яз. АН СССР. – М., 1990. – 300 с.
90. Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – 304 с.
91. Зайцева И.К. Некоторые лексические отличия языка народных песен и говоров // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – 1966. – Вып. 2. – С. 90-97.
92. Зайцева И.К. К вопросу о песенных «новообразованиях» // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – 1967. – Вып. 3. – С. 112-120.
93. Зайцева И.К. Архаическая лексика в русской народной песне // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж, 1972. – С. 31-35.
94. Занозина Л.О., Ларина Л.И. Материалы к хрестоматии курских говоров. Часть III: Свадьба (брошюра). – Курск, 1999. – 90 с.
95. Заострожная Ю.С. Кашинский свадебный обряд по материалам личного фонда В.Г. Шоминой в ГАТО // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Памяти Н.П. Кудряшова (1924-1998): Статьи и публикации; ред. М.Л. Логунов, А.А. Петров, Л.Н. Скаковская, Э.Ф. Шафранская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2014. – С. 55-70.
96. Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2 т. Т. 2. – М.: Просвещение, 1965. – 496 с.
97. Звучащая хрестоматия. Южновеликорусские говоры Тамбовской области / авт.-сост. Л.В. Голузо [и др.] ; науч. ред. А.С. Щербак. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – 87 с.
98. Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и переходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. – СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. Наук, 1913. – 544 с.
99. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – 512 с.

100. Зеленин Д.К. Истолкование пережиточных религиозных обрядов // Советская этнография. – 1934. – № 5. – С. 4.
101. Земцов С.Н. Донская свадьба. – Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1989. – 192 с.
102. Золототрубова Е.Н. Словарь говора села Мечётка Бобровского района Воронежской области // Край Воронежский: межвуз. сб. науч. трудов. – 2009. – Вып. V. – С. 105-112.
103. Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М., Наука, 2004. – 248 с.
104. Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник музея антропологии и этнографии – Л., 1929. – Т.8. – С. 144-238.
105. Калинина М.В. Лексико-семантическое поле «Одежда» в донских казачьих говорах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – № 2. – С. 82-85.
106. Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы. – М., Флинта, 2001. – 296 с.
107. Карасева Т.В. Названия пирогов в воронежских говорах // Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Вып. II. Народная культура и проблемы ее изучения. Материалы региональной научной конференции 2002 г. – Воронеж, 2005. – С. 165-174.
108. Карасева Т.В. Названия пищи в воронежских говорах : Этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Воронеж, 2004. – 250 с.
109. Карасева Т.В. Характеристика воронежской крестьянской обрядовой пищи // Этнография Центрального Черноземья России – 2003. – Вып. 2. – С. 33-49.
110. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М., 1976. – 355 с.
111. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. – 1972. – № 1.

112. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность: монография. – 2-е изд. – М.: «УРСС», 2002. – 264 с.
113. Касцюкавец Л.П. Беларускія народныя абрады. – Минск : Беларусь, 1994.
114. Ковалев Г.Ф. Русская и украинская астрономия в говорах Воронежской области // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж, 1997. – Вып. 22. – С. 47-55.
115. Ковалев Г.Ф. Ономастические исследования и изучение родного края // Лингвистическое отечествоведение. – Елец, 2001. – Т. 1. – С. 228-234.
116. Ковалев Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. – Воронеж: Научная книга, 2014. – 447 с.
117. Коготкова Т.С. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой её существования // Славянская лексикография и лексикология. – М. : Наука, 1966. – С. 291-310.
118. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология : Состояние и перспективы. – М. : Наука, 1979. – 335 с.
119. Кожолянюк О. Запрошення гостей у весільному обряді українців, молдаван та румунів Буковини // Русин. – 2010. – № 2(20). – С. 158-167.
120. Козырев В.А. Диалектная лексикология на современном этапе. – Л. : Просвещение, 1986. – 88 с.
121. Колкова Н.А. Русская фразеология в контексте свадебной обрядности // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия : Лингвистика. – Челябинск, 2010. – Вып. 10. – С. 86-91.
122. Комаричева Ю.В. Свадебный обряд Елецкого района Липецкой области (по материалам музыкально-этнографической экспедиции 2006 г.) // Этнография Центрального Черноземья России: сб. науч. трудов. – Вып. 7. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 93-97.
123. Конорева М.А. Календарные обряды и обрядовые песни села Казачок Таловского района Воронежской области // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: сб. статей. Материалы научной региональной

конференции 2012 г. / Воронежский государственный университет. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. – С. 175-182. – (Афанасьевский сборник: материалы и исследования; вып. XII)

124. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.

125. Короткова М.В. Традиции русского быта: энциклопедия. – М.: Дрофа-Плюс, 2008. – 319 с.

126. Коскина В.Н. Русская свадьба. По материалам, собранным во Владимирской области (губернии). – Владимир: Калейдоскоп, 2014. – 464 с.

127. Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. – М., 1993. – 397 с.

128. Костромичева М.В. Лексика свадебного обряда : На материале орловских говоров : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Орел, 1997. – 204 с.

129. Костромичёва М.В. Свадебный обряд Орловского края. – Орел, 2005. – 36 с.

130. Крашенинникова Ю.А. Символика цвета в русских свадебных приговорах // Антропологический форум. – 2011 – № S14. – С. 98-115.

131. Кремер фон, А. Обычай, поверья и предрассудки крестьян села Верхотишанки // Памятная книжка Воронежской губернии на 1870-71 г. – Воронеж, 1871. – С. 274-306.

132. Кретьова В.Н., Лыжова Л. К. Особенности функционирования лексических синонимов, тождественных по значению, в русских народных говорах (на материале говора с. Хренового Новоусманского района Воронежской области) // Известия Воронежского гос. пед. ин-та. – 1972. – Т. 126. – С. 115-122.

133. Кретьова В.Н. Эмоционально-экспрессивные и стилистические синонимы в русских народных говорах // Известия Воронежского гос. пед. ин-та. – 1969. – Т. 68. – С. 163-164.

134. Кривова Н.И. Экспрессивная лексика в говоре села Нижний Карачан // Материалы по русско-славянскому языкознанию: междунар. сб. науч. трудов. – Воронеж, 1985. – С. 71-76.
135. Круглов Ю.Г. Русский обрядовый фольклор. – М. : Современный писатель, 1999. – 362 с.
136. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М., 1986. – 160 с.
137. Кудряшова Р.И., Брысина Е.В. Дериваты с корнем *вечер-* в донских казачьих говорах Волгоградской области и общенародном языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – № 4 (68). – С. 104-108.
138. Кузина Г.В. Лексика одежды: названия головных уборов в орловских говорах (структурно-семантический аспект). – Тула, 2001. – 204 с.
139. Кузнецова В.П. Свадебный обряд Кижской волости // Рябининские чтения-2011. – Петрозаводск, 2011. – С. 87-89.
140. Кузнецова О.Д. О семантической границе диалектного слова // Вопросы семантики. – Калининград, 1984. – С. 85-89.
141. Кузнецова О.Д. Слово в говорах русского языка. – СПб., 1994. – 84 с.
142. Кузнецова Э.В. Русская лексика как система. – Свердловск, 1980. – 89 с.
143. Куйдина Е.П. Ихтиологическая лексика воронежских говоров : дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.01. – Воронеж, 2012. – 284 с.
144. Куренкова Т.Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. акад. М.Ф. Решетнева. – 2006. – № 4. – С. 173-178.
145. Курносова И.М. Лексико-фразеологическая система языка писателей Центрального Черноземья и ее лексикографическая

представленность : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Елец, 2009. – 49 с.

146. Ларин Б.А. Очерки по истории слов в русском языке : История русского языка и общее языкознание. – М., 1977. – 224 с.

147. Ларина Л.И. Лексические украинизмы в курском свадебном обряде (статья) // Материалы для изучения сельских поселений России: Доклады и сообщения 3-й научно-практической конференции. – Ч. 1. Язык. Культура. – М., 1996. – С. 15-17.

148. Ларина Л.И. Народные традиции курян в зоне русско-украинского пограничья (на материале свадебного обряда) (статья) // Курский край.– Курск: Курское областное научное краеведческое общество, 2007. – С. 51-57.

149. Ларина Л.И. Терминология свадебного обряда курского региона в этнолингвистическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 1990. – 19 с.

150. Ларина Л.И. Этнолингвистическое изучение традиционного свадебного обряда и обрядового фольклора // Актуальные задачи собирания и изучения фольклора южных областей России: Материалы II региональной научно-практической конференции. – Воронеж: ВГУ, 1994. – С. 82-83.

151. Лебедева А.А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX-XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. – М. : Наука, 1989. – С. 229-248.

152. Леонтьева Т.В. К истории изучения вербальных репрезентаций обычая и его составляющих в русском языке // Язык и культура. – 2014. – № 2 (26). – С. 57-68.

153. Листрова Ю.Т. Говор с. Отскочное Дмитришевского района Липецкой области : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1953. – 24 с.

154. Литвинова Т.А. Номинации человека как отражение языковой картины мира (на материале воронежских говоров) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Воронеж, 2011. – 177 с.

155. Лукьянова Н.А. Лексика современных говоров как объект изучения : учеб. пособие. – Новосибирск : НГУ, 1983. – 80 с.
156. Лыжова Л.К. Лексическая синонимия в диалекте (на материале говора села Хренового Новоусманского района Воронежской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1973. – 21 с.
157. Максим М. Обряд свадьбы-похорон в русском и румынском фольклоре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Литературоведение. Журналистика. – М., 2011. – № 2. – С. 5-11.
158. Малыхин П.В. Город Нижнедевицк и его уезд // Воронежский литературный сборник. – Воронеж : Тип. В. Гольдштейна, 1861. – Вып. 1. – С. 265-319.
159. Масленникова Р.А. Отлетала лебедушка (Русский свадебный обряд). – Орел : Упринформпечать, МП «Простор», 1992. – 224 с.
160. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX-начала XX в. – М. : Наука, 1984. – 216 с.
161. Материалы к хрестоматии курских говоров : Ч. 3. Свадьба / сост. Л.О. Занозина, Л.И. Ларина. – Курск : Изд-во КГПУ, 1999. – 94 с.
162. Матлин М.Г. Обряд «поиски пропавшего животного» в русской традиционной свадьбе XIX-XX вв. : (К вопросу о формировании и развитии традиции) // Традиционная культура. – М., 2011. – № 3. – С. 80-92.
163. Матлин М.Г. Свадебная игра в «покойника» в празднично-обрядовом пространстве русского села // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1(29). – С. 121-133.
164. Матлин М.Г. Структура и семантика обряда послесвадебного цикла – посещения молодой / молодыми водного источника // Научный диалог. – 2013. – № 6(18): История. Социология. Этнография. – С. 88-110.
165. Меракова Е. Ономаσιологична и семасиологична характеристика на сватбения обред в Средните Родопи. – София, 1995. – 138 с.
166. Михалева А. Визуальная культура девичества // Аналитика культурологи. – 2011. – № 2(20). – С. 149-153.

167. Мораховская О.Н. Системный подход к языку и диалектология // Общеславянский лингвистический атлас : Материалы и исследования. 1981. – М., 1984. – С. 33-51.
168. Небольсина П.А. Языковая картина мира : определение понятия // Труды XV богословской конференции ПСТГУ. – М., 2007. – С. 302-306.
169. Недоступова Л.В. Природа и человек в лексике говора посёлка городского типа Таловая Таловского района Воронежской области: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2013. – 228 с.
170. Ненашева Л.В. Названия женской одежды в говорах Архангельской области // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 1. – С. 115-123.
171. Несветаев Е.В. Диалектный словарь говора села Старая Тойда Аннинского района Воронежской области // Край Воронежский : Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. V. – Воронеж : ВГПУ, 2009. – С. 123-128.
172. Несветаев Е.В. Словарь говора с. Старая Тойда Аннинского района Воронежской области // Воронежское краеведение: традиции и современность: матер. ежегодной областной науч.-практ. краеведческой конференции. 3 декабря 2006 г. – Воронеж, 2008. – С. 161-165.
173. Нефедова Е.А. К вопросу о системной организации тематических групп лексики // Вопросы русского языкознания. – Вып. 3. Проблемы теории и истории русского языка. – М. : МГУ, 1980. – С. 106-118.
174. Нефедова Е.А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. – М. : МГУ, 2008. – 466 с.
175. Нидерле Л. Славянские древности / пер. с чешск. Т. Ковалевой, М. Хазанова, ред. А.Л. Монгайта. – 2-е изд. – М. : Алетей, 2001. – 592 с. – (Славянские древности).
176. Никифорова О.В. Диалектная свадебная лексика в Нижегородской области : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – М., 1997. – 272 с.

177. Никифорова О.В. Наименования одежды в нижегородской свадебной лексике: лингвокультурологический аспект // Приволжский научный вестник. – 2013. – № 8(24), т. 2. – С. 51-56.

178. Никифорова О.В. Наименования друга со стороны жениха в свадебном обряде (на Нижегородском материале) [Электронный ресурс] // Культура и образование. – Декабрь 2014. – № 12. – Режим доступа: <http://vestnik-rzi.ru/2014/12/2633> (дата обращения: 12.12.2014).

179. Николаев Г.А. Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская научная школа // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология: монография; под ред. Е.Н. Шабровой. – СПб.: Наука; Вологда: ВГПУ, 2007. – С. 7-29.

180. Николова В. «Сладкая ракия» в болгарской свадьбе // Славяноведение. – 2000. – № 6. – С. 26-36.

181. Новоселова Т.П. Об изучении тематических групп лексики // Русский язык в школе. – 1972. – № 1. – С. 61-65.

182. Осовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. – М., 1982. – 198 с.

183. Осовецкий И.А. О составлении региональных словарей // Вопросы языкознания. – 1961. – № 4. – С. 75-78.

184. Панова М.В. Названия женских головных уборов в воронежских говорах // Актуальные проблемы русской диалектологии – 2006. – С.148-150.

185. Панова М.В. Названия женской рубахи в воронежских говорах (этнолингвистическое описание) // Лексический атлас русских народных говоров: матер. и исслед. 2001-2004 – СПб., 2004. – С.227-233.

186. Панова М.В. Наименования одежды в русских говорах Воронежской области : Этнолингвистический и ареальный аспекты : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2002. – 296 с.

187. Панова М.В. Народные наименования воронежской одежды // Воронежское лингвокраеведение: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 2005. – Вып. 1. – С. 111-128.

188. Петров А.А. История собирания и изучения свадебного обряда Торопецкого края // Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Памяти Н.П. Кудряшова (1924-1998): Статьи и публикации ; ред. М.Л. Логунов, А.А. Петров, Л.Н. Скаковская, Э.Ф. Шафранская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2014. – С. 30-45.
189. Пецкая Т.А. Синонимия и варианты слова (по материалам псковских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1994. – СПб., 1996. – С. 123-132.
190. Пискунова С.В., Махрачева Т.В., Губарева В.В. Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура) : монография. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2002. – 281 с.
191. Плотникова А.А. Невеста и ребенок в свадебном обряде южных славян // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. – М., 2001. – С. 130-150.
192. Полевые структуры в системе языка : колл. монография / под ред. З.Д. Поповой. – Воронеж, 1989. – 196 с.
193. Поликарпов Ф.И. Бытовые черты из жизни крестьян села Истобного Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1906 г. Отдел III – научно-литературный. – Воронеж, 1906. – С. 1-30.
194. Поликарпов Ф.И. Материалы для изучения южновеликорусских говоров. Нижнедевицкий словарь // Филологические записки. – Воронеж, 1911-1912. – Вып. 1-6.
195. Поликарпов Ф.И. Этнографическая работа в Воронежской губернии в революционные годы (1917-1927) // Народный быт: Материалы и исследования по этнографии воронежского края ; под ред. Ф. И. Поликарпова. – Вып. 1. – Воронеж, 1927. – С. 3-12.
196. Поликарпов Ф. Крестьянская свадьба в селе Перлевке, Землянского уезда // Памятная книжка Воронежской губернии на 1908 год. Отдел III – научно-литературный. – Воронеж, 1908. – С. 25-29.

197. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания) : учебное пособие. – Изд. 2-е, доп. и испр. – М. : URSS, Книжный дом «Либроком», 2009. – 172 с.
198. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж : Истоки, 2002. – 60 с.
199. Потебня А.А. Язык и народность // Собрание трудов. Мысль и язык ; ред. И.В. Пешков. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.
200. Путинцев А.М. О говоре в местности «Хворостань» Воронежской губернии // Живая старина. – 1906. – Вып. 1. – С. 94-128.
201. Путинцев А.М. Пища и напитки в верховом цуканском селе // Народный быт: Материалы и исследования по этнографии воронежского края ; под ред. Ф. И. Поликарпова. – Вып. 1. – Воронеж, 1927. – С. 27-45.
202. Пухова Т.Ф., Клименченко Е.С., Пешкова С.Р. Календарная и свадебная обрядность села Шапошниковка Ольховатского района Воронежской области // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения : сб. статей. Материалы научной региональной конференции 2012 г. / Воронежский государственный университет. – Воронеж : ИПЦ «Научная книга», 2012. – С. 148-164. – (Афанасьевский сборник: материалы и исследования; вып. XII)
203. Пухова Т.Ф. Об этнографическом своеобразии сёл Каширского района // Этнография Центрального Черноземья России. – Воронеж: Истоки, 2004. – Вып. 4. – С. 40-46.
204. Пухова Т.Ф., Еремина Е.А., Котлярова О.Ю. Свадебный обряд с. Першино Нижнедевицкого района Воронежской области // Этнография Центрального Черноземья России: сб. науч. тр. – Воронеж, 2007. – Вып. 6. – С. 126-136.
205. Пухова Т.Ф., Букша М., Телкова О. Свадебный обряд сел Эртильского района Воронежской области // Этнография Центрального Черноземья России : сб. науч. тр. – Воронеж, 2006. – Вып. 5. – С. 58-62.

206. Пухова Т.Ф. Зорюшка вечерняя, солнышко восхожее (Фольклор сел Панинского района) // Отчий край. Этнокультурные особенности Воронежской области. – Воронеж: ГБУК ВО «Журнал «Подъём», 2015. – С. 279-286.

207. Рабинович М.Г. Свадьба в русском городе в XVI в. // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы; под ред. К.В. Чистова, Т.А. Бернштам. – Л., 1978.

208. Радченко О.А., Закуткина Н.А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 25-49.

209. Раков Г.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии (семасиологический и ономазиологический анализ системных отношений в лексике) ; под ред. О.И. Блиновой. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1988. – 272 с.

210. Распопов И.П. Методология и методика лингвистических исследований. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1976. – 112 с.

211. Русские обычаи: обряды, предания и суеверия / [ред.-сост. А.В. Копылова] – М., РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – С. 322-341.

212. Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / [АН СССР, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; под ред. К.В. Чистова и Т.А. Бернштам]. – Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1978. – 280 с.

213. Свадебные песни Верхнемамонского района Воронежской области / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Пухова Т.Ф. и Сысоева Г.Я. ; муз. ред.: Стазаева О.О., Петрина А.А. – Воронеж, 1999. – 125 с.

214. Свиридова Г.Ф. Социально-стилистическая дифференциация лексики современного народного говора : на материале говора села Александровка Хохольского района Воронежской области : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г.Ф. Свиридова ; науч. рук. О.В. Загоровская ; Воронеж. гос. пед. ун-т; 27 дек. 2001 г. – Воронеж, 2001. – 140 с.

215. Селиванов А.В. Этнографические очерки Воронежской губернии : Народные приметы и поверья // Воронежский юбилейный сборник. – Воронеж, 1886. – Т. 2. – С. 69-115.

216. Семенова О.Р. Лексика свадебного обряда в русских говорах Южного Урала // Слово и текст : история, культура, этнос. – Сыктывкар, 2009. – С. 180-184.
217. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
218. Скороходова Е.Ю. Метафорическая номинация в языке и мышлении // Вестник ПСТГУ. Филология. – 2006. – Вып. 1. – С. 97-102.
219. Славинский М.И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии ; науч. ред. А.Н. Акиншин. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2014. – 240 с.
220. Смирнова О.В. Лексика растительного мира в говорах Воронежской области : номинативный и лингвогеографический аспекты : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2002. – 470 с.
221. Собинникова В.И. Влияние украинского языка на говоры Гремяченского района Воронежской области // Славянский сборник. – Воронеж, 1958. – Вып. 2. – С. 47-60.
222. Собинникова В.И. Говоры Гремяченского района // Природа и хозяйство Гремяченского района Воронежской области. – Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1953. – С. 38-56.
223. Собинникова В.И. Простое предложение в русских народных говорах (по материалам говоров Воронежской области). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1961. – 297 с.
224. Собинникова В.И. Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремяченского района Воронежской области). – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1958. – 173 с.
225. Соколова Н.К. Обиходно-бытовая лексика в языке воронежских грамот XVII в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1956. – 17 с.
226. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М. : Наука, 1971. – 294 с.

227. Сороколетов Ф.П. Диалектная лексика как система // Восточнославянское и общее языкознание : сб. ст.; отв. ред. О.Н. Трубачев. – М. : Наука, 1978. – С. 84-90.

228. Сороколетов Ф.П. К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров // Диалектная лексика. – 1975. – Л. : Наука, 1978а. – С. 14-24.

229. Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии ; ред. В.В. Колесов. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – 228 с.

230. Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. – Харьков, 1881.

231. Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов : Избранные труды / сост. А.К. Байбурин ; РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М., 1996. – 295 с.

232. Суханова С.В. Свадебный обряд: традиции и инновации (по материалам Губкинского района Белгородской области) // Этнография Центрального Черноземья России. – Воронеж: Истоки, 2004. – Вып. 4. – С. 110-122.

233. Сысоева Г.Я. Этнографическое содержание Мамонской традиционной свадьбы // Свадебные песни Верхнемамонского района Воронежской области ; сост. Т.Ф. Пухова и Г.Я. Сысоева. – Воронеж, 1999. – С. 5-16.

234. Сысоева Г.Я. Воронежские песенные традиции // Отчий край. Этнокультурные особенности Воронежской области. – Воронеж : ГБУК ВО «Журнал «Подъём», 2015. – С. 236-253.

235. Сысоева Г.Я. Свадебный обряд села Россошки Репьевского района Воронежской области [Электронный ресурс]. – Воронеж, 2015а. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/objects/521/svadebnyi-obryad-sela-rossoshki-repjevskogo-raiona-voronezhskoi-oblasti> (дата обращения 18.03.2017).

236. Тарадин И.П. Воронежская деревня. Вып. 1. Слобода Ровеньки. – Воронеж : Изд-во Воронежского краевед. общества, 1926. – 171 с.

237. Тарадин И.П. Золотое дно : Экономика, история, культура и быт волости Центральнoчернозёмной области. – Воронеж : Изд-во Воронежского краевед. общества, 1928. – 333 с.

238. Тараканова Д.А. Механизмы перевода значения диалектного слова из «бытового» в символическое // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 354. – С. 27-30.

239. Таратынова Н.Ю. Лексика свадебного обряда (по материалам псковских говоров) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тамбов, 2008. – 291 с.

240. Терещенко А.В. Быт русского народа. – М., Русская книга, 1999. – С. 4-87.

241. Тимофеева Л.В. Традиции и новации в русском свадебном обряде : дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01. – М., 2004. – 170 с.

242. Титовская В.В. Бытовой словарь говора села Верхняя Тойда Аннинского района Воронежской области. – Воронеж, 1949. – 265 с.

243. Титова Р.Ф. Морфологический строй языка «Азовских записных книг» конца XVII в.: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1955. – 176 с.

244. Тихонова М.В. «Катанка» – традиционное обрядовое блюдо села Россошь Репьевского района Воронежской области // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: сб. статей. Материалы научной региональной конференции 2012 г. / Воронежский государственный университет. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. – С. 129-132. – (Афанасьевский сборник: материалы и исследования; вып. XII)

245. Ткачев Г.Г. Этнографические очерки Богучарского уезда // Памятная книжка Воронежской губернии на 1865-1866 гг. – Воронеж, 1867. – С. 159-233.

246. Толкачева С.П. Художественное оформление традиционного крестьянского костюма русского населения Воронежской губернии конца XIX – начала XX вв. // Фольклор и литература: проблемы изучения : сб. статей. – Воронеж : ВГУ, 2001. – 300 с.

247. Толкачева С.П. Народный костюм Воронежской губернии конца XIX – начала XX века. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2012. – 214 с.

248. Толстой Н.И. Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований // Избранные труды. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология. – М., 1997. – С. 223-243.

249. Толстой Н.И. О предмете этнолингвистики и её роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии : (Язык и этнос) : сб. науч. тр. – Л. : Наука, 1983. – С. 181-190.

250. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.

251. Торопцев И.С. Суффиксальное словопроизводство имен категории общего рода в говоре села Коршева Бобровского района Воронежской области // Учен. зап. Орловского пед. ин-та. – 1958. – Т. 13, вып. 5. – С. 56-90.

252. Торопцев И.С. Суффиксальное словопроизводство имен существительных, обозначающих лиц мужского пола, в говоре с. Коршева Бобровского района Воронежской области // Учен. зап. Борисоглебского пед. ин-та. – 1958а. – Вып. 4. – С. 3-69.

253. Торопцев И.С. К вопросу о принципах подбора слов для областного словаря в связи с подготовкой словаря орловских говоров // Материалы совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности. – Воронеж, 1959. – С. 39-42.

254. Трегубова Е.Н. Честь и почести: лингвокультурологический анализ аксиологических концептов свадебного обряда // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2012. – №3 (36). – С. 111-121.

255. Тростянский В.И. К изучению местных говоров в Воронежской губернии. – Пг. : Тип. Акад. наук, 1916. – 28 с.

256. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования ; [отв. ред. Н.И. Толстой]. – Изд. 2-е, доп. – М. : Наука, 2003. – 489 с.
257. Узенёва Е. С. Болгарская свадьба : этнолингвистическое исследование. – М. : Индрик, 2010. – 296 с.
258. Українці: народні вірування, повір'я , демонологія. – Вид. 2. – Киев: Либідь, 1992. – 322 с.
259. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М., 1968. – 272 с.
260. Федоровъ Петр (свящ.). Религіозныя обычаи, повѣрья и суевѣрія жителей слободы Ендовища, Землянскаго уѣзда, и выдѣлившихся изъ нея приходовъ с.с. Латанаго и Шумейки // Воронежская старина. – Вып. 2. – Воронеж, 1903. – С. 250-280.
261. Федароўскі М. Люд беларускі. Вяселле. – Мінск: Польша, 1991. – 142 с. – (Літаратурныя помнікі Беларусі)
262. Федянович Т.П. Черты сходства свадебной обрядности русских и мордвы // Русский национальный свадебный обряд : Материалы и исследования. – Л., 1979. – С. 259-274.
263. Филатов К. Очерк народных говоров Воронежской губернии // Русский филологический вестник. – Варшава, 1898. – Т. 39. – 240 с.
264. Филатова В.Ф. Классификация обрядовой лексики (на материале обрядовой лексики восточной части Воронежской области) // Воронежское краеведение: опыт и перспективы развития. Тезисы докл. и сообщ. 25-26 ноября 1989. – 1991. – С. 122-125.
265. Филатова В.Ф. Магический дискурс : монография ; Борисоглебский государственный педагогический институт. – Воронеж, 2010. – 338 с.
266. Филатова В.Ф. О разграничении лексики конкретно-бытовой семантики и обрядовых слов (на материале диалектной лексики восточной части Воронежской области) // Воронежское краеведение: сб. науч. ст. – Воронеж, 1991а. – Вып. 1. – С. 88-96.

267. Филатова В.Ф. Обряд и обрядовая лексика в этнолингвосомиотическом аспекте : на материале говоров восточной части Воронежской области : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Воронеж : ВГУ, 1995. – 222 с.

268. Филатова В.Ф. Природа обрядового знака и отражение его в описательной лексике (на материале восточных говоров Воронежской области) // Материалы по русско-славянскому языкознанию: межвуз. сб. науч. тр. – 1997. – Вып. 22. – С. 107-115.

269. Филатова В.Ф. Родинная магия // Материалы по русско-славянскому языкознанию: междунар. сб. науч. тр. – Вып. 29. – Ч. 2. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2008. – С. 178-184.

270. Филатова В.Ф. Триада рождение – жизнь (брак) – смерть в обрядах Воронежской области // Опыт исследования народных традиционных обрядов Воронежского края: сб. науч. тр. – Борисоглебск, 1998. – С. 14-53.

271. Филин Ф.П. Несколько замечаний о характере лексических диалектизмов // Вопросы славянского языкознания. – Кн. 1. – Львов, 1948. – С. 221-225.

272. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. – М., 1982. – С. 227-238.

273. Филин Ф.П. О так называемом диалектном языке // Вопросы языкознания. – 1981. – № 2. – С. 36-43.

274. Филонович С.А. Свадебный обряд украинских сел Суджанского района Курской области // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: сб. статей. Материалы научной региональной конференции 2012 г. / Воронежский государственный университет. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. – С. 133-140. – (Афанасьевский сборник: материалы и исследования; вып. XII).

275. Финько О.С. Вариативность в структуре и терминологии кубанской семейной обрядности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 11-2 (41). – С. 200-203.

276. Финько О.С. *Гильце́* и *шишка* в кубанской свадьбе // Русская речь. – 2012. – № 1. – С. 100-105.
277. Финько О.С. Лексика свадебного обряда Кубани (на материале обрядовой практики станицы Черноерковской Краснодарского края) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Курск, 2011. – 19 с.
278. Финько О.С. О семантике полотенца в кубанской семейной обрядности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014а. – № 7-2 (37). – С. 195-198.
279. Финько О.С. Свадебный обряд Кубани: опыт этнолингвистического исследования: монография. – Славянск-на-Кубани, 2015. – 203 с.
280. Херольянц Р.В. Лексико-семантическая характеристика говора сёл Каширского, Коломенского, Московского Новоусманского района Воронежской области : дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1966. – 356 с.
281. Херольянц Р.В., Кретьова В.Н. Лексическая синонимия в народных говорах // Известия Ворон. пед. ин-та. – Воронеж, 1966а. – Т. 53.
282. Хитрова В.И. Местная лексика в языке воронежских рукописных памятников XVII-первой четверти XVIII вв. : дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1972. – 440 с.
283. Хитрова В.И. Семантические диалектизмы в воронежской деловой письменности XVII в. // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж, 1974. – С. 153-159.
284. Христова Г.П. Рукописные материалы сельских краеведов (о свадебном обряде села Новый Курлак Аннинского района Воронежской области // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения : сб. статей. Материалы научной региональной конференции 2012 г. / Воронежский государственный университет. – Воронеж : «Научная книга», 2012. – С. 119-128. – (Афанасьевский сборник: материалы и исследования; вып. XII)
285. Христова Г.П. Традиции свадебного обряда в сёлах Лискинского района Воронежской области // Афанасьевский сборник: Материалы и исследования. – Воронеж: ВГУ, 2006. – Вып. IV. – С. 45-55.

286. Христова Г.П. Свадебный обряд села Первомайское Россошанского района Воронежской области [Электронный ресурс]. – Воронеж, 2015. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/objects/2135/svadebnyi-obryad-sela-pervomaiskoe-rossoshanskogo-raiona-voronezhskoi-oblasti> (дата обращения: 23.05.2017).

287. Христова Г.П. Свадебный обряд украинцев села Урыв Острогожского района Воронежской области [Электронный ресурс]. – Воронеж, 2015а. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/objects/1922/svadebnyi-obryad-ukraincev-sela-uryv-ostrogozhskogo-raiona-voronezhskoi-oblasti> (дата обращения: 07.06.2017).

288. Христова Г.П., Ревнева С.Н. Календарные праздники и обряды Воронежской области // Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области. Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. – Вып. III; сост. Пухова Т.Ф., Христова Г.П. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2005. – С. 7-21.

289. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии учеб. пособие ; под ред. В.Д. Бондалетова. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 184 с.

290. Цветкова Е.В. Свадебный обряд села Новая Усмань Воронежской области (по рукописным материалам архивов и современным записям) // Этнография Центрального Черноземья России. – Воронеж: Истоки, 2004. – Вып. 4. – С. 130-140.

291. Чарина О.И. Русские свадебные песни Воронежской области: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. – Воронеж, 1997. – 181 с.

292. Черенкова А.Д. Основные задачи изучения говоров Воронежской области // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. – Воронеж, 2007. – С. 276-281.

293. Черенкова А.Д. Противопоставленные и непротивопоставленные диалектные различия в лексике свадебного обряда в говорах Воронежской и Белгородской областей // Лексический атлас русских народных говоров – 1998. – СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 2001. – С. 222-228.

294. Чижик-Полейко А.И. Говор с. Николаевки Грибановского района Воронежской обл. // Материалы по изучению южнорусских говоров и памятников письменности. – Воронеж, 1964.

295. Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. – М., 1988. – 254 с.
296. Чижикова Л.Н. Свадебная обрядность сельского населения Курской губернии в XIX-н. XX в. // Русские : Семейный и общественный быт. – М. : Наука, 1989. – С. 171-198.
297. Чистов К.В. Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов русского Севера // Фольклор и этнография – Л., 1974. – С. 16.
298. Чистов К.В. Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян (очерки традиционной культуры) – М., 1987. – С. 396-416.
299. Чистов К.В. Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного ритуала // Проблемы типологии в этнографии. – М., 1979. – С. 223-230.
300. Шабулдаева Н.И. Названия хлеба с добавками животного происхождения в восточнославянских языках // Материалы по русско-славянскому языкознанию: междунар. сб. науч. тр. – Вып. 29. – Ч. 2. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008. – С. 239-248.
301. Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. – Пг., 1916. – 146 с.
302. Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. – Петроград, 1916. – 403 с. (ПВЛ I)
303. Швецова Е.И. Этнографическая лексика сёл Березняги и Краснофлотское Петропавловского района, Верхнее Турово Нижнедевицкого района Воронежской области // Край Воронежский : Межвуз. студенч. сб. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1998. – Вып. 2. – С. 66-70.
304. Шевченко Е.А. Свадебный обряд Лузского района Кировской области : (Функциональные аспекты поэтических жанров) : монография. – Сыктывкар, 2010. – 287 с.
305. Шестакова Е.Н. Устойчивые словосочетания в говорах Воронежской области : (На материале говоров Аннинского района) : дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1967. – 351 с.

306. Шифрин Л. Как играют собаки! : для чего кур, поросят и псов каждый день привозят на репетиции: [о народном театре села Морозовка Россошанского района] // Воронежский курьер. – 2017. – 4-10 апр. (№ 14). – С. 12-13.
307. Шишкова Н.Э. Лексика русской свадебной обрядовой песни: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Курск, 2000. – 248 с.
308. Щетинина А. Свадебный обряд села Секирино Скопинского района Рязанской области // Афанасьевский сборник. – Воронеж, 2009. – Вып. 7. – С. 216-225.
309. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. – М. : Наука, 1974. – 256 с.
310. Юмсунова Т.Б. Лексика свадебного обряда у семейских Забайкалья // Лексический атлас русских народных говоров – 1998. – СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 2001. – С. 119-131.
311. Юналеева Р.А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования). – Казань : Таглитмат, 2000. – 172 с.
312. Kowalow G. Микротопоним *плант* как показатель былого присутствия поляков на Воронежской земле // *Slavia orientalis*. – 2017. – Vol. LXVI. – No. 1. – S. 129-137.
313. Ogrodowska B. Zwyczaje, obrzędy i tradycje w Polsce: mały słownik. – Wyd. 2. – Warszawa : Verbinum, 2001.
314. Szymanderska H. Śluby polskie. Tradycje, zwyczaje, przepisy. – Świat książki, 2008. – 328 s.
315. Schramm W. Ludowe obrzędy weselne: we wsiach doliny hoczewki i tarnawki ziemi sanockiej. – Polskie Tow. Ludoznawcze, 1958. – 124 s.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

- 1 Мая ВРН. – посёлок 1 Мая, г. Воронеж
- I НКЛС. Вороб. – село Никольское 1-е Воробьёвского района
- АЛСДР. Н.-Усм. – село Александровка Новоусманского района
- АЛСДР. Тал. – село Александровка Таловского района
- АНШ. Лиск. – село Аношкино Лискинского района
- АРТ. Аннин. – село Артюшкино Аннинского района
- АРХ. Хохол. – село Архангельское Хохольского района
- Б. ВРК. Рам. – село Большая Верейка Рамонского района
- Б. ПРВ. Верхнехав. – село Большая Приваловка Верхнехавского района
- Б. СМВ. Эрт. – село Большой Самовец Эртильского района
- Б.МТР. Эрт. – село Битюг-Матрёновка Эртильского района
- ББК. Н.-Усм. – село Бабяково Новоусманского района
- БВ. Кашир. – село Боево Каширского района
- БДВ. Лиск. – село Бодеевка Лискинского района
- БИРЮЧ Тал. – село Бирюч Таловского района
- БЛГ. Подгор. – село Белогорье Подгоренского района
- БНД. Кант. – село Бондарево Кантемировского района
- БОБРОВ Бобр. – г. Бобров Бобровского района
- БОРОВОЕ ВРН. – посёлок Боровое, г. Воронеж
- БРД. Аннин. – село Бродовое Аннинского района
- БРЗ. Аннин. – село Берёзовка Аннинского района
- БРЗ. Остр. – село Берёзово Острогожского района
- БРТ. Терн. – село Братки Терновского района
- БРЩ. Хохол. – село Борщёво Хохольского района
- БТР. Реп. – село Бутырки Репьевского района
- БЧК. Петропавл. – село Бычок Петропавловского района
- В. ИКР. Бобр. – село Верхний Икорец Бобровского района
- В. КРЧ. Гриб. – село Верхний Карачан Грибановского района

В. МТР. Добрин. р-на Лип. обл. – село Верхняя Матрёнка Добринского района Липецкой области

В. МАМОН Верхнемамон. – село Верхний Мамон Верхнемамонского района

В. ТРВ. Нижнедев. – село Верхнее Турово Нижнедевицкого района

В. ТШН. Тал. – село Верхняя Тишанка Таловского района

ВРН. – г. Воронеж

ВРТ. Остр. – село Веретье Острогожского района

ВСК. Лиск. – село Высокое Лискинского района

ВСЛ. Гриб. – село Васильевка Грибановского района

ВШЛ. Лип. – село Вешаловка Липецкого района Липецкой области

ГЛС. Семил. – село Голосновка Семилукского района

ГРЖ. Рам. – село Горожанка Рамонского района

ГРИГ. Подгор. – хутор Григорьевка Подгоренского района

ГРМ. Кант. – село Гармашевка Кантемировского района

ГРМ. Хохол. – село Гремячье Хохольского района

ГРН. Вороб. – хутор Гринёв Воробьёвского района

ДМТР. Эрт. – посёлок Дмитриевка Эртильского района

ДБР. Лиск. – село Добрино Лискинского района

ДВД. Лиск. – городское поселение Давыдовка Лискинского района

ДВЦ. Семил. – село Девица Семилукского района

ДЛ. ПЛБ. Остр. – село Дальняя Полубянка Острогожского района

ДНК. Кашир. – село Данково Каширского района

ДНС. Верхнемамон. – хутор Донской Верхнемамонского района

ДРЗ. Ольх. – хутор Дроздово Ольховатского района

ДРК. Лиск. – село Дракино Лискинского района

ДРК. Реп. – хутор Дракино Репьёвского района

ЕНД. Семил. – село Ендовище Семилукского района

ЕРШ. Павл. – село Ерышёвка Павловского района

ЗАТОН Вороб. – село Затон Воробьёвского района

ЗЛЖ. Лиск. – село Залужное Лискинского района

ЗЛМ. Бог. – село Залиман Богучарского района
ЗМС. Петропавл. – хутор Замостье Петропавловского района
ЗЦП. Семил. – хутор Зацепное Семилукского района
ИВН. Рам. – деревня Ивницы Рамонского района
ИСТ. Реп. – село Истобное Репьевского района
К.-СДВ. Новохоп. – село Каменка-Садовка Новохопёрского района
КАРП. Кам. – село Карпенково Каменского района
КЗЛ. Бутур. – село Козловка Бутурлиновского района
КЗЛ. Терн. – село Козловка Терновского района
КЗЧ. Тал. – село Казачок Таловского района
КЛБ. Лиск. – село Колыбелка Лискинского района
КЛДЗ. Кашир. – посёлок Колодезный Каширского района
КЛП. Бутур. – село Клёповка Бутурлиновского района
КМГ. Нижнедев. – хутор Комяга Нижнедевицкого района
КПН. Лиск. – село Копанице Лискинского района
КР. ЛИМАН Пан. – село Красный Лиман Панинского района
КР. ЛОГ Кашир. – село Красный Лог Каширского района
КРН. Остр. – село Криница Острогожского района
КРП. Подгор. – хутор Кирпичи Подгоренского района
КРС. ЛП. Реп. – село Краснолипые Репьевского района
КРС. Пан. – село Красное Панинского района
КРС. ПЛ. Вороб. – село Краснополье Воробьёвского района
КРСЛС. Врн. – посёлок Краснолесный, г. Воронеж
КРТ. Остр. – село Коротояк Острогожского района
КРЧ. Рам. – село Карачун Рамонского района
КРШ. Бобр. – село Коршево Бобровского района
КСТ. Хохол. – село Костёнки Хохольского района
КУВШ. Подгор. – хутор Кувшин Подгоренского района
КЧГ. Нижнедев. – село Кучугуры Нижнедевицкого района
КЧТ. Хохол. – село Кочетовка Хохольского района

КШР. Кашир. – село Каширское Каширского района
КШР. Подгор. – посёлок Кошарное Подгоренского района
ЛКВ. Подгор. – село Лыково Подгоренского района
ЛМВ. Рам. – село Ломово Рамонского района
ЛОМЫ Вороб. – хутор Ломы Воробьёвского района
ЛПГ. Терн. – село Липяги Терновского района
ЛСВ. Павл. – село Лосево Павловского района
М. ПРВ. Верхнехав. – село Малая Приваловка Верхнехавского района
М. СМВ. Верхнехав. – посёлок Малый Самовец Верхнехавского района
М. ЯСР. Эрт. – село Малые Ясырки Эртильского района
МДВ. Рам. – деревня Медовка Рамонского района
МДВЖ. Семил. – село Медвежье Семилукского района
МЛШ. Ворон. – посёлок Малышево, г. Воронеж
МРЗ. Россош. – село Морозовка Россошанского района
МРЧ. Ольх. – село Марченковка Ольховатского района
МСЛ. Врн. – посёлок Масловка, г. Воронеж
МСЛС. Кашир. – село Мосальское Каширского района
МСТ. Остр. – село Мастюгино Острогожского района
МХВ. Рам. – деревня Моховатка Рамонского района
МХН. Нижнедев. – село Михнёво Нижнедевицкого района
МЧТ. Бобр. – село Мечётка Бобровского района
Н. ОЛШ. Нижнедев. – село Новая Ольшанка Нижнедевицкого района
Н. ЧИГЛА Тал. – село Новая Чигла Таловского района
Н.-АЛКСДР. Подгор. – хутор Новоалександровка Подгоренского района
Н.-Врн. – г. Нововоронеж
Н.ЖВТ. Рам. – село Новоживотинное Рамонского района
Н.СЛД. Реп. – село Новосолдатка Репьевского района
Н.СЛС. Семил. – село Новосильское Семилукского района
НВБ. Кант. – село Новобелая Кантемировского района
НГЕ. Гриб. – село Новогольелань Грибановского района

НЖ. ВДГ. Семил. – село Нижняя Ведуга Семилукского района
НЖ. ИКР. Лиск. – село Нижний Икорец Лискинского района
НЖ. КРЧ. Гриб. – село Нижний Карачан Грибановского района
НЖ. КТХ. Н.-Усм. – село Нижняя Катуховка Новоусманского района
НЖ. МАМОН Вехнемамон. – село Нижний Мамон Верхнемамонского района
НЖ. МРН. Лиск. – село Нижнее Марьино Лискинского района
НЗР. Ольх. – хутор Назаровка Ольховатского района
НКЛ. Терн. – село Николаевка Терновского района
НКЛС. Вороб. – село Никольское Воробьёвского района
НТР. Тал. – посёлок Новотроицкий Таловского района
ОДЦ. Реп. – село Одинцовка Репьёвского района
ОРЛ. Н.-Усм. – село Орлово Новоусманского района
ОРЛ. Тал. – село Орловка Таловского района
ОСК. Хохол. – село Оськино Хохольского района
ОСТР. Остр. – г. Острогожск Острогожского района
ПАНИНО Пан. – пгт Панино Панинского района
ПЕРВОМ. Россош. – село Первомайское Россошанского района
ПЛН. Нижнедев. – хутор Поляна Нижнедевицкого района
ПЛС. Бог. – село Плесновка Богучарского района
ПЛТ. Реп. – село Платава Репьёвского района
ППВ. Россош. – село Поповка Россошанского района
ПР. ХАВА Верхнехав. – село Правая Хава Верхнехавского района
ПРВ. Калач. – село Переволочное Калачеевского района
ПРЛ. Семил. – село Перлёвка Семилукского района
ПРЧ. Верхнемамон. – село Приречное Верхнемамонского района
ПСК. Повор. – село Пески Поворинского района
ПСКВ. Лиск. – село Песковатка Лискинского района
ПСР. Кант. – село Писаревка Кантемировского района
ПТН. Хохол. – село Петино Хохольского района
ПТР. Павл. – село Петровка Павловского района

ПЧЛ. Бобр. – село Пчелиновка Бобровского района
ПЧЛ. Рам. – село Пчельники Рамонского района
Р. БЛВ. Павл. – село Русская Буйловка Павловского района
Р. ГВЗ. Рам. – село Русская Гвоздѣвка Рамонского района
Р. ЖРВ. Верхнемамон. – село Русская Журавка Верхнемамонского района
Р. ХАВА Н.-Усм. – село Рождественская Хава Новоусманского района
Р. ТРС. Остр. – село Русская Тростянка Острогожского района
РГЧ. Н.-Усм. – село Рогачѣвка Новоусманского района
РДН. Реп. – село Родники Репьѣвского района
РЕП. Реп. – село Репьѣвка Репьѣвского района
РМН. Аннин. – село Рамонье Аннинского района
РОССОШЬ Россош. – г. Россошь Россошанского района
РПН. Врн. – микрорайон Репное, г. Воронеж
РСТ. Эрт. – село Ростоши Эртильского района
РСШ. Реп. – село Россошь Репьѣвского района
РСШК. Реп. – село Россошки Репьѣвского района
С. ЛПГ. Нижнедев. – село Синие Липяги Нижнедевицкого района
С. МЛВ. Петропавл. – село Старая Меловая Петропавловского района
СВТ. Калач. – село Советское Калачеевского района
СЕМ. ВЫСЕЛКИ Врн. – Семилукские Выселки, г. Воронеж
СЛВ. Лиск. – село Селявное Лискинского района
СЛД. Остр. – село Солдатское Острогожского района
СР. ИКР. Лиск. – село Средний Икорец Лискинского района
СР. КРЧ. Гриб. – село Средний Карачан Грибановского района
СТ. ВДГ. Семил. – село Старая Ведуга Семилукского района
СТ. КРШ. Петропавл. – село Старая Криуша Петропавловского района
СТ. КУРЛАК Аннин. – село Старый Курлак Аннинского района
СТ. НКЛС. Хохол. – село Староникольское Хохольского района
СТ. ТД. Аннин. – село Старая Тойда Аннинского района
СТ. ХВРС. Лиск. – село Старая Хворостань Лискинского района

СТ. ЧИГЛА Аннин. – село Старая Чигла Аннинского района
СТРЖ. I Остр. – село Сторожевое 1-е Острогожского района
СТТЛ. Бог. – село Старотолучеево Богучарского района
СУХ. БРЗ. Бобр. – село Сухая Берёзовка Бобровского района
ТАЛОВАЯ Тал. – пгт Таловая Таловского района
ТД. Пан. – посёлок Тойда Панинского района
ТРМ. Рам. – село Торомчанка Рамонского района
ТРН. Семил. – село Терновое Семилукского района
ТРС. Лиск. – село Тресоруково Лискинского района
ТРЦ. Лиск. – село Троицкое Лискинского района
У. МРВ. Реп. – село Усть-Муравлянка Репьевского района
УРЫВ Остр. – село Урыв Острогожского района
УСТЬЕ Хохол. – село Устье Хохольского района
ФДР. Семил. – деревня Фёдоровка Семилукского района
ХЛБР. Аннин. – село Хлебородное Аннинского района
ХОХОЛ. Хохол. – пгт Хохольский Хохольского района
ХРН. Бобр. – село Хреновое Бобровского района
ЧГР. Борисогл. – село Чигорак Борисоглебского района
ЧРТ. Рам. – село Чертовицы Рамонского района
ШИЛОВО Врн. – посёлок Шилово, г. Воронеж
ШКВ. Верхнехав. – село Шукавка Верхнехавского района
ШПШ. Ольх. – село Шапошниковка Ольховатского района
ШСТ. Бобр. – село Шестаково Бобровского района
ШШВ. Бобр. – село Шишовка Бобровского района
ЩЧ. Эрт. – село Щучье Эртильского района
ЯРКИ Новохоп. – село Ярки Новохопёрского района